

18+

ЭЛЬ КЕННЕДИ

СЧЕТ

«Эта история заставила меня переживать, плакать и смеяться одновременно. Сюжет романа захватил меня с первых страниц и держал в напряжении до самого конца!»

Annotation

Дин точно знает, чего хочет от жизни, и всегда добивается желаемого: успешная спортивная карьера, отличные отметки, популярность и внимание среди противоположного пола. Пока не встречает ее... Элли Хейз только что рассталась с парнем и не намерена вступать в новые отношения. Удастся ли Дину завоевать сердце той, на которую не действуют его чары, и на что он готов пойти ради любви?

- [Эль Кеннеди](#)

-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)

- [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [От автора](#)
 - [Об авторе](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
-

Эль Кеннеди

Счет

Elle Kennedy

The score

Copyright © 2016 by Elle Kennedy

© Прокопьева Е., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Мы можем поговорить?

Пжлста!

Какого хрена, Элли? После всего, что мы пережили, я могу рассчитывать на большее.

Ты же не серьезно, что между нами все кончено, да?

Черт, может, ты ОТВЕТИШЬ мне?

А знаешь что? Да пошло оно все. Хочешь и дальше игнорить меня? Отлично. Мне плевать.

В пятницу вечером я выхожу из тренажерного зала Брайара и по дороге проверяю телефон. Меня ждут шесть непрочитанных сообщений. Все они от Шона, моего парня, который вчера стал бывшим. Конечно, этот эмоциональный переход от мольбы к злобе не остается незамеченным, но я ловлю себя на мысли, что отмечаю его грамматическую ошибку.

«Я могу рассчитывать на большее».

«Расчитывать» вместо «рассчитывать». Сомневаюсь, что это из-за автозамены, потому что Шон действительно не семи пядей во лбу.

Хотя нет, не совсем так. В каких-то вещах он соображает лучше многих. Взять, например, бейсбол – он может назвать вам статистику по любому матчу, даже если тот состоялся в допотопных шестидесятых. Но вот грамотность – не его конек. Да и «лучший в мире парень» – тоже не про него, особенно в последнее время.

Я никогда не стремилась быть одной из тех, кто постоянно сходится-расходится с одним и тем же парнем. И была твердо убеждена, что у меня сильный характер и такого никогда не случится. Но Шон Маккол подчинил меня своей воле с первого года учебы в колледже Брайара. Он очаровал меня элегантным стилем и мальчишеской улыбкой. Ох уж эта его сногсшибательная улыбка... чуть кривая, от которой появляются ямочки на щеках и которая полна обещаний.

Я снова смотрю на телефон, и внутри поднимается настороженность, как ветки плюща на стене здания позади меня. Уф, ну о чем он хочет

поговорить? Прошлым вечером мы сказали друг другу все, что должны были. Когда напоследок, перед тем как в ярости выскочить из дома его братства, я объявила, что между нами все кончено, это было серьезно.

С меня *хватит*. За последние три года это уже наш четвертый разрыв. Я не могу больше вновь и вновь погружаться в этот безумный водоворот радостей и страданий, тем более что человек, с которым я намеревалась связать свое будущее, упорно продолжает тянуть меня на дно.

И все же сердце болит. Непросто расстаться с тем, кто достаточно долго играл чуть ли не главную роль в твоей жизни. Но еще тяжелее, если он отказывается отпускать тебя.

Вздыхнув, я сбегая по ступенькам на выложенную брусчаткой дорожку, которая петляет по всему кампусу. Обычно я иду не спеша, чтобы полюбоваться великолепными старинными зданиями, коваными скамейками и огромными раскидистыми деревьями, – но сегодня мне хочется побыстрее вернуться в общежитие, залезть с головой под одеяло и отгородиться от всего мира. К счастью, мне это удастся, так как соседка по комнате Ханна уехала на выходные и я обойдусь без лекций о том, как опасны для психики страдания в одиночку.

Хотя вчера она не сильно умничала, а наоборот, стопроцентно вошла в режим «лучшая в мире подруга». Когда я ушла от Шона, стоило мне переступить порог, как Ханна уже ждала меня в нашей общей комнате с упаковкой мороженого, коробкой бумажных платочков и двумя бутылками красного вина. А потом она просидела со мной полночи, подавая мне платочки и слушая мою невнятную болтовню.

Паршиво, когда приходится разрывать отношения с кем-то. Я чувствую себя неудачницей и трусихой. Перед смертью мама дала мне последний совет: никогда не отказывайся от того, кого любишь. Вообще-то, она внушила мне это еще до того, как заболела. Не знаю всех деталей, но родители никогда не скрывали от меня, что за восемнадцать лет совместной жизни их брак не раз оказывался под угрозой. Однако они смогли выстоять – приложили *все усилия* для этого.

Каждый раз, когда я думаю о том, что ушла от Шона, меня начинает подташнивать. Может, мне стоило лучше бороться за нас. Ведь я знаю, что он любит меня...

«Если бы он любил тебя, то не стал бы выдвигать ультиматумы, – звучит в голове резкий голос. – Ты поступила правильно».

Горло сжимается, когда я узнаю этот голос. Он принадлежит моему отцу, который всегда и во всем меня поддерживает. Папа считает, что я всегда все делаю правильно.

Жаль только, что Шон не может посмотреть на меня его глазами.

Когда до Бристоль-Хауса, где находится наша с Ханной комната с двумя отдельными спальнями, остается идти минут пять, мой телефон начинает вибрировать.

Черт, еще одно сообщение от Шона.

Черт-черт-черт, потому что там написано:

*Прости, что ругался на тебя, детка. Я не специально.
Просто я очень расстроен. Ты очень много значишь для меня.
Надеюсь, ты знаешь об этом.*

И тут же выскакивает второе СМС:

Приду к тебе после занятий. Мы поговорим.

Я в панике, останавливаюсь как вкопанная. Я не боюсь Шона, в физическом плане – точно. Уверена, он никогда не поднимет на меня руку в порыве ярости. Меня пугает его умение уговаривать меня, что он делает мастерски. Ему достаточно назвать меня «деткой», сверкнуть своей улыбкой – и все, мне конец.

Пока я перечитываю его сообщения, во мне борются злость, ужас и раздражение. Чушь! Он ведь не явится ко мне без приглашения, правда?

Черт, вот дерьмо!

Дрожащими пальцами я набираю номер Ханны. После второго гудка мне отвечает успокаивающий голос подруги.

– Привет! Что случилось? С тобой все в порядке?

На заднем фоне слышен приглушенный разговор. Женский голос принадлежит Грейс Айверс, девушке Логана. Значит, Ханна и ее парень, Гаррет, уже едут в Бостон. Она пригласила Грейс и Логана поехать с ними, но я приглашение отклонила: мне не хочется быть лишней. Две влюбленные парочки и я? Нет уж, увольте.

Теперь же мне хочется оказаться с ними, потому что весь уик-энд я буду одна, а Шон хочет *поговорить*.

– Шон собирается зайти вечером, – тут же слетает с моего языка.

Ханна ахает.

– Что? *Нет!* Зачем ты согласилась...

– Я ни на что не соглашалась! Он даже не спросил моего разрешения. Просто прислал сообщение, написав, что зайдет ко мне.

– Какого черта? – Похоже, Ханна рассердилась не меньше меня.

– Да уж. – Меня вновь охватывает паника. – Мне нельзя встречаться с ним, Хан. Я еще достаточно тяжело переживаю наш разрыв. А если он придет, то ему наверняка удастся уговорить меня сойтись снова.

– Элли...

– Как думаешь, если я выключу везде свет и запру дверь, он уйдет, решив, что меня нет дома?

– Зная Шона? Он прождет под дверью всю ночь. – Ханна ругается себе под нос. – Знаешь, не стоило мне соглашаться ехать на игру «Брюинз». Мне нужно было остаться дома, с тобой. погоди, я попрошу Гаррета развернуться...

– Не вздумай! – обрываю я ее. – Ты не станешь отменять эту поездку из-за меня. Это твой последний шанс как следует повеселиться.

Парень Ханна – капитан хоккейной команды Брайара, и потому, как только начинается сезон, он постоянно занят на тренировках и матчах. Что, в свою очередь, значит, что они с Ханной будут видеться не так уж часто. Не хочу быть человеком, который испортит им столь редко выпадающие свободные выходные.

– Мне просто нужен совет. – Я проглатываю ком в горле. – Пожалуйста, скажи, что мне делать. Может, позвонить Треиси и попроситься к ней переночевать?

– Нет, будет лучше, если ты уедешь из Бристоля, чтобы не столкнуться в коридоре с Шоном. Может, лучше Меган... А, нет, к ней на выходные приехал ее новый парень. Наверняка им захочется побыть наедине. – Ханна задумалась. – А если позвонить Стелле?

– Они с Джастином съехались на прошлой неделе. Не думаю, что они обрадуются неожиданной гостье.

– погоди секунду. – Пауза затягивается. До меня доносится приглушенный голос Гаррета, но я не могу разобрать слов. И вот Ханна снова у телефона. – Гаррет говорит, что ты можешь остаться на весь уик-энд у него. Дин и Так будут дома, так что если Шон все же выяснит, где ты, и решит приехать, они выставят его вон. – На заднем плане снова звучат приглушенные голоса, и Ханна добавляет: – Можешь ночевать в комнате Гаррета.

Я молчу в нерешительности. Господи, это просто смешно. Поверить не могу, что решаю, не переселиться ли мне из-за Шона из собственной же комнаты! Но в голову лезут картинки, как он колотит в мою дверь. Или, еще хуже, выкинет что-нибудь в духе фильма «Скажи что-нибудь» и заявит под мое окно с бумбоксом. О, а если он включит песню Питера Дэбриэла^[1]? Ненавижу ее!

– Ты уверена? – спрашиваю я.

– Ага. Все нормально. Логан уже отправляет сообщения Дину и Такеру. Можешь приезжать, когда захочешь.

По мне прокатывается волна облегчения, но маленькое чувство вины не дает покоя.

– Можешь переключить меня на громкую связь? Я хочу поговорить с Гарретом.

– Конечно, секунду.

Через мгновение я слышу глубокий голос Гаррета Грэхема.

– Чистые простыни в бельеовом шкафу, а еще тебе лучше взять свою подушку. Уэллси считает, что мои очень мягкие.

– Они *правда* слишком мягкие, – возражает Ханна. – Как будто спишь на намокшем зефире.

– Нет, на них спишь как на мягком облаке, – поправляет ее Гаррет. – Поверь мне, Элли, у меня классные подушки. Но на всякий случай возьми свою.

Я смеюсь.

– Спасибо за информацию. А ты уверен, что я никому не помешаю? Мне не хочется навязываться.

– Все нормально, милашка. Просто посмотри своими большими голубыми глазами на Така, похлопай ресницами, и он приготовит тебе классный ужин. О, и Логан приказал Дину держаться от тебя подальше, так что не беспокойся, он не станет приставать к тебе.

А, точно. Дин Хейворд Ди Лаурентис – самый отъявленный бабник в мире. Каждый раз при нашей встрече он пытается залезть мне в трусы. Но я никогда не воспринимала его всерьез – он ведет себя так со *всеми* девушками.

Так что он меня не беспокоит. Я знаю, как урезонить Дина, к тому же Такер может послужить отличным буфером между мной и его озабоченным соседом.

– Спасибо тебе огромное, – говорю я Гаррету. – Seriously, теперь я твоя должница.

– Да брось!

В разговор вновь вступает Ханна.

– Напиши мне, когда приедешь, ладно? А потом выключи телефон, чтобы Шон тебя не доставал.

Я уже говорила, как люблю свою лучшую подругу?

Когда я кладу трубку, то чувствую себя уже намного лучше. Наверное, даже к лучшему, что я уеду из общежития на все выходные. Можно считать

это маленькими каникулами: за эти дни я смогу прийти в себя и собраться с силами. А если рядом будут Такер и Дин, меня не будет подмывать позвонить Шону. В этот раз нам действительно нельзя видаться. Никаких контактов хотя бы в течение нескольких недель. Или месяцев. Или лет.

Если честно, я не знаю, смогу ли пережить наше расставание. Я любила этого парня несколько лет. И Шон бывал очень милым. Как, например, в тот раз, когда я заболела и он принес мне суп. Или когда он...

Стоп, хватит!

В голове раздается вой сирен, предупреждающий не делать глупостей. Нет, нельзя идти на попятную. Пусть он может быть милым – но может быть и полной противоположностью, и прошлая ночь это доказала.

Расправив плечи, я ускоряю шаг и решаю ни за что не отклоняться от своего плана. Между мной и Шоном все кончено. Я не буду видаться с ним, писать ему и делать что-то, чтобы наши пути пересеклись.

Объявляю официальное начало Первого дня без Шона.

* * *

Дин

Вечер пятницы, и я развалился на диване в нашей гостиной, попивая пиво, а передо мной целуются две блондинки – очень горячие и совсем голые. Не жизнь, а сказка!

– Лучший вечер в моей жизни, – протяжно произношу я. Мой взгляд следит за руками Келли, которые скользят к торчащим сиськам Мишель. Келли сжимает их, и я издаю стон. – Но он станет еще лучше, если вы, дамы, переберетесь сюда, ко мне.

Девушки, тяжело дыша, отстраняются и смеются, глядя на меня.

– Дай нам повод, – дразнится Келли.

Я выгибаю бровь, обхватываю свой эрегированный член ладонью и медленно провожу рукой вдоль него.

– Такой повод подойдет?

Мишель встает первая, ее груди подскакивают, пока она идет ко мне, виляя попой, а потом она усаживается верхом на мои колени и впивается в меня своим ртом. Через секунду рядом со мной пристраивается Келли, ее теплые мягкие губы присасываются к моей шее. Господи. Мой член напряжен до боли, но эти две богини твердо намерены заставить меня

умолять. Они мучают меня своими поцелуями, долгими и нежными. Нарочитые прикосновения их влажных, озорных язычков и нежные укусы сводят меня с ума.

Хотел бы я сказать, что наше маленькое грязное трио – это для меня что-то новенькое, а прозвище «бабник», которым окрестили меня мои товарищи по команде, – всего лишь преувеличение. Но это не так, а прозвище себя оправдывает. Мне нравится секс. Я много трахаюсь. И плевать я хотел на то, что говорят и думают остальные.

Пальцы Келли сжимаются вокруг моего члена, и это вызывает у меня горловой стон.

– Боже, что я сделал, что мне так повезло?

– Тебе пока еще не повезло, – перебросив свои длинные волосы через плечо, говорит Мишель. – Ты не кончишь до тех пор, пока не кончим мы, не забыл?

Она права: я дал обещание – и намерен сдержать его. Что бы там ни думали обо мне мои друзья-придурки, для меня во время секса на первом месте всегда удовольствие женщины. Или *женщин* в данном случае. Двух прекрасных, ненасытных женщин, которые хотят не только меня, но и друг друга.

Привет, рай! Это Дин Ди Лаурентис. Спасибо, что разрешили мне зайти в гости.

– Ну что ж, тогда, наверное, мне пора начинать, – объявляю я и, опустив Мишель на подушки, опускаю рот к ее грудям.

Захватив губами сосок, я начинаю жадно сосать его, и она стонет, поднимая бедра вверх. Краем глаза я замечаю рядом какое-то движение. Это Келли опускается рядом со мной и начинает лизать второй сосок Мишель. О господи. Мой хриплый стон мог бы разбудить мертвых.

Келли бросает на меня взгляд и улыбается.

– Подумала, что немного помощи тебе не помешает. – И тут она начинает покрывать поцелуями тело Мишель, двигаясь от плоского живота подруги к тому месту, где соединяются бедра.

Забудьте про рай. Это нирвана.

Я перенимаю эстафету у Келли, мои губы двигаются по загорелой коже и лакомым изгибам к тому местечку, от вида которого у меня бегут слюнки. Келли уже лижет его. Святые угодники! Не знаю, хватит ли у меня сил контролировать себя до тех пор, пока они обе не кончат. Я уже так близок к опасному краю.

Стараясь не обращать внимания на пульсацию внизу живота, я облизываю нижнюю губу, опускаю рот к киске Мишель и... И тут раздается

трель чертового дверного звонка.

Проклятье! Я выгибаю шею, чтобы посмотреть на электронные часы на blu-ray-проигрывателе нашего музыкального центра. Половина девятого. Я пытаюсь вспомнить, кто из парней может заявиться ко мне, но сегодня я разговаривал только со своими соседями по дому, и сейчас никого из них нет. Гаррет и Logan уехали в Бостон со своими девушками, а Такер повел в кино какую-то барышню.

– Замрите, я сейчас. – Я дразнящим движением провожу языком по бедру Мишель, затем поднимаюсь с дивана и ищу свои трусы.

Когда мой член надежно спрятан, я отправляюсь в коридор, чтобы открыть дверь. Увидев, кто стоит на крыльце, я прищуриваюсь.

– Ты опоздала, куколка, – говорю я лучшей подруге Ханны. – Твоя подружка уже уехала. Приходи в воскресенье.

Я наклоняюсь, чтобы закрыть дверь. Да, я еще тот невоспитанный сукин сын.

Но стоящая передо мной блондинка успевает просунуть ногу в черном непромокаемом ботинке между дверью и дверным косяком.

– Не будь таким засранцем, Дин. Ты же знаешь, что я поживу у вас в выходные.

Мои брови взмывают вверх.

– Э-э-э, что? – Я внимательно осматриваю ее и теперь замечаю, что на плече у нее висит битком набитый рюкзак, а у ног стоит розовый чемоданчик.

Элли Хейз тяжело вздыхает.

– Logan должен был написать тебе. А теперьпусти меня. Я замерзла.

Я склоняю голову набок. А потом, далеко не нежно, пинаю ее ногу.

– Жди здесь. Сейчас вернусь.

– Ты издеваешься?

Но дверь закрывается прямо посреди ее возмущенного восклицания.

Борясь с раздражением, я возвращаюсь в гостиную. Мишель и Келли, похоже, даже не заметили, что я уходил: они настолько заняты тем, что страстно целуются. Проходит почти минута, прежде чем мне удастся отыскать свой телефон, и когда я наконец поднимаю его с пола, то обнаруживаю, что подруга Ханны говорила правду.

На экране высвечивается, что у меня пять непрочитанных сообщений – но так бывает, когда ты находишься в компании двух горячих девушек. Секс вдвоем важнее, чем телефон. Это и ежу понятно.

Logan: Здорово, бро. Подруга Уэлси, Элли, на этот уик-энд

переедет к нам.

Логан: Держи свой член в штанах. Мы с Джи не хотим бить тебе морду, если ты что-нибудь выкинешь. Но зато Уэлси будет скоро на расправу. Так что: член = штаны = не беспокой нашу гостью.

Ханна: Элли погостит у вас до воскресенья. Сейчас она очень беззащитна и уязвима. Так что не думай воспользоваться этим, иначе очень меня огорчишь. А ты ведь не хочешь меня огорчать, правда?

Я фыркаю. Ханна – сама тактичность, как всегда. Я быстро просматриваю два оставшихся сообщения.

Гаррет: Элли будет жить в моей комнате.

Гаррет: Твой член остается в твоей комнате.

Боже, и почему все так озабочены моим членом?

И почему все это происходит прямо сейчас? Я с сожалением перевожу взгляд на диван. Пальцы Келли сейчас именно там, где хочется оказаться мне.

Я прочищаю горло, и обе девушки поворачиваются ко мне. Взгляд Мишель слегка затуманился от избытка внимания, которое оказывает ей ее подруга.

– Ненавижу так поступать, но вам, дамы, пора по домам, – объявляю я им.

Две пары глаз изумленно таращатся на меня.

– То есть? – вырывается у Келли.

– За дверью стоит нежданный гость, – с досадой объясняю я. – А значит, этот дом только что стал местом категории «12+».

Мишель усмехается.

– С каких пор тебя стало заботить, что кто-то увидит, как ты трахаешься?

И то верно. Обычно мне плевать, есть кто-то рядом или нет. В большинстве случаев я даже предпочитаю первый вариант. Но я не могу выставить свое распутство напоказ подруге Ханне. Как и самой Ханне. И Грейс. Парням все равно. Они знают, что к чему. Но Гаррету и Логану совсем не понравится, если их девушки окажутся под моим тлетворным влиянием. Ступив на путь серьезных отношений, мои бывшие соратники превратились в монахов. И это печально, должен сказать.

– Эта гостья – большая неженка, – сухо отвечаю я. – И она, наверное, упадет в обморок, увидев нас втроем.

– Не упаду, – звучит со стороны двери раздраженный голос Элли.

Я раздражен не меньше нее. Эта барышня только что вошла в дом, как будто живет здесь. Ага, разбежалась.

Я сердито смотрю на нее.

– Я сказал тебе подождать снаружи.

– А я сказала тебе, что замерзла. – Она за словом в карман не полезет. И, похоже, ее совсем не волнует тот факт, что в этой комнате еще две абсолютно голых девушки.

Мои гости разглядывают Элли так, словно она какое-то пятнышко под микроскопом. Потом они морщат носики и отворачиваются, словно она, хм, и есть пятнышко под микроскопом. Обычно девчонки начинают тягаться друг с другом, когда я рядом, но, видимо, Мишель и Келли не видят в Элли конкурентку.

И я бы не стал их винить. На Элли черная дутая куртка, ботинки и митенки, светлые волосы выбиваются из-под красной вязаной шапочки. Стоит первая неделя ноября, еще даже не выпал снег, лишь легкий морозец – нет повода так укутываться. По крайней мере, если у тебя в порядке с головой. Но я начинаю подозревать, что у Элли с ней проблемы, потому что она дерзкой походкой входит в гостиную и плюхается в стоящее напротив дивана кресло.

Расстегивая куртку, Элли смотрит на моих гостей, а затем поворачивается ко мне.

– Можешь перенести свою маленькую вечеринку наверх. А я останусь тут, посмотрю кино.

– Или ты можешь подняться наверх, в комнату Гаррета, и посмотреть кино там, – язвительно отвечаю я. Но если честно, это уже не имеет никакого значения. Она уже убила все настроение, и мне вряд ли будет комфортно предаваться сексуальным утехам с двумя цыпочками, когда в доме еще и лучшая подруга Ханны.

Вздохнув, я поворачиваюсь к девушкам.

– Ну что, в другой раз?

Ни одна не возражает. Видимо, мисс Элли не только *убила* настроение, но и выжгла всю гребаную землю, а потом посыпала ее солью, чтобы изгнать похоть раз и навсегда.

Элли даже не замечает, как девчонки начинают одеваться. Она так занята тем, что снимает с себя многочисленные слои теплой одежды и навешивает их на подлокотник кресла. Без них, в черных легинсах и

свободном полосатом топе она выглядит миниатюрнее. Затем Элли уютно устраивается в огромном мягком кресле.

Я провожаю Келли и Мишель к двери, где каждая из них страстно целует меня, и обе говорят, что будут ждать следующего раза, который я им задолжал. Они уходят, а мои губы распухли и член снова в полной готовности.

Я возвращаюсь в гостиную с хмурым выражением лица.

– Тебе понравилось? – спрашиваю я.

– Что понравилось?

– Обломать мне весь кайф.

Элли смеется.

– А почему ты не позвал Блонди и Блонди-Два наверх? Тебе необязательно было выставлять их только потому, что я здесь.

– Ты правда думаешь, что я мог бы трахаться, зная, что ты сидишь здесь, внизу?

В ответ раздается еще один смешок.

– Ты трахаешься *при всех*. Постоянно. Так какая разница, что я где-то в доме? – Она на мгновение задумывается. – Если только дело не в твоей комнате. Ханна говорила, что ты всегда делаешь это в гостиной. Почему? В твоей кровати клопы?

Я стискиваю зубы.

– Нет.

– Тогда почему ты не хочешь заниматься сексом у себя?

– Потому что... – я не договариваю фразу, а на моем лице снова появляется хмурое выражение. – Кстати, а почему ты здесь? В Бристоль-Хаусе случился пожар?

– Я прячусь. – Она говорит это так, как будто я должен что-то понимать. Потом оглядывает гостиную. – А где Такер? Гаррет сказал, что он будет дома.

– Уехал.

Элли выпячивает нижнюю губу.

– М-да, отстой. Он бы точно захотел посмотреть со мной кино. Но, думаю, придется тебе.

– Из-за тебя я остался без секса, а ты хочешь, чтобы мы вместе посмотрели кино?

– Поверь, ты последний человек, с которым мне бы хотелось провести время, но сейчас я переживаю кризис и, кроме тебя, здесь больше никого нет. Тебе *придется* составить мне компанию, Дин. Иначе я сделаю какую-нибудь глупость, и вся моя жизнь будет разрушена.

Теперь я начинаю припоминать, как Ханна говорила мне, что Элли учится на театральном. Ну да, все верно.

– Пожалуйста!

Она продолжает умоляюще смотреть на меня. А я никогда не мог устоять против огромных голубых глаз, особенно если они принадлежат милым блондинкам с внушительным бюстом.

– Ты победила, – сдаюсь я. – Я составлю тебе компанию.

Лицо Элли озаряется.

– Какое кино будем смотреть?

В горле комом застревает стон. Мой пятничный вечер так хорошо начинался, но теперь вместо секса втроем мне придется нянчиться с лучшей подругой девушки моего лучшего друга.

О, и у меня до сих пор стоит, спасибо прощальным поцелуям Келли и Мишель.

Просто здорово, мать твою.

Мое самообладание зависит от Дина Хейворда Ди Лаурентиса, человека, который не имеет *ни капли* самообладания. А это означает, что я попала. По уши в дерьме.

Но я не буду. Не буду звонить Шону. И пусть двадцать минут назад он прислал мне наше фото, сделанное во время прошлогодней поездки в Мексику. С помощью специального приложения Шон добавил большое красное сердце вокруг наших лиц.

Да, это было отличное путешествие...

Я отбрасываю воспоминания и беру с кофейного столика пульт управления.

– У вас подключен *Netflix*^[2]? – Я оглядываюсь на Дина, который по-прежнему не рад моему присутствию.

И либо у меня разыгралось воображение, либо у него эрекция. Но у меня есть чувство такта: я не буду дразнить его по этому поводу – ведь до того, как я заявила сюда, он почти занялся сексом с двумя девчонками.

Мой взгляд опускается на его голую грудь. Не буду лгать: она у него просто потрясающая. У парня *рельефное* тело. Он высокий, стройный, с фактурными мускулами. И ему идет щетина: светлая поросль волос сексуально оттеняет его идеально вылепленную челюсть. Очень жаль. Таким мерзавцам нельзя быть настолько красивыми.

– Ага. Ты пока выбери что-нибудь, – отвечает он, – а я поднимусь наверх, вздрочну и вернусь к тебе.

– Ладно, по-моему, у меня как раз настроение, чтобы посмотреть... Погоди, что ты сказал?

Но его уже и след простыл, а я с открытым ртом таращусь на пустой дверной проем. Он поднимется наверх, чтобы *что*? Нет, он же пошутил, правда?

Но в голове помимо воли вспыхивают картинки. Дин в своей комнате. Одна рука обхватила член, вторая... обхватила яички? Сжимает простыни? Или, может, он стоит и держится рукой за стол, закусив нижнюю губу, его лицо напряжено...

Но *почему* я пытаюсь разгадать тайну того, как мастурбирует этот

парень?

Отбросив все мысли об этом, я нажимаю кнопку на пульте, нахожу Netflix и загружаю недавно вышедшие фильмы.

Через пять минут, если не меньше, в комнату вальяжной походкой возвращается Дин. К счастью, он надел штаны. Хотя в процессе куда-то подевались его трусы – этот факт не ускользает от моего внимания, потому что его спортивные штаны висят на бедрах так низко, что я почти могу видеть его... короче говоря, те его части, которые мне видеть не хочется.

Но он по-прежнему с голой грудью, а на щеках играет легкий румянец.

– Ты серьезно только что подрочил? – спрашиваю я.

Он кивает так, будто это самое обычное в мире занятие.

– А ты думала, я буду сидеть с синими яйцами и спокойно смотреть кино?

Я изумленно таращусь на него.

– Значит, пока я в доме, трахаться ты не можешь, а вот подняться наверх и сделать *это* – вполне себе?

Он улыбается хищной улыбкой.

– Я мог бы сделать это и здесь, но тогда бы ты не смогла устоять и помогла мне. Я просто старался быть вежливым.

Трудно удержаться и не закатить глаза. Собственно, я и не сопротивляюсь этому порыву.

– Поверь, я бы смогла удержать себя в руках.

– Когда мой член был бы здесь, прямо у тебя на глазах? Ни за что. Ты бы не смогла устоять. – Он выгибает бровь. – У меня отличный член.

– Ага, конечно.

– Ты мне не веришь? Я могу показать тебе фотку. – Он тянется к телефону, лежащему на кофейном столике. Но, передумав, хватается за пояс спортивных штанов. – Хотя зачем? Я могу показать его живьем, если хочешь.

– Не хочу. Ни капельки. – Я показываю на телевизор. – Я уже выбрала, вот этот. Смотрел?

Дин, скорчив гримасу, смотрит на постер фильма на экране.

– Господи, и ты выбрала *это*? Мы могли бы посмотреть как минимум три новых ужастика. Или всю фильмографию Джейсона Стэйтема.

– Никаких ужастиков, – решительно заявляю я. – Мне не нравится, когда страшно.

– Ладно, тогда давай посмотрим какой-нибудь боевик.

– Насилие мне тоже не нравится.

От досады Дин втягивает щеки.

– Куколка, я не собираюсь смотреть кино про... – он, прищурившись, читает описание с экрана, – «женщину, которая пустилась в судьбоносное путешествие после того, как ей диагностировали неизлечимую болезнь». Да ну на хрен!

– Он должен быть классным, – возражаю я. – Этот фильм выиграл «Оскар»!

– А ты знаешь, какие еще фильмы выиграла «Оскар»? «Молчание ягнят», «Челюсти», «Изгоняющий дьявола». – В голосе Дина слышится надменность. – И все это – фильмы ужасов.

– Мы можем спорить об этом всю ночь напролет, но я не собираюсь смотреть ничего из того, где есть кровь, акулы или взрывы. Смирись уже с этим.

Дин сжимает зубы, а потом тяжело вздыхает.

– Ладно. Если пытки этим дерьмовым фильмом мне не избежать, тогда, пожалуй, сперва выкурю косячок.

– Как хочешь, сладкий.

Он направляется к двери, бубня себе под нос.

– погоди, – окликаю я его и быстрым движением достаю из кармана куртки свой мобильник. – Возьми его с собой, а? Если останусь с ним наедине, то боюсь не справиться с искушением и отправить несколько сообщений.

Дин странно смотрит на меня.

– И кому ты так старательно избегаешь писать?

– Моему бывшему. Прошлым вечером мы расстались, но он не прекращает закидывать меня сообщениями.

Проходит пара секунд, и тут он говорит:

– А знаешь что? Ты идешь со мной.

Я не успеваю и глазом моргнуть, как Дин пересекает комнату и вытаскивает меня из кресла. Но стоит моим ногам ступить на паркетный пол, как я теряю равновесие и падаю прямо на его огромную грудь, утыкаясь носом в выпирающую мышцу.

Тут же выпрямившись, я сердито смотрю на Дина.

– Вообще-то, мне было там очень удобно, засранец.

Он же, не обращая внимания на мои слова, то ли ведет, то ли тянет меня за собой на кухню. Я не успела прихватить с собой куртку и поэтому сразу же начинаю дрожать, как только мы выходим на улицу через заднюю дверь.

Голая грудь Дина переливается в свете фонарей на патио. Похоже, ему совсем не холодно, хотя его соски затвердели от морозного ночного

воздуха.

– Уф, у тебя даже соски идеальные, – с досадой замечаю я.

Губы Дина дергаются.

– Хочешь их потрогать?

– Фу, ни за что. Я просто сказала, что они, черт бы их побрал, идеальные. В смысле в идеальной пропорции с твоей грудью.

Он опускает глаза на свои грудные мышцы и на мгновение задумывается.

– И правда. Я *идеальный*. Нужно чаще напоминать себе об этом.

Я фыркаю.

– Ага, а то ты недостаточно самовлюбленный.

– Я самоуверенный, – поправляет меня Дин.

– Самовлюбленный.

– *Самоуверенный*. – Он открывает небольшую жестяную коробочку, которую захватил в кухне, и достает оттуда аккуратно скрученный косяк и зажигалку. Я наблюдаю за ним с мрачным видом.

– Зачем ты вытащил меня сюда? – сердито спрашиваю я. – Я не хочу курить травку.

– Еще как хочешь. – Дин поджигает косяк и, сделав глубокую затяжку, продолжает говорить сквозь облако дыма. – Ты вся такая дерганая и странная. Поверь мне, тебе это нужно.

– Это просто давление обстоятельств, понимаешь ли.

Дин, выгнув бровь, протягивает мне косяк.

– Давай же, детка, – уговаривает меня он, растягивая слова. – Одна затяжка. Все крутые ребята так делают.

Я смеюсь.

– Отвали.

– Ну как хочешь. – Он снова выдыхает, и меня окутывает сладкий запах.

Я даже не помню, когда последний раз курила травку. Если честно, я вовсе не фанат этого занятия, но сегодня мне не помешает отвлечься.

– Ой, ну ладно. Давай сюда. – Я протягиваю руку, пока не передумала.

Дин, сияя улыбкой, отдает мне косяк.

– Вот и умничка. Но не говори Уэллси. Она надерет мне задницу, если узнает, что я развращаю ее лучшую подругу.

Я обхватываю губами сигарету и втягиваю дым в легкие, стараясь не рассмеяться над искренним выражением страха, проступившим на лице Дина. Вообще-то, он прав насчет Ханны. Девчонка остра на язык и ничуть не стесняется этого. За что я и люблю ее.

Следующие несколько минут мы проводим в тишине, передавая друг другу косяк, словно парочка хулиганов, слоняющихся у заправки. Впервые мы оказались наедине, и это так странно: тусоваться на заднем дворе с полуголым Дином Ди Лаурентисом. Если говорить начистоту, я никогда не задумывалась, что собой представляет этот парень. Он самоуверенный, любитель пофлиртовать...

Поверхностный.

Мне становится стыдно за эту мысль, но не стану отрицать: это слово первым приходит на ум, когда я вижу Дина. Ханна говорила мне, что он баснословно богат, и это сразу заметно. Не в том смысле, что он ведет себя пафосно, типа «смотрите, как я купаюсь в своих денежках», нет. Он просто расхаживает с таким видом, словно весь мир – это его устрица. И у меня такое чувство, что он ни разу в жизни не испытывал никаких трудностей. Взглянув на него, вы сразу понимаете, что этот парень получает все, что захочет и когда захочет.

Хм, похоже, марихуана настраивает меня на философский лад и критические рассуждения.

– Значит, тебя бросили? – наконец спрашивает Дин, наблюдая, как я делаю очередную затяжку.

Я выдуваю дым прямо ему в лицо.

– Меня никто не бросал. Это я рассталась с ним.

– С тем парнем, с которым вы встречаетесь... сколько? Целую вечность? Тот парень из братства, да? Стэн?

– Шон. Да, мы то встречаемся, то расстаемся с первого курса.

– Боже мой. Достаточно долго, чтобы трахаться с одним и тем же человеком. И что, секс правда был скучным?

– Почему ты все время говоришь только о сексе? – Я возвращаю ему косяк. – И чтобы ты знал – секс был хорошим.

– Хорошим? – Дин фыркает. – Очень сильная похвала.

Я уже начинаю чувствовать эффект от выкуренной травки и продолжаю расслабленно болтать. В нормальном состоянии я вряд ли бы отважилась довериться этому парню.

– Ладно, под конец он был не самым лучшим, – признаюсь я. – Но это, наверное, лишь потому, что начиная с лета мы то и дело ссорились.

– Это же не первый ваш разрыв, верно? Почему ты все время к нему возвращаешься?

– Потому что я люблю его, – и тут же исправляюсь, – *любила*.

Боже, я и сама не знаю.

– Наши первые расставания случались не потому, что кто-то сделал

что-то не так. Мне казалось, наши отношения развивались настолько стремительно и становились достаточно серьезными. Шел первый год учебы в университете, и мы хотели отрываться по полной и все такое.

– Отрываться по полной – это весело, – серьезным тоном соглашается Дин. – Помню одну горячую телочку, которая облила мой член кленовым сиропом, а потом вылизала его.

– Фу! – Я закатываю глаза. – Но если честно, мне не очень понравилось уходить в отрыв. Я сходила на свидания с парочкой парней, но все они оказались порядочными засранцами. Но зато осознала, насколько хорошо мне было с Шоном.

Дин выдувает очередное облачко дыма.

– Понятно. А потом вы снова расстались?

– Ага. – Воспоминания об этом вызывают волну обиды и гнева. – В тот раз уже из-за того, что он начал меня контролировать, как псих какой-то. Один из членов его братства подкатил ко мне на вечеринке, и Шон решил, что никому не позволено даже смотреть в мою сторону. Он начал диктовать мне, как одеваться, все время писал, чтобы узнать, где я и с кем. Это было невыносимо.

Теперь наступает черед Дина закатывать глаза.

– Говорит девчонка, которая сошлась с ним снова.

– Он обещал, что станет другим. Так и случилось. Шон перестал быть назойливым и стал обходиться со мной еще *лучше* прежнего.

Мои слова, похоже, ничуть не убедили Дина, но мне плевать. Я не жалею о том, что тогда вернулась к Шону. После двух с половиной лет отношений я знала: нам было за что бороться.

– И тут мы подошли к расставанию номер четыре. – От любопытства Дин склоняет голову набок. – Что же произошло?

От этого вопроса мне становится неловко.

– Я уже говорила тебе. Мы часто ссорились.

– По какому поводу?

Слова вылетают сами по себе. Проклятье. Он что, добавил в травку сыворотку правды?

– В большей степени из-за окончания университета и того, что мы будем делать после. Я всегда хотела переехать в Лос-Анджелес и сосредоточиться на своей актерской карьере.

Или в Нью-Йорк... Но об этом я Дину не говорю. Еще ничего не решено, а Дин – последний человек, с кем мне бы хотелось обсуждать настолько важные и значимые шаги. Этот парень не глубже лужи.

– Когда мы только начали встречаться, Шон был не против, но этим

летом он вдруг решил, что не хочет, чтобы я становилась актрисой. Вообще-то, он не хочет, чтобы я работала в принципе. – Я хмурюсь. – Вбил себе в голову, что будет работать в страховой компании своего отца в Вермонте, а я стану счастливой домохозяйкой, которая будет готовить ужины к его возвращению домой.

Дин пожимает плечами.

– Нет ничего плохого в том, чтобы быть домохозяйкой.

– Конечно, нет, но я не хочу быть домохозяйкой, – в отчаянии говорю я. – Я почти четыре года пахала как проклятая, чтобы получить актерскую степень. Мне хочется *использовать* ее. Я хочу быть актрисой и не могу быть с тем, кто не желает поддерживать меня. Он... – я умолкаю, закусив губу.

– Он что?

– Ничего, проехали. – Я выхватываю у Дина косяк и делаю большую затяжку, слишком глубокую, потому что тут же захожусь кашлем. На глазах даже наворачиваются слезы, и, сморгнув их, я вижу, как пара зеленых глаз внимательно наблюдает за мной.

– Что он сделал? – спрашивает Дин низким голосом. – Насколько сильной взбучки он заслужил? Мы с Гарретом надерем ему зад, но если хочешь, чтобы ему сломали парочку костей, спустим на него Логана.

– Никто не будет ломать ничьи кости, тупица. Шон не сделал ничего ужасного, и я не хочу, чтобы вы его били. Все, что от тебя требуется, – забрать мой чертов телефон. – Я пихаю ему в руку свой мобильник. – Держи его от меня подальше все выходные, ладно? Отдавай лишь в том случае, если будут звонить папа, Ханна, Стелла или Мег и... Нет, знаешь, как мы поступим? Я буду проверять телефон несколько раз в день, но под твоим присмотром. Тогда ты сможешь дать мне по рукам, если я попытаюсь написать Шону.

Дин выглядит заинтригованным.

– Значит, я... типа твой опекун, который будет следить за тем, чтобы ты не сорвалась?

– Ага. Мои поздравления, тебе наконец-то выпал шанс сделать хоть что-то стоящее, – с сарказмом отвечаю я.

Дин склоняет голову набок.

– А что я получу взамен?

– Удовлетворение от того, что ты хоть раз в жизни помог кому-то, кроме себя.

– Не-е. Как насчет минета? Я сделаю это за минет.

Я показываю ему средний палец.

– И не мечтай.

– Ну ладно, тогда рукой.

– Хватит быть таким засранцем, пожалуйста. Когда дело касается Шона, у меня пропадает всякая сила воли.

И тут же, словно по заказу, телефон в руке Дина начинает вибрировать. Моя рука сразу тянется выхватить его. Но Дин быстро отступает назад, а потом смотрит на экран.

– Это Шон. – Его рот растягивается в улыбке. – Он скучает по вкусу твоих губ.

Сердце сжимается от боли.

– Еще одно правило: тебе нельзя читать, о чем он пишет.

– Ты взваливаешь на меня слишком много ответственности, куколка. А я ее не люблю.

Прямо удивил.

– Ты справишься, куколка. Я верю в тебя.

Дин делает последнюю затяжку, тушит окурок в пепельнице, а затем идет к раздвижным дверям. Боже, он даже ходит с самоуверенным видом. И выглядит при этом привлекательно. Мой взгляд невольно останавливается на его подтянутой заднице, облепленной тканью штанов. Да-да, я пялюсь на его задницу. Но, блин, у него потрясная задница, а я все-таки *женщина* – как тут не пялиться?

– Знаешь, ты идешь не по тому пути. Лучший способ забыть о ком-то – это переспать с другим, и как можно быстрее.

Слова Дина заставляют меня оторвать глаза от его зада.

– Я еще не готова к этому.

– Еще как готова. Я серьезно, просто найди себе кого-нибудь, чтобы перепихнуться. – Дин раскидывает руки в стороны. – С радостью вызываюсь на эту роль.

Я издаю смешок.

– Мечтать не вредно.

Но в глубине своего сознания я начинаю размышлять о его предложении. Вообще-то, секс, чтобы забыться, – не такая уж плохая идея. Это как, когда упадешь с лошади, тебе сразу советуют снова взобраться на нее. Может, это мне и нужно – снова оказаться в седле? Что-что, а это будет неплохим способом отвлечься от боли в моем сердце.

Но с Дином я этого делать точно не буду. Лучше найти другое седло, в котором не ездила каждая девчонка из Брайара.

– Пока отложим это, – решает Дин.

– Если ты имеешь в виду, что мы отложим эту идиотскую идею и

забудем о ней раз и навсегда, то я согласна.

Дин останавливается у двери, поворачивается ко мне лицом, и его зеленые глаза развратно и медленно осматривают меня с головы до ног.

– Вообще-то, чем больше я думаю об этом, тем больше мне нравится идея помочь тебе забыть обо всем. – Его взгляд задерживается на моей груди. – Мне *очень* нравится эта идея.

Я сдерживаю стон.

– Гаррет пообещал, что ты не будешь приставать ко мне.

– Джи знает, что лучше не давать обещаний по поводу меня, – с широкой улыбкой отвечает Дин, потом он манит меня рукой к себе. – Так мы идем посмотреть кино или как?

Я вхожу в дом вслед за ним. Голова пока туго соображает, но в хорошем смысле, и когда Дин останавливается в коридоре, чтобы подтянуть штаны, которые чуть не свалились с него, я начинаю хихикать, словно это самое смешное, что мне доводилось видеть за всю мою жизнь.

Но веселье сразу же испаряется, как только мы устраиваемся на диване. Дин плюхается прямо рядом со мной, закидывает мускулистую руку мне на плечи и притягивает меня к себе.

Я сердито смотрю на него.

– Почему ты обнимаешь меня?

Дин продолжает сидеть с невинным видом.

– Так я обычно смотрю фильмы.

– Правда? То есть ты обнимаешь и Гаррета, когда смотришь кино вместе с ним?

– Именно так. А если он ведет себя хорошо, то моя рука даже может опуститься в его штаны. – Свободная рука Дина ложится на резинку моих легинсов. – Если ты будешь ласковой, то обещаю быть еще ласковей.

– Ха. Ну уж нет.

Я отбрасываю его руку, уже успев почувствовать жар между ног. Его голая грудь – это что-то невероятное, она манит меня, словно умоляет прикоснуться пальцами ко всем этим рельефным мышцам. И пахнет от него здорово. Океаном. Нет, кокосами. Мысли сильно путаются, но мое сознание не настолько затуманено, чтобы не заметить сладкий трепет моей киски.

О, да что же это такое?! Должно быть, с сексуальной жизнью у меня и правда беда, раз я так реагирую на Дина Ди Лаурентиса.

– А что нам еще делать? – парирует он.

Я показываю пальцем на телевизор.

– Смотреть кино.

– Я бы лучше смотрел на тебя. – Дин поигрывает бровями. – Ну, знаешь, на то, как ты выкрикиваешь мое имя, когда я довожу тебя до оргазма.

В этот раз никакого трепета. Я начинаю неудержимо хохотать.

– Господи, ты опасна для мужского эго. – Он выглядит обиженным.

Я пытаюсь глотнуть воздуха между приливами смеха. Да, я под кайфом, абсолютно расслаблена, не собираюсь фильтровать то, что срывается у меня с языка, и могу насмеяться над Дином сколько душе угодно, а потом просто обвиню во всем травку.

– Прости, но иногда ты перегибаешь палку, – я никак не могу перестать смеяться. – И что, девушки действительно клюют на подобные фразочки?

Дин издает какой-то непонятный звук.

– Ладно, включай уже этот чертов фильм.

– С радостью. – Я жму кнопку на пульте и передвигаюсь в противоположный конец дивана, оставляя между нами расстояние в метр.

Стоит отдать должное Дину: почти минут тридцать он сидит молча. Его взгляд сосредоточен на экране, но краем глаза я улавливаю какие-то его постоянные движения. То он барабанит своими длинными пальцами по бедрам, то проводит рукой по волосам, то тяжело вздыхает, когда мы смотрим, как главная героиня готовит омлет.

Но когда она садится за стол и начинает его есть – в режиме *реального* времени – Дин взрывается, словно потухший вулкан.

– Что за отстойный фильм! – Он стонет. Громко. – Вот. Я это сказал. Чертов фильм – просто *отстой*.

– А я считаю, что он хороший. – Я вру. Фильм невероятно скучный. И даже косячок, который мы недавно раскурили, не сделал его ни капли интереснее, но мне не хочется признаваться в своем неудачном выборе. Нельзя позволять парням вроде Дина выигрывать. Никогда. Он будет вспоминать мне это всю жизнь.

– Ни за что не поверю, что он тебе нравится, – бросает мне вызов Дин.

– А вот и нравится, – продолжаю настаивать на своем я.

Он несколько секунд внимательно смотрит на меня, но мои актерские таланты помогают мне изображать самую невинность.

– Что ж, а мне вот не нравится. Это просто жесть какая-то!

Я предлагаю ему выход из положения.

– Тогда почему бы тебе не подняться наверх и не подрочить снова?

Черт. Не нужно было этого говорить. В зеленых глазах Дина тут же вспыхивает похотливый огонек.

Лениво улыбаясь, он наклоняется ко мне и, растягивая слова, спрашивает:

– А может, ты сделаешь это за меня?

Этот парень неисправим.

– Мы опять вернулись к этой теме? Ты вообще в состоянии принять отказ?

– Незнаком с этим словом. Мне еще никто никогда не отказывал. – Он придвигается еще ближе, опускает ладонь на подушку между нами и начинает медленно поглаживать ткань. – Ну давай же сделаем эту вечеринку интереснее. Мы дома одни... оба привлекательные...

Я фыркаю.

– Будет весело. Секс – это всегда весело.

– Я пас.

– Ладно, тогда как насчет орального секса?

Я притворяюсь, что обдумываю его предложение.

– Я делаю или ты?

– Я. А потом ты. Потому что обычно это делается именно так. – Он широко улыбается. – Ну, круговорот жизни и все такое.

Я не могу удержаться от смеха. Можно говорить что угодно об этом парне, но с ним точно не соскучишься.

– Пас, – снова отвечаю я.

– А может, тогда просто пососемся? – с надеждой спрашивает он.

– Нет.

– Я очень хорошо целуюсь... – Дин делает паузу, словно уверен, что я клюну на это.

– Ха. Значит, это неправда. Когда парень заявляет, что он отлично целуется, на самом деле оказывается, что целуется он отстойно.

– Да? И у тебя есть эмпирическое доказательство этому?

– Конечно. – Конечно, нет. И Дин знает слово «эмпирический»? Ничего себе! Может, все-таки в его голове не только один воздух.

У него такой вид, словно он хочет поспорить со мной, но тут его телефон взрывается оглушительной музыкой. Я морщусь, когда узнаю мелодию.

Ох уж эти мужчины. Они не могут потратить секунду и опустить за собой сиденье унитаза, зато у них всегда найдется время на то, чтобы поставить на рингтон музыкальную заставку спортивно-развлекательного канала.

Лицо Дина озаряется в ту же секунду, как только он видит на экране лицо звонящего. Он отвечает без промедления.

– Максвелл! Как жизнь? – Дин слушает, а потом смотрит на меня полным надежды взглядом. – Хочешь пойти на вечеринку?

Я мотаю головой.

Человеку на том конце трубки приходится выслушать невероятно трагический вздох Дина.

– Прости, мужик, не могу. Я в няньках...

Я шлепаю его по руке.

– ...и она не хочет никуда идти, – пронзая меня взглядом, заканчивает фразу Дин. Потом снова пауза. – Нет, она очень даже взрослая.

Что?

– Я в няньках у совершеннолетней, чувак. Подруга девушки Джи. – Дин говорит так, словно меня нет в комнате. – Мы смотрим тот фильм про женщину, у которой обнаружили рак, и это отстой... в том смысле, что рак сам по себе – это отстой. Я хочу сказать, что с большой симпатией отношусь к людям, которые больны им, но этот фильм просто ужасен. Да... нет, игра во вторник... точно... да, обязательно. Мы сможем встретиться в «Малоун». До скорого, бро.

Он вешает трубку и с сердитым видом поворачивается ко мне.

– Сейчас я мог бы отрываться на вечеринке.

– Никто не заставляет тебя сидеть здесь со мной, – напоминаю я ему.

– Я *стараюсь* быть милым с тобой, ведь твое бедное сердечко разбито и все такое. И где твоя благодарность? Нет ее. Ты даже не хочешь целоваться со мной.

Я наклоняюсь и похлопываю его по плечу.

– Ох, милый, уверена, что любая девушка из твоего списка контактов будет счастлива прийти сюда и засунуть свой язык в твой рот. Но у меня, в отличие от них, есть свои стандарты.

– Что ты хочешь сказать? Что я недостаточно хорош для тебя? – Дин поднимает бровь. – К твоему сведению, твоей подруге Уэллси понравилось целоваться со мной.

Я фыркаю.

– О, ты имеешь в виду тот раз, когда она едва коснулась тебя губами, чтобы Гаррет не узнал, насколько сильно ей нравится целоваться с *ним*? Да я все знаю о нем, дорогуша. То был поцелуй от безысходности. – Но у меня до сих пор не укладывается в голове, что Ханна на самом деле поцеловала этого парня. Дин ну *абсолютно* не ее тип.

Однако я никогда не думала, что и суперзвезда хоккея Гаррет Грэхем окажется ее типом, – и посмотрите на них сейчас: две половинки целого.

– Она не целовала меня от безысходности, – возражает Дин.

– Уф, убеждай себя!

Он переводит взгляд на экран. Главная героиня снова готовит еду. На этот раз ужин, но крупных планов того, как она чистит картошку, очень много. И вообще для такого фильма она очень много ест.

– Господи, просто уже убейте меня. – Дин откидывается на спинку дивана и проводит обеими руками по волосам так, что потом они торчат во все стороны. – Я больше не смогу выдержать и секунды этого.

Я – тоже, но это была моя идея, и мне придется не ударить лицом в грязь.

– Знаешь что? – вдруг говорит Дин. – Забудь про травку. Есть только одна вещь, которая поможет нам досидеть до конца этого фильма.

– Да? И что же это?

Перед тем как ответить, Дин вскакивает с дивана и исчезает на кухне, а мне остается лишь с настороженностью вслушиваться в звуки открываемых и закрываемых шкафчиков, позвякивания стекла. И вот он возвращается с бутылкой в одной руке и двумя стопками в другой.

Сверкнув улыбкой, Дин объявляет:

– Текила.

Кто-то стучит молотком по моей голове. Наподобие тех комических здоровых колотушек, которыми дубасят друг друга герои мультфильмов. Это ужасно. И очень громко.

О боже, у меня дичайшее похмелье.

Даже едва слышного стоны, вырвавшегося из меня, достаточно, чтобы виски пронзила мучительная боль. Каждое движение вызывает прилив тошноты, от которого сжимается горло, а на глазах наворачиваются слезы. Я стараюсь дышать. Вдох. Выдох. Мне просто нужно сдерживать рвотные позывы до тех пор, пока не доберусь до ванной, чтобы не заблевать чистые простыни Гаррета Грэхема...

Но это не кровать Гаррета Грэхема.

Осознание этого приходит в ту же секунду, как только я замечаю звуки дыхания. Но не прерывистые из-за похмелья после выпитой текилы, как у меня, а тихие и ровные, принадлежащие лежащему рядом со мной парню.

В этот раз мой стон был рожден в самых глубинах моей души.

Воспоминания обрушиваются на меня в живых и ярких красках, словно какое-то жуткое кино. Стопки с текилой и... остальное.

Я переспала с Дином.

Дважды.

Я смотрю в потолок, а сердце бьется все быстрее и быстрее. Я в комнате Дина. На прикроватной тумбочке лежит пустая пачка от презерватива. И... м-да, я голая.

«Может, это просто дурной сон», – пытается разубедить меня голос в голове.

Я делаю еще один глубокий вдох, чтобы набраться храбрости и повернуть голову. Но от того, что я вижу, дыхание перехватывает вновь.

Абсолютно голый Дин растянулся на животе. Мой взгляд притягивает его голый зад, но не своим совершенством, а красными царапинами на тугих ягодицах.

Они от моих ногтей. Я поднимаю ослабевшую руку – ноготь на указательном пальце сломан. Я сломала ноготь, хватая задницу Дина. Наверное, это случилось внизу – помню, что в первый раз сверху был он.

Лиловый засос на его левом плече – следствие того, что случилось уже здесь, во время раунда номер два, когда сверху была я.

«Хочу увидеть эту твою таинственную спальню и первой оставить там свой след».

Мои собственные слова жужжат в и без того запутанном сознании. Как выяснилось, я не первая девушка, которую он привел в эту комнату. Он сам мне об этом сказал. И не только это. Да-да, теперь я владею ценной информацией, которую Ханна пыталась вывести на протяжении года: почему Дин предпочитает трахаться везде, кроме своей спальни.

К сожалению, мои познания этим не ограничились. Теперь мне известно, как выглядит голый Дин, каково это, когда он трахает тебя, и какие звуки он издает, когда кончает.

Я знаю чересчур много.

Боль в голове начинает пульсировать с новой силой.

Блин.

Мать твою, черт-черт-*черт*!

Проклятье, что я наделала? У меня никогда не было случайного секса. Да и весь мой сексуальный опыт насчитывает всего-то троих парней: двоих в старшей школе, одного в колледже – и со всеми тремя у меня были длительные серьезные отношения.

Мой взгляд снова возвращается к длинному мускулистому телу Дина. Как так получилось, что я позволила этому произойти? Я умею пить и вчера не напивалась в стельку. Я говорила внятно, не спотыкалась и не вела себя как идиотка. Я полностью осознавала, что творю, когда сделала первый шаг и поцеловала Дина.

Я сделала первый шаг.

Что на меня нашло?

Ладно-ладно. Это же не конец света. Я массирую свои ноющие от боли виски подушечками пальцев и заставляю себя не обращать внимания на спящего рядом со мной мужчину. Все нормально. Это был просто секс на одну ночь. Никто не умер. Возможно, я буду очень сожалеть о случившемся, но сожаления – для нытиков, как любит говорить мой папа. Учти свои ошибки и двигайся дальше.

Именно это мне и нужно: двигаться дальше. А еще лучше – *двигать* отсюда. Тихонько вылезти из кровати, принять продолжительный душ и притвориться, что прошлой ночи не было.

Вооружившись планом действий, я осторожно выскальзываю из-под простыни, абы как закрутившейся вокруг нижней части моего тела. Матрас скрипит, и я бросаю на Дина полный паники взгляд.

Но он по-прежнему спит как убитый.

Хорошо. Я делаю вдох и свешиваю ноги с кровати. Стоит им коснуться пола, как Дин делает какое-то движение. Он издает не то стон, не то вздох, а потом перекачивается на спину и... *О господи*, теперь я вижу его член.

Я, краснея, таращусь на его хозяйство. Даже незарегистрированный, он впечатляет. Дин был прав: у него великолепный член.

И если память меня не подводит, по-моему, прошлой ночью я не раз восхваляла его.

Мое лицо горит все сильнее, потому что я вспоминаю все, что говорила ему и что делала с ним.

В горле застревает стон. Так, хватит предаваться воспоминаниям. Мне нужно убираться ко всем чертям из этой спальни. Но сначала необходимо найти свой телефон.

Я оглядываю комнату и замечаю спортивные штаны Дина. Он снова натянул их после наших любовных игр на диване, так что я уверена, что мой мобильник в его кармане.

Моей же одежды нигде нет – последний раз, когда я видела ее, она кучкой валялась на полу в гостиной. И это лишь усиливает мою панику, потому что, должно быть, Такер тоже ее видел, когда вернулся домой. Черт. Наверное, он еще и слышал нас, потому что я даже не пыталась сдерживаться, когда язык Дина был между моих...

Нет, даже не думай об этом.

Я роюсь в карманах Дина в поисках телефона. Ура! Слава богу, нашла!

Ввожу свой пароль. И тут же меня пронзает чувство вины, потому что на экране всплывают непрочитанные сообщения от Шона.

Боже, знать бы ему, чем я занималась, пока он слал мне эти проникновенные сообщения! Не то чтобы я должна объясняться с ним, мы расстались, и это не изменить. Но тем не менее я чувствую себя ужасно, зная, что трахалась с кем-то другим, в то время как Шон был дома и отчаянно старался вернуть меня.

И не просто с кем-то другим. Я переспала с *Дином*. С Дином, у которого почти состоялся секс втроем, пока я не появилась. С Дином, который трахает всех, у кого есть пульс. С Дином, который...

– А ну-ка дай его сюда, куколка.

Его голос пугает меня, и я взвизгиваю. Моя голова поворачивается в сторону кровати, где сидит Дин, проводя рукой по взъерошенным после сна волосам. Судя по его виду и голосу, он отлично выспался. Его зеленые глаза полны жизни, а обнаженное тело... меняется.

Я чувствую, что краснею, когда у него встает член, поэтому быстро

опускаю глаза на свои голые ноги.

– Пожалуйста, прикройся.

– Ночью ты говорила другое.

Его насмешка вызывает раздражение.

– Мы не будем обсуждать прошлую ночь. Никогда.

Мои слова, похоже, лишь еще больше развеселили Дина.

– Ой, успокойся. Это всего лишь секс.

Он не спешит прикрывать нижнюю часть своего тела. Наоборот, потягивается, привлекая мое внимание к сокращающимся мускулам и запястьям, красным отметидам на его запястьях...

Потому что я привязывала его к кровати.

Боже мой!

Дин замечает, куда устремлен мой взгляд, и ухмыляется.

– По правде, я не ожидал, что ты такая эксцентричная в сексе, – подмигнув, говорит он. – Но мне даже понравилось.

Убейте меня. Просто убейте меня.

В очередном приступе стыда я хватаю то, что ближе всего ко мне из одежды, – черную футболку с треугольным вырезом, которую тут же натягиваю. Меня окутывает знакомый аромат, пряный, мужской. Его я вдыхала прошлой ночью, когда мои губы путешествовали по обнаженной груди Дина, когда я утыкалась лицом в его шею и сосала его кожу как конфету. У него на шее еще один засос. Да уж, я пустилась во все тяжкие.

– Мы не обсуждаем это, – говорю я сквозь стиснутые зубы. – Был секс, очень неплохой, но больше не надо упоминать о нем.

– Очень *неплохой*? – Ухмыляясь, Дин проводит ладонью вниз по груди, его длинные пальцы останавливаются прямо над головкой набухшего члена. – Он был больше чем очень неплохой, и ты знаешь это.

– Оденсья, а? Ну пожалуйста-пожалуйста, – умоляю я его.

– Не могу. Моя футболка на тебе. – Он выгибает бровь. – Может, тогда ты снимешь ее и бросишь мне?

Черта с два. Этот парень больше никогда не увидит меня голой.

Решив не отдавать ему футболку, я делаю следующую, на мой взгляд, гениальную вещь – поворачиваюсь к нему спиной. И начинаю копать в своем телефоне. Пропустив СМС Шона, читаю сообщения от подруг: одно – от Ханны, интересующейся, как у меня дела, а второе – от Мег, которая предлагает мне вместе позавтракать.

Я быстро печатаю Мег громкое «ДА» и прошу ее заехать за мной к Гаррету. Как только появляется серое облачко, означающее, что она пишет ответ, у меня отбирают телефон.

– Эй! – Я испуганно оборачиваюсь и, конечно же, вижу за собой Дина. Парень двигается как ниндзя.

– Я отвечаю за него, помнишь? – Он снова потешается надо мной, не давая дотянуться до телефона. – Как твой опекун я должен рекомендовать тебе не открывать... – Дин смотрит на экран, – эти девять сообщений от твоего бывшего. Оттого что ты прочитаешь их, не будет ничего хорошего.

И он прав. Но после того, что случилось между нами прошлой ночью, Дин больше не будет отвечать за мою личную жизнь.

– Все в порядке, – бормочу я. – Мне не нужна твоя помощь.

Дин повторяет свои насмешливые слова.

– Ночью ты говорила другое. Твой телефон остается со мной на все выходные, кошечка Элли.

Кошечка Элли? О, помоги мне, Ронда! Дин придумал мне прозвище.

– Я встречаюсь с подругой, – натянуто говорю я. – И мне нужен мой телефон, ясно? Я освобождаю тебя от обязанностей моего опекуна, потому что после завтрака вернусь в общежитие.

Дин хмурится.

– Но ты собиралась остаться на весь уик-энд.

– Больше не собираюсь.

Я снова предпринимаю попытку вернуть себе телефон. Но Дин опять отодвигает его от меня.

– Потому что мы переспали этой ночью?

Мои щеки горят огнем.

– Какую часть из «не надо больше упоминать о нем» ты не понял?

– Чувствую какая-то. Ты не можешь уйти только потому, что мы вчера напились и пару раз трахнулись. Ты очень эмоционально реагируешь.

Я глубоко вздыхаю.

– Пожалуйста, давай больше не поднимать эту тему.

– Детка, думаешь, мне нравится говорить об этом? Да я лучше буду кататься на разбитом стекле, чем наутро разбираться с тем, что произошло прошлой ночью. Если бы ты была какой-нибудь другой девчонкой, я бы сказал тебе забыть об этом, но ты лучшая подруга Уэллси, а значит, нам нужно обо всем поговорить. – И тут до него доходит. – Вот блин! Уэллси убьет меня.

«Вот блин» – это точно. Если Ханна узнает, что я переспала с Дином, мне не избежать лекций о морали. Может быть, через несколько дней или через неделю – а лучше через десять недель – я смогу рассказать ей о том, что случилось прошлой ночью, но прямо сейчас я хочу забыть обо всем. И мне придется держать мою лучшую подругу в неведении так долго, как я

только смогу.

– Она не убьет тебя, потому что мы ничего ей не скажем, – решительно заявляю я. – Seriously, это должно остаться только между нами.

– Согласен.

– И ты никогда не будешь снова поднимать эту тему. Лично я считаю, что ничего не было.

Дин нахально ухмыляется мне.

– Не надо обманывать саму себя, куколка. Теперь ты не сможешь думать ни о чем другом, попробовав это на вкус. – Чтобы у меня не осталось сомнений, о чем он говорит, Дин обхватывает ладонью свой член и медленно проводит по нему вверх-вниз.

По телу прокатывается волна жара.

Черт! Дурацкий Дин и его дурацкий великолепный член.

– Я уже обо всем забыла, – вру я. Но воспоминания один за другим вспыхивают в моей голове, вызывая желание закричать от отчаяния.

– Таким ты мне нравишься...

– Ха. Признайся, значит, я все-таки тебе нравлюсь? – растягивая слова, спрашивает он.

Я улыбаюсь, глядя на его запястья.

– Я сказала, что ты мне нравишься *таким*. – Мой рот медленно опускается к его эрегированному члену. – Полностью в моей власти.

О боже. Мои щеки снова горят. Шон не всегда поддерживал мои авантюрные идеи в сексе. Мне все время приходилось упрашивать и умолять его попробовать очередную эксцентричную идею, которая вдруг вызывала у меня интерес.

Дин же и бровью не повел, когда я захотела поэкспериментировать.

– Тебе нужно напомнить, как это было хорошо? – Он насмешливо склоняет голову набок, его рука по-прежнему обхватывает член.

– Нет, мне нужно, чтобы ты вел себя как взрослый, черт побери! – восклицаю я, начиная терять терпение. К тому же злость на саму себя мешает сохранять спокойствие. – У меня похмелье, мне стыдно, а ты лишь делаешь хуже, то и дело бросая мне в лицо события прошлой ночи!

С лица Дина тут же сходит все самодовольство.

– Черт. – Он откашливается, отпускает свой член и одним быстрым движением поднимает с пола штаны. – Прости. Я не хотел расстраивать тебя. – Дин одевается. – И тебе не за что стыдиться. Мы оба совершеннолетние. Подумаешь, немного повеселились и заставили друг друга пару раз кончить. Ничего такого, правда ведь? Но если ты действительно хочешь, чтобы я больше никогда не поднимал эту тему, я не

буду.

Я протяжно выдыхаю.

– Спасибо.

Дин изучает мое лицо.

– У нас все в порядке?

Я отвечаю лишь кивком. Голова по-прежнему раскалывается на части, но сейчас я чувствую слабость в теле и ногах не только потому, что у меня похмелье. То, что я сделала, было так непохоже на меня! Ужасно сознавать, что я переспала с другим парнем спустя каких-то двадцать четыре часа после разрыва с Шоном. Это не я, черт побери.

– Ты уверена? – не отстает Дин.

Я заставляю себя заговорить.

– У нас все в порядке, Дин. – Мой телефон начинает вибрировать, и я вижу сообщение от Мег. Она подъедет через пять минут. – Мне нужно одеться. Скоро приедет Меган. – Я закусываю губу, когда меня снова озаряет. – Блин. Моя одежда осталась внизу. Такер...

Я умолкаю, а Дин подходит к окну и выглядывает из-за шторы.

– Его нет. Вернее, пикапа Логана нет. Думаю, он даже и не приезжал.

На меня накатывает волна облегчения, но с примесью злости. Ну почему Такера не было вчера дома, когда он был так мне нужен? Будь он здесь, я вряд ли оказалась бы в постели Дина. А может, наоборот, я очутилась бы в постели Такера – ведь он самый сексуальный рыжий парень из всех, кого я знаю. А еще он гораздо спокойнее своих соседей и хотя не любит много говорить о себе, я нахожу его умным, вежливым и определенно очень привлекательным.

Если задуматься, Так был бы куда лучшим кандидатом для реабилитационного секса.

– Я спущусь вниз, возьму одежду, – смущенно говорю я Дину.

Он окликает меня:

– Что ты собираешься говорить Уэллси, если она спросит, почему ты уехала раньше? Ведь она обязательно спросит.

Проклятье. Дин прав.

– Я скажу ей, что решила взять себя в руки и разобраться со своими чувствами дома.

Я уже почти выхожу из комнаты, когда его голос вновь заставляет меня остановиться.

– Элли.

– Да, – оборачиваюсь я.

В его глазах мелькает сожаление.

– Ты уверена, что в порядке?

Нет, я совсем в этом не уверена.

– Да, все нормально, – вру я и выбегаю из комнаты.

Хорошо, что в доме больше никого нет, кто мог бы стать свидетелем моего позора.

Я всегда был популярным. Даже в своих самых ранних воспоминаниях все время окружен друзьями и девчонками, множеством девчонок. В средней школе, когда учитель отворачивался к доске, они, хихикая, передавали мне записки со словами: «Я тебе нравлюсь?». В старших классах боролись за мое внимание и выстраивались в очередь, чтобы целоваться со мной на поле для лакросса после уроков.

А в колледже... даже не просите меня рассказывать про колледж. Мне казалось, я уже знал, что значит притягивать девушек как магнит, когда поступил в Брайар, но прошедшие три года перекрыли даже собственные представления о моей привлекательности. Чем старше я становлюсь, тем больше представительниц прекрасного пола жаждет моего внимания.

Так что меня совсем не удивило, что прошлой ночью Элли первой поцеловала меня. Это стало понятно с того момента, как она заметила, что у меня «идеальные соски».

Но выражение неподдельного отвращения на ее лице, когда мы проснулись вместе в одной кровати, – это что-то новенькое.

– Этот Корсен не остановил бы шайбу, двигайся она по прямой ему навстречу со скоростью три километра в час.

Ворчание товарища по команде отвлекает меня от мыслей, и я сдерживаю стон. Мой подопечный, Хантер, похоже, совсем незнаком с этикетом совместных попок. Мы ходим в бар не для того, чтобы ворчать и жаловаться о хоккейном матче, а чтобы как следует расслабиться. Все, точка.

Но парнишке всего восемнадцать. Скоро он наберется уму-разуму.

– Чувак, игра была два дня назад, – говорю я нашему новичку. – Кончай переживать.

Я оглядываю бар в поисках Такера, но мой сосед еще не появился. Сегодня здесь собрались главным образом любители хоккея: несколько моих товарищей по команде, куча фанатов и, конечно же, полуголые хоккейные зайки. В нашу сторону с интересом посмотрела уже не одна девушка, но Хантер, судя по всему, этого даже не заметил.

На его лице сквозит напряжение, и он едва притронулся к выпивке.

– А знаешь, это твоя вина. – В его тоне слышно раздражение. – Я вообще не собирался играть в этом году, но тебе все-таки удалось меня уговорить. Моя карьера могла бы завершиться на почетном титуле выдающегося нападающего в команде номер один среди частных школ страны. А сейчас я никому не известный левый нападающий, втоптаный в грязь.

Я делаю глоток пива.

– Кто-нибудь хоть раз говорил тебе, что ты не умеешь проигрывать?

– Да иди ты! Как будто *сам* любишь проигрывать.

– Конечно, нет. Но я понимаю, что победа – еще далеко не все. И знаешь что: соломинки, бревна и так далее, и тому подобное.

– И что это должно означать?

– А то, что вместо того, чтобы винить Корсена в том, что он пропустил три гола, тебе следует сфокусироваться на том, что сам ты не забил ни одного. Это тебе не частная школа, суперзвезда. Обыграть защитников университетских команд совсем не просто.

Грубовато сказано, но верно. И Хантеру Давенпорту не помешает это знать. На тренировках тренер не особо давит на Хантера, потому что, если не брать в расчет Гаррета, это единственный нападающий в команде, способный стать великим игроком. Но, в отличие от того же Гаррета, у Хантера есть один весомый недостаток: он очень самоуверенный, считает себя следующим Сидни Кросби.

– Хочешь сказать, я недостаточно хорош, чтобы играть на таком уровне? – Вместо гнева на лице Хантера появляется досада, вызванная уже его главным *преимуществом*: он всегда стремится стать лучше.

– Я хочу сказать, что тебе нужно работать. Во время последнего матча ты допустил несколько ошибок дилетанта: к примеру, когда Фитци оказался в трудном положении после численного преимущества, ты помчался спасать его – а это не твоя работа, бро. Не откатывайся на противоположный фланг, оставляй это центровым.

Хантер быстро делает глоток пива.

– И иногда ты лажаешь во время игры. Как в тот раз, когда защитник Иствуда сделал отличную передачу, приведшую к выходу их игрока один на один с нашим вратарем. Ты должен был предугадать, кому предназначалась та передача, но рассчитал все неверно.

– Я постоянно наблюдал за шайбой, – возражает Хантер.

– Забудь про шайбу, чувак. Наблюдай за *игроком*, за тем, на кого он смотрит, куда перемещаются его товарищи по команде. Разгадай, кому он собирается бросать, и перехвати эту передачу.

Хантер затихает, а когда начинает говорить, кажется хоть и вынужденно, но впечатленным.

– А ты это сечешь, да?

Я пожимаю плечами. Обо мне сложилось мнение, что, в отличие от своих товарищей по команде, я не очень серьезно отношусь к хоккею. Возможно, в этом есть доля правды, но это не значит, что я не понимаю технических сторон и нюансов игры.

Сколько себя помню, хоккей всегда был частью моей жизни. Я рос, играя в эту игру. В лакросс – тоже, но лишь чтобы как-то занять себя весной, до тех пор пока не начнется хоккейный сезон. Мои отец и старший брат тоже играли в хоккей во время учебы в Гарварде. И я мог бы, но выбрал Брайар. Я всегда шел по их стопам, но тут, наверное, мне просто захотелось хоть в чем-то быть отличным от них.

Конечно же, я играю в хоккей не потому, что в него играли отец и брат. Я просто обожаю эту игру, хотя не испытываю того же восторга, что овладевает Гарретом и Логаном, стоит им выйти на лед.

Если честно, куда большее удовольствие мне доставляют тренировки: упражнения и тренировочные матчи, возможность стать лучше и помогать в этом своим товарищам по команде. А вот профессиональная карьера меня не интересует, что безумно радует мою семью: Хейворды Ди Лаурентисы не становятся спортсменами-профессионалами – они идут в юристы. Следующей осенью я буду учиться в Гарвардской школе права, как и любой член моей семьи. И меня это полностью устраивает, ведь я не сомневаюсь, что преуспею и там. Обаяния Ди Лаурентисов, которое я унаследовал от отца, с лихвой хватит, чтобы расположить к себе всех судей.

– В чем еще я ошибаюсь? – В голосе Хантера больше любопытства, чем злости.

Я ухмыляюсь ему.

– Что если на этой неделе мы потренируемся один на один? Я узнаю у тренера, сможет ли он выбить для нас дополнительное время на катке.

– Правда? Вообще-то, я буду даже рад. Спасибо...

Я прерываю его:

– Только если ты больше не скажешь ни слова о хоккее. – Я показываю на переполненный бар. – Оглянись: здесь полно горячих телочек. Выбирай любую и развлекайся, дурила.

Хантер смеется, но его глаза начинают блестеть, когда он принимается разглядывать бар. Несколько цыпочек улыбаются ему в ответ призывной улыбкой, но вместо того, чтобы хотя бы махнуть им рукой, Хантер смотрит на меня – вернее, на мою шею – и усмехается.

– А может, ты познакомишь меня с той дикой кошечкой, с которой веселился прошлой ночью? По всему видно, что с Мисс Засос не соскучишься.

Я тут же напрягаюсь. Ни за что на свете не позволю этому мальчишке оказаться рядом с Элли. Пусть он и молод, но верно идет к тому, чтобы стать куда лучшим хоккеистом, чем я.

Хотя, может, в этом случае стоит волноваться о Хантере. После того, что вчера устроила Элли Хейз, нет сомнений, что девчонка вполне способна оставить свой след на мужчине. Боже, как она *совокупляется*!

Черт, теперь у меня полуэрекция. И такое происходит со мной весь день, стоит мне подумать об Элли. У меня уже давно не было настолько горячего секса. Проклятье, мои запястья до сих пор болят после того, как она привязала меня к кровати, но эта боль только больше распаляет во мне желание повторить это.

Обычно я не трахаю одну и ту же телку, но сейчас моему члену не терпится оказаться в ненасытной киске Элли.

– Прости, суперзвезда, но этого не будет, – отвечаю я Хантеру. – Найди себе свою дикую кошечку.

– Ладно. – Ухмыляясь, он снова окидывает взглядом бар. – О да. Похоже, я знаю, с кем сегодня отправлюсь домой.

Я следую за его взглядом, устремленным к длинной деревянной столешнице бара, к которой прильнула высокая брюнетка, чтобы заказать себе выпить. На ней короткая черная юбка и высокие каблуки, длинные темно-каштановые волосы волнами спадают на спину. Бармен за стойкой чуть не обливается слюнями, жадно поглядывая на ее рубашку, значит, у нее должна быть отличная грудь. Но мне видна лишь ее задница, и она, скажу я вам, просто потрясная.

В прежние времена я бы давно принялся обхаживать эту брюнетку, но сегодня у меня нет настроения. Мои мысли то и дело возвращаются к Элли, ее киске и сиськам. Боже, до чего же офигенные у нее сиськи! Отлично ложатся в руку, с бледно-розовыми сосками, которые становились тверже льдинок, когда я сосал их.

Я вздыхаю и поправляю штаны в районе промежности. Ради всего святого, пора уже перестать думать о прошлой ночи. Видит бог, Элли твердо намерена забыть о ней раз и навсегда.

– Что ты думаешь? – спрашивает меня Хантер.

Я перевожу взгляд на брюнетку.

– Мне кажется, она может оказаться тебе не по зубам.

– Я хоккеист. Мне все по зубам.

– И то правда. – Я фыркаю от смеха. Это было первое, чему я научил Хантера, когда взял его под свое крыло в начале этого сезона. Но все-таки брюнетка невообразимо сексуальна. Такая женщина может уйти с любым парнем из этого бара, и мне не верится, что первокурснику Хантеру может настолько повезти, несмотря на хоккейный свитер с логотипом Брайара.

Но вот девушка, за которой мы с восхищением наблюдаем, оборачивается. И меня тут же передергивает от отвращения.

– О черт, нет. Держись от нее подальше, парень. Она та еще стерва.

– А мне так не кажется, – растягивая слова, отвечает Хантер.

Наивный засранец. Повезло ему, что я знаю, о чем говорю. Сабрина Джеймс, бесспорно, сногсшибательно красива, но я скорее вылью себе на яйца горячий воск, чем пересплю с ней, точнее, пересплю с ней *снова*.

Да, я уже наступал на эти грабли.

Кто-то толкает меня в спину, и, обернувшись, я вижу подошедшего к нам Такера. Его черно-серебристая куртка насквозь промокла, с волос стекает вода.

– Боже, там льет как из ведра. – Он стряхивает с себя воду, словно собака, только что выскочившая из озера.

– Эй, Фидо, отряхивайся где-нибудь в другом месте, – отчитываю я его, когда холодные капли попадают мне на лицо и в глаза.

Хантер даже не замечает, что вода, стекающая с Такера, замочила нашу обувь. Он упорно занят тем, что с плотоядным видом разглядывает Сабрину.

Так следует за его взглядом.

– Милая, – замечает он и с ухмылкой поворачивается ко мне. – Я так понимаю, ты уже заявил о своих правах на нее?

Я бледнею.

– Ни за что. Это же Сабрина, брат. Она и без того каждый день действует мне на нервы на занятиях. Не хватало, чтобы это продолжалось и после них.

Мы с Сабриной вместе учимся по специальности «Политология» на курсе введения в право, поэтому у нас, как мне кажется, очень много совместных предметов. К тому же меня совершенно не радует тот факт, что мы оба собираемся поступать в Гарвардскую школу права, а мысль о том, что мне еще два года придется сидеть с ней в одних и тех же лекционных залах, делает идею самоубийства все более возможной.

– погоди, это и есть Сабрина? – удивленно переспрашивает Такер. – Я все время встречаю ее в кампусе, но даже не представлял, что это на нее ты нам все время жалуешься.

– Она самая.

В голосе Такера начинает проявляться протяжный акцент южанина.

– Чертовски жаль. Она красавица.

– Что у вас за история? – встревает Хантер. – Она твоя бывшая?

Я аж отшатываюсь.

– Да нет же!

– Значит, я не нарушу братский кодекс, если подкачу к ней?

– Ты хочешь подкатить к ней? Флаг тебе в руки. Но предупреждаю: эта сучка съест тебя живьем.

Сабрина резко поворачивает голову в нашу сторону, как если бы у нее был внутренний радар, срабатывающий при каждом упоминании о ней как о сучке. Готов поспорить, что срабатывал бы он часто.

Когда наши взгляды встречаются, она ухмыляется мне, показывает средний палец, а затем отворачивается, чтобы продолжить разговор с подругой.

Хантер стонет.

– Ну вот. Теперь она даже не посмотрит в мою сторону, потому что увидела меня с тобой. Да чем ты ей так насолил?

– Совершенно ничем, – мрачно отвечаю я.

– Чушь. Девчонка не станет убивать парня взглядом, если он не облажался по-крупному. Ты переспал с ней?

Такер фыркает.

– А ты сам как думаешь? Только *посмотри* на нее.

– Внешность бывает обманчивой, – бормочу я.

Мой сосед с сомнением наклоняет голову.

– Значит, ты не спал с ней?

Я вздыхаю.

– Нет, спал. Но это было очень давно. А я уверен, что у секса тоже есть срок годности. Например, когда прошло три года, это уже не считается.

Парни смеются.

– Дай догадаюсь, – говорит Такер. – Ты ей потом не перезвонил?

– Нет, – честно отвечаю я. – Но скажу в свою защиту, что трудно перезвонить девчонке, если она, во-первых, не оставила тебе свой номер телефона, а во-вторых, ты ничего не помнишь.

У Хантера отвисает челюсть.

– Как так случилось, что ты не смог вспомнить *такое*? – Черт, парень практически исходит слюной, когда снова начинает разглядывать Сабрину.

– Мы оба были пьяные в хлам. Поверь, она тоже не особо много помнит.

– И поэтому она так ненавидит тебя? – продолжает допытываться Хантер.

Я отмахиваюсь.

– Не-е. Ее ненависть вызвана кое-чем другим. О чем я, кстати, больше не собираюсь говорить, потому что сейчас вечер субботы и мы должны отрываться на всю катушку.

Такер усмехается.

– Пойду возьму себе пива. Вам как, нужна добавка?

– Мне хватит, – отвечает Хантер.

Так уходит к барной стойке, а я достаю свой телефон, чтобы посмотреть, который час. Уже половина десятого. Я прокручиваю список контактов, а Хантер снова начинает говорить со мной о хоккее. Кажется, у меня должен был сохраниться номер Элли, этой весной она организовывала вечеринку на день рождения Ханны и рассылала нам сотни сообщений, посвящая даже в самые незначительные детали предстоящего праздника.

Да, он по-прежнему есть в моем телефоне. Я сохранил ее номер как «светленькая подружка Уэллси», хотя, похоже, пора переименовать ее в «девушку с веревкой».

Я быстро набираю сообщение.

Я: Как добралась до общежития?

Дурацкий вопрос, потому что она уехала от нас утром и, конечно, уже давно приехала к себе. Но, к моему удивлению, Элли отвечает почти сразу.

Она: Ага. Уже дома.

Я: Сегодня на улице хреново. Так что лучше там и оставайся.

На это сообщение она уже не отвечает. Я с досадой смотрю на экран, а потом задумываюсь: и почему мне не все равно? Я же король случайных связей. Переспав с девушкой, я вряд ли захочу повторить это снова, и если существует та, с которой мне точно не следует спать вновь, то это Элли.

В моем списке того, что пугает меня до смерти, не так много пунктов, но девушка Гаррета заняла твердую позицию в первой тройке. Уэллси вряд ли обрадуется, узнав, что я переспал с ее лучшей подругой, а когда Уэллси чем-то недовольна, то недоволен и Гаррет, а значит, мне придется иметь дело с то и дело разочарованно цокающим Джи. Логан последует его

примеру, затем к акции «Дин – козел» присоединится Грейс, и тут уже щелчки посыплются на меня со всех сторон. Этого уже хватит, чтобы не идти в том направлении, но мое возбужденное тело чертовски упрямо.

Я хочу ее снова.

Ведь еще один разочек никому не повредит. Черт, а может, и два? Даже не знаю, сколько раз мне потребуется трахнуть ее, чтобы забыть раз и навсегда. Пока мне известно лишь одно: стоит мне лишь подумать об Элли, как мой член тут же становится тверже камня.

Сидящий рядом со мной Хантер уже переключил внимание на компанию девиц за соседним столиком, и я не могу сдержать гордости за него, когда один едва заметный кивок его головы заставляет трио встать со своих мест и подойти к нам. Мой мальчик знает, как вести игру.

– И кто из вас угостит нас? – шутит одна из девушек, высокая блондинка в коротком платье, едва прикрывающем бедра.

Только Хантер открывает рот, чтобы ответить ей, как освещение в баре начинает зловеще мигать.

Я хмурюсь и смотрю на только что вернувшегося Такера.

– Там что, надвигается Апокалипсис?

– Льет как из ведра, – отвечает он.

Лампы перестают мигать. По-моему, это знак сваливать отсюда, потому что, если нам вдруг придется столкнуться с отключением электричества, пусть уж я лучше буду дома, чем в дороге. К тому же, несмотря на все мои разговоры о том, чтобы уйти в отрыв, сегодня у меня нет настроения засиживаться в баре.

– Эй, я ухожу. – Я хлопаю рукой по плечу своего соседа. – Увидимся дома.

От меня не ускользает разочарование, появившееся на лицах девушек, но уверен, что они забудут обо мне в ту же секунду, как Хантер и Такер включают свое обаяние.

Через минуту я уже выхожу из бара и понимаю, что Такер не шутил. Добежать до машины занимает десять секунд, но их хватает, чтобы промокнуть до нитки и замочить водой весь кожаный салон моего «бумера». Разряды молнии, расчеркивающие небо, такие яркие, что я сомневаюсь, стоит ли вообще включать фары. Ослепительно-белые вспышки вполне могут освещать мне путь до дома.

Я снова достаю телефон.

Я: Погода хуже, чем думал. Приготовь фонарик на случай отключения электроэнергии.

О господи! Мои слова похожи на выдержки из дерьмового руководства по выживанию. И зачем вообще я ей пишу?

Элли отвечает:

Спас[3] за совет.

А затем:

*Правда, хватит волноваться обо мне. Я читаю на диване.
Под одеялом. Уютно, как клопу в кружке.*

Я: В ковре.

Она: ?

Я: Клопу в КОВРЕ. Так говорят[4].

После целых пяти минут молчания телефон в моей руке начинает звонить. Широко улыбаясь, я отвечаю на звонок.

– Почему клоп должен быть именно в ковре? – сердито спрашивает она.

Я фыркаю.

– А почему именно в кружке?

– Потому что там ему очень уютно! А если он будет в ковре, то кто-нибудь может наступить на него.

– А если он будет в кружке, кто-нибудь может выпить его.

– Мы сейчас что, пишем жалкую пародию на книгу Доктора Сьюза[5]?

Из меня так и рвется смех.

– Черт, а ведь похоже!

– Тогда моя строчка лучше.

Меня отвлекает звук барабанищего по ветровому стеклу дождя. Он усилился, а через секунду все освещение на парковке гаснет.

Я ругаюсь под нос, когда мою машину окружает темнота.

– Вот дерьмо! В «Малоун» только что отключили электричество, – говорю я Элли. – Сиди дома. И не ходи по коридорам Бристоля-Хауса, если выключат свет.

– Ты думаешь, что в общежитие проберется серийный убийца и примется охотиться на меня? – Она умолкает. – А даже если такое и случится, я смогу дать ему отпор.

Я фыркаю.

– Ага, конечно.

– Эй, я могу быть беспощадной, – настаивает Элли. – Когда мне было

четырнадцать, мы с папой участвовали в довольно серьезной программе по самозащите для отцов и дочерей.

– Самозащита для отцов и дочерей? Такое разве бывает?

– Нет, но у нас было. Когда я была подростком, папа много путешествовал, так что когда он бывал дома, то придумывал весьма изобретательные способы, чтобы мы могли сблизиться. Но так как он был Мистер Мачо, то и занимались мы всякими мальчишескими делами: рыбачили, катались по бездорожью на великах или учились, как надрать друг другу зад. Ладно, я вешаю трубку. Хочу уже закончить с этой пьесой. – Она замолкает. – Будь осторожен за рулем.

– погоди, – быстро говорю я, пока Элли не успела повесить трубку.

– Что?

Я смотрю на капли дождя, стекающие по ветровому стеклу, и думаю, что за чертовщина со мной творится.

Затем, облизав вдруг пересохшие губы, говорю:

– Я хочу трахнуть тебя еще раз.

Мне слышно, как у нее перехватывает дыхание.

Внутри меня все звенит от напряженного предвкушения. Я думаю о том, как сладкие изгибы ее задницы заполняют мои ладони, как напрягаются ее соски под моим языком, как ее киска сжимается вокруг моего члена.

Молчаливый стон дрожью прокатывается по груди. Чтоб меня! Как же сильно я хочу эту девчонку! И затаив дыхание жду ее ответа.

После долгого молчания ее сердитый голос произносит:

– До свидания, Дин.

Когда на том конце вешают трубку, из меня вырывается полный досады и бессилия стон.

Я вешаю трубку, и мое сердце начинает колотиться как сумасшедшее. Я не ожидала, что он это скажет, вообще не ожидала.

«Я хочу трахнуть тебя еще раз».

Нет, понятно, почему он так сказал: я изумительна в постели.

Но я ни в коем случае не собираюсь снова переспать с этим парнем, особенно после того, как целый день ощущала себя чертовой Эстер Прин [6]. Вот только самоосуждение, которым я извожу себя, куда страшнее, чем все, что пришлось испытать бедной женщине из-за этих пуритан.

Боже, все-таки случайный секс не для меня. Я чувствую себя... совращенной, что само по себе нелепо, ведь кого вчера совратили, так это Дина. Я не только соблазнила его, но и привязала к кровати, скакала на нем верхом, как на личном аттракционе в парке развлечений.

Какая же я шлюха!

Ты не шлюха.

Ладно, может, я и не шлюха. Я просто двадцатидвухлетняя девушка, которая раз в жизни решила повеселиться без всяких обязательств.

Есть лишь одна проблема: мне нравятся обязательства. Для меня секс и отношения – одно целое. Мне нравятся все эти уютные объятия, шутки, понятные лишь двоим, разговоры допоздна. Я почетный член команды «Бойфренды», а после вчерашней ночи могу честно сказать, что команда «Секс на одну ночь» – полный отстой. Сам секс был чудесным, но чувство стыда, которое овладело мною после, не стоит тех оргазмов.

Вздохнув, я отбрасываю телефон на диванную подушку и поднимаю сценарий, который читала до того, как позвонил Дин. Эта написанная кем-то из студентов пьеса станет моей выпускной работой. У меня одна из двух главных женских ролей, и, несмотря на то что, на мой взгляд, сюжет немного мелодраматичен, я с нетерпением жду репетиций. После театрального дебюта в Бостоне этим летом мне очень хочется снова выступить перед зрителями.

А это еще один из факторов, усиливающих стресс, который я испытываю. Я стою на распутье и, черт побери, не имею ни малейшего понятия, каким путем пойти!

Когда я поступила в колледж, то попросила своего агента ограничиться лишь поиском проектов на лето. Было бы очень заманчиво бросить учебу ради интересной роли, а мне хотелось получить степень. Теперь, когда выпускной совсем близко, все резко изменилось. Пилотный сезон начинается где-то в январе, и Айра уже выслал мне десятки текстов ситкомов, сериалов с элементами драмы и комедии типа «Хора», а также сценариев романтических комедий, по которым я обычно и пускаю слюни.

Я всегда думала, что предназначена для комедийных ролей. Заразилась актерской игрой, еще когда училась в средней школе, и за это время мне постоянно доставались небольшие роли легкомысленных девушек, подчеркивающие мой комедийный талант и типаж соседской девчонки. Я мечтала о том, чтобы стать королевой романтических комедий. Следующей Сандрой Буллок, Кейт Хадсон или Эммой Стоун.

До этого лета, когда начался кастинг на роль в суперсерьезной, супермрачной пьесе оscarоносного режиссера и вообще чертового гения Бретта Каваны. Каким-то чудесным образом моему агенту удалось добиться для меня прослушивания перед самим Каваной, и, к моему полнейшему изумлению, я получила роль подсевшей на героин младшей сестры главной героини. Спектакль шел лишь два месяца, но имел огромный успех. И с тех пор я стала получать сотни предложений пройти прослушивание на более драматические роли как в театрах, так и на телевидении.

А еще мне сказали, что Кавана готовит новый проект для театра, на этот раз экспериментальный...

Черт, и почему меня так и подмывает сойти с того пути, который я себе наметила? Рассматривать не только комедийные, но и драматические роли – это одно, но *театр*...

Голливуд манит большими деньгами, известностью, «Оскарами», «Золотыми глобусами» и прогулками по магазинам на Родео-Драйв.

Я смотрю на стопку сценариев, лежащих на кофейном столике. Что если меня утвердят на роль в одном из этих пилотных эпизодов, которыми завалил меня Айра, и сериал наберет популярность? А если меня позовут в какой-нибудь фильм? Это может стать моим прорывом в кинобизнесе. Тогда почему я продолжаю мечтать об игре на сцене?

Я все еще погружена в раздумья, когда звонит телефон. Взглянув на экран, я сначала думаю, что это снова Дин, но, присмотревшись внимательно, вижу, что Шон. Да уж. Имена моего бывшего парня и парня, с которым я вдруг переспала, отличаются лишь двумя буквами. Интересно, это что-то значит?

Эй, идиотка, тебе звонит Шон.

М-да, похоже, сейчас это самая насущная проблема.

Меня наполняет чувство тревожного волнения. Не стоит отвечать на этот звонок. Не нужно.

Но я беру трубку.

– Ты в порядке? – Это его первые слова.

В голосе Шона столько тревоги, что я спешу успокоить его.

– Со мной все в порядке. А что?

– Вчера я заходил к тебе после занятий, но тебя не было дома. И я всю ночь писал тебе.

– Знаю. – Я сглатываю вставший в горле ком. – Я ночевала у друзей. Я... – Еще один ком. – Я же сказала тебе, что больше не хочу тебя видеть.

– Я надеялся изменить твоё решение. – В его голосе безошибочно слышится искренняя боль. – Черт подери, детка, я скучаю по тебе. Понимаю, прошла всего пара дней, но я уже очень сильно скучаю.

Мое сердце словно раскалывается на две половинки.

– Я облажался. Теперь я это понимаю. Не нужно было выдвигать тебе ультиматум и уж тем более не следовало говорить тебе, что твоя актерская карьера – это пустая трата времени. Побывав на твоей премьере в Бостоне, я был сражен наповал. Честное слово. Детка, ты необычайно талантлива! Я был последним мерзавцем, когда говорил тебе все то дерьмо. На самом деле я ничего такого не думаю.

Сейчас он практически умоляет меня, и от сердца откалывается еще один кусочек.

– Шон...

– Ты самый важный человек в моей жизни, – продолжает говорить он переполненным эмоциями голосом. – Ты очень много для меня значишь, и, блин, мне хочется придушить себя за то, что оттолкнул тебя. Прошу тебя, детка, дай мне еще один шанс.

– Шон...

– Я знаю, что смогу все исправить. Просто дай мне шанс...

– Шон.

Он умолкает.

– Детка, – неуверенным голосом продолжает Шон.

Горло сжимается так, что невозможно говорить, а тело будто пытается помешать мне сказать то, что я хочу. Но чувство вины продолжает мучить меня. Я не могу просто так сидеть и слушать, как Шон умоляет меня, испытывая такие сильные угрызения совести. Я снова сглатываю ком в горле и заставляю себя говорить.

– Этой ночью я переспала с другим парнем.

Ответом мне служит оглушительная тишина. Кажется, она длится уже вечность, и с каждой секундой мой желудок скручивается все сильнее.

– Ты слышал меня? – шепотом спрашиваю я.

Раздается какой-то приглушенный звук.

– Да... слышал.

Мы оба снова молчим. Боль и чувство вины продолжают грызть мою душу. Бессознательно в воспоминаниях всплывает день, когда мы с Шоном впервые встретились. Это было во время ознакомительной лекции для первокурсников, и я тогда подумала, что в жизни не видела такого симпатичного парня: растрепанные каштановые волосы, искрящиеся карие глаза и самая классная в мире задница. Я никогда не стеснялась говорить то, что думаю, и насчет его задницы высказалась вслух – тогда его щеки стали краснее футболки команды «Ред Сокс».

В тот же день, вечером, мы отправились поужинать в одну из студенческих столовых.

Неделю спустя стали встречаться.

А сейчас, три года спустя, расстались, и я только что призналась, что у меня был секс с другим парнем. Когда, черт возьми, все пошло не так?

– С кем?

Заданный сдавленным голосом вопрос вырывает меня из моих мыслей.

– Ч-что?

– С кем? – безжизненно спрашивает Шон.

Ощущение неловкости сжимает грудь.

– Неважно, с кем. Я больше не собираюсь с ним встречаться. Это было... – Я делаю вдох. – Это была глупая ошибка. Но я решила, что тебе следует знать.

Он ничего не отвечает.

– Шон!

На том конце слышится неровное дыхание.

– Спасибо, что сказала, – бормочет он.

И вешает трубку.

Проходит несколько минут, пока я отнимаю телефон от уха, а затем трясущейся рукой провожу по волосам.

Боже, это было... жестоко. Часть меня задается вопросом: зачем я вообще сказала ему об этом? Я же не изменила ему. Я *не обязана* была ничего говорить. И вообще, умолчав об этом, я бы избавила его от боли, которую он, должно быть, сейчас ощущает. Но я всегда была честна с

Шоном, и какая-то глупая, совестливая часть меня решила, что он заслуживал все узнать.

С губ слетает полный муки стон. Сердце снова начинает болеть. Сейчас чувство вины стало еще сильнее, скрутившись в тугую, давящий узел в моем животе.

Вместо того чтобы продолжить читать сценарий, я беру свой iPod и засовываю в уши наушники. Потом натягиваю одеяло до подбородка и ставлю на повтор песню Майли Сайрус Wrecking Ball, потому что именно так я себя чувствую сейчас – разрушенной.

* * *

Дин

– О-о-о, ты только посмотри на него, Джи! Какой он хорошенький, когда спит.

– Как ангел.

– Погоди-ка, а ангелы занимаются сексом? А если занимаются, то небесные оргазмы, наверное, в миллион раз лучше земных, как думаешь? Готов поспорить, что так и есть.

– Эх ты! А откуда, по-твоему, берутся радуги? Видишь радугу – значит, где-то кончил ангел.

– О, точно! Типа как когда звенит колокольчик, ангел получает свои крылья.

– Именно так.

Я открываю один глаз и смотрю в сторону дверного проема.

– Вообще-то, я вас слышу.

Мой раздраженный голос мигом прекращает эту невыносимо странную беседу.

– Вот и отлично, значит, ты проснулся, – говорит Логан.

– Конечно, проснулся, – потирая глаза, охрипшим со сна голосом отвечаю я. – Да и как тут поспишь, когда рядом с кроватью стоят два придурка и обсуждают, как ангелы занимаются сексом?

Гаррет усмехается.

– Как будто я первый, кто об этом задумался.

– Поверь, ты первый. Когда вы вернулись?

Логан опирается своим огромным плечом на косяк двери.

– Около часа назад. Грейси нужно было приехать пораньше, чтобы успеть к записи программы.

Я киваю. Девушка Логана работает продюсером на университетской радиостанции. Что напоминает мне о...

– Ты собираешься снова позвонить ей и признаться в любви? – с издевкой спрашиваю я.

Он вздыхает.

– Ты будешь припоминать мне это всю оставшуюся жизнь, да?

– Ага.

А вообще, мне бы очень хотелось, чтобы кто-нибудь успел записать тот выпуск и я смог бы выбрать оттуда несколько цитат и потом изводить ими Логана. Совершив глупость и чуть не потеряв Грейс, в прошлые выходные Логан вновь завоевал ее тем, что позвонил в шоу советов, которое она выпускает, и наговорил кучу немыслимо слащавых вещей. Иногда я начинаю волноваться за него.

Отбросив в сторону одеяло, я, абсолютно голый, вылезаю из кровати. Мои соседи продолжают следить за мной со своих мест у дверного проема моей комнаты.

Я нахожу чистые трусы и натягиваю их.

– Клянусь, если вы скажете мне, что целый час смотрели на меня спящего, как парочка извращенцев, я вызову копов.

– Тренер звонил, – сообщает мне Гаррет, – сказал, что все утро пытался дозвониться до тебя, но ты не брал трубку. Он хочет, чтобы через час ты был на ледовой арене.

– Зачем? – настороженно спрашиваю я.

Гаррет пожимает плечами.

– Кто его знает? Может, он узнал, что в выходные ты напился в стельку, – думаю, ты напился, да? – и теперь хочет устроить тебе головомойку.

– И как он мог узнать? Вроде за нами никто не следит.

– Чувак, наш тренер как мастер над шептунами из «Игры престолов». У него бесчисленное количество источников.

Вот дерьмо. Но будем надеяться, что меня не ждет многословная речь тренера Дженсена о том, что нужно вести себя безупречно. Во время сезона нам нельзя пить или баловаться наркотиками, но это не останавливает нас от того, чтобы иногда напиться или раскурить косячок. И все же я ни разу не получал положительный анализ мочи на присутствие в организме наркотиков и мои вечеринки никогда не порочили доброе имя нашей команды. Так что не знаю, почему тренер постоянно достает меня по этому

поводу.

– Ханна еще здесь? – спрашиваю я Гаррета, надевая штаны.

– Нет, уже уехала домой. У них с Элли сегодня девчачий день.

Хорошо, что я стою к ним спиной, потому что как только звучит имя Элли, мой член тут же встает. Чудесно. Теперь я уже возбуждаюсь и от звука одного лишь ее имени?

– Ты ведь не натворил никаких глупостей, пока она была здесь? – в голосе Гаррета слышится подозрительность.

Я дважды трахнул ее. Это считается?

Прикусив язык, я надеваю футболку, потом темно-синюю фирменную толстовку Брайара.

– Я вел себя как истинный джентльмен.

Логан фыркает.

– Ух ты, это что-то новенькое.

– Спасибо, блин, тебе большое. Вообще-то, я специалист в искусстве джентльменства.

– Это не искусство. И вообще, есть такое слово? – Закатив глаза, Логан покидает комнату, но Гаррет остается стоять на месте.

Он так долго вглядывается в мое лицо, что я начинаю неловко переступать с ноги на ногу.

– Что? – бормочу я.

– Ничего, – отвечает он и выходит из моей спальни, сохраняя на лице недоверчивое выражение.

Когда я заскакиваю в ванную, чтобы почистить зубы, то вижу, что фиолетовый засос на моей шее по-прежнему очень заметен. Интересно, видел ли его Гаррет?

А даже если и видел? В эти выходные к моей шее могла присосаться любая девица. У него нет причин подозревать, что это была Элли.

Ох уж эта Элли, черт бы ее побрал! Я сказал ей, что снова хочу ее, а она *повесила трубку*! Такого со мной еще не случилось никогда. Я же Дин Ди Лаурентис, вашу мать! Стоит мне только щелкнуть пальцами – как тут же рядом появляется стайка девиц, умоляющих о том, чтобы прокатиться верхом на моем члене. А последний раз, когда я был в университетской кофейне, красавица бариста протянула мне бесплатный кофе и предложила отсосать в кладовке.

Так что, черт подери, не так с Элли? Прошлой ночью я никак не мог уснуть, гадая, не строит ли она из себя недотрогу. Ведь секс-то ей понравился. Моему члену еще никто и никогда не отвечивал столько комплиментов.

«О боже, я хочу выйти замуж за твой член!»

«Лучший... член... в мире».

«Дин, я кончаю...»

Ее гортанные крики прокручиваются в моей голове снова и снова, словно на повторе, вызывая стояк, и мне приходится схватиться за сушилку для полотенец, когда из меня вырывается хриплый стон. Зубная щетка вываливается изо рта и падает в раковину. Член натянул мои трусы как палатку и утыкается в белый фарфор, стремясь коснуться хоть чего-то.

Тренер сильно рассердится, если я опоздаю на встречу, потому что дрожил?

Наверное, сильно.

* * *

Спустя полчаса я провожу своей студенческой картой по панели у входа в хоккейный корпус, попивая кофе, который захватил по пути сюда. В широком коридоре пусто, и мои кроссовки скрипят на блестящем полу, пока я иду в дальний конец здания. Я прохожу мимо учебных классов и проекционного зала, кухни, тренажерных залов, а потом через огромную площадку с инвентарем.

Наш корпус построен по последнему слову техники. Здесь найдется полдюжины больших уютных кабинетов, куда Чэд Дженсен мог бы пристроить свой зад, но по какой-то причине он выбрал скромную комнату, втиснутую рядом с прачечной.

Я стучусь в дверь и, слегка приоткрыв ее, слышу грубоватое «входи!». Последнему, кто попытался войти сюда без стука, Дженсен устроил такой разнос, что все слышали его даже в душевой. Мне нравится думать, что тренер любит вздрочнуть у себя в кабинете и поэтому так настаивает на уединении. Логан предположил, что у него здесь есть тайная семья, которой можно выходить лишь глубокой ночью.

Какой же Логан придурок!

– Привет, тренер. Вы хотели видеть меня... – Я умолкаю, заметив, что мы не одни.

Меня не часто можно застать врасплох. Я из тех, кто плывет по течению, так что нужно чертовски постараться, чтобы шокировать или удивить меня.

Но прямо сейчас меня затягивает в пучину неприятной тревоги, пробравшей до самых костей.

Из кресла для посетителей поднимается Фрэнк О'Ши и пронзает меня своим холодным взглядом. Я не видел его с тех пор, как окончил старшую школу, но он выглядит точно так же, как тогда: приземистый, плотный, с коротко подстриженными темными волосами и губами, сложенными в жесткую линию.

– Ди Лаурентис, – коротко кивнув, произносит он.

Я киваю в ответ.

– Тренер О'Ши.

Дженсен переводит взгляд с него на меня, а потом приступает сразу к делу.

– Дин, Фрэнк стал членом нашей команды и будет отвечать за подготовку защитников. Он рассказал мне о том, что случилось в школе Гринвич. – Тренер делает паузу. – Я решил, что будет целесообразно, если вы оба решите ваши проблемы сейчас, а не на завтрашней тренировке.

Могу только представить, что мог рассказать О'Ши о том, что «случилось». Убежден лишь в одном: он был субъективен и едва ли отозвался обо мне положительно, потому что его версия событий настолько искажена, что даже истории в какой-нибудь бульварной газетенке покажутся вам тщательно исследованной научной работой.

Тренер Дженсен делает шаг в сторону двери.

– Я оставлю вас наедине.

Черт, он хочет уйти? А было бы здорово иметь свидетеля на тот случай, если О'Ши попытается что-нибудь проверить. В конце концов, этот мужик вырубил игрока собственной команды на пустой парковке школы. Мне тогда было восемнадцать. Я не стал обращаться в полицию, потому что понимал, почему он так поступил, но это не значит, что я все забыл или простил его.

О'Ши начинает говорить лишь тогда, когда дверь за тренером плотно закрывается.

– Итак, у нас с тобой будут проблемы?

Я стискиваю челюсти.

– Это вы мне скажите, – и заставляю себя добавить, – сэр.

Его темные глаза вспыхивают.

– Вижу, ты остался таким же заносчивым умником, каким был, когда я тренировал тебя.

– При всем уважении, сэр, я пробыл в этом кабинете от силы секунд пять. Не думаю, что за это время можно прийти к подобным выводам. – Мой тон остается вежливым, но внутри закипает гнев. Я всей душой ненавижу этого человека, и это просто какая-то гребаная насмешка судьбы,

потому что когда-то я его боготворил.

– С моей стороны никаких проблем не будет, – говорит он так, будто я пока не произнес ни слова. – Прошное осталось позади. Я бы хотел начать все с чистого листа, тем более если это создаст более благоприятные условия для тренировок.

Как великодушно с его стороны.

– Взамен я прошу лишь одного – относись ко мне с уважением и слушайся меня, когда мы на льду. Я не потерплю ослушания. – Рот О’Ши кривится. – И не буду закрывать глаза на ваши выходки. Дженсен сказал мне, что ты тот еще любитель вечеринок, что меня несколько не удивляет, – он презрительно усмехается. – Но если хочешь сохранить свое место в команде, то будь добр вести себя хорошо: никакого алкоголя, никаких наркотиков и скандалов. Понял меня?

Я киваю головой в знак согласия.

– А что касается наших былых проблем, то они больше не обсуждаются. – О’Ши достаивает меня очередным пронзительным, холодным взглядом. – Ни между нами двумя, ни между тобой и твоими товарищами по команде. Прошное осталось позади, – вновь повторяет он.

Я засовываю руки в карманы.

– Мне можно идти?

– Пока нет. – Он пододвигается к столу и поднимает тонкую папку. То ли мне кажется, то ли его глаза поблескивают от самодовольства. – Еще пара моментов. И можешь не сомневаться, тренер Дженсен полностью со всем согласен.

У меня появляется дурное предчувствие.

– Во-первых, мы отправляем тебя во второе звено с Бродовски...

– Что? – вскидываюсь я.

О’Ши поднимает руку.

– Позволь мне закончить.

Я закрываю рот, с трудом перебарывая нарастающее раздражение. Кипящий внутри гнев перерастает в чертовски сильную ярость.

С его стороны никаких проблем не будет – как бы не так. Я всегда играл в первом звене с Логаном. Мы двое – самые лучшие защитники в команде. Неразлучная пара, если хотите. Бродовски же – третьекурсник, которому так много нужно работать над собой, что мне удивительно, как его до сих пор не выперли из команды.

– Дженсен доверил мне работать с защитой и действовать так, как я считаю нужным, – рывкает мне в ответ мой старый тренер. – Второе звено очень слабое. Келвин и Бродовски никак не могут сыграть, и им обоим

пойдет на пользу встать в пару к игрокам типа тебя и Джона Логана.

– А тренер упоминал, что уже пробовал это во время предсезонной подготовки? – Я не могу не сказать об этом, да еще и не без ехидства, и О’Ши хмурится. – Я играл в паре с Келвином в матче против Сент-Энтони. Это был полный провал.

– Что ж, на этот раз ты будешь играть не с Келвином, не так ли? – так же ехидно отвечает он. – Я ставлю тебя с Бродовски. Это окончательное решение, я делаю так, как будет лучше для команды.

Чушь собачья. Он делает так, чтобы наказать меня, и мы оба это знаем.

– А второй момент?

Он моргает.

– Прошу прощения?

– Вы говорили про пару моментов. – Я изо всех сил стараюсь говорить спокойно. – Первый – это то, что вы перегруппировали звенья. А второй?

О’Ши наклоняет голову, словно пытаюсь решить, не проявляю ли я вновь неуважение. Мужик понятия не имеет, как сильно мне сейчас хочется заехать ему кулаком в челюсть. Мне требуется вся моя сила воли, чтобы сдержаться.

О’Ши открывает папку и достает один-единственный лист бумаги. Его глаза довольно блестят, когда он передает его мне.

Я пробегаю глазами по листу. Это ксерокопия расписания тренировок и игр, но не для нашей команды.

– Что это? – бормочу я.

– Начиная с этой недели ты будешь великодушно посвящать свое свободное время «Гастингским ураганам»...

– Чему?

– «Гастингским ураганам». Это хоккейная команда начальной школы Гастингса, лига команд средних школ, седьмые и восьмые классы. В Брайаре существует социальная программа, по которой студенты-спортсмены на добровольной основе выступают тренерами или помощниками тренеров в местных спортивных командах. Студентка, которая работала с «Ураганами», – левая нападающая в женской хоккейной команде Брайара. Но она серьезно заболела, и нам нужно было заменить ее. Мы с Дженсенom решили, что ты самая лучшая кандидатура на ее место.

Я пытаюсь не выдать своего ужаса, но, похоже, мне это плохо удается, потому что О’Ши в открытую самодовольно усмехается.

– У них две тренировки в неделю после обеда, игра – в пятницу в шесть. Я позволил себе заглянуть в твое расписание и убедился, что оно не пересекается с расписанием «Ураганов». Так что все готово. – Он склоняет

голову набок. – Если только, конечно, у тебя нет никаких возражений.

Ага, черт подери. Мне совсем не хочется проводить три дня в неделю, тренируя группу школьников. Господи, да это же мой последний год обучения в университете! У меня огромная учебная нагрузка! К тому же шесть дней в неделю я тренируюсь с собственной командой, играю свои матчи, и все это оставляет не так уж много свободного времени.

Но если я откажусь, нет сомнений, что О’Ши сделает мою жизнь невыносимой. Как он делал это в старшей школе.

– Нет, звучит заманчиво, – выдавливаю я из себя и еле удерживаюсь от того, чтобы не показать ему средний палец.

Он одобритительно кивает.

– Что ж, посмотрим. Возможно, ты и правда *изменился*. Дин Ди Лаурентис, которого я знал, думал только о себе.

Эта подначка неожиданно задевает меня. Да, порой я вел себя как эгоистичный ублюдок, но, черт подери, тогда я не сделал ничего плохого. Мы с Мирандой всегда одинаково смотрели на вещи... И вдруг все изменилось.

Но, наверное, уже неважно, кто виноват, потому что и так ясно как день, что Фрэнк О’Ши никогда не простит меня за то, что произошло между мной и его дочерью.

Покинув арену, я первым делом звоню своему старшему брату. Сегодня воскресенье, поэтому я набираю номер его мобильного, хотя велики шансы того, что он может быть в офисе. Ник работает допоздна, в том числе и в выходные. Мне кажется, своей одержимостью он пытается впечатлить нашего отца, и, если честно, ему это удастся.

Однако радостный голос, раздавшийся на том конце, явно не принадлежит Нику.

– Дики, привет! Мы с тобой не разговаривали уже целую вечность!

В детстве это прозвище меня никак не задевало, но теперь, когда мы стали взрослыми, оно кажется мне чертовски оскорбительным. Насколько мне известно, как только моя младшая сестра научилась выговаривать «Дин», мои родители приказали ей забыть про «Дики». Но Саммер невозможно приказывать: она сделает все с точностью до наоборот. Моя сестра – упрямая бестия.

– Почему ты отвечаешь с телефона Ника? – с подозрением спрашиваю я.

– Потому что я увидела твое имя и захотела поговорить с тобой первая. Ты мне теперь не звонишь.

Я так и представляю, как в этот самый момент она надувает губки, и мои губы растягиваются в улыбке.

– Ты тоже мне не звонишь, – напоминаю я ей.

Саммер пару секунд молчит, а затем чрезмерно тяжело вздыхает.

– Ты прав, не звоню. Я ужасная сестра.

– Да нет, просто мы с тобой оба заняты. – Я иду по брусчатой дорожке к парковке, которая находится за тренировочным центром.

– Я и правда была очень занята, – соглашается Саммер.

На заднем плане слышится громкий смешок.

– Что это? – спрашиваю я.

– Ничего, просто Ники ведет себя как последний козел, все выходные сводит меня с ума. Он всегда был чопорным или сделался таким, став юристом?

Она произносит слово «юрист», словно это какое-то ругательство.

Хотя для Саммер это, скорее всего, так и есть. В двенадцать лет моя сестрица заявила, что юриспруденция – это «чертовски скучно», и спустя восемь лет ее точка зрения не изменилась. Она согласилась учиться в колледже, входящем в Лигу плюща, лишь для того, чтобы умаслить родителей, но когда мы разговаривали в последний раз, Саммер сообщила мне, что после его окончания собирается заняться дизайном интерьеров.

– По сравнению с тобой все чопорные, – отвечаю я сестре. – Но это вовсе не значит, что я одобряю твои сумасбродные выходки.

Саммер младше меня на два года, но она с легкостью может перещеголять меня в том, как брать от жизни все, жить сегодняшним днем, и во всем подобном. Удивительно, как родители еще не отказались от нее.

И тут до меня доходит.

– А что ты делаешь на Манхэттене? Разве ты не должна быть в колледже?

– Мне захотелось навестить своего старшего брата.

По-моему, ее голос звучит уж как-то чересчур невинно.

– Врешь.

– Нет, это правда, – принимается убеждать меня Саммер. – Мне захотелось увидеть Ники. И *тебя* я тоже хочу увидеть, так что не удивляйся, если скоро я вдруг появлюсь у тебя на пороге. – Она замолкает. – И знаешь, я подумываю над тем, чтобы перебраться в Брайар.

В моей голове начинают звенеть сигналы тревоги.

– Зачем? Мне казалось, тебе нравилось в Брауне.

– Да, нравилось. Но... э-э-э... тут такое дело. – Саммер снова тяжело вздыхает. – Я на испытательном сроке.

Я резко останавливаюсь и сердито спрашиваю:

– Что ты натворила?

– С чего ты взял, что я что-то натворила? – Снова раздается фыркание.

– Изображай маленькую мисс невинность перед родителями. – Я усмехаюсь. – Хотя на них это уже тоже не действует. А теперь рассказывай, что случилось.

– Скажем так, это был небольшой инцидент в сестринском доме. В тогах.

Я давлюсь от смеха.

– А поподробнее?

– Нет.

Из меня вырывается стон раздражения.

– Саммер...

– Я все расскажу тебе при встрече, – щебечет она. – С тобой хочет

поговорить Ники.

– Саммер...

Но она уже отдала телефон моему брату, и спустя секунду из динамика звучит его глубокий голос.

– Привет.

– Что она натворила? – спрашиваю я его.

Ник начинает хохотать.

– О нет, я не буду ничего говорить. Скажу лишь одно – Саммер в своем репертуаре.

Проклятье. Я больше не уверен, что мне хочется узнать все подробности.

– Мама с папой в курсе?

– Ага. Они не в восторге, но, во всяком случае, ее не отчислили. Лишь два месяца условного наказания и двадцать часов общественных работ.

Последние слова немного отвлекают меня от проблем Саммер.

– Кстати, про общественные работы... – И я вкратце рассказываю ему о назначении О'Ши в Брайар.

– Вот дерьмо, – говорит Ник, когда мой рассказ окончен. – Он упоминал о Миранде?

– Нет, но и так очевидно, что он по-прежнему винит во всем произошедшем меня. – От горечи обиды горло словно сжимают тисками. – Часть меня так и подмывает найти ее и хоть немного образумить, а может, даже попросить поговорить с отцом.

– Она не стала делать этого тогда, – напоминает мне Ник, – так почему ты думаешь, что она сделает это сейчас?

Резонно.

– Знаю, но... – Я подхожу к машине и открываю дверь, нажав на брелок. Все еще на взводе от неожиданного появления О'Ши в моей жизни, я хочу лишь одного – поскорее убраться отсюда ко всем чертям.

– Да и ладно, – мрачно говорю я. – Наверное, и правда глупо думать, что Миранда захотела бы помочь мне. Я же монстр, разбивший ей сердце, помнишь?

– Хочешь совет? Постарайся не лезть на рожон. Ходи на тренировки, делай все, что говорит О'Ши, и не ввязывайся в перепалки с ним. Весна наступит так быстро, что и не заметишь. Ты окончишь университет и больше никогда не увидишь этого сукиного сына.

– Ты прав, – соглашаюсь я, – было бы из-за чего переживать. Я скоро уеду отсюда.

– Вот-вот. Но дай мне знать, если он будет доставлять тебе

неприятности, ладно? Я найду хорошую причину, чтобы затаскать его по судам.

Я усмехаюсь.

– Ты же не занимаешься гражданским правом?

– Для тебя, мой младший братец, я сделаю исключение.

Когда мы заканчиваем разговор, мое настроение заметно улучшается. Мои друзья любят дразнить меня, называя мажором из Коннектикута. Уверен, они думают, что мои родители – снобы, брат и сестра – избалованные богатенькие детки, но на самом деле у меня просто замечательная семья.

Мои родители – весьма влиятельные адвокаты, но вряд ли возможно встретить более приземленных людей, чем они. Конечно, я, мои брат и сестра росли в достатке и имели блага, о которых многие могут только мечтать. У нас были няня и домоправительница. Мы учились в частных школах и каждую неделю получали приличную сумму на карманные расходы. Но чтобы увидеть хотя бы десять центов из этой суммы, нам необходимо было сделать всю работу по дому и закончить домашние задания. Стоило нашим оценкам упасть, нас тут же сажали под домашний арест. А если мы пытались выпросить себе что-нибудь лишь по причине того, что наша семья состоятельна, нас за это наказывали. Когда я потребовал у отца денег (один-единственный раз в жизни), он пожертвовал весь мой фонд колледжу – для детей из неблагополучных семей. А потом на все лето устроил меня клерком в свою фирму, чтобы я заработал деньги и вернул их обратно.

– Что хотел тренер? – спрашивает Гаррет, когда спустя пятнадцать минут я вхожу в гостиную.

– Познакомить меня с нашим новым тренером по работе с защитниками. – Я плюхаюсь в кресло и бросаю взгляд на экран. Джи и Логан играют друг против друга в Ice Pro, и, судя по счету, Логану надирают задницу.

– У нас новый тренер по работе с защитниками? – Логан тут же ставит игру на паузу. – И почему тебя захотели представить ему отдельно от всех?

Я осторожно подбираю слова.

– Его зовут Фрэнк О’Ши. Он был моим тренером в старшей школе, поэтому Дженсен решил, что мы захотим поболтать, прежде чем официально представлять О’Ши всей команде.

Логан хмурится.

– Ясно. Но почему он появился только сейчас? Сезон уже начался. Как-то странно принимать тренера по работе с защитниками, когда мы уже

отыграли первый матч.

– И проиграли, – бормочет Гаррет.

– Но все-таки один матч уже сыгран, – продолжает Логан. – Непохоже, что мы в такой уж плохой форме и нам требуется новый тренер, который все на фиг изменит. Такое ощущение, что тренер Дженсен запаниковал. – По-прежнему хмурясь, он снова поворачивается ко мне. – И что этот новый из себя представляет? Хороший мужик?

Дьявол во плоти.

– Нормальный мужик, – вру я и тут же меняю тему. – А где Так?

– Не знаем. Мне кажется, вчера он даже не ночевал дома. – Логан снимает игру с паузы, и все его внимание вновь сосредоточено на экране.

Я морщу лоб. Ночь с пятницы на субботу Такер тоже провел вне дома. Интересно, может, у него появилась новая девушка? Потому что он не имеет привычку не ночевать дома две ночи подряд.

Так как мои друзья снова поглощены видеоигрой, я поднимаюсь наверх и заставляю себя сесть за чтение лекции по предмету, в котором немного отстал. Остаток дня провожу то за чтением, то в дреме и спускаюсь вниз только вечером, лишь для того, чтобы стащить несколько кусков пиццы, которую заказали Гаррет и Логан. Не знаю, почему, но мне не хочется ни с кем общаться. Может, оттого что я по-прежнему раздражен из-за О’Ши, перешедшего в Брайар. А может, потому, что каждый раз, закрывая глаза, чтобы вздремнуть, я видел сексуальный ротик Элли, сомкнувшийся вокруг моего члена, плавные изгибы ее золотистого тела, вжавшегося в меня, ее грудь в моих ладонях.

Почему я не могу выбросить эту девчонку из головы? Да, секс был феноменальным. Да, она привлекательная. Но феноменальный секс и привлекательные девушки не редкость в моей жизни.

«Забудь о ней», – мысленно приказываю я своему члену, когда он снова твердеет при мысли об Элли.

В ответ он дергается, дразнит меня.

– Черт побери, – рычу я, шарю по кровати в поисках телефона, а затем набираю номер, по которому звонил прошлым вечером.

Элли берет трубку после четырех гудков, из динамика льется ее настороженный голос.

– Привет. Что случилось?

Я тяжело вздыхаю.

– Я хочу трахнуть тебя еще раз.

– У тебя теперь такой бзик? Будешь звонить мне каждый вечер и говорить это?

– Может быть. – Дерьмо. Я зол, хочу секса и в таком же замешательстве, как и Элли. – Скажи «да», куколка. Соглашайся и избавь наконец меня от мучений!

– Я уже говорила тебе: это произошло лишь раз и больше не повторится. Ни к чему не обязывающий секс – это не мое. Да, мы получили от этого удовольствие, но... черт, мне пора идти. Позвони одной из ваших хоккейных заек. Уверена, она сможет позаботиться о тебе.

И второй раз за два дня она бросает трубку.

* * *

Элли

– Кто это был?

Я чуть не подпрыгиваю на полметра, когда раздается голос Ханны. Я прервала звонок, как только услышала ее шаги в коридоре, но совсем не ожидала, что она появится так быстро.

– А, да никто. – Гениальный ответ.

Ханна выгибает темную бровь.

– Никто?

– Продажи по телефону, – придумываю я на лету. – А значит, никто.

Ханна подходит к моей кровати, бурча в раздражении.

– И как им удастся получить наши номера? Когда я подписывала договор со своим оператором связи, там был целый пункт о том, что в соответствии с политикой их компании они ни за что и никогда не передадут мой номер третьим лицам. Только чушь все это. Знаешь, почему? Потому что каждый день мне звонят из авиакомпаний, магазинов одежды и прочих мест и рассказывают, какие у них потрясающие скидки, или объявляют о каком-то липовом выигрыше. Хочешь, скажу, какой звонок был самым худшим? Идиотская промоакция поездки на круизном лайнере, которая начиналась со звуков сирены! *Кошмар* какой-то.

Тирады Ханны обычно затягиваются на несколько минут, и я благодарю Бога за это, потому что она будет сильно накручена, чтобы раскусить мою ложь. Ее так захватила эта гневная речь, что она не замечает, как я тайком читаю вспыхнувшее на экране телефона сообщение.

Дин: Тебе пора перестать бросать трубку.

Я отвечаю: *А тебе пора перестать предлагать мне секс. Знаю, что хороша в постели, но выбрось уже это из головы.*

Он: *Не могу. Поверь, я пытался.*

Я: *Плохо пытался.*

Он: *Давай же, куколка. Всего один раз. Только представь, как нам будет хорошо...*

Конечно, нам будет хорошо: он – чемпион в сексе, но это не изменит того, что просто секс меня не привлекает.

Я: *Отстань. Я учу текст роли с Ханной.*

Он: *Напиши мне, когда закончишь, и я прокрадусь в твою комнату. Уэллси даже не узнает, что я там.*

Пронзительное желание появляется между ног. Меня неожиданно возбудила мысль о том, что Дин тайком проник ко мне и мы трахаемся, пока ничего не ведающая Ханна спит в соседней комнате.

Я стараюсь не обращать внимания на невольный отклик моего тела и печатаю: *Спокойной ночи, Дин.*

Затем поворачиваюсь к Ханне.

– Мы закончили ругать телепродажи? Детка, этот сценарий сам себя не прочитает.

– Прости. Ничего не могу с собой поделать: как слышу «продажи по телефону» – сразу прихожу в ярость. – Ханна сидит, скрестив ноги, посередине моей кровати и ловит сценарий, который я бросаю ей.

Я остаюсь стоять. В первой сцене моя героиня расхаживает взад-вперед, и мне хочется прочувствовать, как эта ходьба повлияет на мое владение дыханием.

Ханна листает первые страницы.

– Ладно, начинаем. Кем я буду, Джанет или Кэролайн?

– Кэролайн. У нее две определяющие черты характера – мелочность и равнодушие.

Моя лучшая подруга широко улыбается.

– Значит, мне выпала роль стервы? Отлично.

Если честно, мне хотелось бы, чтобы стерву играла я. Моя героиня – молодая вдова, потерявшая мужа в Афганистане, и это более тяжелая в эмоциональном плане роль. Из-за разрыва с Шоном мои эмоции и так на грани истощения, и я боюсь, что не смогу сыграть правдиво и достойно.

Как оказывается, мой страх оправдан. Мы только на пятой странице, а

я уже чувствую себя словно выжатый лимон и объявляю короткий перерыв.

– Ух ты, – говорит Ханна, пробегая глазами несколько следующих сцен, – а пьеса довольно напряженная. Зрители будут постоянно рыдать в голос.

Я падаю на кровать рядом с ней и потягиваюсь.

– Это я буду постоянно рыдать в голос. – В буквальном смысле, потому что моя героиня льет слезы в каждой второй сцене.

Ханна откидывается назад, упираясь локтями в матрас, и между нами воцаряется комфортное молчание. Мне оно нравится, потому что такое бывает редко. Взять хотя бы Меган и Стеллу, которых я считаю близкими подругами: когда мы вместе, кто-то из нас обязательно старается заполнить тишину разговорами. Думаю, необходим определенный уровень доверия, чтобы вот так сидеть рядом с кем-то и не испытывать навязчивого желания болтать.

Как-то раз мой папа сказал мне, что то, как реагирует человек на молчание, может многое о нем рассказать. Я всегда считала, что он молот чепуху, потому как у отца есть привычка сыпать глубокомысленными изречениями и настаивать на их мудрости, хотя половина из них – полный бред.

Но сейчас я понимаю, что тогда он был прав. Думая о тишине, которую разделила с другими своими друзьями, я понимаю, насколько она была говорящей.

Мег заполняет тишину шутками, старается изо всех сил всех насмешить. Сколько я ее знаю, она всегда обращается к юмору, стоит ситуации стать достаточно серьезной.

Стелла же забрасывает тебя вопросами о твоей жизни. Сколько я ее знаю, она при любой возможности будет избегать разговоров о собственной персоне. Думаю, поэтому меня немало удивило, когда она стала встречаться с Джастином Коулом, футболистом, по которому сохла Ханна, пока не влюбилась в Гаррета. Стелла не раз открыто признавалась, что близость ее пугает.

Вспомнив про Джастина, я поворачиваюсь к Ханне.

– Слушай, а Гаррет когда-нибудь признавался, что ошибся по поводу Джастина?

Она морщит лоб.

– Почему ты об этом спрашиваешь?

Я улыбаюсь.

– Прости. Просто я только что думала о Стелле, и мне вспомнилось, как Гаррет был убежден в том, что у Джастина дурные намерения, и

называл его мерзавцем.

– Было дело. – Ханна, смеясь, садится. – Вообще-то, совсем недавно мы как раз говорили об этом. Я сказала ему, что он ревновал меня к Джастину на уровне подсознания.

– Ха, готова поспорить, он был *в восторге*.

– Это единственное логическое объяснение. Такие хорошие парни, как Джастин, редко встречаются. Но Гаррет настаивает на том, что просто ошибся в нем.

– Что ж, в любом случае я рада, что Джастин оказался из числа хороших парней. Стелла заслуживает счастья. – Я замечаю меланхолические нотки в своем голосе и надеюсь, что Ханна не обратила на них внимания.

Как бы не так.

– Ты тоже заслуживаешь счастья. Ты ведь это знаешь, да?

– Знаю. – Я сглатываю внезапно вставший в горле ком.

В зеленых глазах Ханны загорается огонек сомнения.

– Элли... а ты жалеешь о том, что рассталась с Шоном?

Ком в горле становится еще больше. Невозможно дышать, особенно когда мне вспоминается мучительная боль в голосе Шона, когда он спрашивал меня, с кем именно я переспала.

– Нет, – наконец отвечаю я. – Я знаю, это было правильное решение. Мы совершенно по-разному видели наше будущее и никак не могли найти компромисс, не обидев один другого.

Ханна кажется печальной.

– Как думаешь, ты уже готова снова с кем-то встречаться?

Я судорожно вздыхаю.

– Нет еще.

Боже, но мне так *хотелось бы* отвлечься. Я устала грустить, думать о том, как там Шон, и бороться с желанием позвонить ему. Может, я и не хочу снова сходиться с ним, но мне плохо, оттого что я обидела дорогого мне человека. У меня есть ужасная черта: желать, чтобы все вокруг были довольны и счастливы, даже если ради этого мне придется пожертвовать собственным счастьем. Мой папа утверждает, что это замечательное качество, но иногда мне хочется быть хотя бы немного эгоистичнее.

Наверное, в пятницу я как раз повела себя эгоистично. Секс с Дином случился потому, что мне необходимо было удовлетворить свои природные желания, и какой бы виноватой я себя ни чувствовала после него, как бы стыдно мне ни было, невозможно отрицать, что он чертовски меня устроил.

Да уж, возможно, Дин прав, что нам *стоит* заняться сексом снова.

– Может, мне стоит закрутить легкий роман, – говорю я вслух, просто

чтобы оценить эту мысль.

Ханна отвечает быстро и резко.

– Ты уже пробовала это, помнишь? После ваших первых с Шоном расставаний. Тебе не понравилось.

Это правда. Мне совсем не понравилось.

– Но я ни с кем из них не спала, – напоминаю я ей. – Просто сходила на несколько паршивых свиданий и поцеловалась с парочкой придурков. Может, это и было моей ошибкой – что я *ходила на свидания*. Возможно, сейчас мне нужно выбрать горячего парня и просто трахаться с ним в свое удовольствие. Только секс, никаких ожиданий.

Ханна фыркает.

– Удачи тебе. Мы обе знаем, что ты не можешь целоваться с парнем и не думать о серьезных отношениях с ним.

Тоже правда.

Да зачем я вообще начала думать об этом? Если Ханна так отвечает мне, когда мы говорим о гипотетическом сексе без серьезных отношений, могу лишь представить, что она скажет, признайся я в том, что рассматриваю на эту роль *Дина*. Этот парень – исключительный бабник. Он совершенно не подходит для серьезных отношений, к тому же я сомневаюсь, что он согласился бы просто на интрижку. Невозможно представить, что он будет только со мной, – иначе ни о какой интрижке не может идти и речи: я ни за что не буду иметь дело с тем, кто спит с кем-то еще.

Так... надо отказываться от этой идеи с Дином, пока она еще в самом зародыше. Не знаю, почему ему так сильно хочется снова прыгнуть со мной в постель, но уверена, что рано или поздно он перестанет об этом думать. У этого парня концентрация внимания как у фруктовой мушки, а привычка делиться своей привязанностью как у щенка: готов предложить свою преданность всем, у кого есть угощение, то есть вагина.

Очнувшись от размышлений, я меняю тему разговора.

– Эй, что будешь делать на День благодарения?

– Мы с Гарретом поедem к моим тете и дяде в Филадельфию. Родители тоже туда прилетят.

– Круто.

– А ты поедешь в Бруклин?

Я киваю. Каждый праздник я провожу в Бруклине, со своим отцом, и мне каждый раз не терпится снова увидеть его, но в этом году я немного беспокоюсь: последний раз, когда мы разговаривали, он настаивал, что хочет сам приготовить праздничный ужин.

Раньше я бы только поддержала его, потому что папа – лучший в мире повар. Но пять лет назад ему диагностировали рассеянный склероз, и с тех пор я стараюсь сделать все, чтобы он не перетруждался. Мне пришлось отклонить приглашение бесплатного обучения в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, только чтобы быть в нескольких часах езды от него. Отец упрямо утверждает, что ему не нужна помощь и что он вполне справляется самостоятельно, но мне было бы тяжело переехать в противоположный конец страны, тем более что периоды ремиссии стали немногочисленными и редкими.

Теперь я все больше радуюсь тому, что осталась на восточном побережье, потому что за прошедший год папино состояние сильно ухудшилось.

Как и большинству людей, страдающих этой болезнью, сначала отцу диагностировали рецидивирующе-ремиттирующий рассеянный склероз, но сейчас он перешел во вторично прогрессирующий, то есть обострения стали более частыми и сильными, чем раньше. Когда я приехала к нему этим летом, то была шокирована произошедшими в нем изменениями. Внезапно ему стало тяжело ходить, тогда как раньше папа лишь иногда терял равновесие и ощущал легкое онемение в конечностях. Пока я гостила у него, с ним случилось два приступа вестибулярного головокружения, и мне пришлось надавить на него, чтобы он признался, что боль стала сильнее и временами у него бывают проблемы со зрением.

Все это очень пугает меня. Я уже потеряла в тринадцать маму из-за рака. Кроме папы, у меня никого нет. Я отказываюсь потерять и его, пусть даже мне придется цепями приковывать его к креслу в нашем доме в Бруклине и силой заставлять смотреть футбол, а самой готовить ужин.

– Ладно, перерыв окончен. – Мне снова нужно отвлечься от своих мрачных мыслей. Простонав, я сажусь на кровати и открываю сценарий на том месте, где мы остановились. – Кэролайн собирается опять накричать на Джанет.

Ханна заправляет за ухо прядь темных волос.

– Кстати, если бы ты вдруг потеряла своего мужа, я ни за что не стала бы называть тебя плаксой и призывать оставить все в прошлом. – Ее лицо становится серьезным. – Другими словами, ты можешь хандрить из-за Шона столько, сколько тебе нужно. Обещаю: я не стану осуждать тебя.

Горло сдавливает от нахлынувших эмоций, но я умудряюсь выдавить из себя:

– Спасибо.

Несмотря на слова о том, что прошлое осталось в прошлом, совершенно очевидно, что мой бывший тренер делает все, чтобы испортить мне жизнь. Первая тренировка с нашим новым тренером по защите длится на час больше – но только для защитников. Пока все остальные игроки идут в раздевалку, чтобы принять душ, переодеться и отправиться по домам, О’Ши приказывает защитникам остаться на льду для дополнительных упражнений, объявив, что он в жизни не видел более жалких хоккеистов, чем мы.

Когда он наконец отпускает нас, мы с товарищами по команде покидаем лед, матерясь и ворча всю дорогу. Мы насквозь промокли от пота, от шлемов идет пар, когда мы в отвратительном настроении начинаем снимать форму в уже опустевшей раздевалке.

– Нормальный мужик, говоришь? – язвительно спрашивает Логан, припомнив характеристику, которую я дал вчера О’Ши.

– Он просто показывал нам, что его член больше наших, – бубню я в ответ. – Наверное, так он хочет заставить нас уважать его.

На самом деле так он наказывает меня за то, что я обидел его дочь, но столь утешительную деталь я оставляю при себе. И не потому, что О’Ши велел мне не обсуждать эту историю с моими товарищами по команде, а потому, что мне не хочется вспоминать все то дерьмо, что произошло между мной и Мирандой.

По иронии судьбы наши отношения с Мирандой О’Ши повлияли не только на мою школьную жизнь, но и на жизнь в колледже. Из-за нее я сейчас четко оговариваю свои намерения – вернее, отсутствие таковых – перед тем, как переспать с девушкой. Честно говоря, тогда я тоже перед ней объяснился, но, видимо, недостаточно однозначно. Теперь я стараюсь сделать все, чтобы женщина понимала, кто мы друг для друга, прежде чем в ее голове начнут рождаться фантазии о нашей счастливой совместной жизни.

– Есть планы на ужин? – спрашивает меня Логан, когда мы входим в душевую. – Грейс захватит китайской еды из города и приедет к нам. Думаю, она купит столько, что хватит на всех.

– Спасибо за приглашение, но я собираюсь выпить с Максвеллом. Не знаю, когда вернусь домой.

Мы расходимся по отдельным душевым кабинкам, и на этом разговор заканчивается. Я только успел намылить яйца, как Логан уже выключил воду. Да, друг принимает душ так быстро, словно кто-то предложил ему миллион баксов за то, что он помоемся меньше чем за тридцать секунд.

– Еще увидимся, – кричит он мне, оборачивая вокруг себя полотенце, и выходит из душевой.

Я понимаю, что ему очень хочется увидеть Грейс, и почему-то от этой мысли как-то странно щемит в груди. Нельзя сказать, что это ревность. Это и не возмущение. Разочарование, может быть?

Я все понимаю. Мои лучшие друзья по уши влюблены. Они предпочитают обниматься и целоваться со своими девушками, а не зависать с парнями, но это не злит меня, ни капельки. Просто у меня ощущение, что нашей дружбе приходит конец.

После окончания Гарварда мой старший брат утратил связь со всеми студенческими друзьями. Товарищи по команде, за которых он раньше был готов отдать жизнь? Теперь они даже не разговаривают. Друзья по юридической школе? Обмениваются электронными письмами максимум раз в месяц.

Я понимаю, что по окончании колледжа друзья расходятся по разным путям: кто-то женится, кто-то переезжает, появляются новые друзья, другие интересы. Но мне ненавистна даже мысль о том, что в моей жизни не будет Гаррета, Логана или Така, а также та циничная часть меня, которая постоянно напоминает о неизбежности этого конца.

В следующем году я буду учиться в юридической школе. У меня не будет времени даже на сон, не говоря уже о том, чтобы видаться с друзьями. Гаррет с большой долей вероятности переедет в другой город, чтобы играть в НХЛ. Логан – тоже, если у него получится с «Провиденс Брюинз», фармклубом, который уже заявил о своем интересе подписать с ним контракт после окончания колледжа. Это лишь вопрос времени, когда он перейдет в высшую лигу и тоже переедет. И кто знает, чем собирается заняться после выпуска Такер? Может быть, вернется в Техас.

Блин, с чего это я начал так философствовать? Может, потому, что уже целых три дня не занимался сексом? Увы, для меня это большой срок, и моим яичкам это совсем не нравится. Конечно же, я виню во всем Элли.

– Дин!

Знакомый голос окликает меня, когда я выхожу из хоккейного корпуса. Навстречу мне вышагивает Келли, и выглядит она так, будто только что

сошла со страниц каталога модной одежды. Вокруг шеи намотан плотный красный шарф, на ногах коричневые кожаные сапоги, и завершает образ длинное серое пальто-бушлат. Ее светлые волосы собраны в небрежный пучок, выбившиеся длинные пряди обрамляют лицо.

Она чертовски сексуальная, но, если честно, с тех пор как я переспал с Элли, я не вспоминал ни про Келли, ни про Мишель. И я не чувствую себя виноватым из-за того, что не писал и не звонил ей, да и сама Келли ничего не говорит по этому поводу, а просто раскрывает теплые объятия. Как я уже говорил, цыпочки прекрасно знают, кто мы друг для друга. И что самое смешное, когда Келли и Мишель подошли ко мне в «Малоун», я не успел и рта открыть, как именно они заговорили про секс без обязательств. Они прямым текстом заявили мне, что все, что им нужно от меня, – это мой член, а я был только рад им подчиниться.

– Как прошли выходные? – спрашивает Келли.

Я пожимаю плечами.

– Могли быть и получше. – Если бы кое-кто перестал меня обламывать.

– Ах как печально. – Она улыбается. – Но у меня есть кое-что, что может поднять тебе настроение. Ко мне приехала моя сестра. Я рассказала про тебя, и теперь ей не терпится с тобой познакомиться. Она остановилась у нас с Мишель...

Невозможно как-то иначе истолковать это приглашение.

– О, ну что ж... – Я даже не знаю, что на это ответить.

– А я сказала, что она мой близнец?

Офигеть!

– К тому же Мишель так грустит... – Келли подмигивает мне. – Говорят, что три – это магическое число, но, по-моему, четыре еще лучше.

Я жду, когдаотреагирует мой член. Черт, я *приказываю* емуотреагировать. Привстать или дернуться, вызывать покалывание в яичках. *Хоть как-нибудь*, мать вашу! Но южнее экватора ничего не происходит. Мой орган как будто только что перестал функционировать.

«Давай, Дин-младший, помоги мне, – мысленно умоляю я. – Мы тут говорим о сексе вчетвером».

Никакой реакции. Похоже, Дин-младший не собирается подчиняться до тех пор, пока не получит то, чего хочет. И, к сожалению, хочет он не Келли, Мишель и сестру-близняшку Келли.

Он хочет Элли Хейз.

– Звучит... супер. Правда. Но я вынужден отказаться. Сегодня я выпиваю с другом, – с сожалением сообщаю я Келли.

– Я его знаю?
– Может быть. Это Бо Максвелл. Он...
– Квотербек нашей футбольной команды, – заканчивает она. В ее глазах загорается похотливый огонек. – Пригласи и его. Впятером может быть даже еще веселее, чем вчетвером.

О Господи Иисусе.

Я хочу ощутить возбуждение. Я *молюсь* об этом. Но Дин-младший остается безучастным к моим мольбам.

Чувство бессилия овладевает мной, и, пробормотав очередное извинение и пообещав Келли принять ее предложение в следующий раз, я сердито шагаю к машине, всю дорогу проклиная свой член.

* * *

Спустя двадцать минут я усаживаюсь за самый дальний столик в «Малоун».

– Прости, что опоздал, – говорю я Бо. – Тренировка растянулась на лишний час.

Стартовый квотербек Брайара пожимает своими огромными плечами.

– Не парься. Я сам приехал пару минут назад. – К моему облегчению, стоящий перед ним стакан с темным элем и правда почти полный.

Я снимаю куртку и бросаю ее на сиденье рядом с собой. Тут же к нам подходит симпатичная брюнетка, чтобы принять у меня заказ.

– Ну что, как дела? – спрашивает Бо, когда она уходит. – Мы не виделись с экзаменов в середине семестра.

– Знаю, мужик. Но у нас напряженный график тренировок. Мы проиграли во всех матчах в межсезонье, и тренер Дженсен в ярости.

– Блин, я слышал. Делюка тоже в ярости, – рассказывает Бо про своего главного тренера. – У нас нет ни единого шанса выйти в плей-офф. Черт, да я буду страшно удивлен, если мы будем играть в матче за кубок. – Никогда не видел его таким мрачным, и мне вряд ли удастся хоть слегка его утешить.

На счету нашей футбольной команды уже три поражения. Одно или два – они, возможно, еще как-нибудь смогли бы обрести прежнюю форму. Но три – это значительно подрывает их шансы высоко подняться в этом сезоне.

Голубые глаза Бо темнеют, когда он делает большой глоток пива и опустошает почти половину пинты. Я чувствую, как он подавлен. Знаю, что

такое быть игроком высокого уровня в низкосортной команде. К счастью, хоккейный сезон только начался, и межсезонные матчи никак не влияют на турнирное положение команды, но наша слабая игра и корявые тренировки сулят мало хорошего в новом сезоне.

С другой стороны, мы три раза становились национальными чемпионами, так что я не стану плакать в подушку, если в этом году наша команда не попадет в плей-офф. Черт, может, просто пришло время для плохого сезона и хоккейные боги решили немного уравнять нас с другими.

Но у Бо совершенно другая ситуация. В Брайар его забрали прямо из старшей школы, и на первом курсе он сразил всех наповал своей игрой. Тренеры даже посадили на скамейку запасных квотербека-старшекурсника, а Бо включили в стартовый состав. Весь сезон они были непобедимы, он привел свою команду к матчу за звание чемпиона. И хотя они проиграли тогда, то, что после десятилетнего перерыва команда Брайар попала в плей-офф, уже стало большим достижением.

На следующий год все пошло коту под хвост. Почти все ведущие игроки команды либо окончили колледж, либо бросили учебу ради драфта, и Бо остался один, со слабой линией нападения и еще более слабой линией ресиверов. С тех пор команда проигрывает раз за разом, что само по себе вызывает уныние, но особенно это тяжело для Бо, который является невероятно талантливым квотербеком. К несчастью для него, он не обладает никаким оружием, чтобы выиграть.

– На втором курсе у тебя была возможность перевестись, – напоминаю я ему. – Чуваки из университета Луизианы готовы были сосать твой член, только бы заманить тебя к себе.

Бо сердито хмурится.

– И что, бросить свою команду? Что за козел может так поступить?

«Козел, который хочет играть в НФЛ» – хочется ответить мне, но я прикусываю язык. Из-за последних выступлений нашей футбольной команды шансы Бо быть выбранным на драфте под высоким номером – да и вообще быть выбранным – становятся все ничтожнее. Но его преданность Брайару достойна восхищения. Это точно говорит о его характере.

– Меняем тему, – велит Бо. – Прямо сейчас, пока я не начал рыдать в свой «Сэм Адамс».

И как по команде с моим «Курз Лайт» к нам возвращается официантка. Я попросил принести мне бутылку, а не стакан, и она устраивает целое шоу, пока открывает крышку и протягивает мне бутылку с длинным горлышком, нагибаясь так низко, чтобы мне была хорошо видна ложбинка между ее

грудей.

– Мальчики, дайте мне знать, если вам понадобится что-нибудь еще, – воркует она. – Я тут рядом.

Мы с Бо разглядываем ее задницу, когда она разворачивается, чтобы уйти. Не вижу в этом ничего такого, потому что девица потряхивает округлой попкой и виляет бедрами, что выглядит как приглашение. Ее короткая черная юбка напоминает мне о другой отличной заднице, которую я видел в прошлые выходные и с которой Бо, несмотря на мои многочисленные предупреждения, тоже хорошо знаком.

– Видел здесь Сабрину в пятницу, – говорю я ему.

Он отводит взгляд от официантки.

– Да?

Я киваю.

– Вы еще встречаетесь? – И под словом «встречаетесь» я имею в виду ни к чему не обязывающий секс, потому что мы с Бо одного поля ягоды. Он тоже не сторонник серьезных отношений.

– Нет, все закончилось, – признается он. – Она очень занята.

– И чем это она занята? – Насколько мне известно, у Сабрины даже нет работы.

– Понятия не имею. Она живет в Бостоне, так что, думаю, это как-то связано с поездками туда и обратно. Дошло до того, что мы стали встречаться раз, отсылы два раза в месяц. А на уик-энды она вообще исчезает, просто как... Пуф! – и пропала. – Бо пожимает плечами.

– Сначала я думал, что Сабрина строит из себя недотрогу, но теперь склонен думать, что она ведет двойную жизнь. – Он умолкает. – Как думаешь, может, она агент ЦРУ?

Я начинаю анализировать.

– Нет совести, черное сердце... да, пожалуй, все сходится.

Бо усмехается.

– Ой, отцепись ты уже от нее. Она классная девчонка, хоть ее и невозможно разгадать.

– Если под классной девчонкой ты понимаешь критичную суку, то да. – Теперь настала моя очередь менять тему нашей беседы. – Слушай, на прошлой неделе к нам забежал Джастин, и он сказал, что в команде появился первокурсник, принимающий, и что он может кое-чего добиться.

Бо кивает.

– Джонсон. Быстрый, но есть проблемы с удерживанием мяча.

Следующие минут десять мы снова разговариваем о своих командах. Я – хоккеист, Бо – мистер футболист, но мне нравится американский футбол,

а ему – хоккей, так что наш разговор плавно переходит от одного вида спорта к другому и обратно. И когда мы заказываем пиво по второму кругу и наша беседа возвращается к теме девушек, я с мрачным видом рассказываю Бо о предложении Келли.

– Какого хрена, мужик? Ты отказался от оргии? Оргии, на которую пригласили и меня? – Он качает головой. – У тебя начинается грипп или что?

Я провожу пальцами по длинному горлышку бутылки.

– Нет, просто настроения не было.

– У тебя не было настроения для оргии с сестрами-близняшками?! – Бо своим ушам не верит. – Кто ты, черт подери, такой и что ты сделал с моим другом Дином?

Я издаю стон.

– Не знаю. Я в полном ауте, чувак. Недавно я кое с кем переспал и теперь никак не могу выкинуть ее из головы.

– Ты прикалываешься.

– Нет. Такова ужасная правда.

Бо продолжает изумленно смотреть на меня.

– Думаешь, мне это *нравится*? – защищаясь, спрашиваю я. – Поверь, мне совершенно не нужна эта головная боль. – Я делаю хороший глоток пива. – Эй, знаешь «Сумерки»?

Он моргает.

– Прости, что?

– Ну, «Сумерки». Книжка про вампиров.

Бо настороженно всматривается в мое лицо.

– И что дальше?

– Знаешь, у Беллы какая-то суперособенная кровь, и поэтому у Эдварда всегда вставал, стоило ему оказаться рядом с ней.

– Ты сейчас издеваешься надо мной?

Я не обращаю никакого внимания на высказывание Бо.

– Как думаешь, такое может быть в реальной жизни? Типа феромоны и подобная им ерунда. Это всего лишь бредовая теория, которую придумал один озабоченный чел, чтобы оправдать свое влечение к собственной матери, или просто дерьмо? Возможно, реально существуют биологические причины, из-за которых нас тянет к определенным людям? Как в гребаных «Сумерках». Эдвард ведь хочет ее на биологическом уровне, правильно?

– Ты сейчас всерьез анализируешь «Сумерки»?

Боже, именно это я и делаю. Вот до чего довела меня Элли. Жалкий неудачник, который пришел в бар и заставляет своего друга вступить в

книжный клуб «Сумерек».

– Даже не знаю, то ли поржать над тобой, то ли отправить тебя к психиатру, – мрачно говорит Бо. – Мне еще не доводилось встречать парня, который действительно читал эту книгу.

– Я ее не читал. Просто моя сестра была одержима этой серией. Она ходила за мной по пятам и рассказывала, что к чему, хотя и против моей воли.

– Ага, конечно. Во всем виновата твоя сестра. – Бо смеется, но тут же снова становится серьезным. – Ладно, значит, ты помешался на этой девчонке. Тогда почему не трахнешь ее снова?

– Потому что она не хочет, – стиснув зубы, отвечаю я.

– Это невозможно. Все этого хотят.

– Знаю. – Я поднимаю бутылку к губам. – Так что мне делать?

Бо в ответ лишь пожимает плечами.

– Выбрось ее из головы. Развлекись с другой.

На ум приходят только цитаты из «Мира Уэйна»^[7], потому что мы с Такером посмотрели этот фильм буквально на прошлой неделе, когда его показывали по телику.

– Отлично. – Я ухмыляюсь и добавляю: – «Слушай, если у меня вообще нет оружия, зачем мне полочка для ружей?»

И следующую фразу мы цитируем хором:

– «Для чего мне полочка для ружей?»

Тут мы начинаем ржать и даем друг другу пять, но потом Бо снова возвращается к обсуждаемому вопросу.

– А теперь серьезно. – Он обводит рукой бар. – Здесь полно женщин, готовых продать своего первенца за то, чтобы уйти домой с тобой. Выбери одну и переспи с ней – может быть, так избавишься от той, что засела у тебя в голове.

– Мой член мне не позволит, – бурчу я.

Бо чуть не давится от смеха.

– Повтори, пожалуйста.

– Мой член стал очень упрямым, – с раздражением объясняю я. – Вчера вечером я пытался подрочить под порнушку, но, клянусь чем угодно, проклятый хрен так и не встал. Но стоило мне подумать об Эл... о той девчонке, – поправляю я сам себя, потому что пообещал Элли, что никому не расскажу о нас, – и бац! – я щелкаю пальцами, – он твердый как камень.

Бо задумчиво разглядывает меня.

– Знаешь, мне кажется, здесь проблема не в волшебной крови Беллы.

– Нет?

– Нет. По-моему, ты запечатлелся с киской этой девчонки.

Позади меня раздается сдавленный кашель, и, когда я оборачиваюсь, вижу проходящую мимо нашу официантку. Щеки у нее покраснелись, губы подергиваются, как будто она пытается сдержать смех.

Я поворачиваюсь обратно к Бо.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что ты столкнулся с проблемой Джейкоба. Ты впечатлился ее киской, и теперь это единственное, о чем ты можешь думать. Ты существуешь только ради *этой самой* киски. Все как у Джейкоба и того жуткого ребенка-мутанта.

– Ну ты и сволочь! Ты прочитал все книги!

– Нет, – протестует Бо и виновато улыбается. – Я смотрел все фильмы.

Я решаю оставить колкие шутки на потом, потому что сейчас нужно сосредоточиться на более существенных вопросах.

– Так в чем будет заключаться лечение, доктор Максвелл? Удариться в загул и надеяться, что я распечатлюсь? Или продолжать очаровывать ее в надежде, что она сдастся?

Мой приятель громко фыркает.

– Откуда мне знать? – Бо поднимает свое пиво. – Я пьян, чувак. А если я выпил, лучше меня не слушать. – Он опустошает стакан и показывает официантке принести еще. – Черт, да даже когда я *трезвый*, лучше меня не слушать.

Наш второй матч в сезоне – это настоящая катастрофа. Нет, не так. Это страшная, кровавая бойня.

Всю дорогу до раздевалки никто не произносит ни слова, унижение от победы ползет за нами, как лужица смолы. С таким же успехом мы могли стянуть вниз штаны, выставить в воздух задницы и попросить команду соперников отшлепать нас. Блин, мы протянули им победу на блюдецке. Вернее, мы протянули им победу всухую!

Стягивая с себя свитер, я мысленно проигрываю каждую секунду матча. Любая сегодняшняя ошибка нашей команды навсегда отпечаталась в моей памяти, как тавро. Проигрывать всегда отстойно. Проигрывать дома – еще хуже.

Елки-палки, сегодня в «Малоун» будет куча разочарованных фанатов. Я не горю желанием встречаться с ними и знаю, что мои товарищи по команде расстроены не меньше. Особенно Хантер, который так торопливо снимает с себя форму, как если бы по ней бегали сотни огненных муравьев.

– Сегодня ты сделал несколько отличных бросков, – говорю я ему, и это сушая правда. Пусть наша команда проиграла, не забив ни единого гола, но это не значит, что мы не пытались. Мы бились до последнего. Просто команда соперников оказалась немного сильнее.

– И было бы здорово, если бы хоть один достиг цели, – бубнит он.

Я сдерживаю вздох.

– Сегодня их вратарь был на высоте. Даже Джи не смог пробить его.

Именно в этот момент к своему шкафчику подваливает Гаррет и тут же спешит поддержать нахмуренного первокурсника.

– Не переживай так, парень! Сезон только начался. Мы еще наведемся.

– Ага, конечно. – Хантера не переубедить.

Но мы не успеваем вселить в него надежду, потому что в раздевалку входит Дженсен, а за ним – Фрэнк О’Ши.

Тренер не теряет времени даром и произносит одну из своих коротких послематчевых речей. Как обычно, складывается ощущение, будто он говорит по пунктам.

– Мы проиграли. Это дерьмово. Но не сдавайтесь. Нам просто нужно еще больше стараться на тренировках и не ударить лицом в грязь в следующем матче. – Кивнув нам на прощание, Дженсен с хмурым видом уходит.

Я бы решил, что он зол на нас, но только его победные речи звучат примерно так же: «Мы выиграли. И это здорово. Но не обольщайтесь. Мы будем продолжать тренироваться с тем же усердием и выиграем еще больше матчей». Если кто-то из наших новичков ждал, что тренер скажет что-то эпичное и мотивирующее, наподобие речи Курта Рассела в фильме «Чудо», то их постигло жестокое разочарование.

О’Ши остается в раздевалке. Когда он подходит ко мне, я невольно напрягаюсь, но, к собственному удивлению, слышу:

– Хорошо страховал сегодня. Отличный блок во втором периоде.

– Спасибо. – Неожиданный комплимент пока вызывает подозрение, но О’Ши уже отошел к Логану, чтобы похвалить его за потрясающую силовую игру в третьем периоде.

Я бросаю форму в одну из огромных корзин для грязного белья, а затем направляюсь в душевую, где смываю с себя зловоние неудачи. Я ненавижу проигрывать, но никогда не позволяю себе думать об этом больше десяти минут. Мой отец научил меня этой уловке, когда мне было восемь, – после сокрушительного поражения на поле для лакросса.

– У тебя есть десять минут, – сказал он мне, – на то, чтобы подумать о том, что ты сделал не так, и о том, как сейчас тебе плохо. Готов?

Он действительно нажал кнопку на своих часах, чтобы засечь время, и в течение десяти минут я размышлял, сердился и страдал от своего унижения. Я вспомнил каждую свою ошибку и мысленно исправил ее. Представил себе, как дал по зубам каждому игроку противоположной команды. А потом папа сказал, что мое время вышло.

– Ну вот, все закончилось, – сказал он. – Теперь ты должен смотреть только вперед и понять, как стать лучше.

Черт, до чего же я люблю своего отца!

Когда я выхожу из душа, то уже больше не чувствую горечи поражения, она засунута в папку под названием «Всякое дерьмо» в моем внутреннем архиве.

По-моему, у Гаррета есть точно такой же архив, потому что, когда мы встречаемся с Ханной на парковке, у него очень жизнерадостный вид. Он стискивает в объятиях Ханну и чмокает ее в губы.

– Привет, детка.

– Привет. – Она еще крепче прижимается к нему. – Ну и холодрыга! Не

удивлюсь, если сейчас пойдет снег.

Она права. На улице морозно, и наше дыхание выплывает белыми облачками.

– В бар или домой? – спрашивает догнавший нас Логан.

– В бар, – отвечает Гаррет. – У меня нет настроения принимать сегодня гостей. Что скажете?

После матчей мы либо отправляемся в «Малоун», либо приглашаем наших товарищей по команде и друзей к нам домой, но, очевидно, сегодня никто не хочет устраивать вечеринку дома.

– В бар, – повторяет Логан, и я киваю в знак согласия.

– Мы ждем Такера? – Я осматриваю парковку, но нашего соседа нигде не видно. – И где Грейс?

– Так уже уехал с Фитци, – отвечает Логан. – А Грейс сегодня не придет. Она на радио.

С бесстрастным видом я поворачиваюсь к Ханне.

– А что насчет твоей второй половинки?

– Я здесь, – с хмурым видом отвечает Гаррет.

– Я имел в виду ее другую вторую половинку. – Я улыбаюсь Ханне. – Где твоя подружка, та маленькая блондинка, королева драмы?

– Сегодня у нее нет настроения выходить в люди. Она хандрит.

– Хандрит из-за чего? – Но я уже знаю ответ. Из-за бывшего парня, это же очевидно.

Ханна подтверждает мою догадку.

– Из-за Шона. Он звонил ей сегодня утром. Не знаю, о чем они говорили, но после их разговора она стала какой-то тихой и с тех пор хандрит. Я бы осталась с ней, но не хотела пропустить игру.

Гаррет наклоняется и целует ее в покрасневшую от мороза щеку.

– Я рад, что ты пришла. Мы ценим твою поддержку, детка.

– Мне так жаль, что вы проиграли, – говорит Ханна, но меня больше заботит то, что Элли грустит в полном одиночестве.

Наверное, она сейчас утешается мороженым, а на заднем плане играют Mumford & Sons.

– Ты уверена, что тебе не нужно вернуться к ней, заплести ей косички, например? – спрашиваю я Ханну. – Вы ведь так поддерживаете друг друга, да?

– Да, Дин. Именно так. Заплетаем косички, потом устраиваем бой подушками голышом, а затем практикуемся в поцелуях.

– А мне можно прийти? – говорим мы с Логаном в унисон.

– Размечтались. И я пока не собираюсь домой. Я переписывалась с

Элли во время третьего периода, и она заверила меня, что у нее все хорошо. Пьет «Маргариту» и смотрит свой ужасный сериал. Кстати, он действительно ужасный. Сегодня меня домой и силком не затащишь.

– Что за сериал? – с любопытством спрашивает Гаррет.

– Такого кошмара с телевидением еще не случилось, – весь ответ Ханны, и мы дружно смеемся.

Логан хлопает по капоту моего «бумера».

– Ну что, едем?

Я нерешительно мнусь на месте.

– А ты не против поехать с Джи и Уэллси? Мне нужно еще кое-куда заехать. Я встречусь с вами в баре.

– Не вопрос, – с легкостью отвечает Логан. Он уходит от моей машины к «джипу» Гаррета.

Я забираюсь на водительское сиденье и завожу мотор, но жду, пока «джип» уедет, и только потом выезжаю со своего парковочного места. Мне нужно в одно-единственное место, о котором моим друзьям знать необязательно.

* * *

Элли

Когда в дверь стучат, моя первая мысль, что это Шон. И я начинаю молиться, чтобы это был не он, потому что после нашего странного, тяжелого утреннего разговора я еще не готова увидеться с ним.

«Я прощаю тебя».

Он выпалил эти три слова в ту же секунду, как я ответила на звонок. Мне же пришлось бороться с собой, чтобы не выплюнуть в ответ какую-нибудь гадость, потому что прощение подразумевает, что я поступила неправильно, переспав с другим парнем. Но это не так. Я не изменяла ему. Не лгала. Конечно, я совсем не горжусь тем, что так быстро после расставания с Шоном переспала с Дином, но я не буду первой, кто попытается найти утешение в случайном сексе, и точно не буду последней.

И все же, несмотря на негодование, вызванное его «прощением», часть меня испытала от этого облегчение. Видит бог, как сильно мучило меня чувство вины из-за той ночи с Дином, так что, может быть, именно прощения я и искала, когда признавалась во всем Шону.

Но это не значит, что я готова к встрече с ним лицом к лицу. Он просил меня встретиться с ним и выпить кофе, потому что ему якобы нужно еще многое мне сказать, но ему не хочется делать это по телефону. Я ответила, что подумаю. И теперь, когда в дверь снова стучат, мне остается надеяться, что он не решил поторопить события.

Мысленно подготовившись к стычке, я открываю дверь. Но это не Шон. Это Дин.

– Привет, куколка. – Он сверкает широкой улыбкой и входит внутрь. – Уэлси сказала, что ты хандришь, и я решил заехать и поднять тебе настроение.

– Я не хандрю, – сердито отвечаю я.

– Так даже лучше. Мне не нужно будет ничего делать. – Дин расстегивает куртку и бросает ее на подлокотник дивана. Потом снимает свитер и остается лишь в светло-голубых джинсах.

Я таращусь на него, не веря своим глазам.

– Ты сейчас действительно снял свой свитер?

– Ну да. Не люблю свитеры.

Он не любит свитеры.

Этот парень... черт побери, я даже не знаю, что о нем думаю.

Дин идет к дивану, и его упругий зад двигается под облегающей джинсовой тканью, напоминая мне о том, какими твердыми мне казались его ягодички, когда я сжимала их. Когда его длинное тело уютно располагается на диванных подушках, деним натягивается на его хозяйстве, и это тоже вызывает воспоминания. О том, как мой рот наполнился слюной, когда там оказался член Дина.

«О да, детка, соси его. Соси его, он весь твой».

Этот сказанный хриплым голосом приказ эхом отзывается в моем сознании. Губы начинают покалывать, потому что я *сосала* его, черт подери. Сосала так, как будто в одном его твердом члене объединились леденец на палочке, рожок с мороженым и прочие вкусности.

Блин, должно быть, я покраснела. А раз Дин подмигивает мне, то так и есть. Интересно, он догадывается, что я думаю о минете?

Да что со мной? Конечно! Парни типа Дина наверняка считают, что все девушки только и думают о том, как сделать им минет.

Дин вытягивает одну руку вдоль спинки дивана, а второй подзывает меня к себе.

– Ты будешь садиться или как?

– Спасибо, постою.

– Ой, да ладно тебе. Я не кусаюсь.

– Еще как кусаешься.

В зеленых глазах мелькает шаловливый огонек.

– Твоя правда, кусаюсь.

По-моему, он как-то очень удобно расположился на моем диване. Светловолосый Адонис с золотистой грудью, рельефными мускулами и идеальным, точеным лицом. Если с хоккеем у него не заладится, он всегда может податься в модели. Дин Ди Лаурентис источает сексуальность. Ему на лицо можно наклеить рекламу слабительного, и женщины во всем мире будут молиться о запоре, только чтобы у них появилась причина купить это средство.

– Серьезно, кошечка Элли, садись. Из-за того, что ты стоишь, я чувствую себя незванным гостем.

– А тебя никто и не звал, – фыркаю я. – Пока ты не появился, у меня был идеальный вечер.

Кажется, мои слова задели его, но трудно понять, искренне это у него или он притворяется. Подозреваю, что последнее.

– Я тебе действительно так не нравлюсь?

Во мне просыпается чувство вины. Эх, может, все-таки это было искренне.

– Ничего подобного. Ты мне нравишься. Но я не шутила, когда сказала, что секс без обязательств – это не мое. Каждый раз, когда думаю о том, что мы делали в прошлые выходные, чувствую...

– Возбуждение? – подсказывает Дин.

Да.

– Чувствую себя шлюхой.

В его глазах неожиданно вспыхивает гнев.

– Хочешь совет, детка? Сотри это слово из своего словаря.

Я вдруг снова ощущаю себя виноватой, только не пойму, почему. Без особой охоты я все-таки опускаюсь на диван, но лишь убедившись, что нас разделяет приличное расстояние.

– Я серьезно, – продолжает Дин. – Перестань стыдиться того, что было. И к черту слово «шлюха». Люди могут заниматься сексом, когда захотят, сколько захотят, с кем захотят, и не стоит из-за этого навешивать на них всякие дурацкие ярлыки.

Он прав, но...

– Ярлыки существуют, хотим мы того или нет, – замечаю я.

– Да, но их придумали ханжи, любящие осуждать всех и вся придурки и ревнивые ублюдки, которым остается лишь мечтать о сексе. – Дин качает головой. – Тебе нужно перестать думать, что в том, что мы делали, есть

что-то плохое. Мы отлично провели время. Предохранялись. Никого не обидели. Никого не касается, чем ты или кто-то другой занимается за дверью своей спальни, понимаешь?

Как ни странно, но его слова немного облегчают чувство вины, которое не покидает меня с той пятничной ночи. Но не полностью.

– Я рассказала Шону, – признаюсь я.

Дин хмурится.

– Не о тебе, – поспешно добавляю я. – Просто сказала, что переспала с другим парнем.

– Какого черта тебе понадобилось ему рассказывать?

– Не знаю. – Я издаю стон. – Мне казалось, что я не должна ничего скрывать от него, но это какое-то безумие, да? Ведь мы же расстались. – С моих губ снова слетает стон, еще более мученический, чем предыдущий. – Просто мы так долго были вместе. Я привыкла рассказывать ему обо всем.

Дин рассеянно поглаживает подушку под моей головой. Мой взгляд перемещается на его бицепс, на соблазнительно сокращающиеся мускулы, наработанные годами физических нагрузок.

– Будь честной, – наконец произносит Дин. – Ты хочешь снова вернуться к этому парню?

Я медленно качаю головой.

– Уверена?

– Да.

Сразу вспоминаются наши с Шоном непрерывные ссоры, начавшиеся этим летом, и я чувствую в себе еще большую уверенность в том, что поступила правильно, разорвав с ним отношения. Желчные комментарии, которые он отпускал в мой адрес... Его насмешки над моими мечтами... Ультиматумы относительно нашего будущего...

Может, Шон и простил меня за то, что я сделала после нашего расставания, но, по-моему, я по-прежнему не могу простить его за то, что он делал, пока мы были вместе.

– Мы перестали подходить друг другу. – Я сглатываю ком боли. – Если бы мы могли остаться в колледже навсегда, то да, наверное, снова бы сошлись. По крайней мере, я так думаю. Этот разрыв сводит меня с ума. Я уже не знаю, что мне думать.

– В этом твоя проблема. Ты чересчур много думаешь.

Его слова заставляют меня рассмеяться.

– Господи, это ты даешь мне такой совет? Перестать думать?

– Перестать так много думать. – Дин пожимает плечами. – Ты рассталась с парнем по причине – как по мне, так просто по хорошей

причине – и теперь тебе нужно довести дело до конца. Не разговаривай с ним больше и прекрати сомневаться в собственных решениях и поступках.

– Ты прав, – неохотно соглашаюсь я.

– Конечно, я прав. Я всегда прав. – С нахальной улыбкой Дин придвигается ближе и кладет свою большую ладонь на мое колено. – Ладно, а теперь планы на вечер. Первым делом мы потрахаемся, чтобы снять напряжение. Потом закажем пиццу, восполним потраченную энергию и приступим ко второму раунду. Как тебе?

Во мне поднимается волна раздражения. Каждый раз, стоит мне начать думать, что Дин не просто какой-то помешанный на сексе кобель, как он берет и доказывает мне обратное. Вернее, доказывает, что я *права*.

– Ты не думал обратиться к психиатру? У тебя навязчивые идеи, – вежливым тоном говорю я. – Милый мой, черта с два мы с тобой будем сегодня трахаться.

– Ладно. Может, тогда удовлетворим друг друга орально?

– А может, ты уйдешь?

– Встречное предложение. Я остаюсь, и мы займемся петтингом.

Боже, он неисправим.

– Встречное предложение. Ты можешь остаться, но тебе нельзя говорить.

Дин парирует:

– Я остаюсь, мне можно говорить, но я не стану к тебе приставать.

Я обдумываю его слова.

– Ты остаешься, не пристаешь ко мне, но тебе придется смотреть со мной мой сериал, и не смей жаловаться!

Дин широко улыбается.

– Я принимаю ваши условия, госпожа.

– Ну так что мы будем смотреть? – Мистер «Не люблю свитеры» глядит на экран. До прихода Дина я как раз собиралась включить новую серию и поставила ее на паузу на вступительных титрах.

– «Соланж», – отвечаю я.

Он морщит нос.

– Что еще за «Соланж»?

– Это французская мыльная опера. Я смотрю ее, чтобы научиться языку.

Дин усмехается.

– Ты в курсе, что в колледже есть кафедра французского? Не проще было бы ходить на их занятия?

– Ага, и там тебя научат лишь спрягать глаголы, спрашивать дорогу и где находится туалет. Я за погружение в язык. Если буду часто слушать, как люди говорят по-французски, выучу его гораздо быстрее.

Дин поднимает бровь.

– И как успехи?

– Пока не очень...

Он снова усмехается.

– Но я только на первом сезоне! Посмотрю парочку – и буду говорить свободно.

Дин смотрит на экран, потом на меня. Должно быть, сомневается, не совершил ли ужасную ошибку, оставшись. Но, к моему удивлению, он говорит:

– Ладно, расскажи мне, что к чему. О чем этот сериал?

– Ты сейчас серьезно?

– Серьезнее не бывает.

– Правда? – Я широко улыбаюсь ему, потому что впервые в жизни кто-то добровольно вызвался смотреть со мной «Соланж». Мои подруги вечно отказываются, хотя стоит отдать должное Ханне, потому что она мужественно высидела всю первую серию. Правда, потом сказала, что пусть лучше ее глаза выключат вороны, чем она посмотрит следующую. И я не виню ее. Это не самый лучший сериал, я-то знаю. Но, начав смотреть

его как пособие по изучению языка, я под села на него. Сейчас он для меня как наркотик.

– Итак, это Соланж. – Я нажимаю кнопку воспроизведения, и на экране появляется рыжеволосая красотка с огромным бюстом и осиной талией.

– Ага, наша титулованная героиня, – говорит Дин.

– Ты сказал это слово, только потому, что оно как «титьки».

– Конечно. Титьки – это прекрасно.

Я вздыхаю.

– Ладно, проехали. Соланж встречается с Себастианом...

– Себастианом? Это мое второе имя. – Он умолкает, а потом исправляет сам себя: – Вернее, одно из них.

Я поднимаю брови.

– И сколько их у тебя?

– Два. Мое полное имя – Дин Себастиан Кендрик Хейворд Ди Лаурентис.

Я в изумлении качаю головой.

– Что не так с твоими родителями? Зачем им было давать тебе так много имен? Они *хотели*, чтобы тебя дразнили в школе?

Мои слова вызывают у него лишь усмешку.

– Поверь мне, это ничто по сравнению с тем, как звали некоторых парней, с которыми я учился. У одного – мы вместе играли в лакросс – было целых шесть имен.

– Значит, это такая фишка богатеев? Втиснуть в свидетельство о рождении как можно больше ненужных слогов?

– Нет, обычно это делается, чтобы засвидетельствовать почтение бабушкам и дедушкам или каким-нибудь другим богатым родственникам. – Он пожимает плечами. – Себастианом зовут моего деда по папиной линии, а Кендрик – дедушка по маминой.

Да, наверное, в этом есть смысл. Но, боже мой, его полное имя сразу и не выразишь!

Краем глаза я замечаю движение на экране и указываю на него Дину.

– Видишь того парня, что притаился в углу? Тот, что с усами? Это Антуан. Он преследует Соланж.

Дин издает притворный вздох изумления.

– О, сюжет начинает закручиваться!

Я показываю ему средний палец.

– Но в последней серии мы узнали, что он следит за ней не потому, что хочет покувыркаться.

– Покувыркаться?
– Ну, трахнуть ее.
– А, ну да. – Губы Дина дергаются, как будто он старается не засмеяться. – И почему же он гоняется за ней?

– Потому что ему *заплатила* его мать. – Я понижаю голос на этой фразе и тут же чувствую себя полной идиоткой – как, блин, Соланж сможет меня услышать? – О, и это еще не все! В последней серии был еще один лихой поворот. Девушка, которая работает вместе с Соланж в модельном агентстве... о, а вот и она. – Нам показывают, как в ресторан входит сногшибательная блондинка и походкой от бедра дефилирует к столику Соланж. – Это ее мать, – сообщаю я Дину. – Мать Соланж притворяется ее коллегой!

Он хмурится.

– Как так? Они же одного возраста.
– Нет, – самодовольно заявляю я. – И здесь в игру вступает косметическая компания.

Дин сидит с совершенно потерянным видом.

– Какая косметическая компания?

– *Beauté éternelle*. Я проверила по словарю это название, и оно означает «вечная красота». Так вот, ею владеет семья Соланж. А ее отец и дядя – крутые пластические хирурги. Короче, Соланж думает, что ее мать сбежала, когда она была маленькой. Хотя, вообще-то, так оно и было. Но когда умер отец, Мари-Тереза вернулась на Французскую Ривьеру и начала шантажировать дядю, чтобы он сделал ей пластическую операцию. Так что сейчас она выглядит совершенно по-другому. А Соланж даже не догадывается, что последние полгода работает со своей матерью.

– Элли. – Дин подается вперед и смотрит на меня как-то пугающе мрачно. – Это чертовски тупой сериал.

– Знаю, – виновато отвечаю я. – Но он затягивает. Поверь мне, одна серия этой чуши – и ты подсел.

– Прости, куколка, но я на все сто уверен, что этого не произойдет.

* * *

Дин

Это произошло.

Боже, помоги мне. Этот сериал засосал меня.

Я пришел сюда с одной-единственной целью – очаровать Элли и убедить ее снова повеселиться вместе голышом. А вместо этого я потягиваю «Маргариту», второй час подряд смотрю французскую мыльную оперу и пишу Логану, что не приеду в «Малоун», потому что... Господи, помилуй... я хочу знать, что будет дальше.

В последней серии Мари-Тереза переспала с Антуаном, а потом приставила к его горлу нож для вскрытия конвертов – при этом ничто не указывало на то, что у них с Антуаном могут быть какие-то проблемы. Черт, а может, что-то и указывало, просто мы не врубались, потому что *не знаем гребаного французского*.

– Я никак не могу понять, за что она затаила злобу на Соланж, – признаюсь я, в то время как Элли, нависнув над кофейным столиком, разливает по фужерам коктейль.

Широкий вырез ее футболки съехал в сторону, и мне видно ее обнаженное плечо и верх левой груди.

Я уже собираюсь сказать, какой замечательный и сексуальный вид мне открывается, но передумываю. Я же обещал ей, что сегодня не стану к ней приставать, и если нарушу обещание, она вышвырнет меня раньше, чем мы узнаем, почему же Мари-Тереза пыталась убить Антуана.

Элли плюхается на диван рядом со мной, и я мысленно даю себе пять, потому что расстояние между нами заметно сократилось. Похоже, она начала привыкать ко мне.

– Я тоже не понимаю. Пока не сумела разгадать всю подоплеку. По-моему, это как-то связано с тем, что отец Соланж любил дочь больше, чем жену, – размышляет Элли. – В прошлых сериях показывали эпизоды из прошлого, многозначительно намекавшие на то, что он хотел покувыркаться с собственной дочкой.

– Извращенец.

Она фыркает.

Тут мы оба умолкаем, потому что начинается следующая серия, и как раз с того места, на котором закончилась предыдущая. Антуану все-таки удастся утихомирить Мари-Терезу, и теперь они ссорятся уже добрых минут десять. Только не спрашивайте меня, о чем, – они же говорят на французском, но я замечаю, как в их споре то и дело всплывает слово *héritier*.

– Так, нам нужно узнать, что оно значит, – недовольно говорю я. – Думаю, это какое-то важное слово.

Элли берет свой телефон и проводит пальцем по экрану. Я наблюдаю

через ее плечо, как она открывает приложение со словарями.

– Как, думаешь, оно пишется?

После трех ошибочных написаний нам наконец удастся найти значение – «наследство».

– О! – восклицает Элли. – Они говорят о завещании отца.

– Черт, точно. Она злится, оттого что Соланж унаследует все акции *Beauté éternelle*.

Мы хлопаем ладони друг друга, и как только они соприкасаются, до меня вдруг четко доходит, что случилось с моей жизнью.

Рыкнув, я хватаю пульт и останавливаю серию.

– Эй, до конца еще далеко! – протестует Элли.

– Элли. – Я глубоко вдыхаю, чтобы взять себя в руки. – Мы должны остановиться. Пока у меня не исчезли яйца и не отозвали мою карту в мужском клубе.

Она выгибает бровь.

– И кто может ее отозвать?

– Не знаю: мужской совет, масоны, Джейсон Стэйтем – выбирай.

– Значит, ты у нас очень мужественный, чтобы смотреть французские сериалы?

– Да. – Я залпом допиваю свой коктейль, и солоноватый вкус служит очередным напоминанием того, как низко я пал. – Господи, и я пью «Маргариту». Ты губишь мою репутацию, куколка. – Я бросаю на нее предостерегающий взгляд. – Об этом никто не должен знать.

– Ха-ха, размещу эту новость на просторах Интернета. Эй, народ, а Дин Себастиан Кендрик Хейворд Ди Лаурентис смотрит со мной мыльные оперы и пьет девчачьи коктейли. – Элли показывает мне язык. – И никто никогда больше не переспит с тобой.

Тут она права.

– Ну, ты можешь хотя бы добавить, что вечер закончился минетом? – ворчу я. – Потому что тогда все будут думать: «О, он прошел через такие муки, зато ему отполировали скипетр».

– Отполировали скипетр? Фу, какие скабрёзности. – Но Элли смеется, и ее глаза весело блестят.

Боже, какая же она красивая и сексуальная... обалденно сексуальная. Интересно, почему я раньше этого не замечал? Да, наверное, потому, что вплоть до той пятничной ночи каждый раз, когда мы встречались, она была словно приклеена к своему парню.

Стоит мне подумать о бывшем Элли, как ее телефон начинает вибрировать. Помяни черта...

– Что ему нужно? – Мне плохо удастся скрыть свое негодование, но Элли сильно занята чтением сообщения, чтобы это заметить.

Она показывает мне экран телефона, и мое негодование перерастает в злость.

Так мы можем встретиться за кофе? Мне правда нужно поговорить с тобой.

– Ответь «нет», – советую я.

Элли закусывает нижнюю губу.

– Это... сложно.

– Ты без проблем говоришь «нет» *мне*.

– Но я не встречалась с тобой три года, – напоминает она.

Я аккуратно забираю телефон из ее рук и кладу его на стол.

– Так, ладно. Ты готова к серьезному разговору?

Элли неуверенно кивает.

– Шон будет продолжать заваливать тебя сообщениями, писать тебе на почту, звонить и делать все, что в его силах, чтобы вернуть тебя. И хочешь знать, почему? Потому что ты умная, забавная, сногсшибательно красивая, и он понимает, что будет полным идиотом, если просто так откажется от тебя.

В ее глазах отражается удивление.

– Он не сдастся. А это значит, что тебе нужно научиться игнорировать его. – Я изучаю ее лицо. – Именно так, если ты настроена двигаться дальше.

Она снова кивает, в этот раз более решительно.

– Да, я настроена.

– Тогда двигайся дальше, детка! Ты не можешь каждую ночь сбегать к друзьям или прятаться в общежитии. Просто скажи ему, что не хочешь с ним говорить, а потом найди себе то, что тебя отвлечет. Я могу помочь, если хочешь.

– Дай угадаю, – сухо говорит Элли. – Ты хочешь предложить себя в качестве сексуального утешения?

– Нет. Сейчас я говорю не про секс.

– Тогда про что?

Я ухмыляюсь.

– Мне кажется, тебе нужно пожить жизнью Дина.

– Уф, ладно. То есть мне нужно надеть хоккейную амуницию, и пусть каждый вечер парочка гигантов впечатывает меня в бортики катка, а наградой за это мне будут служить бесконечные интрижки без обязательств. Все ясно.

Я протягиваю руку и дергаю ее за прядь волос.

– Не будь такой язвой.

– Мои извинения. – Элли улыбается. – Пожалуйста, расскажи мне о жизни Дина.

Я провожу рукой по гладкой коже ее щеки и обхватываю подбородок.

– Посмотри на меня, кошечка Элли. Разве похоже, что у меня есть проблемы? Ты можешь представить, как я скрываюсь в своей комнате, обиженный на весь мир, или как переживаю по банальным пустякам?

– Нет, – медленно отвечает она.

– Я кажусь совершенно счастливым человеком, правда?

Теперь Элли смотрит на меня с подозрением.

– Да. Но как такое возможно? Никто не может ощущать себя счастливым *постоянно*.

– Очень даже возможно. – Я поглаживаю большим пальцем ее нижнюю губу. У нее потрясающе мягкие губы. И я умираю от того, как хочу снова целовать их. – Хочешь знать мой секрет?

– М-м-м? – Она кажется отрешенной. Я снова провожу пальцем по ее губам, и, к моей радости, из нее вырывается вздох.

– Я делаю что хочу и когда хочу. И мне плевать на то, что обо мне думают другие.

Эти слова привлекают ее внимание.

– Звучит здорово: все время делать то, что хочешь. К сожалению, в реальной жизни это работает не так.

– Тогда заставь жизнь работать на *тебя*, детка. – Мои пальцы спускаются по ее хрупкой шее, скользят по пульсирующей точке. – Чего ты хочешь, Элли? Скажи мне что-нибудь, что ты до смерти хотела сделать, но пока так и не решилась.

Она хмурится, обдумывая свой ответ.

– Ну, я хотела снова сесть на диету, но продолжаю тянуть время.

– О чем ты?

– Пару раз в год я сажусь на соковую диету, – объясняет она. – Мало приятного, потому что приходится целые две недели существовать только на жидкости, но зато потом чувствуешь себя *намного* лучше.

– Ну ты и чудила. Давай что-нибудь еще. Что-нибудь *нормальное*.

Она снова задумывается, и вдруг выражение ее лица проясняется.

– Я всегда хотела научиться танцевать сальсу.

Блин, абсолютно девчачья тема.

– Тогда сделай это, – советую я Элли.

Она снова жует губу.

– Не знаю... Когда я как-то раз сказала об этом Шону, он не захотел ходить на занятия со мной, а мне было как-то неловко идти одной. Я почитала про танцы и выяснила, что если ты приходишь один, тебя ставят в пару к случайному партнеру.

– Ну и что? Зато это отличная возможность завести новых друзей. – Я пожимаю плечами. – Думаю, ты должна записаться на эти танцы.

– А ты будешь ходить со мной? – Ее глаза полны надежды.

Я фыркаю.

– Ни за что. Я делаю только то, что *сам* хочу, помнишь? А сальсе я учиться совсем не хочу. Но *ты*, по-моему, должна.

– Может, и запишусь, – задумчиво говорит Элли.

– Вот и молодец. – Я легонько щипаю ее за подбородок. – Держись меня, малышка, и вся твоя жизнь изменится к лучшему. Ди Лаурентис ручается.

Элли тяжело вздыхает.

– Что?

– Не могу решить, то ли это от всей души, то ли ты просто пытаешься снова залезть мне в трусики.

Я играю бровями.

– А кто сказал, что это не может быть и тем и другим? – Когда она снова вздыхает, я говорю более сердитым голосом: – Это от всей души.

– Ух ты. По-моему, ты действительно был искренним со мной.

Почему-то ее испытующий взгляд заставляет меня неловко заерзать. И я вдруг вспоминаю, что на мне нет ничего, кроме джинсов. Видимо, Элли тоже, потому что взгляд ее огромных голубых глаз опускается ниже, на мои кубики, но она тут же отводит его. Воздух между нами как будто начинает искриться. Зрачки Элли расширяются, и нет никаких сомнений, что пульс на ее шее начинается биться быстрее.

Я знаю, как выглядит сексуальное возбуждение. Дин-младший – тоже, и он моментально набухает под ширинкой.

– Элли... – Мой голос становится хриплым.

Она в мгновение ока соскакивает с дивана.

– И-и-и, тебе пора уходить.

Элли говорит это с наигранной веселостью, и готов поспорить, что она старается справиться с теми волнами желания, которые уже почти проглотили меня целиком.

Я остаюсь сидеть, и она сурово хмурится.

– Одевайся и иди домой, Дин.

– Элли. – Я медленно поднимаюсь на ноги. Мой рот словно засыпали

гравием, когда я говорю: – Я хочу...

Она резко поднимает руку.

– Даже не смей договаривать. Я серьезно, тебе пора уходить.

Мне хочется спросить, как долго она собирается бороться с этим, но я прекрасно понимаю, что таким вопросом только еще больше разозлю ее. Так что я прикусываю язык и делаю то, о чем попросила дама: я ухожу.

По дороге домой я примиряюсь с тем, что этой ночью мне вновь предстоит тесно сблизиться со своей правой рукой.

На следующий день я имею несчастье покинуть зал, где проходила лекция по международным отношениям, в ту же самую минуту, что и Сабрина. Я оцетиниваюсь, готовясь к неизбежным злобным колкостям в свой адрес.

– Ты выглядел каким-то потерянным, Ричи. Профессор Бурке говорил сверхбыстро?

Ну вот, пожалуйста.

Я закатываю глаза.

– Ну да, я же такой тупой. Классная шутка. – Я даже не утруждаюсь просить ее не называть меня «Ричи». Это бесполезно, точно так же, как просить Саммер больше не называть меня моим детским прозвищем. Сабрина решила для себя, что я тупой, избалованный Ричи-Богатей, с самой первой секунды нашего знакомства.

Что, конечно же, совсем не помешало ей переспать со мной, но вряд ли что-то изменилось.

– И который из нищих первокурсников будет писать за тебя курсовую? – с приторной сладостью в голосе спрашивает Сабрина. – Хотя у тебя на быстром наборе, наверное, их целая уйма? Я так думаю, что и экзамены в Гарвардскую юридическую школу за тебя сдавал тоже кто-то из них.

Я останавливаюсь на верхней ступеньке лестницы у главного входа. Я терплю ее язвительные нападки только потому, что они не стоят того, чтобы от них защищаться. Однако настает момент, когда я вынужден подвести черту.

– Ты просто завидуешь, что я набрал на два балла больше тебя.

Ее ноздри раздуваются, и я понимаю, что попал в цель.

Но Сабрина быстро приходит в себя.

– Лишь потому, что ты заплатил кому-то и эти экзамены сдали за тебя.

– Убеждай себя в этом сколько хочешь, солнце, раз это помогает тебе лучше спать по ночам.

Сабрина перебрасывает за спину свои длинные темные волосы.

– Я и так сплю отлично, спасибо. Знание того, что я *честным* путем

заслужила свои оценки, обеспечивает мне очень даже безмятежное существование. Советую попробовать.

На этот раз в цель попадает она. Я сжимаю губы, но не позволяю себе клонуть на ее наживку – а именно этого она и добивается. Сабрина упрекает меня в этом со второго курса, и я невероятно устал выслушивать ее нападки.

– Хорошего дня, Сабрина.

Я с безразличным видом расправляю плечи и спускаюсь по ступенькам, гадая, собирается ли она продолжать в том же духе и на следующий год, когда мы будем учиться в юридической школе. Надеюсь, что нет. Ее враждебность порядком надоедает мне, не говоря уже о том, что раздражает.

И раз уж речь зашла о том, что раздражает: через двадцать минут я должен быть в Гастингской начальной школе, чтобы провести первую тренировку местной команды спиногрызов. «Ураганы», вперед!

Направляясь в город, дорога куда займет у меня десять минут, я проклиная О'Ши за то, что он заставил меня принять участие в этой волонтерской программе, и раздумываю об эффективности кукол вуду. В конечном счете решаю, что неважно, по-настоящему это или нет. Все равно будет весело втыкать иголки в миниатюрную кукольную версию Фрэнка О'Ши. А когда она развалится на части, то можно будет использовать голову как мячик для снятия стресса.

Остановившись на красный, я быстро печатаю сообщение своему товарищу по команде Фитци.

Привет, знаешь, как сделать куклу вуду?

Его ответ приходит в тот момент, когда я подъезжаю к небольшому крытому катку, находящемуся через дорогу от самой школы.

Он: Решил было, ты прикалываешься, но вопрос такой тупой, что кажется реальным. Понятия не имею, как делать кукол вуду. Может, подойдет старая кукла? Сложнее всего будет отыскать ведьму вуду, чтобы она соединила куклу с твоей жертвой.

Я: Дело говоришь.

Он: Считаешь?

Я: Вуду подразумевает магию, ведьм и т. п. Не думаю, что это сработает с любой куклой. Иначе каждая кукла была бы

куклой вуду.

Он: Точняк.

Я: Ладно, спасибо. Думал, ты знаешь.

Он: Откуда, блин, мне знать?

Я: Ты сидишь на всяких этих фэнтезийных ролевых играх, знаешь про магию.

Он: Я же не Гарри Поттер, твою мать.

Я: Гарри Поттер – ботан. Ты – ботан. Следовательно, ты – мальчик-волшебник.

Фитци присылает мне эмоджи со средним пальцем, а потом еще одно сообщение:

Пиво в честь д. р. в «Малоун» сегодня вечером. Ты придешь?

Я: Ага.

Он: Тогда еще увидимся.

Я засовываю телефон в карман куртки и вылезая из машины. По крайней мере, мне еще есть чего ждать от этого дня. Пиво по случаю двадцать первого дня рождения Фитци станет моей наградой за тренировку детишек против собственной воли.

Когда я прохожу через двойные двери, на катке никого нет. Холодный воздух приветствует меня словно старого друга, я вдыхаю его, перевешиваю сумку на другое плечо и пробираюсь к скамейке команды, где сидит высокий мужчина в красном свитере и потертых черных коньках и смотрит на бумаги, прикрепленные к планшету. Свисающий с шеи свисток подсказывает мне, что это и есть тренер «Ураганов».

– Ди Лаурентис? – Когда я киваю, мужчина протягивает руку. – Даг Эллис. Приятно познакомиться. Я смотрел вашу игру в «Морозной четверке» в апреле. Вы отлично сыграли.

– Спасибо. – Я приехал на десять минут раньше, как велел мне О’Ши, и показываю на пустой каток. – Где дети?

– В раздевалке. Скоро появятся. – Эллис кладет планшет на планку, тянущуюся вдоль скамьи. – Чэд разъяснил тебе, что к чему?

– Нет. – Несмотря на то, что сказал мне О’Ши, мне кажется, тренер Дженсен понятия не имеет, что меня привлекли к работе с «Ураганами».

– Что ж, тут нет ничего сложного. Каждую тренировку мы начинаем с тридцати минут упражнений, затем получасовая игра в две команды, поделенная на три периода по десять минут. Мальчишки стараются изо

всех сил. Хорошие ребята, большинство из них. Одаренные, умные, стремятся отточить свои навыки и стать лучше.

– Приятно слышать.

– Им нравилась Кайла... – Я растерянно смотрю на него, и он поясняет: – Твоя предшественница. – Точно, та девчонка, что серьезно заболела. – Значит, так, она больше работала с нападающими, проделала отличную работу, но, если честно, я рад, что к нам присоединился защитник. У нескольких ребят есть проблемы с зоной защиты. Я бы хотел, чтобы ты поработал с ним более плотно.

Мы еще несколько минут обсуждаем мои обязанности, а потом Эллис предупреждает меня о том, что нельзя грубо ругаться и давать волю рукам.

– Понял: не материться и не трогать их. Еще что-нибудь?

– Нет. Со всем остальным разберешься по ходу.

Похоже, Эллис – мужик порядочный, а когда ребята вылетают из раздевалки и приветствуют его так, словно он воскресший Иисус Христос, мое мнение о нем становится еще выше. Он сказал мне, что работает в школе учителем физкультуры, но даже если вдруг лишится этой работы, то команду не оставит никогда, как и волейбольную команду восьмиклассниц, которых, как оказалось, он тоже тренирует.

Я сажусь на скамейку, быстро скидываю свои «тимберленды» и переобуваюсь в «бауэры», достав их из сумки. Затем перепрыгиваю через бортик и качусь к Эллису и мальчишкам. Половина из них одета в красные тренировочные свитеры, другая часть – в черные. Эллис представляет меня команде, некоторые ахают и охают, услышав о моих неоднократных победах в «Морозной четверке». К тому времени, когда наступает пора выполнять первое упражнение, каждый из мальчишек жаждет от меня единоличного внимания.

Не буду врать: я получаю огромное удовольствие от команды «вперед!». Мальчишки катаются с таким азартом, что напоминают мне меня маленького и то, с каким восторгом я надевал свои коньки и мчался по льду. Их энтузиазм прямо-таки заразителен.

Когда Эллис дует в свисток, командуя о начале тренировочного матча, мне становится искренне жаль, что упражнения закончились. Во время последнего упражнения на броски я давал несколько подсказок семикласснику по имени Робби, и его кистевой бросок прямо в ворота был прекрасен. Я бы с удовольствием посмотрел, как он сделает это снова, но сейчас пришло время для матча, где они должны применить те умения, которым только что научились.

Мы с Эллисом выступаем в роли судей и тренеров одновременно,

объявляем пенальти и в случае необходимости даем советы. Как по мне, так получасовая игра заканчивается очень быстро. Я мог бы оставаться на льду вечно, но Эллис дает сигнал о конце матча и показывает всем подкатиться ближе.

У меня странно щемит в груди, когда он по очереди обращается к каждому из мальчишек и говорит им о том, что они сегодня сделали правильно. Их лица начинают светиться от его похвалы, и когда Эллис заканчивает, у меня такое чувство, что я могу в него влюбиться.

Он просто-напросто отличный тренер!

Потом мы возвращаемся вместе с ребятами в раздевалку и помогаем им снять амуницию и разложить ее по шкафчикам. Шумная ватага мальчишек смеется, шутит, весело болтает, переодеваясь в обычную одежду. В коридоре за дверью полно автоматов с едой и напитками и родителей, ждущих своих сыновей. Однако Робби не спешит уходить. Он переоделся, и я с беспокойством наблюдаю, как он снова завязывает шнурки на своих коньках и заправляет в них джинсы.

– Что делаешь?

Он с удивлением поднимает на меня глаза и, краснея, отвечает:

– А, я буду кататься еще полчаса. – В его голосе звучат защитные нотки. – Тренер знает.

Я знаю, что тринадцатилетним мальчишкам не всегда можно верить, поэтому направляюсь напрямиком к Эллису, который развешивает клюшки в кладовке для амуниции.

– Почему Робби остается?

Эллис бросает взгляд в сторону дверного проема.

– Все нормально. Через секунду я освобожусь и присмотрю за ним. Скажи ему, чтобы не выходил без меня на лед.

Я продолжаю хмуриться.

– Почему он катается дополнительное время?

– По вторникам и четвергам его мама освобождается не раньше половины пятого, а их семья живет в Мансене, так что школьный автобус – не вариант. – Эллис раздраженно вздыхает. – Из-за всей этой чуши по поводу границ городских округов автобусы из Гастингса не могут «обслуживать» соседние маленькие городки. Матери Робби удалось устроить его сюда на учебу, потому что он попал в нашу хоккейную программу, но в школьной администрации, видимо, не считают важным обеспечить безопасное возвращение домой тех детей, которые живут вне учебного округа.

– Значит, Робби пробудет здесь до тех пор, пока не появится его мама?

Эллис кивает.

– Мы обговорили это с Джулией в самом начале сезона. Я остаюсь после тренировки и приглядываю за ним и его сестрой до ее приезда.

Я уже говорил, что обожаю этого мужика?

– Я тоже останусь, – предлагаю я. – Я обучал Робби кистевым броскам во время упражнений. С удовольствием закончу урок.

На лице Эллиса отражается смесь удивления и уважения.

– Готов поспорить, он будет в восторге. Спасибо, парень.

Когда я снова выхожу в помещение катка, Робби лениво катается по кругу вдоль бортиков. Его темно-русые волосы развеваются за спиной, и я решаю, что ему не помешает еще один урок, о волосах: постричь их как можно скорее, пока они не отросли, как в прическах восьмидесятых, – или можно попрощаться с сексом.

Я спускаюсь по бетонному проходу, когда высокий голосок заставляет меня остановиться.

– Ты кто?

Я поворачиваюсь и вижу маленького эльфа, который сидит в самой середине трибуны. Вернее, это девчушка, которая без проблем смогла бы стать героиней мультиков *Pixar*^[8]. Огромные голубые глаза занимают почти все ее лицо, волосы такие светлые, что кажутся белыми, а рот похож на маленький розовый бутон.

– А ты кто? – подняв бровь, спрашиваю я.

– Я первая спросила.

Сдерживая улыбку, я поднимаюсь по ступенькам на ее ряд. Робби продолжает бессмысленно, но весело кататься. Эллис наблюдает за ним, стоя у бортика, так что я плюхаюсь на сиденье рядом с мультяшкой-эльфом и говорю:

– Я Дин, новый помощник тренера «Ураганов».

Большие глаза пристально изучают мое лицо, словно она пытается решить, вру я или нет.

– А я Дакота, – наконец произносит она и показывает тоненьким пальчиком на лед. – Это мой брат.

– О, значит, ты младшая сестра Робби?

– Кто сказал, что я младшая? – с вызовом спрашивает Дакота. – Может, я его старшая сестра?

– Деточка, я бы сильно удивился, узнав, что ты уже не носишь подгузники.

– Я не ношу подгузники! – Ее щеки становятся пунцовыми, и она горделиво объявляет: – Мне *десять*.

Я притворно ахаю.
– Ни хр... Ничего себе! Тогда ты почти старушка.
Дакота хихикает.
– Нет. А сколько лет тебе?
– Двадцать два.
У нее отвисает челюсть.
– Вот уж *кто* старый.
– Знаю. Наверное, уже пора планировать собственные похороны. Как думаешь, кому оставить все свое наследство – девчонке из «Голодных игр» или той, из «Дивергента»?
– Они не настоящие, – с неподдельной искренностью говорит Дакота.
Я делаю невинное лицо.
– Ты уверена? Потому что, клянусь, на днях я видел на улице Китнисс.
– Ты врешь.
– Ладно, поймала меня. – Я показываю на розовую тетрадку, лежащую у нее на коленях. – Что делаешь?
Дакота выпячивает нижнюю губу.
– Домашку. Миссис Клейн задала нам написать целую страницу о том, за что мы благодарим в День благодарения.
– Миссис Клейн, похоже, настоящий монстр.
Дакота хихикает.
– Да нет, она нормальная. Как-то раз даже заказала пиццу на весь класс. Это было после того, как мы получили высшие баллы за тест по литературе.
– Литературе, – поправляю я ее.
Она машет рукой.
– Какая разница.
Тут я уже не могу сдержать улыбку.
– Ладно, хватит попусту терять время. – Я листаю ее тетрадь до чистого листа. – Время выяснить, за что же ты благодарна.
Лицо Дакоты тут же озаряется.
– Ты pomoжешь мне с домашкой?
– Конечно, почему бы и нет? У нас есть целых двадцать минут, если не больше, до тех пор пока не приедет твоя мама. Что еще нам нужно сделать?

* * *

Элли

Я сижу на пассажирском сиденье в машине Мег, когда мне приходит сообщение от Дина. Меня совсем не удивляет, что его имя высветилось на экране моего телефона. Я весь день ждала от него «Я хочу трахнуть тебя», поэтому то, что он напишет мне, было лишь вопросом времени. Однако ему удалось ошарашить меня.

Он: Мы с друзьями будем сегодня в «Малоун», празднуем день рождения Фитци. Если хочешь, присоединяйся.

Меган, сидящая за рулем, бросает на меня взгляд.

– Кто это тебе пишет? Только, пожалуйста, не говори, что это Шон.

– Нет, не Шон. Это один из друзей Гаррета, – туманно отвечаю я. – Несколько хоккеистов будут сегодня в «Малоун», празднуют чей-то там день рождения. Он пишет, что мы можем присоединиться.

– Ханна тоже там?

Я качаю головой.

– Сегодня у нее репетиция.

Как и я, Ханна очень занята подготовкой к своему выпускному проекту. Она учится на музыкальном факультете, и на зимнем фестивале ей будет необходимо выступить перед кафедрой с авторской песней.

Думаю, Меган не показалось странным, что меня приглашают в компанию хоккеистов без Ханны, потому что она ничего не говорит по поводу этого. Зато произносит другое.

– Так поехали.

– Ты серьезно?

После получасового обсуждения различных вариантов того, как нам провести наши девчачьи посиделки, мы в конце концов решили поужинать в закусочной в Гастингсе. «Малоун» – единственный бар в городе, так что естественно, что мы его рассматривали, но именно Мег отвергла предложение поехать туда.

– Я думала, у тебя нет настроения ехать в бар.

Она убирает с глаз рыжую челку.

– Передумала. Хочу побыть в компании симпатичных парней.

– Правда? – удивленно спрашиваю я. – А что с новым парнем? Уже проблемы в раю?

Меган не особо распространялась про свои новые отношения, но мне казалось, что у них все нормально. Обычно она только и болтает про свою личную жизнь, но только не в этот раз. Я знаю лишь то, что ее ухажер живет в Бостоне и они видятся только по выходным.

– Нет, все нормально. – Мег умолкает. – Вообще-то, не очень. – Снова умолкает. – Все сложно.

– Знаешь, если бы ты хоть немного рассказала мне о нем, а не играла в мисс таинственность, может, я помогла бы советом...

Зеленые глаза Мег сосредоточенно следят за дорогой. Но я уверена, что если бы она не вела машину, все равно бы избегала встречаться со мной взглядом.

– Ладно, давай уже, рассказывай, что с ним не так.

– С ним все хорошо.

– Чушь. Что-то должно быть, иначе бы ты ничего от нас не скрывала. Так что это? Ему нравится поджигать амбары? Он убивает белок и делает из их меха маленькие шапки? А может, у него на лице огромная бородавка? Или...

– Тридцать семь, – перебивает меня Мег. – Ему тридцать семь.

Мои брови взлетают вверх.

– О, ничего себе. Он...

«Старый» – хочется сказать мне, но я всегда придерживалась того принципа, что *возраст не имеет значения*. По крайней мере, мне *хочется* быть настолько непредвзятой. Ведь на самом деле тридцать семь – это не так уж много. Он всего лишь на пятнадцать лет старше нас с Мег.

– Видишь? Поэтому я вам ничего не говорила. – В ее голосе слышатся обвинительные нотки. – Так и знала, что вы начнете осуждать меня.

Я поднимаю вверх обе руки.

– Я тебя не осуждаю, просто удивлена, вот и все.

На красивом лице Мег появляется выражение облегчения.

– Расскажи мне про мистера тридцать семь, – настаиваю я. – Обещаю, что не стану тебя осуждать.

Мег неохотно делится деталями.

– Его зовут Тревор. Он работает детским хирургом в Массачусетской больнице общего профиля.

Ого, впечатляет.

– Разведен, и у него есть пятилетняя дочь.

Хм, а это уже не так впечатляет.

– И как ты к этому относишься? – с осторожностью спрашиваю я. – Тебе всего двадцать два, подружка. Готова ли ты стать мачехой?

– В этом-то и проблема, – стонет Мег. – Я даже не думала, что все пойдет так далеко. Мы с Тревором познакомились в Интернете. Весь сентябрь просто общались в чате и встретились лично только в прошлом месяце. Он милый, умный, красивый, с ним мне легко. Но наши отношения

только на самой ранней стадии, понимаешь меня? Не очень серьезные. – Она стучит накрашенными ногтями по рулю. – Но когда мы виделись в прошлые выходные, он сказал, что хочет познакомить меня со своей дочерью.

Ой.

– Ой, – говорю я вслух.

– Вот-вот. И теперь я сомневаюсь, стоило ли вообще заводить этот роман. Знакомство с его ребенком – это очень серьезный шаг. А что если она возненавидит меня? Или, еще хуже, я ей *понравлюсь*, а мы с ее отцом расстанемся, и бедный ребенок получит психологическую травму?

– После одной встречи она вряд ли сразу проникнется к тебе любовью, – заверяю я Мег. – Но, согласна, это *серьезный* шаг.

Мег останавливает свою маленькую «тойоту» на перекрестке в квартале от главной улицы Гастингса.

– Даже не знаю... Я сказала ему, что сообщу о своем решении в пятницу, когда мы увидимся, но пребываю в полной нерешительности. Понятия не имею, что мне делать. – Она умолкает, но тут же тяжело вздыхает. – Если мы поедem в «Малоун», ты сможешь потом отвезти нас домой? Думаю, мне понадобится что-нибудь покрепче газировки.

– Без проблем. – Я все равно сегодня не собиралась пить. Завтра в семь утра у меня репетиция, и с пульсирующей головной болью от похмелья я вряд ли смогу плакать по команде. А уже в первой сцене моя героиня рыдает, как младенец, три раза. – Может, поедem в другой бар? – с надеждой спрашиваю я. – В «Мансен», например.

– Зачем?

Я пожимаю плечами.

– Парни из хоккейной команды могут быть очень шумными.

– Немного шума не помешает, – признается Мег. – Тревор замечательный, но вечеринки больше не приносят ему такого удовольствия, как раньше. В десять часов он уже в постели, даже по выходным. – Она выпячивает нижнюю губу. – Может, это еще одна причина, по которой нам стоит расстаться?

– Знаешь, я совсем не хочу говорить тебе, что делать, – мягко начинаю я. – И не стану советовать тебе расстаться с мужчиной только потому, что он уже немного стар для вечеринок. Но ты учишься на последнем курсе, и тебе необязательно ложиться спать в десять, тем более если ты этого не хочешь. Ты должна наслаждаться последним годом свободы в этом странном мире, где ты уже совершеннолетняя, но еще не совсем взрослая, понимаешь, о чем я? Ты сможешь рано ложиться спать в следующем году,

когда станешь почетным членом реального мира.

Лицо Мег становится задумчивым. Похоже, она обдумывает мой совет и, надеюсь, придет к верному решению, которое сделает ее счастливой. Ведь совсем недавно мне тоже пришлось принимать трудные решения: расстаться с Шоном, понять, какой путь выбрать в своей актерской карьере.

Отправиться в бар и добровольно провести время с парнем, с которым у меня был секс на одну ночь...

Черт, зачем я согласилась поехать в бар? Оттого что мы с Дином сегодня увидимся, не будет ничего хорошего. В худшем случае он сболтнет что-нибудь – и все узнают, что мы переспали. В лучшем – меня просто будет раздражать его беззастенчивый флирт.

«Малоун» – единственное место в городе, где можно выпить, поэтому здесь каждый день собираются как местные жители, так и студенты Брайара. Если вы приходите после девяти, то там уже яблоку негде упасть. Мы с Мег заходим в бар в половине одиннадцатого, и это все равно что зайти в сауну, битком набитую сотнями потных тел. Главный зал полон под завязку. Мне едва удастся разглядеть барную стойку: так много перед ней посетителей. Столики на подиумах по обеим сторонам общего зала тоже все заняты.

– Я хочу заказать выпить! – кричит Меган сквозь музыку. Играет какая-то неизвестная мне роковая композиция. Если бы здесь был Гаррет Грэхем, он наверняка бы сказал мне и ее название, и то, кто ее исполняет, и даже год, когда она была выпущена. Парень Ханны просто обожает классический рок. Не удивлюсь, если окажется, что они с Ханной любят поиграть в постели в членов группы *Lynyrd Skynyrd*.

Мы идем к бару, а сквозь музыку до меня доносится знакомый голос.

– Кошечка Элли! Сюда!

Я поворачиваюсь и вижу Дина, который машет мне из-за большого стола справа. И как он смог заметить меня в этой толпе? Я не писала ему, что приеду, так что либо у него способности как у Человека-паука, либо он, как какой-нибудь маньяк, не спускал глаз с входной двери.

Взявшись за руки, чтобы нас не разъединила толпа, мы с Мег пробираемся через море тел. Я вдыхаю резкий запах духов платиновой блондинки в короткой юбке. Мне удастся пережить это нападение на обоняние, но тут же его атакует еще более едкий аромат, исходящий от парня, который стоит рядом с блондинкой. На глазах начинают наворачиваться слезы, и я готова обернуться и сказать ему, что надо бы быть поаккуратнее с дезодорантом, если он не хочет никого убить.

– Смотри, Фитци, девчонки! – объявляет Дин, когда мы с Мег

подходим к столу, и сразу же обращается к другим парням: – Быстрее, быстрее освободите им места, пока они не исчезли.

Кто-то взрывается смехом, и я замечаю, что все хоккеисты улыбаются одному конкретному парню, которого я не раз видела на хоккейных вечеринках, куда меня таскала Ханна. По-моему, его зовут Колин, но все обращаются к нему Фитц или Фитци. Это огромных размеров парень с темно-русыми волосами и темной щетиной, из-под ворота его рубашки выглядывает часть татуировки. Наверное, у него вся грудь в татуировках, потому что как-то раз я видела его в одной футболке и помню, что плечи обеих его рук забиты.

Мальчики двигаются, чтобы освободить для нас место. Меган усаживается рядом с парнем с короткой стрижкой. Он представляется Холлисом. Я вжимаюсь между Такером, который занят своим телефоном, и Пьером, одним из представителей франко-канадцев в команде. Он приветствует меня улыбкой, и на его щеках тут же появляются две прелестные ямочки. Остаются лишь двое, которых я еще ни разу не видела. Пьер, говоря с сильным акцентом, представляет их как Уилкеса и Экберга.

Дин, который сидит напротив меня, по другую сторону от Холлиса, подмигивает мне, когда наши взгляды встречаются.

– Ты все-таки приехала. А я уже и не надеялся.

– Мы были неподалеку, – небрежным тоном отвечаю я.

– Рад, что вы здесь, потому что наша вечеринка оказалась чисто мужской. Seriously, наш мальчик не пригласил на свой день рождения ни одну девушку.

– У Фитци аллергия на женщин, – любезно сообщает Холлис.

«Мальчик», которого при всем желании нельзя так назвать: в его облике нет ничего мальчишеского, – закатывает глаза.

– Не думал, что желание отпраздновать свой день рождения в компании друзей посчитают преступлением.

– Никогда не замечал в этом скрытый смысл? – отвечает ему Дин. – А как же старый добрый минет для именинника? Об этом ты подумал? Или ожидаешь, что это сделает кто-то из нас?

– Уверен, что Пьер будет только «за», – встревает Холлис. Когда франко-канадец показывает ему средний палец, он сладко улыбается. – А что? Разве вы не этим занимаетесь в своем Квебеке? Отсасываете у своих приятелей, нашептывая на ухо приятные пустяки на французском?

Пьер фыркает.

– А ты из Сан-Франциско. По-моему, он всегда был столицей отсасывающих у приятелей.

Парни включаются в похабный разговор, но тут же затыкаются, когда у столика появляется уставшая официантка, чтобы принять заказы у меня и Мег. Мег заказывает клюквенную водку. Я прошу принести стакан воды.

– Воды? – ехидно переспрашивает Дин. – Ты уверена, что не хочешь чего-нибудь другого, куколка? Например... м-м-м... как насчет текилы? Я всегда считал, что тебе нравится текила.

Я, прищурившись, смотрю на него. К счастью, никто из нашей компании не обратил внимания на его высказывание. Да и кто бы стал? Ведь ни единая душа не в курсе, что именно текила – причина того, почему я оказалась в постели с Дином. Дин – единственный, кто это знает, но он обещал молчать.

Но... его еле заметная усмешка очень меня нервирует.

Почему у меня такое ощущение, что он вот-вот проболтается?

Я продолжаю буравить взглядом Дина, а в сумочке вибрирует телефон. Я рассеянно достаю его, и у меня перехватывает дыхание от сообщения.

Он: Помнишь, как я выпил стопку текилы с твоей груди?

Я смотрю на него, а Дин с невинным видом подмигивает мне. Но мне видно, что его рука опустилась под стол. А вот и новое сообщение:

Когда я разлил ее на твои соски и слизал все до последней капли? М-м-м. У меня встает от одной мысли об этом.

Р-р-р, поверить не могу, что он пишет мне похабные СМС, когда мы в баре празднуем день рождения его друга.

Я стискиваю зубы и отвечаю ему:

Сохрани эти воспоминания, сладкий, потому что больше подобное не повторится.

Он: Хочешь сказать, тебе не понравилось, когда я сосал твои сексуальные соски?

Те самые соски тут же превращаются в твердые пики. Мягкие вставки в лифчике не выдадут предательскую реакцию моего тела, но то, что взгляд Дина уверенно опускается на мою грудь, свидетельствует, что он об этом знает.

Я делаю вдох и пишу:

Ну, было ничего себе.

Дин широко улыбается.

– Нет, – говорит он в ответ на что-то, о чем спросил Уилкес. – Я несколько не переживаю. Вратарь из Йеля ничего не сможет сделать против щелчка Джи.

Наверное, они говорят о предстоящем в субботу матче с командой из

Йеля, но я сосредоточенно наблюдаю за едва уловимыми движениями руки Дина. Он опять что-то печатает.

Он: Хм, ясно. А когда вылизывал твою киску – тоже ничего себе?

Я стараюсь не обращать внимания на то, как тут же сжалось у меня между ног, и хмуро смотрю на него.

– Элли, – сердито говорит Меган.

– Прости, что?

– Я спрашивала про твою пьесу. Репетиции ведь начались на этой неделе, да? Как успехи?

– Отлично, – рассеянно отвечаю я, потому что не могу разобрать, набирает что-то Дин или нет. Надеюсь, что нет. – С парнем, который играет моего погибшего мужа, очень даже весело. А как у тебя дела?

– Плохо.

– О, мне так жаль, солнышко. – Я знаю, что Мег недовольна тем драматургом, с которым они пишут в паре, и не виню ее, потому что это самый напыщенный придурок на всем театральном факультете. Он пишет очень пафосно и перенасыщает свои пьесы острыми переживаниями. Наверное, считает себя реинкарнацией Артура Миллера.

– Слэйд обожает переписывать целые сцены прямо во время репетиций. – Мег показывает пальцами кавычки, когда называет его имя, и Фитци усмехается.

– По-моему, ты не в курсе, как использовать кавычки, – сообщает он ей.

– Да нет, знаю. Слэйд – это не настоящее имя, на самом деле его зовут Джошуа Сандески. – Она фыркает. – Этот козел так много о себе мнит, что меня удивляет, как из его самодовольной задницы не выскакивают его маленькие коричневые копии.

Парни улюлюкают от отвратительной картины, которую нарисовала Мег.

– В первый день занятий мы все должны сесть в круг и представиться своим сокурсникам-актерам, – Мег смотрит на меня, – Помнишь?

– О, еще как, – сухо отвечаю я.

– Итак, – обращается она к Фитци, – он встает и говорит: «Я Джошуа Сандески, но известен под именем Слэйд. Обратитесь ко мне как-то иначе – я не отзовусь». И он не шутил. Каждый раз, когда преподаватель называл его Сандески, этот debil полностью игнорировал его.

– В жизни не встречал таких дегенератов, – замечает Дин.

Черт, его рука снова двигается.

– А мне кажется, это очень смело, – не соглашается Холлис. – Знаете что? К черту все! Я возьму пример со Слэйда и тоже выберу себе псевдоним. С этой минуты вы можете называть меня только Тандер^[9].

Я украдкой читаю последнее сообщение, и у меня снова прерывается дыхание.

Он: Мой член сейчас тверже камня. Умираю, как хочу оказаться внутри тебя.

В этот раз я не доставлю ему удовольствия. Если не буду отвечать, он когда-нибудь перестанет, верно?

Нет.

Сообщения продолжают сыпаться, одно развратнее другого.

В следующий раз все будет медленнее. Хочу насладиться каждой секундой.

Максимально медленно, детка. Буду скользить в твоей киске туда-сюда...

Пока не станешь умолять о большем.

Я хватаю стакан и залпом выпиваю несколько глотков. Но даже через громкую музыку до меня доносится легкий смешок Дина.

Но я не дам тебе того, чего ты захочешь. Буду входить в тебя миллиметр за миллиметром.

А потом снова выну свой член.

И каждый раз, когда ты будешь просить быстрее, я буду двигаться еще медленнее.

Буду мучить твою киску всю ночь, детка.

Всю... ночь... напролет.

Я вскакиваю на ноги так резко, словно кто-то разжег костер у меня под пятой точкой.

– Мне нужно в дамскую комнату, – спешно говорю я.

Стараясь не обращать внимания на широченную улыбку на сексуальных до неприличия губах Дина, я несусь прочь от столика так быстро, насколько позволяют высоченные каблуки.

Блин, блин, *блин*! Я так возбуждена, что мои бедра в прямом смысле приклеились друг к другу, и переживаю, как бы сзади на джинсах не было мокрого пятна. Хуже всего то, что Меган даже не выпила половины своего коктейля, а значит, мы зависли здесь надолго. Поэтому мне придется справиться с собой и затушить каждую искорку желания, которое, словно реактивное топливо, горит в моей крови.

Я молюсь, чтобы Дин перестал писать мне бесстыдные эсэмэски, когда вернусь.

Если он не прекратит, я способна получить оргазм прямо за столиком.

* * *

Но Дин продолжает.

А я все так же игнорирую его.

Наша битва желаний продолжается уже больше часа, и я совру, если скажу, что не впечатлена его настойчивостью. Что уж говорить про нескончаемое количество грязных словечек, содержащихся в его словарном запасе.

Когда я замечаю, как Дин ерзает на месте, то широко улыбаюсь ему и наконец отвечаю.

Я: Этим ты только себя замучаешь, пупсик. Лучше прекрати, а то останешься с синими яйцами.

Я сопровождаю сообщение двумя подходящими к ситуации синими кругляшками.

Дин вздыхает и поднимается из-за стола, для начала поправив штаны у промежности. Должно быть, я единственная, кто это видит, поэтому улыбаюсь еще шире.

– Хочу сменить музыку, – обращается Дин к нашей компании. – Меня уже задолбали эти баллады группы *Aerosmith*.

Когда он отходит, мои глаза предают меня, вперившись в его зад. Черные штаны обтягивают его попу, как перчатка – руку, и я задумываюсь: когда это брюки карго были такими тесными? Да никогда! Наверное, у Дина есть портной или слуга, который доставляет ему особого покроя брюки, в которых его задница смотрится так классно. От этого самовлюбленного негодяя всего можно ожидать.

Но у него такая аппетитная попа. Да у него все аппетитное! Я не могу

удержаться и любуюсь мускулистыми плечами под обтягивающей футболкой с длинным рукавом, идеально взъерошенными светлыми волосами. Но вот Дин теряется в толпе, и я чувствую некоторое облегчение, потому что, пока его нет, у меня есть время уgomонить свои разбушевавшиеся гормоны и взять себя в руки. Но передышка длится недолго. Вскоре он возвращается, такой неотразимый, и я чувствую себя как наэлектризованный комок нервов.

Он садится на свое место, и в ту же секунду начинается вступление выбранной им песни.

Это I Want You to Want Me группы *Cheap Trick*^[10].

Я не могу удержаться от смеха, отчего Фитци странно смотрит на меня.

– Я что-то пропустил? – спрашивает он.

– Нет, просто иногда я смеюсь без причины, – небрежным тоном отвечаю я, – я немного чудачка.

Тут встречается Мег:

– Это правда, она такая.

Я сдерживаю очередной приступ смеха и избегаю смотреть на Дина, пока продолжает играть его песня. Неудивительно, что мой телефон вновь вибрирует.

Он: Я мог бы найти более изощренный способ. Но зачем эти игры? Умираю, как хочу тебя, Элли.

Черт, он назвал меня по имени. Значит, это серьезно.

Я поднимаю голову, и страсть, горящая в его глазах, заставляет мое сердце остановиться и тут же пуститься в стремительный галоп. Дин сам по себе безумно привлекательный, но возбужденный он просто неотразим.

Зеленые глаза, подернутые дымкой желания, сверкают из-под опущенных век, губы чуть приоткрыты, мощная шея двигается, когда Дин сглатывает, – можно почти поверить, что он до смерти меня хочет и испытывает физическую боль от этого сильного желания. Но ради всего святого, это же Дин! Наверняка у него стояк даже от легкого ветерка, пролетевшего мимо его промежности. Seriously, вы можете просто столкнуться с ним, а у него встал. Парень помешан на сексе, и это готова подтвердить половина девчонок из колледжа, потому что все они переспали с ним.

Конечно, приятно быть объектом столь опьяняющей сексуальной энергии. Какой женщине не нравится чувствовать себя желанной? Но надо

быть полной дурой, чтобы хотя бы на секунду поверить, что я *единственная*, на кого Дин Ди Лаурентис так томно смотрит. Нет, я всего лишь еще один пункт в списке завоеваний Дина.

Вспомнив об этом, я встаю из-за столика.

– Что-то я сегодня не в настроении слушать *Cheap Trick*, – елеинным голосом говорю я. – Пойду поменяю песню.

Я решительно направляюсь к музыкальному автомату у противоположной стены бара. Это современный проигрыватель с сенсорным экраном и слотами как для наличных, так и для кредиток. Сунув в автомат долларовую купюру, изучаю возможные варианты. Боже, эта штука может воспроизвести почти любую песню!

Я ухмыляюсь, когда на экране выскакивает именно то, что мне нужно. Пролистав дискографию, выбираю название песни, которую искала, и добавляю в список воспроизведения. На боковой панели экрана появляется сообщение, что перед моей песней будет звучать еще одна – трек Кеши, услышав который большинство посетителей-студентов начинают танцевать. И танцевать им приходится там, где они стоят, потому что место перед караоке-сценой, которое обычно служит танцполом, заняла компания хипстеров, целиком поглощенных своими телефонами.

– Хороший выбор, – говорит мне Такер. Он тоже весь вечер сидит в своем телефоне, так что я даже удивлена его неожиданной репликой.

– Но не мой, – отзываюсь я.

– А что выбрала ты? – с подозрением спрашивает Дин.

– Скоро все узнаешь, душечка.

Спустя три минуты начинает звучать вступление, а затем женские вздохи.

Дин пристально смотрит на меня.

Что я выбрала? Песню Пинк U and UR Hand.

– О да! – Меган опускает свой стакан на стол и вскакивает на ноги, протягивая мне руку. – Мы танцуем.

Я даже не успеваю возразить, потому что она уже тащит меня в толпу. Ну что ж, похоже, мы все-таки танцуем.

Под нашими каблуками вибрируют басы, и мы, подняв руки в воздух и потрясывая бедрами, начинаем зажигать. Рыжие волосы Мег задевают мое лицо, когда она делает поворот. Я тоже кружусь, потому что так смогу украдкой взглянуть на Дина. У него вид смирившегося с ситуацией, но в глазах поблескивает веселье.

Когда играет та часть, где Пинк – кстати, она настоящая *богиня* – говорит «пока-пока» придурку, для которого поет, я приторно-сладко

улыбаюсь Дину и машу ему пальцами.

Проведя кончиком языка по нижней губе, он медленно улыбается мне и легонько машет в ответ. Я прямо-таки слышу его протяжное «Отличный ход!».

Мы с Мег продолжаем танцевать, и наш дуэт привлекает все больше внимания и участников. Нас уже окружают другие девушки, которым эта песня нравится так же, как и нам. Можно сказать, это своего рода гимн всем женщинам, которым когда-либо приходилось сталкиваться со скользким типом, который приставал к ней в баре, или пытался напоить, чтобы потом затащить в постель, или просто досаждал ей, когда она всего лишь хотела повеселиться со своими подружками.

Миниатюрная девушка с азиатской внешностью, многочисленным пирсингом на лице и торчащими розовыми волосами подталкивает меня бедром, и вот мы уже двигаемся спина к спине и тремся друг о друга попами, поддавшись порыву женской солидарности. Я смеюсь, запыхавшись от веселья, и когда вновь украдкой смотрю на Дина, уже непохоже, что его забавляет происходящее.

Вот блин.

Он снова возбудился.

Его горящие глаза следят за каждым моим движением. Когда песня кончается, я вся горю, но не от пота и физического напряжения, а от того, как взгляд Дина скользит по мне: словно языки пламени по сухой траве.

Мы с Мег возвращаемся к столику, я допиваю воду, поднимаю одной рукой волосы вверх, второй обмахиваю шею. Мой телефон лежит на столе, и я невольно замираю, видя, что экран засветился. Бросаю взгляд на Дина – его рука снова под столом.

Я закусываю губу и смотрю на телефон.

«Не читай», – приказываю себе.

И тут же читаю.

Он: Когда в следующий раз соберешься устроить мне такое же представление, тебе лучше быть голой.

Мы с Меган возвращаемся на территорию университета чуть за полночь. Когда я прокрадываюсь в нашу двухспальную комнату, там темно. Из-под двери спальни Ханны не просачивается свет, значит, она уже спит.

Изо всех сил стараюсь не шуметь, беру туалетные принадлежности и проскальзываю в ванную, которую мы делим с другими шестью девушками, живущими на этом же этаже. Через десять минут я на цыпочках возвращаюсь в свою спальню, переодеваюсь в пижаму, выключаю свет и залезаю под одеяло.

У меня никогда не было проблем с засыпанием – обычно я вырубаясь, как только голова коснется подушки.

Но сегодня сон ко мне никак не идет. Эротические сообщения Дина оставили меня возбужденной, но неудовлетворенной, и следующий час я кручусь и верчусь, стараясь улечься поудобнее. Но мне *неудобно*. Моя грудь жаждет прикосновений, а между ног мешает пульсация. Каждый раз, когда я переворачиваюсь, мои соски задевают матрас, и это невинное соприкосновение вызывает еще бóльшие мучения.

Это все вина Дина. Ну зачем ему понадобилось писать грязные, развратные вещи?

С губ слетает стон. Я снова поворачиваюсь, на этот раз на бок. Мне нравится спать, стиснув одеяло между ног. Но сейчас это кажется невыносимой пыткой, и мои бедра начинают непроизвольно двигаться.

– Проклятье, – звучит в темноте мой уставший голос.

Я перекатываюсь на спину и поднимаю одно колено, потому что мне не уснуть, пока не сделаю то, что нужно.

Песня Пинк про чувака и его руку оказалась пророческой.

Стиснув зубы, я засовываю руку под резинку своих клетчатых пижамных штанов. К сожалению, я не из тех женщин, кому достаточно несколько раз потереть свой клитор – и вуаля, оргазм! Мне нужна история, приятная сказка. В последнее время в моих фантазиях участвовал один и тот же человек – неподражаемый Райан Гослинг, предмет моего обожания. Так что и сейчас, в эту трудную минуту, я тоже обращаюсь к помощи Райана.

Фантазии всегда начинаются по-разному. Я сижу в баре, и мы начинаем флиртовать. Я в гостиничном номере, и из-за путаницы мы вынуждены делить одну кровать. Я бегу по пляжу в Малибу – и смотрите, кто бежит мне навстречу!

Но заканчиваются они одинаково: Гос имеет меня до изнеможения.

Я останавливаюсь на номере в отеле, ибо эта версия предлагает бесконечное число вариантов развития событий. Сегодня я сплю голая, потому что кондиционер не работает. Конечно, я могла бы спать голой и не искать тому причин, но мне нравится, когда мои фантазии не расходятся с реальной жизнью, а так как в действительности я обычно голышом не сплю, пусть сломается кондиционер.

Так, на чем я остановилась? Я потираю указательным пальцем свой клитор и представляю себя лежащей на огромной двуспальной кровати. Меня уже клонит в сон, как вдруг что-то пикает: кто-то проводит картой по дверному замку. Я в ярости! Неужели портье решил среди ночи послать ко мне горничную? Иначе кто еще может зайти в мою... Ого, вы только посмотрите! Это же Райан Гослинг. Он ленивой походкой входит в комнату, по какой-то причине с голой грудью, а джинсы едва держатся на бедрах, так что видны его клиновидные мышцы внизу живота.

Он удивляется, увидев меня, и мы быстро решаем, что во время бронирования произошла какая-то ошибка. Потом мы минут пять болтаем о наших жизнях, и Райан рассказывает мне, что Ева Мендес его бросила.

Да, в моих сексуальных фантазиях есть место и для диалогов, и для бесед.

Вдруг я вылезаю из кровати и... о, нет! Простыня, скрывающая мое обнаженное тело, падает на пол. Голубые глаза Райана широко распахиваются, но ему нравится то, что он видит, – его член становится гораздо заметнее под ширинкой.

Облизав губы, он подходит ближе.

Я дразнящим движением провожу пальцами по ложбинке между грудей. Его глаза блестят, словно два сапфира.

Нет, словно два изумруда. Потому что теперь у него зеленые глаза. А почему они зеленые?

В темноте моей спальни раздается тихое раздраженное ругательство. *Черт подери!*

Что делает Дин в моей фантазии?

Мой палец все еще на клиторе. Так, ну это просто грубо. Мы с Райаном только собрались повеселиться. Я не позволю Дину все испортить.

Крепко зажмурившись, я переносюсь обратно в свою фантазию. Но я

уже не в гостиничном номере и не с Райаном. Я на хоккейном катке с Дином, и мы страстно целуемся на льду.

Еле сдерживая новый стон, я трясую головой, чтобы избавиться от этой сцены, и приказываю своей руке остановиться. Боже мой, куда зашла эта фантазия? Лед холодный. Кому захочется замерзнуть до смерти, занимаясь на нем сексом? И почему Дин покрывает поцелуями мое обнаженное тело? Команда в любой момент может выйти из раздевалки и застукать нас...

Я ловлю кайф, оттого что нас в любой момент могут застукать.

Досадливый стон вылетает из меня до того, как я могу его остановить. Признание Дина – это не часть моей фантазии, это самая настоящая, реальная жизнь.

В тот вечер я спросила его, почему он не занимается сексом в своей комнате, и его веки тут же потяжелели, а голос источал чистый секс, когда он ответил, растягивая слова: «Я ловлю кайф, оттого что нас в любой момент могут застукать».

Да, Дина Ди Лаурентиса возбуждает мысль о том, что его могут застать в самом процессе.

И думаете, на этом признания закончились? Конечно, нет. Иначе бы он не задался целью всю свою жизнь изводить меня. За первым откровением последовало второе: «А если нас застукают, мне понравится, что на нас будут смотреть».

Я сгораю от страсти к эксгибиционисту. Проклятье, может, я тоже эксгибиционистка? Потому что вместо того, чтобы остановиться, я продолжаю фантазировать.

– Лучше тебе кончить побыстрее, детка. – Дыхание Дина щекочет нежную кожу моего бедра. – Иначе мои товарищи по команде выйдут из раздевалки и увидят меня, зарывшегося лицом в твою киску.

Мое дыхание учащается. Я сжимаю одну грудь, легонько поигрывая соском. Другая рука ласкает клитор. О, я такая мокрая, и клитор уже набух от желания. Я практически ощущаю язык Дина, выписывающего по нему круги.

– Тебе это нравится, да? – Подушечка его пальца поглаживает мою щелочку. – Ты такая мокренькая.

Он засовывает в меня палец.

Нет, это я засовываю в себя палец. Грудь оставлена, и теперь обе мои руки расположились у меня между ног – потирая клитор одной и вставляя в себя палец другой, я мелю на матрасе и воображаю, что это все Дин.

– Войду в тебя прямо здесь, на льду, Элли.

Мои пальцы на ногах сжимаются, напряжение уже невыносимо.

В моем представлении Дин поднимается на колени, его грудь блестит под яркими огнями ледяной арены, длинный член гордо поднят вверх. Он обхватывает его ладонью и подводит все ближе и ближе к тому месту, где я хочу ощутить его больше всего.

И тут мы слышим их: шаги, голоса, смех. К катку приближаются хоккеисты. Дин улыбается мне хулиганской улыбкой, а потом всаживает в меня свой твердый пенис...

И я кончаю так сильно, что забываю дышать. Лежу на кровати, хватая ртом воздух и дрожа всем телом. Перед закрытыми глазами вспыхивают звезды, когда оргазм прокатывается по мне горячими пульсирующими волнами.

О да.

Это было... Мне не хватает слов, чтобы описать свои ощущения.

Но самое печальное, что этот оргазм, расколовший меня на куски, не был и вполнину таким ярким, как те, что дарил мне Дин.

Все еще дрожа от эмоций, я шарю рукой в темноте, пока не нахожу на прикроватной тумбочке коробку с салфетками. Достав пару штук, я вытираюсь. Даже не могу вспомнить, когда последний раз была такой мокрой от игры соло.

Ты была бы более мокрой, если бы совокупилась со мной снова...

Р-р-р. Я прямо-таки слышу, как Дин дразнит меня, соблазняет...

Я вздыхаю. Ладно, я человек прагматичный, и на первом курсе у меня была высшая оценка по аргументативной логике. Так, может, мне просто нужно все логически обосновать?

Данное 1: Дин Ди Лаурентис исключительно хорош в постели.

Данное 2: Он хочет снова заняться со мной сексом.

Данное 3: Меня возбуждает мысль о том, чтобы заняться с ним сексом.

Вывод: Я должна переспать с Дином.

Ладно, это было проще простого. Переходим к сложной части.

Данное 1: Секс без обязательств меня смущает.

Данное 2: У меня только что закончились длительные отношения с парнем, и я пока не готова к новым.

Данное 3: А если бы была готова, мне не нужны серьезные отношения с бабником Дином.

Вывод: Э-э-э?...

Я пытаюсь снова.

Данное 1: Я не хочу серьезных отношений с Дином.

Данное 2: Он не хочет серьезных отношений со мной.

Вывод: Мы должны заняться сексом без обязательств.

Еще одна элементарщина, но и она не решает этой парадоксальной ситуации с сексом без обязательств. Хотя если задуматься, то я здесь такая одна, кто может прийти к единственно верному решению. Закрутив интрижку с Дином, я стану шлюхой? Он так точно не думает. Мои друзья – тоже, хотя я все равно не планирую говорить им, что решила немного утешиться в объятиях Дина. И тут встает вопрос: почему я хочу сохранить все в тайне?

Обдумывая ответ, я кусаю щеку. Ничего по-прежнему не приходит на ум. Если все узнают, что я встречаюсь с Дином, я испытаю чувство неловкости. Ладно, пусть это пока останется в секрете. Может, завтра мне удастся еще немного поразмыслить о том, *почему* я так себя чувствую.

Ну что, приняла я наконец решение?

Телефон уже у меня в руке, значит... да, должно быть, так.

Я нажимаю на имя Дина и печатаю в окне сообщений только одно слово: *Ладно*.

Стоит отдать парню должное: он сразу понимает, о чем я, потому что присылает мне: *Когда?*

Я: Завтра вечером. Ханна будет ночевать у вас. Можешь приехать ко мне в 8?

Он: Игра у малышни в 6. Освобожусь к 9.

Я: Игра у малышни?

Он: Ничего особенного. Расскажу завтра.

Он: Что заставило тебя передумать?

Что заставило меня передумать? Может, я просто сошла с ума. Или у меня нездоровое помешательство на сексе. А может, это все его потрясающий член.

Я: Решила, что настало время пожить жизнью Дина.

Он: Долго решалась. Значит, завтра в 9 – нормально?

Я в нерешительности медлю с ответом.

Я: Да.

Боже, что я делаю? Наверное, я все-таки *сошла* с ума.

Через какое-то время от него снова приходит сообщение. После его прочтения из меня вырывается почти истерический смех.

Он: Я захвачу веревку.

Я познакомилась со своим агентом, Айрой Голдштейном, через папиного друга. Он представляет меня с двенадцати лет, и первой работой, куда он меня устроил, была реклама овсяных хлопьев. У меня была всего одна реплика, но я помню ее и по сей день: «Как эта ВКУСНЯТИНА может быть такой ПОЛЕЗНОЙ? НЯМ-НЯМ!».

Уверена, что у папы где-то хранится DVD с копией этой рекламы. Надеюсь, что она надежно спрятана в его оружейном сейфе, потому что, не дай бог, эта унижительная запись попадет к людям.

Айра работает на два офиса: один – на Манхэттене, другой – в Лос-Анджелесе, так что мы большей частью общаемся по телефону. Сегодня он звонит мне из Лос-Анджелеса.

– Как поживает моя девочка этим утром? – спрашивает он своим раскатистым жизнерадостным голосом, который я успела полюбить.

– Днем, – поправляю я его. Репетиция только что закончилась, и я, прижимая телефон щекой к плечу, застегиваю пальто по пути из аудитории. – На восточном побережье уже два часа дня.

– А, точно. Ох уж эти часовые зоны, из-за которых я старею и никогда не знаю, где нахожусь и который час.

Я смеюсь.

– Тебе удалось прочитать сценарий пилотной серии от канала «Фокс», который я отправил с курьером?

Айра деловитый и жесткий, думает только о бизнесе, и именно это я в нем ценю больше всего. Еще он настоящая акула, но агенты и должны быть такими, и я не перестану обожать его, если он предложит меня в проекты, которые выбрал только из-за денег.

– Пробежалась. Показался мне перспективным.

– Что ж, прочти еще раз и не по диагонали. Прошлым вечером я говорил с одним из его продюсеров. Они по-настоящему заинтересованы в том, чтобы ты приехала прослушаться на роль.

– Напомни, на которую: Бонни или Сары?

– Повиси, я проверю. – На заднем плане слышится шорох бумаги. Через пару секунд вновь раздается голос Айры: – Бонни.

Я проглатываю разочарование. Черт. Я так надеялась, что это будет Сара. Пилотный получасовой эпизод будут снимать для комедийного сериала о трех девушках, которые ненавидели друг друга в старшей школе, но вынуждены жить в одной комнате в университетском общежитии. В каждой серии зрители будут следить за их жизнью на первом курсе, за тем, как они влюбляются и заводят новых друзей, попутно попадая в неприятности. Нам с Айрой обещали, что актерский состав будет согласован, но на роль Зои уже утверждена одна известная актриса, а значит, они планируют сделать звездой именно ее.

Две оставшиеся роли еще не разобрали, и я бы предпочла сыграть Сару, скромную девицу, которой нужно научиться быть более раскованной. Я смогла бы вдоволь повеселиться.

Бонни же – наоборот, самая легкомысленная из всей троицы. У нее есть парочка забавных реплик, но она тупая как пробка. Ее безответственности и однозначного числа в коэффициенте интеллекта хватило бы, чтобы отбросить борьбу за равноправие женщин на тысячу лет назад.

Но, может, я переживаю по пустякам. Вдруг у авторов для Бонни запланирована серьезная эволюция образа. Ведь нет смысла развивать только двух из трех главных героинь, правильно?

– Милая, для тебя это идеальная роль, – с восторгом говорит Айра. – Ты можешь сыграть хорошенькую ветреную девушку хоть во сне.

Да, могу. Но не уверена, что хочу. Каждая сыгранная мной девушка была хорошенькой и ветреной. Было бы неплохо расширить горизонты, развить свой актерский талант.

Но вот только... елки-палки, это *сетевое телевидение*! У меня есть возможность сыграть одну из главных ролей в пилотном эпизоде, который, судя по поднявшейся вокруг него шумихе, в скором будущем может перерасти в полноценный сезон.

– Сегодня вечером я перечитаю его, – обещаю я и стараюсь вызвать в себе хотя бы немного энтузиазма, оттого что, возможно, буду играть Бонни, но не чувствую ни капли восторга.

И раз уж на то пошло, я уже давно не читала ничего, что могло бы вызвать у меня восторг. Последним проектом, задевшим меня за живое, был спектакль Бретта Каваны, где этим летом я и сыграла.

– Кастинг начинается в феврале, – сообщает мне Айра.

Я хмурюсь.

– Еще почти три месяца. Почему они так рано выбрали героиню для Зои?

– Им хотелось заполучить себе Кейт Эшби, пока ее не переманила какая-нибудь другая сеть. Продюсеры сейчас как раз завершают работу над последним сезоном их другого сериала и к тому времени будут готовы запустить этот проект. Они хотят, чтобы ты прилетела шестого февраля.

Внутри у меня все сжимается.

– Я не могу. Премьера «Вдовы» будет восьмого. На той неделе у нас запланированы генеральные репетиции.

– «Вдовы»?

– Пьеса, в которой я играю по учебе.

Айра вздыхает.

– Каковы шансы, что тебе позволят пропустить эти репетиции?

– Нулевые.

– Плохо.

Повисает тишина. Айра часто так делает: погружается в раздумья на несколько минут. Мне кажется, он забывает, что мы разговариваем по телефону, а не находимся в одной комнате.

– Айра, – напоминаю я о себе.

– Прости, милая, задумался... – После долгой паузы снова звучит его бодрый голос. – Ладно, я созвонюсь с помощником Верджила. Посмотрим, что мы сможем придумать.

Айра отключается, не попрощавшись, что тоже является одной из его плохих привычек. Он утверждает, что у него нет времени на «эту фигню».

Спустя десять минут я подхожу к Бристоль-Хаусу и провожу своим удостоверением по замку у входа. Скорее всего, сегодня Айра мне уже не перезвонит, и часть меня надеется, что продюсеры ответят: «Что ж, такова жизнь. Если она не может приехать на прослушивание тогда, когда нужно, то мы отдадим роль кому-нибудь другому».

И конечно, чистое безумие надеяться на это, потому что... это сетевое телевидение.

Да что со мной?

Наверное, совсем умом поехала, ибо я не только задумываюсь о том, чтобы пропустить прослушивание, которое может дать хороший старт моей карьере, но еще и планирую заняться сексом с Дином Ди Лаурентисом.

Да, наше секс-рандеву еще в силе. Я не передумала. Если честно, я... Господи, помилуй меня, грешную... с нетерпением жду его. Я даже пропускаю сегодня поход в спортзал, чтобы как следует подготовиться.

Проглотив на ланч горячий бутерброд с сыром, вызываю такси до салона в Гастингсе.

Когда я прохожу через двери, Таня, моя гуру красоты, уже ждет меня.

Давным-давно я решила для себя, что она – садистка: кто еще будет с таким рвением мучить твои самые интимные части тела? Первым делом мы делаем бразильскую эпиляцию, потому что мне не нравится, когда во время маникюра я только и делаю, что думаю о предстоящей пытке горячим воском.

Теперь я гладкая, как попка младенца, и Таня, втерев в чувствительные зоны успокаивающее масло, оставляет меня, чтобы я надела трусики и легинсы. Обычно краснота проходит через несколько часов. А Дин не придет раньше девяти. Так что у меня полно времени для того, чтобы внизу все пришло в надлежащий вид.

Я ухожу из комнаты для эпиляций и сажусь к Тане за столик для маникюра. Через час я покидаю салон с ярко-красным лаком на руках и на ногах – думаю, Дин придет в восторг, когда мои красные ноготки будут царапать его кубики пресса. Я попросила Таню сделать их короче и круглее, чтобы в этот раз не ободрать ему кожу.

Сидя в такси на обратном пути в общежитие, я пытаюсь понять, то ли я охвачена волнительным нетерпением, то ли разочарованием в самой себе. До сих пор не могу поверить, что сдалась под мощным напором Дина, но и не стану отрицать, что жажду снова встретиться с его волшебным пенисом.

Вот только если... вдруг он утратил свою магию? В том смысле, что сколько раз можно тереть лампу с джинном, пока чары не израсходуются? Или в лампе с джинном содержится бесконечное множество желаний?

«Глубокие размышления» с Эллисон Джейн Хейз, ребята.

М-да, может, мне выпустить собственное телешоу?

* * *

Приближается девять часов, и я уже готова к, как метко зарифмовал Уилл Смит^[11], ни к чему не обязывающему сексу.

Я навела красоту с головы до ног: сделала эпиляцию, маникюр и педикюр, очистила кожу скрабом, натерлась увлажняющим лосьоном и даже выпрямила утюжком волосы после того, как высушила их феном, а не оставила в естественном состоянии – *слегка вьющимися*.

Столько приготовлений кажется пустой тратой времени, если на тебе не надето маленькое черное платье или какое-нибудь сексуальное белье, но я решила, что озабоченный Дин все равно сорвет с меня одежду в ту же секунду, как увидит, так что на мне спортивные легинсы и майка. Лифчик я не надела (опять же, какой смысл?), но трусики оставила, потому что хожу

без белья, только если хочу выкинуть что-нибудь эдакое. Например, я так делала, когда мы с Шоном ходили в какой-нибудь модный ресторан. То, что на мне нет белья, просто сводило его с ума...

Тебе нельзя думать о Шоне, когда через несколько минут ты переспшишь с другим парнем!

Слишком поздно. Шон уже у меня в голове. Я до сих пор не согласилась встретиться с ним, но, наверное, пора бы уже дать ему ответ, пока он не решил действовать напролом. А он действует так довольно часто.

Заявиться ко мне в общежитие без приглашения – яркий тому пример.

Из-за этого мне пришлось искать убежище в доме Гаррета.

И потому я оказалась в постели с Дином.

Такое ощущение, что здесь скрыты какая-то мораль, крупницы мудрости, которые не помешало бы узнать Шону. *Перегни палку со своей бывшей девушкой, и она переспшит с бабником.*

Но, наверное, будет лучше, если он пропустит именно этот урок. К тому же нечестно с моей стороны обвинять во всем Шона – в этом нет его вины. Это было целиком и полностью мое решение.

И сейчас я принимаю решение сделать это снова.

Дин опаздывает на пять минут. Я нетерпеливо ерзаю на диване, пока жду его, и даже не могу сосредоточиться на новой серии «Соланж». Я не смотрела сериал с того вечера, когда приходил Дин, и с удивлением понимаю, что без него это делать скучно. Мне нравились его иронические замечания и то, что каждые минут пять он ставил серию на паузу и объявлял: «Кошечка Элли, я ни хрена не понимаю!».

Это было... так мило.

О господи. Я что, только что использовала слово «мило» в одном предложении с именем Дина? Делаю мысленную пометку: не сказать вдруг это вслух. Наверняка он будет дразниться, что я запала на него.

В коридоре слышатся шаги, и во мне поднимается трепет от скорой встречи. Когда в дверь стучат, сердце неожиданно екает. Судя по звуку, стучит явно мужчина, и, открыв дверь, я вижу перед собой Дина. Он одет в линялые джинсы с прорехой на колене, свитер крупной вязки защитного цвета, куртку с логотипом Брайара и черную шерстяную шапку.

– Привет. – Я вдруг ощущаю неловкость.

– Привет.

Он стягивает с головы шапку и входит внутрь. Я замечаю, что его волосы мокрые, как будто он только недавно из душа. Его взгляд останавливается на телевизоре.

– Черт, что я пропустил? Мари-Терезе удалось найти копию завещания Клода?

– Не знаю. Я начала смотреть серию за три минуты до твоего прихода.

– Ладно, но если в следующий раз будешь смотреть без меня, то дай знать, что там происходило. – Дин бросает шапку и куртку на диван.

Я быстрым движением поднимаю их.

– Нет-нет, это идет с нами. Ботинки тоже, – добавляю я, показывая на его черные «тимберленды», которые он уже начал снимать.

– И куда мы идем?

– В мою комнату. Не хочу, чтобы здесь остались следы твоего присутствия, особенно если вдруг ты что-то забудешь. Это тайная операция.

– Как скажете, мисс Бонд.

Войдя в спальню, я бросаю его вещи на стул у стола и снова ощущаю неловкость, потому что Дин стоит тут, в пяти шагах от меня, и самодовольно ухмыляется мне.

– Что? – обиженно бормочу я.

Он пожимает плечами.

– Ничего.

И он продолжает стоять на месте.

– Ты так и будешь стоять здесь? Да подойди же и сделай что-нибудь!

Уголки его губ приподнимаются.

– Что, например?

Я начинаю нервничать еще больше.

– Не знаю: поцелуй меня, сними с меня майку – да что-нибудь!

Дин скрещивает руки на широкой груди.

– Не-а. Если хочешь меня, то подойди сама.

Во мне растет раздражение.

– Значит, теперь мы играем в игры?

– Нет, никаких игр. – Он поднимает светлую бровь. – Просто я не уверен, что это не какая-то уловка.

– Думаешь, я пригласила тебя, чтобы вынести тебе мозг? – Я вызывающе улыбаюсь. – Милый, я пригласила тебя, чтобы трахаться с тобой. Все, точка.

Он усмехается, и его глубокий хриплый смешок отдается прямо у меня между ног. О, да к черту все! Если ему так нужно, чтобы первый шаг сделала я, так тому и быть. Все равно мы оба хотим одного и того же.

Не говоря ни слова, я сокращаю дистанцию между нами и кладу ладонь на его щеку.

Дин судорожно вздыхает. Его лицо чисто выбрито, и я подмечаю, что хотелось бы прикоснуться к его щетине. Мне понравилось, как в прошлый раз она царапала кожу.

Но сегодня я абсолютна трезвая. Не хочу потом винить во всем алкоголь.

Моя рука скользит по его затылку, я провожу пальцами по его влажным волосам. Встретившись взглядом с Дином, я притягиваю его к себе, и наши губы соединяются в легком, словно перышко, поцелуе. Без языков. Без необузданной страсти. Это осторожный поцелуй, наши рты как будто заново изучают друг друга, и тут я отстраняюсь, чтобы посмотреть на него.

О боже. В его взгляде столько неприкрытой, почти физически ощущаемой страсти, что я невольно ахаю. И в следующую секунду рот Дина снова обрушивается на меня, и в *этом* поцелуе уже нет никакой осторожности.

Это чистый голод.

Его язык глубоко и яростно проникает в мой рот. Я слышу собственный стон, но Дин вбирает в себя этот звук отчаяния еще одним жадным поцелуем. Его теплые руки сжимают мои бедра, и он целует меня до тех пор, пока я не начинаю задыхаться.

Мое сердце колотится как сумасшедшее. Я возбуждена до предела. Как и Дин, я чувствую доказательство этому, когда он хватает меня за задницу, рывком притягивает к себе и трется о меня.

– Чувствуешь, насколько сильно я хочу тебя? – рычит Дин.

Он вращает бедрами, чуть наклонившись вперед, и его выпирающий член оказывается у меня между ног. Он трется о мой клитор, вызывая волны удовольствия.

– Раздевайся, – удается выговорить мне. – Быстро.

Вновь усмехнувшись, Дин, словно не слыша моей настойчивой просьбы, опять целует меня. Его губы, все такие же ненасытные, захватывают мои, и стоит мне подумать, что наши исступленные, страстные ласки уже не смогут стать жарче, как Дин вдруг замедляет темп. Его язык щекочет мою нижнюю губу. Идеальные зубы легонько покусывают ее. Потом он утыкается лицом в мою шею и покрывает ее легкими влажными поцелуями, от которых по коже бегут мурашки.

Раз Дин не торопится раздеваться сам, я решаю взять дело в свои руки и, поймав нижний край его свитера, тяну вверх, до ключиц, и потом Дин уже помогает мне. Избавившись от свитера, я с жадностью провожу ладонями по его теплой коже.

Он издает какой-то хриплый звук и, запутавшись пальцами в моих волосах, затуманенными страстью глазами наблюдает, как я ласкаю его грудь.

Какой же он *сексуальный*! Я чуть не мурлычу, поглаживая твердые мускулы его груди. Мой указательный палец обводит каждую рельефную выпуклость и, когда находит один из сосков, нажимает на него. Дин дергается, его дыхание становится тяжелым. Я провожу тем же пальцем вниз, вдоль дорожки из русых волос, ведущей под пояс его джинсов, а потом распрямляю ладонь и глажу его скульптурные кубики на животе.

Губы Дина вновь находят мою шею. Он ловким движением стягивает с меня майку и тут же втягивает в себя воздух.

– Ты без лифчика?

– Он показался мне лишним.

Когда Дин обхватывает ладонями мою грудь, я испытываю наслаждение. Он проводит пальцами по моим соскам и тихо стонет.

– Ты даже не представляешь, как сильно я хотел снова поиграть с ними.

Моя голова склоняется набок, и Дин, воспользовавшись этим, языком проводит дорожку от основания моей шеи до уха, слегка посасывает мочку, и я прислоняюсь к его теплой груди, утонув в ощущениях. Дин же продолжает дразнить мои соски подушечками пальцев. Он едва касается их, но они болезненно напрягаются даже от такой простой ласки.

– Идеально вмещаются в ладони. – Он сжимает в руках обе мои груди, его большие пальцы двигаются под каждой из них. – А эти соски, боже, детка!

Дин наклоняется, и я вскрикиваю, когда его язык касается моего правого соска. После долгого томления это решительное прикосновение словно электрический разряд, пущенный по моему телу.

– О да, – хрипло стонет Дин. – Я бы мог сосать эти сладкие сосочки всю ночь.

И выполняет обещание, по крайней мере, его первую часть. Он обхватывает губами затвердевший бутон и втягивает в свой горячий влажный рот.

– О-о-о. – Я ловлю ртом воздух.

– Хорошо? – Его дыхание щекошет мои груди, а он прокладывает дорожку из поцелуев ко второму соску.

– М-м-м, хм.

– Ты становишься мокренькой?

Я бормочу что-то нечленораздельное, потому что Дин проводит

языком круги вокруг моего соска, и мне никак не вспомнить, как произносятся слова.

– Что это было? – дразнит меня Дин.

Я опять неразборчиво отвечаю.

– М-м-м, р-м-б.

Дин смеется.

– Ну ладно, придется выяснить самому.

Он цепляется пальцами за пояс моих легинсов и стягивает их вниз вместе с трусиками. В ту же секунду, как я отбрасываю их в сторону, рука Дина оказывается у меня между ног.

Совершенно неожиданно в меня проскальзывают два пальца.

– О боже, – стону я.

Волна наслаждения чуть не сбивает меня с ног.

– Черт, ты *мокренькая*, очень мокренькая, детка. – Из Дина вырывается рык, в его глазах блестит животный огонек. – Если я прямо сейчас не вылижу твою киску, то сойду с ума.

Я думала, что он толкнет меня на кровать. Но Дин вдруг прижимает меня спиной к двери, встает на колени, раздвигает мои ноги, и по телу пробегает дрожь, когда я опускаю глаза и вижу его потемневший от желания взгляд. Дин облизывает губы, и я почти кончаю.

Он нахально улыбается, когда замечает выражение моего лица.

– Хочешь, чтобы я ласкал тебя ртом, языком?

Мне удастся только кивнуть.

И только его рот приближается к моему лону, как из меня вырывается сдавленный звук.

Едва его язык находит мой клитор, как кто-то еще издает звук.

Это не я и не Дин. Когда в коридоре раздается радостный голос Ханны, мы оба застываем на месте. Я – стоя на ногах, Дин – на коленях, словно мы играем извращенческую немую сцену.

– Привет! – кричит Ханна. – Я забежала взять свою нотную тетрадь. Забыла захватить ее к Гаррету.

Голова Дина поднята, но его губы по-прежнему находятся в сантиметрах от моей киски. Паника охватывает меня, когда шаги Ханны приближаются опасно близко к двери моей спальни.

– Элли!

Я крепко сжимаю губы. Может, если буду молчать, она решит, что я вышла.

Нет, вряд ли. Ханна наверняка видит свет, проникающий из-под двери. И уж точно заметила мои пальто, обувь и сумку в нашей общей комнате.

– Элли. – Она легонько стучится ко мне.

Я беспомощно смотрю на Дина. Но дьявольский огонек в его глазах заставляет меня прищуриться. Не знаю, что он задумал, но... о боже. Он проводит кончиком языка по моему клитору, и теперь мои глаза в ужасе расширились, потому что я только что издала стон.

– Я слышу, что ты там, – с упреком говорит Ханна.

Да, я точно стонала.

Я откашливаюсь.

– Э-э-э, да, я здесь. Прости, я...

Дин начинает целовать мою щелочку. Я снова забываю, как говорить.

– Я... о господи. Я тебя не слышала, – это все, что удастся мне выжать из себя.

Повисает пауза, длинная и тревожная.

– Элли... – Ханна умолкает, кашляет и потом продолжает: – Я прервала твое... э-э-э... одиночное путешествие в Оргазмвиль?

Плечи Дина начинают сотрясаться. Его сдавленный смех вибрацией отзывается в моем клиторе и по своему эффекту вполне может составить конкуренцию любой вибрирующей секс-игрушке из моей тумбочки.

Хриплое «о да!» срывается с моих губ. Конечно же, это предназначалось Дину, но Ханна этого не знает.

– Черт, – быстро говорит она. – Прости! Я уже ухожу! Честное слово!

Ханна поспешно уходит по коридору, а затем недолго возится в общей комнате. Потом входная дверь захлопывается.

С бешено колотящимся сердцем я опускаю глаза на Дина.

– Я думал, она никогда не уйдет, – сипит он.

Элли кончает быстрее, чем я ожидал. Мой язык едва касается ее клитора, как она уже дрожит, стонет и сотрясается. Наверное, мысль о том, что тебя вот-вот застукают, возбуждает ее не меньше, чем меня.

Эх, если бы я довел ее до оргазма, пока Ханна стояла за дверью, это было бы охренеть как горячо. Наш маленький грязный секрет. Но так тоже хорошо: Элли скачет на моем лице, словно она жокей, а я – ее скакун-чемпион.

Хотя нет, это было больше чем просто хорошо. Мой член сейчас, как железный гвоздь, стремится прорваться сквозь ткань джинсов, и каждый раз, когда внутренние мышцы Элли сокращаются вокруг двух моих пальцев, я ощущаю ответную реакцию в своих яичках. Когда ее тело наконец расслабляется, я, поддразнивая, касаюсь языком ее клитора, а потом встаю на ноги.

– Ты как? – Я улыбаюсь, глядя в ее затуманенные глаза.

– Великолепно. – У Элли сонный и довольный голос, но она тут же приходит в себя, как только моя рука опускается на ширинку.

Штаны падают на пол. Я не стал надевать боксеры, потому что... (как сказала Элли?) они показались мне лишними. Когда пенис оказывается на воле, я обхватываю его правой рукой и поглаживаю вверх-вниз: ему давно это было нужно. Проклятье, он такой твердый, что это причиняет боль.

Я жадно смотрю на обнаженное тело Элли. Она ниже ростом, чем большинство девушек, с которыми я обычно сплю, ну и ладно. Зато она худенькая и в то же время с формами. Я обвожу взглядом каждую аппетитную деталь ее фигуры, от торчащих грудей, гладкой светлой кожи до розового рая между ее ног.

Я ждал какого-то разочарования, думая, что неделя воздержания преувеличила привлекательность Элли. Ничего подобного. Слава богу, она передумала, потому что сейчас я хочу ее не меньше, чем прежде.

Мой взгляд поднимается на ее лицо, на мгновение останавливается на сексуальных губах, а потом вновь опускается на совершенно голый холмик между ног.

Я издаю стон бессилия.

– Что такое? – хриплым голосом спрашивает Элли.

– Я не могу решить, чего хочу больше: как эти прелестные губки обхватывают мой член или как его сжимает твоя тесная киска. – Я медленно провожу ладонью вверх вдоль своего стояка, обдумывая одинаково заманчивые варианты. – Дай мне свой ротик.

Она, прищурив голубые глаза, отвечает:

– А что если я не хочу?

Я сжимаю набухшую головку, а затем опускаю кулак к основанию члена, потряхивая им перед ней.

– По-моему, в прошлый раз тебе понравилось ласкать его.

Когда Элли ничего не отвечает, я подхожу ближе и прижимаюсь к ней всем телом. По ней пробегает дрожь. Я беру ее руку, кладу вокруг пениса, и по ней прокатывается новая волна дрожи, еще сильнее.

Я наклоняюсь и шепчу ей на ухо:

– Пожалуйста, детка, я был таким хорошим мальчиком... Я ждал этого всю неделю. Разве я не заслуживаю награды за свое терпение? – Я ласкаю губами ее шею. – Я был таким... – целую ее челюсть, – хорошим мальчиком.

Элли издает гортанный звук и проводит рукой по всей длине моего мужского достоинства. Потом молча опускается на колени. Мой член дергается от возбуждения. Она раскрывает губы. Облизывает их. Снова облизывает. Я не могу оторвать взгляд от ее рта. Хочу, чтобы он быстрее оказался на мне, но ломота в яичках подсказывает, что я не продержусь долго.

Одно прикосновение языком. Это все, что успевает сделать Элли, и я рывком поднимаю ее.

– Нет, – через стиснутые зубы говорю я. – Так я кончу очень быстро.

В ее глазах вспыхивает негодование.

– О боже, как же ты любишь дразниться!

– Плевать. Хочу твою киску. Залезай на кровать.

На какую-то долю секунды мне кажется, что Элли начнет спорить со мной, потому что наслаждалась моментом, но, к удивлению, она подчиняется, в мгновение ока вытянувшись на матрасе и соблазнительно раздвинув ноги.

Чтоб меня. Ее половые губы блестят. Я все еще ощущаю на языке ее вкус, и теперь передо мной встает новая дилемма: может, довести ее до оргазма языком второй раз? Проклятье, как же мне хочется еще раз ее попробовать! Дину-младшему эта идея нравится и не нравится одновременно, и, наверное, если я снова прикоснусь к ней, то кончу прямо

на простыни. А какое от этого удовольствие?

Сделав глубокий вдох, я опускаюсь перед ней на колени и придвигаюсь чуть вперед, чтобы оказаться в нежной колыбели ее бедер. Элли протягивает руку и обхватывает мой член, и я чуть не взрываюсь прямо ей в ладонь. Она потирает пальцем маленькую щелочку, из которой выступила капелька предэякулята, и меня бросает в дрожь. Я подталкиваю головку еще ближе к ней.

– Презерватив, – напоминает Элли.

Вот блин! Поверить не могу, что чуть не забыл о защите. Обычно такого не случается, это такая же привычка, как надевать амуницию перед выходом на лед.

Я свешиваю руку с кровати и шарю по полу в поисках штанов. Отыскав их, вытаскиваю из кармана презик.

Спустя пару секунд я снова у Элли между ног и наблюдаю за ее лицом, сжав в кулаке член и направляя его все ближе. Головка упирается в нее, требуя войти. По телу Элли пробегает дрожь. Я не видел ничего более сексуального, чем она сейчас: покрасневшие щеки, растрепавшиеся светлые волосы.

Мы оба счастливо вздыхаем, когда я протискиваюсь внутрь нее. Ох, блин, как же я люблю секс! Мне плевать, кто создал мужчин и женщин: Бог, эволюция или маленькие зеленые марсиане. Я буду бесконечно благодарен этому создателю за то, что он дал нам пенисы и вагины и кайф от одного из видов их использования.

Я наклоняюсь, чтобы коснуться губами губ Элли, от этого угол немного меняется и мой член еще глубже входит в нее. Волны наслаждения подхватывают меня и уносят в свой водоворот. Мои бедра отодвигаются назад, потом возвращаются обратно, медленно, не спеша.

Дыхание Элли становится прерывистым.

– Хватит дразнить меня.

– Думаешь, я тебя дразню? – Я кладу ладонь на ее плоский живот и большим пальцем легонечко потираю ее клитор.

Когда Элли приподнимает бедра, я убираю руку, и она стонет от разочарования. Я усмехаюсь.

– Вот как дразнят.

– Боже, я ненавижу тебя. Ласкай меня, – приказывает Элли, – трахай меня и заставь кончить снова.

Я прищуриваюсь.

– В прошлый раз ты так сильно не командовала. Или я был очень пьян и не помню?

Демонстрируя впечатляющую гибкость, Элли садится и обвивает руками мою шею. Теперь она сидит у меня на коленях и трется о мой член.

– Я командовала еще сильнее. Но только потому, что тебя нужно было немного поучить.

– Чушь. Ты задышалась от оргазма, стоило мне коснуться тебя.

– Откуда ты знаешь, может, я притворялась? – поддразнивает меня Элли, двигая бедрами, и мы оба стонем.

Я удерживаю ее на месте, схватив за талию.

– И ты притворялась?

Мне вдруг вспоминается, как Логан рассказал мне, что Грейс симитировала оргазм во время их первого секса. Тогда я нещадно глумился над ним. Но теперь я сам напуган: вдруг Элли сделала то же самое? Она учится на актрису, в конце концов.

– Нет, не притворялась, – отвечает Элли, и я сразу чувствую облегчение, а она нехотя добавляет: – Ты и правда очень хорош в постели.

– В постели я *великолепен*, – поправляю я ее, сопровождая это толчком вверх, отчего Элли довольно ахает.

– Сделай так еще раз, – просит она.

– Лучше ты сделай кое-что для меня. – Я падаю на спину так, что Элли оказывается на мне верхом, и щипаю ее за сосок. – Скачи на мне, пока я не кончу.

На ее лице появляется озорная улыбка. О да, ей это понравилось. Растопырив пальцы на моем животе, она приподнимается, а затем быстро опускается. На мне горячая блондинка – я в раю. Ее торчащие груди двигаются в такт движениям, а когда волосы падают ей на лоб, Элли отбрасывает с лица золотистые пряди и продолжает смотреть мне прямо в глаза. Двигается вверх-вниз. Трется о меня. Сводит меня с ума.

– Ласкай меня. – Ее серьезное выражение лица заставляет меня положить руку к тому месту, где соединяются наши тела, и послушно ласкать ее клитор своим большим пальцем.

Ее глаза затауманиваются от наслаждения, но приказы продолжают слетать с ее губ.

– Медленнее. – Дыхание Элли участилось. – Маленькими кругами. Нет, не дави так сильно. Нежнее... о боже, да, вот так.

Если честно, мне очень нравится, что Элли прямо и недвусмысленно говорит мне, что именно ей нужно. В конце концов, она знает свое тело гораздо лучше меня. Но я способный ученик. Вскоре ее слова сменяются стонами, и она насаживается на член со всей возможной страстью.

Сейчас Элли лежит на мне, ее губы так близко от моего уха, что

каждый сексуальный звук, который она издает, проникает прямо мне в яйца. Мои бедра двигаются снова и снова, наши тела бьются друг о друга, а губы слились во влажном поцелуе.

Мы все еще целуемся, когда Элли кончает. Она закусывает мою нижнюю губу и издает тихие стоны, и головокружительное ощущение от того, как ее киска стискивает мой член, вызывает оргазм и у меня. Я кончаю словно из пушки, от наслаждения темнеет в глазах и затуманивается сознание. Не знаю, как не лопнул презерватив от той мощи, с которой я изливался в него.

– Что за?... – Придя в себя, я чувствую во рту медный привкус.

Я касаюсь губы, и мои пальцы измазываются в крови. Ни фиги себе! Элли так сильно укусила меня, что пошла кровь. Из меня рвется смех.

Элли поднимает голову. Ее волосы спутались, а глаза почти закрыты.

– Что? – На ее лице тут же появляется взволнованное выражение. – О боже, у тебя кровь!

Я начинаю смеяться еще сильнее. Как же, блин, здорово, что я не сдался! Ну и девчонка: царапается, кусается и трахается до беспамятства. Такой у меня еще никогда не было.

– Ничего страшного, – уверяю я Элли.

Но она явно с этим не согласна, потому что слезает с меня и придвигается к тумбочке у кровати. Взяв оттуда салфетку, Элли прижимает ее к моей губе.

– Прости! Тебе больно?

– Ни капельки, – звучит мой жизнерадостный ответ.

Я забираю у нее салфетку и бросаю ее на пол, а потом перекладываю голову с матраса на подушку и притягиваю Элли к себе.

Ее божественное обнаженное тело ложится рядом со мной, а голова устраивается на моем плече.

– Бесконечное множество желаний, – бормочет она себе под нос.

– Что?

– Твой член. – Она вздыхает. – Он творит чудеса.

– Еще как, черт побери! Я же говорил тебе, что у меня потрясающий член.

Я ухмыляюсь в потолок и поглаживаю ее грудь. Какое-то время мы лежим в тишине, все еще стараясь отдышаться.

Наконец Элли мурчит:

– Ты писал про какую-то игру у малышни, это что?

До меня даже не сразу доходит, о чем речь.

– А, «Ураганы». Наш новый тренер по работе с защитниками вынудил

меня поработать на общественных началах в начальной школе, так что теперь я помощник тренера хоккейной команды.

– Звучит здорово.

– Поверить не могу, что говорю это, но... так и есть. В смысле здорово.

И сегодняшняя игра оказалась куда более захватывающей, чем я ожидал. «Ураганы» встречались с командой-лидером их дивизиона, и каждый мальчишка играл на впечатляющем уровне. О, и победный гол был забит благодаря кистевому броску Робби Олсена. Черт, да меня просто распирало от гордости!

– А я каждое лето была волонтером в театральном кружке, когда училась в старшей школе, – говорит мне Элли. – Там всегда было очень круто, поэтому я сильно расстроилась, когда кружок закрыли. Он находился в старом театре в Бруклине, но потом землю перевели в другую категорию, городские власти снесли здание, и теперь там компьютерный магазин. – Она резко садится. – Блин, я кое-что забыла.

Она перевешивается через меня, чтобы дотянуться до тумбочки. Я не могу устоять и втягиваю в рот ее сосок. Чертовски здорово ощущать этот тугой бутон у себя на языке. Я сосу сильнее, и по телу Элли пробегают мурашки, но тут она отталкивает мою голову.

– погоди, а то потом я опять забуду.

Она берет свой телефон и открывает приложение с заметками и напоминаниями, где что-то печатает. Мне хорошо видны слова «билет на поезд».

– Билет на поезд?

– Да, мистер любопытный. – Элли кладет телефон обратно. – Я поставила себе напоминание купить билет в Нью-Йорк. Надо сделать это заранее, а то ко Дню благодарения начнется настоящий хаос. В прошлом году мне пришлось ехать самым последним поездом, который прибывал в четыре утра.

– Ты проводишь День благодарения со своими родителями?

Элли снова вытягивается рядом со мной.

– Только с папой. – Она умолкает. – Мама умерла.

– О, мне так жаль.

Я провожу ладонью по ее голой руке. Потом замечаю, как это необычно – лежать с ней в кровати и просто разговаривать. Но мое тело еще так расслаблено после наших забав. Сейчас даже спасателям будет не под силу извлечь меня из этой кровати.

– Вы с отцом близки? – спрашиваю я.

Ее голова слегка ударяет мое плечо, когда Элли кивает.

– Очень близки. Он самый лучший в мире человек.

– Чем он занимается? – Сам не знаю, почему я задаю все эти вопросы.

У меня нет привычки близко знакомиться с девчонками, с которыми переспал. Но Элли – это другое. К тому же она лучшая подруга Уэллси. И кажется неправильным отнестись к ней в духе «трах-бам, спасибо, мадам».

– Он искал талантливых игроков для «Брюинз».

– Правда? – Я под сильным впечатлением. – Тогда он разбирается в хоккее. А сам играл?

– В колледже. Его задрафтовали «Кингз»^[12], но он порвал связку еще во время тренировочных сборов, так что его карьера закончилась, даже не успев начаться. Но, по-моему, папа воспринял это с некоторым облегчением. Он всегда говорил, что ему лучше удастся искать талантливых игроков, чем самому быть таковым.

– И все же это тоже тяжелая работа, – замечаю я. – Наверное, он почти все время был в разъездах?

– Да. И это было самой отстойной частью. Но мы с мамой справлялись. А когда она умерла, папа по возможности старался брать меня с собой, но чаще всего я оставалась у своей тети, в Куинсе.

– Сейчас он на пенсии?

Элли едва заметно напрягается.

– Да, на пенсии. – Снова повисает пауза. – А какие у тебя планы на День благодарения? Напомни, откуда ты? Из Коннектикута?

– Да. Из Гринвича. И Манхэттена. Моя семья живет на два дома, но в старшую школу я ходил в Коннектикуте.

– В частную старшую школу, – поправляет она меня.

Я дергаю ее за волосы.

– Но она же все равно старшая.

– Конечно, но готова поспорить, что у тебя там было куда больше привилегий, чем в моей Вашингтон-Паблик в Бруклине. Избалованный мальчишка. – По ее тону слышно, что она просто дразнится. – Кстати, ты так и не ответил, что будешь делать на праздники.

– Еще не знаю, – признаюсь я. – Со временем как-то сложно. Мы играем с Гарвардом через два дня после Дня благодарения.

– Ну и что? Гринвич отсюда не так уж далеко, как и Манхэттен. Ты можешь доехать или долететь что туда, что туда и все равно успеешь обратно на игру.

– В том-то и дело, что мне не нужно ни в Гринвич, ни на Манхэттен. Моя семья будет в нашем доме на Сен-Барт.

Элли снова садится, широко открыв рот, а потом начинает смеяться.

– Ну ничего себе, фу-ты ну-ты! – И она тут же продолжает с безупречным британским акцентом: – Нет, ну а что, дорогая, моя семья действительно владеет домом на Сен-Бартелеми. Папан – заядлый моряк, а маман просто *обожает* попивать «Мимозу» на нашем частном пляже.

Я тыкаю ее пальцем в бок.

– Ты просто завидуешь.

– Конечно. У тебя дом на Сен-Бартелеми. Круть. – Ее лицо становится задумчивым. – Твои родители юристы, верно?

Я киваю.

– Не знала, что юристы могу зарабатывать на дома на тропических островах.

– Смотря какие юристы. Мой папа – один из лучших адвокатов по уголовным делам в стране, так что да, он неплохо зарабатывает, – с иронией говорю я. – А мама специализируется на жилищном праве, что тоже приносит приличный доход. К тому же они оба из богатых семей.

– Дай угадаю, дедули Себастиан и Кендрик были нефтяными баронами?

Как-то глупо, но мне приятно, что Элли запомнила мои средние имена.

– Нет, в нашей семье никто не связан с нефтью. Дедушка Себ владел судоходной компанией. Вернее, он и сейчас ею владеет, просто управляет всем совет директоров. А дед Кендрик был предпринимателем в сфере недвижимости.

– Как Дональд Трамп?

– Типа того. Ты когда-нибудь ездила на Манхэттен, когда жила в Бруклине? – И тут меня осеняет: – Эй, а почему у тебя нет бруклинского акцента?

– Может, потому, что мои родители не были коренными ньюйоркцами. Папа из Огайо, мама выросла в Калифорнии. Наверное, я говорю так же, как они. И конечно, я бывала на Манхэттене – или ты думаешь, что всю свою жизнь я провела под Бруклинским мостом, словно тролль?

Я фыркаю.

– И даже бывала в Верхнем Ист-Сайде?

– Конечно. У меня была подруга, которая жила... – Элли делает большие глаза. – Офигеть! «Хейворд-Плаза». До меня *только что* дошло.

Выражение благоговения на ее лице вызывает у меня широкую улыбку.

– Ты владеешь отелем «Хейворд-Плаза»? – восклицает Элли.

– Я лично? Нет. Но когда-нибудь, наверное, унаследую. Мамина семья,

Хейворды, владеет недвижимостью по всему миру. В большей степени отелями, но еще у нас есть тот крутой жилой комплекс в Абу-Даби, построенный почти целиком из стекла. Он...

– Так, лучше тебе замолчать, а то мне уже хочется ударить тебя. Честное слово, представить себе не могла, что ты *настолько* богат. Даже не пойму, то ли это меня заводит, то ли, наоборот, убивает все желание.

– Заводит, – немедленно отзываюсь я. – Все во мне тебя заводит, помнишь?

Она фыркает.

– Ну-ну, как скажешь.

Нахально улыбаясь, я показываю на разные части своего тела.

– Мое лицо? Сексуальное. Грудь? Сексуальная. Я бы перевернулся и показал тебе свою задницу, но мы оба знаем, что она тоже сексуальная, так что останусь лежать. Мой член? Охренеть какой *сексуальный*. А теперь перейдем к нефизическим офигенным качествам Дина.

– Говорить о себе в третьем лице – несексуально.

Я игнорирую шпильку Элли.

– Во-первых, я восхитительный. У меня непревзойденное чувство юмора, само собой.

– Само собой, – сухим тоном повторяет она.

– Я необычайно талантлив в искусстве беседы.

Она кивает.

– Конечно, когда речь идет о тебе.

– Конечно. – Я притворяюсь задумавшимся. – О, и еще я телепат. Честно. Мне всегда известно, о чем думает другой человек.

– Да? И о чем же я сейчас думаю? – вызывающе спрашивает Элли.

– Ты хочешь, чтобы я заткнулся и снова тебя трахнул.

Она в изумлении качает головой.

– Ни черта себе! Серьезно, я именно об этом и думала.

Я усмехаюсь и стучу пальцем по своему лбу.

– Говорил же, телепат.

– Мои поздравления. – Элли вздыхает. – Сколько презервативов ты взял?

– Один.

– Двоечник. Сунь руку вон в тот ящик – там должна быть еще парочка.

Я открываю ящик тумбочки, в котором – ничего себе, вы только посмотрите! – помимо резинок находится кое-что еще. Моя рука вытаскивает силиконовый вибратор забавного розового цвета, длиной не меньше семнадцати сантиметров.

– Ого, и кто этот малыш? – Я покачиваю им вверх-вниз, и он своей гибкостью напоминает настоящий член.

Элли выхватывает его из моей руки.

– *Маленький?* Лучше возьми свои слова обратно – или у Уинстона разовьется комплекс неполноценности.

– Уинстона? Ты серьезно?

– Да ладно тебе! Или хочешь сказать, что он не похож на Уинстона?

Я рассматриваю розовую игрушку. Для штуки, изображающей член, он какой-то уж сильно девчачий. И, насколько я слышал, Уинстон – девчачье имя.

– Хм, почему, похож.

Элли согласно кивает.

– У меня талант выбирать самые подходящие имена для членов.

Я тут же хмурюсь и сердито смотрю на нее.

– Даже не думай называть мой, слышишь?

– А что? Боишься, что мое имя будет лучше, чем то, которое ты сам придумал? – спрашивает она приторно-сладким голосом.

– Кто сказал, что я как-то назвал свой член?

Элли с вызовом склоняет голову набок.

– Скажешь, нет?

В ответ я лишь пожимаю плечами.

– Ха, я так и знала! И как его зовут?

Я хмурюсь еще сильнее.

– Ну давай, скажи мне, – просит она. – Обещаю, не буду смеяться.

После пяти секунд внутренних споров я сдаюсь.

– Дин-младший.

Элли даже завывает от смеха.

– Боже, ну конечно! Какой ты *зануда*!

В ответ я щипаю ее за бедро, но она смеется еще сильнее, и мне приходится заставить Элли замолчать, перевернув ее на спину и накрыв рот своим. Она тут же приоткрывает губы, чтобы впустить мой язык, и вот мы уже жарко целуемся и тремся друг о друга, как кошки.

Я отстраняюсь и хрипло спрашиваю:

– Не хочешь снова меня связать?

– Нет, я придумала кое-что другое.

– Эх, а мне так хотелось!

– Хватит жаловаться, милый. Поверь, тебе это понравится.

Теперь Элли переворачивает меня на спину и вызывает у меня стоны, когда начинает целовать мое тело сверху вниз. Через несколько секунд ее

теплый рот смыкается вокруг моего члена, и... да... Дин-младший точно не станет жаловаться.

Субботний матч против команды Йеля начинается многообещающе.

Гаррет почти сразу же забивает шайбу в их ворота, и почти весь первый период нам удастся держать соперника за пределами нашей зоны, за исключением момента, когда Бродовски по своей дурости уходит с позиции и впускает к нам центрального и правого нападающих Йеля.

Из-за этого болвана я оказываюсь один против них двоих, и только по счастливой случайности им не удается забить нам – шайба попадает в штангу. Я бросаюсь к отскочившей шайбе и делаю быстрый пас Хантеру. Наши нападающие беспрепятственно пересекают красную линию и входят в зону Йеля, в то время как я изо всех сил стараюсь не придушить Бродовски, когда мы мчимся к нашей скамейке, чтобы смениться.

Я брызгаю водой в лицо и сплевываю. По мне струится пот: удерживать оборону в одиночку было очень непросто.

Сидящий рядом Бродовски красный от стыда, и поделом.

– Я облажался, – бормочет он мне.

Стиснув зубы, я отвечаю:

– Со всеми бывает.

Потому что именно так ты и должен отвечать, когда являешься частью команды. Здесь, в Брайаре, мы не ищем виноватых.

Но если уж на то пошло, кто виноват в том прорыве? Конечно, Бродовски.

– Что случилось с твоей губой? – спрашивает он, глядя на маленькую красную ранку на моей нижней губе.

– Секс, – мычу я.

Такер, сидящий с другой стороны от меня, усмехается. Сегодня утром он спросил меня то же самое, и я точно так же ответил ему.

Парень рядом с Такером, один из наших новеньких крайних нападающих, выглядит впечатленным.

– Ты мой кумир, чувак, – говорит он мне.

В оставшееся время на льду играет первое звено, и мы возвращаемся в раздевалку с победным один-ноль. Впервые за много недель наш моральный дух на высоте.

Второй период начинается точно так же, как и первый. Еще один гол на самых первых минутах, в этот раз благодаря Фитци. Мы ведем два-ноль, и Йель чувствует давление. В результате они начинают прессовать нас, играют очень агрессивно и бросают шайбу за шайбой. Патрик Корсен, наш вратарь, и близко не стоит с нашим прежним вратарем, Симмсом, который окончил университет в прошлом году. Еще у него есть плохая привычка откатываться к краю пяточка, так что, когда крайний нападающий команды противника принимает пас от своего центрального защитника, Корсен очень далеко от ворот, чтобы остановить шайбу.

Ладно, все нормально. Все равно пока мы впереди. Ровно на тридцать секунд. Я перепрыгиваю через бортик, потому что подошло время нашего звена, и как раз в эту секунду тот же самый крайний нападающий, только что забивший нам гол, делает впечатляющий бросок из-за ворот, и шайба снова пролетает мимо Корсена. Этот ублюдок вновь забивает нам. Две шайбы меньше чем за одну минуту – и наше превосходство сменяется ничьей.

Остаток второго периода проходит без голов.

Во время третьего все летит в тартарары. Я даже не могу сосчитать всех ошибок: одна глупая промашка за другой.

Логан получает две минуты удаления за удар соперника клюшкой. Йель забивает в большинстве.

Два-три.

На скамейку штрафников садится Уилкес: за задержку соперника клюшкой. Йель забивает в большинстве.

Два-четыре.

Корсен попадает на уловку крайнего нападающего, который вроде бы собирался бросать низко, а бросает высоко. Шайба летит в ворота, прямо в левый верхний угол. Йель снова забивает, и в этот раз мы даже не играли в меньшинстве.

Два-пять.

Хантер забивает гол в одно касание.

Три-пять.

Я получаю удаление за глупейшую подножку сопернику. Йель забивает в большинстве.

Три-шесть.

Звучит финальная сирена, и мы проигрываем нашу третью в сезоне игру. Весело, ничего не скажешь.

О'Ши оттаскивает меня в сторону, пока я не успел сесть в автобус. Он уже наорал на нас с Логаном за то, что мы заработали себе такие глупые удаления, вылившиеся в две заброшенных соперником шайбы, и я искренне надеюсь, что он не станет делать это снова. У меня препаршивое настроение, а в таком состоянии плохо фильтруешь, что говоришь. Так что, если О'Ши начнет меня провоцировать, не уверен, что смогу справиться с собой.

– Что такое, тренер? – стараюсь быть вежливым, спрашиваю я.

Стрельнув в меня своими темными глазами, он достает из кармана *BlackBerry*. Это отвлекает меня, потому что я не могу вспомнить, когда последний раз видел *BlackBerry*. По-моему, сейчас все пользуются только *iPhone*.

– Не хочешь ничего мне сказать? – холодным тоном спрашивает О'Ши. Я в абсолютной растерянности.

В его челюсти дергается мускул. Не говоря ни слова, он протягивает мне телефон.

Испытывая легкую тошноту, я смотрю на экран. Там открыт неизвестный мне аккаунт в *Instagram*, но на фото несколько знакомых мне лиц, включая мое собственное. Не знаю, кто автор снимка, но предполагаю, что это одна из девушек, которые наводнили «Малоун» в четверг вечером, потому что под снимком стоят хэштеги #СимпатягиХоккеисты и #СексуальныеПарниБрайара.

Скажу честно, я не понимаю, в чем там проблема. На фото мы с парнями чокаемся стопками – заказали по порции крепкого алкоголя, а потом переключились на пиво. Ну да, мы пьем, но мы все совершеннолетние, и никто из нас не сверкает своим хозяйством, спустив штаны. Ради всего святого, мы же просто сидим за столом!

– Все так же нечего сказать?

Я поднимаю взгляд на О'Ши.

– Это был вечер четверга. Мы праздновали день рождения Фитци.

– Я вижу. И как именно вы праздновали?

– Если вы хотите знать, напились ли мы, то нет.

Но ему этого, видимо, недостаточно.

– Ты помнишь, что я тогда сказал тебе в кабинете Дженсена? Никакого алкоголя, никаких наркотиков и скандалов.

– Мы не напивались, сэр. Всего лишь выпили по парочке бокалов

пива.

– Ты знаком с правилами Брайара в отношении употребления наркотиков и алкоголя студентами-спортсменами? Если нет, тогда я с радостью предоставлю тебе их копию.

– Ой, да ладно вам, тренер, нельзя же всерьез требовать от нас не пить. Мы же в колледже, вашу... вы же понимаете. И всем нам уже больше двадцати одного.

– Следи за своим языком, Ди Лаурентис, – рявкает О’Ши. – Да, я, как и другие тренеры, отношусь к этим правилам *серьезно*. Пока ты играешь за этот университет, будь добр подчиняться этим правилам и правилам, установленным Национальной ассоциацией студенческого спорта, и вести себя соответствующе.

– Сэр... – Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. Но не ощущаю ни капли спокойствия. Я подавлен из-за сегодняшнего поражения и совсем не в настроении выслушивать, как меня отчитывают за пару гребаных бокалов пива. – В тот вечер я и мои товарищи по команде вели себя исключительно. Так что *расслабьтесь*, вам не о чем волноваться.

– Не умничай, сынок. У нас тут серьезные проблемы...

– Нет у нас никаких проблем, – прерываю я его. – По-моему, вы перегибаете палку. Мы пошли в бар и выпили немного пива. И это все. Но раз вы так переживаете по этому поводу, может, вам обратиться к тренеру Дженсену и узнать, что *он* думает? – Мой рот кривится в усмешке. – Все же Дженсен – главный тренер команды. Наверное, это ему следует решать такие «серьезные проблемы»?

Я тут же жалею о сказанном, но этот мужик меня достал.

Как и следовало ожидать, О’Ши без особой радости воспринял такой вызов своему авторитету.

– Чэд дал мне полный карт-бланш во всех вопросах, касающихся защитников, и тебе не помешает это запомнить, – он словно выплевывает слова. – Когда речь идет о моих подопечных, все проблемы решаю я. А это, мистер Ди Лаурентис, проблема. Пока ты часть этой команды, исключи употребление алкоголя и любых наркотиков, понял?

Ох, мать вашу! Я уже сыт по горло всем этим...

– Я понял, тренер. Теперь мне можно сесть в автобус?

Его лицо становится красным от гнева.

– Хочешь сесть в автобус со своими товарищами по команде? Тогда тебе следует научиться брать на себя ответственность за свои действия! Признать, что ты поступил неправильно.

Еще секунда – и я выйду из себя. Мои ладони сжались в кулаки, но

каким-то чудесным образом мне удастся сдержаться и не ударить его.

– Хочу поинтересоваться чисто из любопытства: вы планируете отчитать и остальных, кто на том фото, или просто ко мне особое отношение?

– Я поговорю со всеми, не переживай. Просто решил начать с тебя, потому что в прошлом ты злоупотреблял спиртным.

В прошлом злоупотреблял спиртным?

Да пошло оно все! И на хрен его!

Он прекрасно знает, что у меня никогда не было проблем с алкоголем. Просто бесится и пытается найти еще способы наказать меня за то, что случилось с Мирандой. Но говорить о каком-то одном случае, когда я слишком много выпил, причем будучи гребаным *тинейджером*, как бы намекая, что у меня алкогольная зависимость?

Как... меня... все... это... достало.

– Спасибо за беспокойство, – любезным тоном говорю я. – Очень вам благодарен. Честное слово.

А потом оставляю его стоять на тротуаре, а сам иду к автобусу.

Слава богу, О'Ши меня не останавливает.

В попытке собрать остатки самообладания я залезаю в автобус и опускаюсь на свое обычное место рядом с Такером, который вопросительно смотрит на меня.

– Что такое?

– Ничего.

Я достаю из кармана наушники и втыкаю их в уши. Если Таку это и показалось грубым, он ничего не говорит, а просто опускает глаза на телефон. Спустя несколько минут автобус отъезжает.

Мой *iPod Shuffle* начинает проигрывать какую-то роковую композицию, которая только еще больше меня заводит. Тогда я открываю плей-лист, сделанный для меня летом Уэлси, и пытаюсь успокоиться под звуки мягкого джаза и мурлычущего вокала. Нет, не получается. Я выключаю плеер и начинаю слушать тихую болтовню моих товарищей по команде.

Логан и Фитци треплются о шутере от первого лица, на который Фитци пишет рецензию для университетского блога. Холлис пытается уговорить кого-то встретиться у его общаги: «Ты не пожалеешь, детка» – то ли он висит на телефоне, то ли они со своим соседом решили признаться в своих нетрадиционных отношениях всему автобусу. Корсен спорит со своим соседом, кто самая горячая актриса в «Игре престолов»: девица, играющая Дайнерис, или баба, исполняющая роль Серсеи.

– Вы оба неправы, – встречается Гаррет. – Самая горячая там Мелисандра. Тут даже спорить не о чем.

– Красная жрица? Точно нет. Она породила ту ужасную тень. С этой киской явно что-то не так, чувак.

– Хватит спойлерить! – раздраженно говорит Уилкес. – В эти выходные я как раз собираюсь начать смотреть первый сезон!

– Не начинай, – советует ему Фитци. – Сериал фуфло. Лучше почитай книги.

– Клянусь богом, если ты еще раз скажешь нам «почитай книги», я тебя придушу, – объявляет Корсен. – Seriously. Возьму и придушу тебя, Колин.

Наш гений лишь пожимает плечами.

– Разве я виноват, что книги интереснее?

Я не влезаю в разговор, но согласен с Фитци. Книги *интереснее*. Хотя сомневаюсь, что кто-то поверит мне, скажи я, что читал их. За исключением парней, с которыми я живу под одной крышей, большинство моих товарищей по команде не воспринимают меня всерьез. Уверен, они думают, что я буду учиться в Гарвардской юридической школе только потому, что мои богатые предки заплатили за это. Но, если честно, мне все равно. Мне даже нравится, что люди недооценивают мои умственные способности. Большей частью я специально притворяюсь тупым блондином, чтобы чисто поржать.

Разговоры продолжаются, но я перестаю к ним прислушиваться и достаю телефон. Какая-то неведомая сила заставляет меня открыть приложение *Facebook* и ввести в строку поиска ее имя. Я действую словно на автопилоте, даже не задумываясь о том, что делаю, пока на экране не появляются результаты поиска.

В соцсети зарегистрировано около дюжины Миранд О’Ши, но ни одна из них не является той самой Мирандой, которую я ищу.

Я снова открываю строку поиска, на этот раз добавив к ее имени «Дьюкский университет». Совершенно не представляю, действительно ли она там учится, но, кажется, разумнее всего начать с этого. Когда мы встречались, Миранда только и говорила о том, как сильно ей хочется поступить в университет Дьюка.

На экране появляется ее профиль.

Я разглядываю маленькую фотографию. Она не меняла ее четыре года. У нее все то же круглое лицо, те же непокорные темные кудри, те же карие глаза.

К моему разочарованию, ее страничка закрыта. Я могу видеть только

фото профиля и фото обложки – какой-то пляжный пейзаж. Мой взгляд прикован к маленькой зеленой кнопке сверху страницы.

«Добавить в друзья».

Не знаю, что на меня нашло, но я нажимаю ее.

Заявка на добавление в друзья отправлена, я выключаю приложение и убираю телефон. Такер тоже больше не сидит в телефоне. Он откинулся на подголовник и закрыл глаза. Я решаю последовать его примеру. До Бостона ехать больше двух часов, а потом еще час до Гастингса. Вполне можно вздремнуть и попытаться забыть о сегодняшней катастрофической игре.

Сон и правда помог. Я просыпаюсь спокойным и отдохнувшим, а когда выглядываю в окно и смотрю на дорожный указатель, оказывается, что мы всего в полчаса езды от кампуса.

Такер тоже проснулся и снова что-то печатает в телефоне.

– Эй, чувак, ты с кем-то встречаешься? – Я не могу удержаться от вопроса, потому что в последнее время очень редко его вижу, хотя мы живем в одном доме.

– Нет, – твердо отвечает он.

– Ты уверен?

– Наверное, я бы знал, встречаюсь с кем-либо или нет. – В его голосе звучат какие-то нотки, но не пойму, какие.

– Тогда где ты пропадаешь? Тебя почти не бывает дома.

Такер пожимает плечами.

– Хожу на занятия. Занимаюсь в библиотеке. Отдыхаю у себя в комнате. – Он умолкает. – Пару раз ночевал у друга в Бостоне.

– Что за друг?

Так не успевает ответить, потому что у меня звонит телефон. Но, честное слово, от меня не ускользнуло отразившееся на его лице облегчение. Я мысленно записываю напоминание себе как-нибудь снова расспросить его. Будет хорошей практикой для юридической школы.

Я отвечаю на звонок, когда вижу имя Бо, и здороваюсь с ним как обычно.

– Максвелл. Как жизнь?

– Привет, как игра? – На заднем фоне гремят музыка, но мне отлично его слышно.

– Ужасно.

– Да, читал короткую заметку в спортивном блоге. Вам надрали задницы.

– Тогда зачем спрашиваешь, если уже знаешь ответ?

– Из вежливости.

Я усмехаюсь.

– Ладно, у меня сегодня вечеринка. Знаю, уже поздно, но все равно решил пригласить тебя. Думаю, тебе нужно немного отвлечься от вашего поражения Йелю.

Я раздумываю над его предложением, но недолго.

– Нет, спасибо, я не в настроении. – Из меня вырывается усталый вздох. – Сегодня был паршивый вечер.

– Еще одна причина, чтобы прийти. Здесь полно горячих телочек. И ты знаешь женщин – они не в силах устоять перед подавленным, мрачным мужиком. Расскажешь им, как тебя опечалило ваше поражение, и они будут умолять тебя позволить им улучшить тебе настроение. – Он умолкает. – Погоди. Или у тебя до сих пор... э-э-э, неполадки с оборудованием?

– Нет, все наладилось.

– Отлично! Значит, Белла все-таки уступила?

– Белла? – переспрашиваю я.

– Ну да, та телочка, с которой у вас запечатление.

Я усмехаюсь.

– А, точно. Да, она уступила.

Я специально не вдаюсь в подробности, потому что рядом сидит Такер, а ему никак нельзя узнать обо мне и Элли.

Эх, наверное, тогда и мне нельзя было доставать его своими расспросами: похоже, мы с ним в одинаковой ситуации.

– Отлично, значит, ты как новенький. Вот и приходи, найди занятие своему вновь функционирующему члену.

– Нет, – снова говорю я, – правда нет настроения. – Но зато у меня появилось настроение для кое-чего другого: даже самая ничтожная мысль об Элли вызывает у меня эрекцию. – Созвонимся на неделе. Сходим выпьем пивка.

– Звучит заманчиво. До скорого, бро.

Как только он вешает трубку, я открываю сообщения. Будет где-то час ночи, когда я доберусь до дома. Мои действия продиктованы лишь желанием заняться сексом, но сегодня суббота, у Элли завтра нет занятий, так что мне может повезти.

Я: ты = я = дикий животный секс сегодня ночью?

Она отвечает почти сразу. Это хорошо, значит, еще не спит.

Она: ты = соблазняешь – меня = уже в кровати ÷ сплю.

Я: Зачем знак деления?

Она: Не знаю. Пыталась отвечать в виде математической формулы. Короче говоря, я уже в кровати.

Я: Отлично. Именно там я и хочу оказаться. Буду через 45.

Она: Нельзя. Ханна дома.

Я: Мы будем вести себя очень-очень тихо. Она даже не узнает, что я там.

После короткой паузы появляется новое сообщение. Я еще не открыл его, но уже знаю, что ответ «нет».

Она: Не хочу рисковать. Давай подождем, пока сможем быть одни.

Я: У тебя нет тяги к приключениям.

Она: У тебя нет терпения.

Я: Только когда речь идет о тебе.

Она: Прошлой ночью мы занимались сексом три раза! Пусть это поможет тебе скоротать время до нашей следующей встречи.

Я: И когда это случится?

Она: Может, завтра вечером? Я тебе сообщу.

Я: Отлично.

Я: Кстати, сегодня буду дрончить, думая только о тебе.

Она: Круто. Я только что мастурбировала и представляла, что это ты.

Я издаю громкий стон.

Такер поворачивается в мою сторону. Он смотрит на мое лицо, на мой телефон, а потом закатывает глаза.

— Серьезно, мужик? Ты перебрасываешься с кем-то грязными сообщениями, когда я сижу рядом? Уединись.

Мне бы хотелось уединиться. С Элли. Но ясно, что сегодня это невозможно. К тому же благодаря ее последнему сообщению теперь мне придется ехать со стояком.

– У тебя есть девушка? – Дакота порхает по кладовке для амуниции, словно маленькая фея, я же убираю шлемы на полку.

Раздевалка для мальчиков принадлежит не только хоккейной команде, ею также пользуются другие ученики начальной школы Гастингса, а значит, вся хоккейная амуниция должна храниться в этой кладовке. Я ассистент тренера, и в мои обязанности входит убирать все по местам.

– Ну так что, есть или нет? – не отстает она, когда я на две секунды задерживаюсь с ответом.

Я оглядываюсь на нее через плечо.

– Нет. А тебе разве не нужно делать домашнюю работу? – Вообще-то, я совсем не против ее компании. С Дакотой не соскучишься.

Она запрыгивает на большой закрытый контейнер для хранения и садится, скрестив ноги.

– На сегодня у меня нет домашней работы. – Дакота накручивает на палец кончик своего хвостика, громко жует жвачку, надувает огромный розовый пузырь, а потом говорит: – Почему нет?

– Почему нет чего? – Засунув на полку последний шлем, я разворачиваюсь к ней.

– Почему у тебя нет девушки?

– Потому что нет.

– А вообще у тебя когда-нибудь была девушка?

– Конечно. И много. – Конечно, я не говорю ей, что все изменилось после того, как я поступил в университет. Все-таки ни к чему десятилетней девочке знать о том, что я живу холостяком, потому что предпочитаю секс без обязательств.

Кстати о сексе: если в ближайшее время мне ничего не перепадет, клянусь богом, мои яйца просто лопнут. В воскресенье мы с Элли так и не увиделись, вчера она тоже не смогла со мной встретиться. У нее совершенно нет времени из-за постоянных репетиций, и ей еще нужно было сделать какую-то запись для прослушивания, но я начинаю сомневаться, не динамит ли она меня. Уж лучше бы нет, потому что я еще не готов к тому, чтобы этот... роман (?), ну да, наш роман, закончился.

– Ты знаешь моего брата Робби? – понизив голос, спрашивает Дакота. Я громко фыркаю.

– Нет, малышка, я не знаю Робби. Я всего лишь тренирую его команду. Она смущенно краснеет.

– Упс, точно. Это был глупый вопрос.

– Думаешь?

Дакота хихикает.

– Неважно. Я вот что хотела сказать – только ты никому не говори! У Робби есть девушка.

Я поднимаю брови.

– Правда? А ты откуда знаешь? Шпионишь за старшим братцем?

– Нет, он сам мне рассказал, тадам! Робби все мне рассказывает. Ее зовут Лейси, и она учится в *восьмом классе*. – Дакота изумленно качает головой. – На целый класс старше, чем он.

Я еле сдерживаю готовый прорваться наружу смех.

– Закрутил роман с дамой постарше, говоришь? Для Робби так только лучше.

Дакота переходит на шепот и в подробностях рассказывает мне о девушке своего брата. Я вежливо слушаю, а сам думаю, когда это вдруг общение со школьниками стало придавать смысл моей жизни.

Конечно же, время, проведенное в Брайаре, было чудесным. Моя хоккейная команда три раза выигрывала национальный чемпионат, а что касается учебы, то я всегда был в списке самых лучших студентов. Малопонятная мне политика на втором курсе стала единственным предметом, по которому у меня были проблемы и который я закончил с оценкой В+. Хотя мне не нравится думать об этой оценке, потому что с ней связано много всякого другого дерьма, о котором я предпочел бы забыть. Так что без сомнения можно сказать, что я начал успешную научную карьеру: на отлично сдал вступительные экзамены в юридическую школу Гарварда и поступил туда только благодаря своим заслугам, а не фамилии моих родителей.

Но учеба никогда меня особо не волновала. Я не прыгал от радости, когда пришли результаты экзаменов в Гарвард. И точно не буду делать «колесо» потому, что буду учиться там.

Всегда предполагалось, что я пойду учиться в юридическую школу. Родители меня никогда к этому не принуждали, но не стану притворяться: особой страсти я к этому тоже не питал. В отличие от своего брата, который живет и дышит юриспруденцией. Он обожает свою работу в фирме и говорит, что каждый раз, входя в зал суда, чувствует себя живым.

Те же самые чувства испытывают Гаррет и Логан, когда выходят на лед.

А я? Я никогда ничего такого не чувствовал, не любил ничего до такой степени, чтобы кипела кровь и оживало все тело.

По крайней мере, я не чувствовал ничего подобного до того пятничного вечера, когда «Ураганы» в пух и прах разгромили лидера дивизиона. И сегодня опять, когда я отрабатывал с ними упражнение бросков по воротам и абсолютно каждый мальчишка выполнил его на отлично.

– Дин, ты не слушаешь!

Сердитый голос Дакоты выдергивает меня из моих размышлений.

– Прости, малышка. Я задумался. Что ты говорила?

– Ничего, – бурчит она.

Похоже, Дакота очень расстроилась из-за моего невнимания, а значит, она говорила мне что-то важное. Я подтаскиваю к ней металлический стул, поворачиваю его и сажусь верхом, положив руки на спинку.

– Поговори со мной.

Она обиженно надувает губы.

– Я задала тебе вопрос.

– Ну и ладно, спроси меня снова. Обещаю, что в этот раз буду слушать внимательно.

– Ты можешь... – оставшая часть вопроса вылетает одним большим словом, – *научить меня кататься на коньках?*

– Можно помедленнее? – с улыбкой спрашиваю я.

– Научить меня кататься на коньках, – повторяет Дакота.

Я хмурюсь.

– Ты не умеешь кататься на коньках?

Малышка медленно качает головой.

– Почему бы и нет... что мне стоит?

Я потрясен. Как можно жить в Новой Англии и не уметь кататься на коньках? Это же просто кощунство!

– У мамы хватало денег, чтобы отправить на уроки катания только одного из нас, Робби старше, так что пришлось его. Но в один прекрасный день он станет знаменитым хоккеистом, поэтому ему нужно было научиться кататься.

Дакота говорит твердо и решительно, но от меня не ускользают затаившиеся под ее бравадой нотки обиды. Мое сердце сжимается, словно от боли. У нас с братом и сестрой никогда не было таких проблем, пока мы росли. Наша семья владеет большим состоянием, и нам ни разу не приходилось чем-то жертвовать. Саммер ходила на уроки балета и

плавания. Мы с Ником учились хоккею, ездили на хоккейные сборы, у нас была вся необходимая амуниция.

На прошлой неделе я не соврал Элли: жить жизнью Дина – это просто офигенно круто. Я всегда получал все, чего хотел.

Но сейчас, глядя на расстроенное личико Дакоты, я чувствую себя избалованным, неблагодарным засранцем.

– Это значит, что у тебя нет своих коньков? – медленно спрашиваю я.

Она снова качает головой.

– Какой у тебя размер ноги?

– Не знаю. Маленький!

Я усмехаюсь.

– Дай мне посмотреть на твой ботинок.

Она быстро стягивает ярко-розовую кроссовку и протягивает ее мне.

Я проверяю размер, отдаю ей кроссовку обратно и, поднявшись со стула, подхожу к большому металлическому шкафу, где хранятся коньки мальчиков. Большинство из них очень большие для нее, но, немного порывшись, я нахожу на нижней полке пару «бауэрсов», которые вполне могут подойти ей.

Я протягиваю Дакоте потертые черные коньки.

– Попробуй эти.

Ее огромные голубые глаза наполняются ужасом.

– Но это же мальчишечьи коньки! А я хочу *девчачьи*!

Я вот-вот рассмеюсь. Но Дакота вот-вот заплачет, и я вздыхаю.

– Ладно. Не переживай, малышка. Посмотрим, что я смогу сделать, хорошо?

Я убираю гадкие мальчишечьи коньки обратно в шкаф и плотно закрываю дверь, пока она не разрыдалась.

В этот самый момент в комнату заглядывает тренер Эллис.

– Твоя мама пришла, – говорит он девочке.

Я в страхе жду, когда он заметит ее охваченное паникой лицо и накажет меня за то, что я расстроил ребенка, но, обернувшись, вижу широко улыбающуюся Дакоту.

– Пока, Дин! – Она спрыгивает с ящика и вылетает из комнаты.

Эллис улыбается мне.

– Милый ребенок, правда?

Я выхожу вслед за ним из кладовой, и мы еще несколько минут обсуждаем, какие цели поставим перед ребятами на следующей тренировке. После этого я выхожу с катка и направляюсь к своей машине, по дороге проверяя телефон. Гаррет написал, что сегодня останется

ночевать у Ханны, в Бристоль-Хаусе, но он оставил свой «джип» дома, так что завтра после тренировки его нужно подвезти.

Спустя десять минут я захожу на нашу кухню. На холодильник прикреплена записка от Такера, где написано, что он переночует у друга. Наверное, это та самая таинственная «не его девушка».

А потом? Тройное бинго! За бутылкой воды заходит Логан и говорит, что вернется домой поздно.

– Куда собираешься? – спрашиваю я, роясь в холодильнике.

– В Бостон. Отец Грейс достал нам билеты на концерт оркестра. Мы не хотим идти, но она говорит, что он обидится, если не пойдём.

Я, ухмыляясь, оглядываюсь на него через плечо.

– Значит, ты весь вечер будешь слушать классическую музыку?

– Типа того, – мрачно отвечает Логан. – Но Грейс пообещала, что во время антракта мы развлечемся в гардеробной.

– Отличный компромисс.

– Еще бы.

Через несколько минут Логан уходит, и от мысли о том, что сегодня весь дом полностью в моем распоряжении, моя непреодолимая жажда секса просыпается с новой силой. Не теряя ни минуты, я пишу Элли, которая, наверное, как и я, на пределе, потому что отвечает она тут же.

*Она: ДА! Три дня стресса = приду сразу после тренировки.
Дай мне пару часов.*

Я: Хочу попросить об одолжении.

Она: ?

Я: Захвати Уинстона.

В ответ на свою просьбу я получаю смеющийся и подмигивающий смайлик, что может означать либо «круто, но нет», либо «круто, конечно, захвачу». Я надеюсь на последнее.

* * *

Я листаю журнал *Sports Illustrated* и доедаю ужин, состоящий из курицы и брокколи. Диетолог команды каждую неделю высылает нам по электронке рекомендуемый план питания, но Такер, наш шеф-повар, видимо, считает, что «рекомендуемый» и «обязательный» – это одно и то же, потому что не разрешает держать в доме «неполезную» еду. Ну а так

как он единственный, кто не забывает ходить за продуктами, и единственный, кому по-настоящему в кайф готовить, то наш дом – самый здоровый дом на всей гребаной планете.

После ужина я принимаю душ, бреюсь и удаляю ненужную растительность ниже пояса. Потом усаживаюсь за стол, чтобы начать писать доклад по международным отношениям, и работаю над ним до тех пор, пока в дверь не звонит Элли. Сохранив файл, я закрываю ноутбук и спускаюсь вниз, чтобы впустить ее в дом.

Когда я распахиваю дверь, Элли говорит с кем-то по телефону. Беззвучно проговорив «прости», она поднимает вверх палец, показывая подождать минуту.

– Хочешь поужинать? – шепчу я, когда Элли входит в коридор. – У нас осталось от обеда.

Она прикрывает телефон рукой.

– Спасибо, я уже поела. – Элли опускает руку. – Нет, я здесь, Айра. Да, я выслала тебе записку. Не понимаю, зачем она так сильно тебе понадобилась, ведь решения по актерскому составу не будут приниматься раньше февраля.

Мы идем к лестнице, и я пропускаю Элли вперед, чтобы полюбоваться ее мягким местом. Когда мы поднимаемся на второй этаж, я не могу удержаться от того, чтобы не встать за ней, не потереться своим пенисом о ее попу и поцеловать ее в шею.

Элли вздрагивает и отпихивает меня.

– Не знаю, – говорит она в телефон. – Я пока не уверена в этой роли. – Пауза. – Да, я прочитала ту часть, о которой они попросили. Моя подруга Меган читала роль Зои за камерой.

Я замечаю, что Элли все время потирает поясницу. Каждый раз, как только ее ладонь касается определенной точки, на лице Элли появляется выражение боли. А может, ей просто не нравится то, что говорит ей этот мужик, Айра.

– Я отправила ее с курьером из нашей университетской службы доставки, так что ты должен получить посылку завтра после обеда. – Элли прижимает руку к копчику, рассеянно массируя его. – Если решишь, что нужно перезаписать ее, то я это сделаю. Но мне пришлось постараться изо всех сил, чтобы из того, что они прислали, получилось хоть что-то... Да... да, Айра... завтра созвонимся.

Она вешает трубку, поворачивается ко мне и говорит:

– Мой агент сводит меня с ума.

А я и понятия не имел, что у нее есть агент, поэтому весьма впечатлен.

– Почему?

– Он хочет, чтобы я попробовалась на роль в одной пилотной серии для канала *Fox*, но я никак не смогу поехать на кастинг в Лос-Анджелес. Поэтому мне пришлось выслать ему запись проб. Теперь он переживает, что мой «естественный шарм» никак не отразится на пленке, что полнейшая глупость, потому что в этом и есть вся суть съемок: ты переносишь свои эмоции *на камеру*.

Я хмурюсь, когда она по-прежнему массирует поясницу.

– Что случилось?

– Не знаю. – Элли стонет. – Наверное, потянула мышцу в спортзале. Я так перенервничала из-за пьесы, которую мы сейчас ставим, что сегодня просто загнала себя. Спина теперь ужасно болит.

– Хочешь, я помассирую?

– О да, пожалуйста.

Я уже собираюсь попросить Элли лечь на кровать, но тут меня осеняет идея получше.

– Раздевайся. Я сейчас вернусь.

За годы игры в хоккей я не понаслышке знаю о болях. Напряженные мышцы, ноющие ребра, разбитые колени... – все это мне знакомо, и много лет назад я открыл для себя, что ничто не расслабляет лучше горячей ванны. Ехать на базу нашей команды, чтобы принять гидромассажную ванну или погреться в сауне, – не вариант, поэтому я решаю набрать обжигающе горячую ванну дома.

Пока вода набирается, я копаюсь в шкафчике под раковиной, пытаюсь отыскать какую-нибудь соль или масло. Мне попадается бутылка пены для ванны, должно быть, принадлежащая Грейс, потому что Ханна может позволить себе роскошь пользоваться ванной Гаррета. Когда мы въехали в этот дом, Джи, жадный мерзавец, использовал свое положение капитана команды и забрал себе главную спальню с собственной ванной комнатой.

Логан, Так и я вынуждены делить одну общую ванную, и это сразу заметно. Полки заставлены средствами для мужчин, по всему полу раскиданы полотенца, а мусорное ведро заполнено огромным количеством упаковок от презервативов.

Вздыхнув, я принимаюсь собирать раскиданные полотенца. Логан оставил на сушке для полотенец свои штаны, но я просто бросаю мокрые полотенца поверх них, достаю из бельевого шкафа пару чистых и кладу их на крышку унитаза.

Вернувшись в спальню, я вижу абсолютно голую Элли, сидящую на краешке кровати. Мое тело тут же реагирует на такое количество гладкой

обнаженной кожи, и член твердеет. Ее соски торчат, словно приветствуют меня. Черт, как же я хочу пососать их.

Мои губы расплываются в улыбке, когда я замечаю, что у нее в руках.

– Ты все-таки его принесла?

– Когда ты написал мне, я еще была в общежитии и решила исполнить твою просьбу. – Элли угрожающе машет вибратором. – Но если хочешь, чтобы я засунула Уинстона тебе в задницу, этого никогда не будет.

Я чуть не давлюсь от смеха.

– Не волнуйся. Я бы предпочел, чтобы Уинстон держался подальше от моей попы.

– Вот и хорошо. – Она с нежностью поглаживает розовый дилдо. – Нет, если ты захочешь, я могу засунуть туда все, чего твоя душа пожелает. Но только не Уинстона. У меня к нему особое отношение.

Стоп, что?

– погоди-ка. Так в *этом* все дело? Ты готова засадить мне в зад все что угодно, если я попрошу, но только не твоего драгоценного Уинстона?

– Конечно, я это сделаю, если ты попросишь. – Она говорит так, словно это самая обычная в мире вещь. – Зачем бы мне отказывать тебе в удовольствии от массажа простаты? Это то же самое, что сказать женщине, что ты не притронешься к ее клитору.

– Как мужчина, который ни разу не экспериментировал в этом направлении, промолчу, удачно ли вообще такое сравнение.

Элли в изумлении смотрит на меня.

– Ни разу? Правда? Тогда нам определенно нужно это изменить.

– Нет уж. – Я ставлю ее на ноги, с наслаждением глядя на то, как покачивается ее грудь. – Пойдем, у меня есть то, от чего твоей спине станет намного легче.

Я веду Элли в ванную комнату, и ее лицо озаряется, когда она видит пенную ванну, которую я для нее приготовил.

– Боже мой, это великолепно!

Забрав у Элли вибратор, я подталкиваю ее к ванне.

– Залезай. Но оставь немного места и для меня.

– Ого, мы будем принимать ванну вместе? Оригинально.

Элли изящным движением опускает одну ногу в воду и издает стон, от которого мой член тут же просыпается. Не то чтобы ему очень крепко спалось, конечно. Он всегда в полной боевой готовности, когда рядом эта девчонка.

– Так приятно и горячо, – мурчит она.

Поддерживаю.

Я кладу Уинстона на край ванны, а затем снимаю с себя футболку и штаны. Вода в ванне хлюпает, когда Элли двигается вперед, чтобы я мог усестись позади нее.

Вокруг нас поднимается пар с ароматом клубники от пены. Удовлетворенно хмыкнув, я притягиваю скользкое голое тело Элли к своей груди. Мои ноги достаточно длинные, чтобы уместиться в этой проклятой ванне, и мне приходится согнуть их в коленях. Да и плевать, потому что круглая попка Элли прижимается к моему члену, и я с радостью перенесу все муки судорог, только бы она оставалась сидеть на месте.

– Давай вернемся к нашему диалогу о задницах. Разве тебе ни капельки не любопытно, как это будет?

Я провожу руками вдоль ее позвоночника в районе поясницы и начинаю разминать костяшками пальцев гладкую кожу.

– Ни капельюшечки.

– О-о-о, как хорошо... продолжай... – Она снова стонет, расслабившись под моими прикосновениями. – А если палец? Давай я засуну туда палец, и посмотрим, что будет.

Я усмехаюсь.

– Спасибо за предложение, но нет.

– А может, тебе будет легче, если это сделает парень? Знаешь, милый, у меня есть несколько друзей-геев, которые бы убили, только чтобы полапать твою задницу.

– *Черта с два!* Нет!

– Никогда бы не подумала, что ты гомофоб, – дразнится Элли.

– Ничего подобного.

– Вруша.

– Нет, серьезно. Мне все равно, кто там будет – гей, гетеросексуал или би. Я просто не хочу, чтобы в мой зад кто-то совал свои пальцы. Члены меня не возбуждают.

– Откуда ты знаешь? – Элли никак не уймется. – Вдруг ты замутишь с парнем, и тебе понравится?

– Не понравится, поверь мне.

– Как ты можешь быть так уверен, если не пробовал?

Яжимаю плечами, и она взвизгивает.

– О боже, ты *пробовал!* – Вода переливается через край ванны, когда Элли резко разворачивается, чтобы мы были лицом к лицу. – Кто это был? Как он выглядел? Что вы делали? Рассказывай мне все!

– Особо нечего рассказывать.

– Чушь. – Она проводит рукой по белой пене, прилипшей к моей

грудь. – Давай заключим сделку. Если ты расскажешь мне о своем гомосексуальном опыте... – Элли умолкает, соблазняя меня, – то я расскажу тебе о своем.

И мой член стал тут же тверже стали.

– Договорились, – быстро отвечаю я.

Ее смех эхом отскакивает от выложенных плиткой стен.

– Ох, мужчины. Как вами легко манипулировать!

– Ну еще бы. Все дело в нашей губительной слабости: нами управляет наше мужское достоинство.

Я провожу руками вверх по ее мыльному животу, чтобы обхватить ладонями ее грудь. Ее соски то и дело соблазнительно выглядывают сквозь белую пену, и теперь мои пальцы бессознательно ищут их. Я щипаю твердые пики, Элли издает гортанный стон и закрывает глаза.

– Нет, нет, нет. – Я опускаю руки. – Пообещала мне рассказать о своей близости с другой девушкой, так доводи дело до конца.

– Ой, точно. Совсем забыла. – Элли пренебрежительно пожимает плечами, отчего капли с кончиков ее волос разлетаются в стороны. – В одиннадцатом классе я целовалась со своей подружкой. Мы напились на вечеринке и решили попробовать. – Снова пожимает плечами. – Было нормально.

– Только целовались?

– Ага.

– И всего лишь «нормально»? – ворчу я. – Елки-палки, какое-то сплошное разочарование.

– Ой, ну прости, что моя история не оправдала твоих извращенческих надежд. Но все было именно так. Так, теперь твоя очередь. Когда ты решил попробовать с мальчиком?

– Тоже в старшей школе, – признаюсь я. – Мы с другом были на двойном свидании, и девчонки взяли нас на «слабо». Мы сказали, что поцелуемся, но только если поцелуются *они*, не ожидая, что нам бросят вызов. Но когда они начали целоваться, словно порнозвезды, мы с Джейсоном уже не могли пойти на попятную.

– Тебе понравилось?

– Это не было ужасно, но и не возбудило меня.

– Язык был?

– Да.

– Много?

– Не знаю, нормально.

Элли выглядит такой же разочарованной моим рассказом, как и я – ее.

– И дальше этого у вас не зашло? Вы не касались друг друга головками ваших членов, представляя, что сражаетесь на мечах?

Я смеюсь так сильно, что вся вода из ванны вот-вот выплеснется на пол.

– Нет, но теперь я даже жалею об этом. Ты только послушай, как обалденно звучит. – Я ловлю ртом воздух между взрывами смеха. – *Члены-мечи.*

Элли тоже заливается хохотом, от этого ее бедра скользят по моей промежности, и мое веселье мигом превращается в чистое вожделение.

Она продолжает смеяться, а я накрываю ее рот жадным поцелуем. Но недолгим. Когда мой член скользит вдоль ее влажной плоти и головкой трется о ее клитор, Элли начинает всхлипывать.

– Дин...

Ее прерывистый шепот доносится как будто откуда-то издалека. Я сильно отвлекся на ее теплую скользкую киску и мягкую грудь, которую сейчас сжимаю в ладонях.

– Дин.

– М-м-м?

– Ты это слышал?

И тут я замечаю, что Элли замерла на месте, повернув голову к закрытой двери. Я перестаю медленно двигать бедрами и внимательно прислушиваюсь. В доме тихо.

– Я ничего не слы...

Блин. Стоп. Я слышу. Отчетливый звук шагов на лестнице.

А потом:

– Бро, *ни за что* не поверишь, что случилось!

Я даже глазом не успеваю моргнуть, как Элли выскакивает из ванны, и ее обнаженное тело, с которого ручьями стекает вода, скрывается за дверью в ту же секунду, как ее распахивает Логан.

– Мы доехали до самого Бостона, и там выяснилось, что я, блин, забыл свой кошелек дома. Так что нам пришлось возвращаться обратно, и теперь...

Логан резко тормозит и останавливается, как персонаж из мультиков. Удивительно, что у него не стала кружиться голова и глаза не вылезли из орбит.

– Э-э-э... – Его взгляд прыгает по ванной, как резиновый мячик.

Он смотрит на сушку для полотенец, где висят его брюки карго.

Он смотрит на ванну, где я лежу, как какая-то Клео-мать-ее-патра.

Он смотрит на пену, окружившую меня пушистым белым облаком.

А потом он смотрит на Уинстона.

– Чувак, – быстро говорю я. – Все совсем *не* так, как выглядит!

– Нет-нет-нет, я не хочу ничего знать! – Логан поднимает руки вверх и начинает пятиться из ванной, словно случайно зашел в логово льва. Притормаживает. Сдергивает с сушилки свои штаны. Продолжает пятиться. Его глаза снова прикованы к розовому дилдо, лежащему в нескольких сантиметрах от моей руки.

Я делаю новую попытку.

– Клянусь тебе, это не...

– *Я не хочу ничего знать.*

Он вылетает за дверь и захлопывает ее за собой. Мне слышно, как он топает к лестнице. Но вдруг шаги возвращаются к двери ванной.

– Слушай, я сегодня останусь ночевать у Грейс. Так что можешь... э-э-э... закончить то, что... э-э-э... чем ты занимался.

Зашибись.

Я жду, пока хлопнется входная дверь, и потом обращаюсь к Элли.

– Ты *спряталась* за дверь? *Серьезно?*

Она робко шагает вперед.

– Прости.

– Проси прощения сколько хочешь, куколка. Ты хоть понимаешь, что наделала, а? – Я сердито смотрю на нее. – Из-за тебя мой лучший друг будет думать, что мне нравится засовывать себе в задницу розовые дилдо.

– О, ну это же неправда. Зато Логан теперь свободен от предрассудков. Мы открыли его разуму восхитительные возможности.

– Иди сюда, – приказываю я.

Элли поспешно залезает в воду и опускается на колени передо мной.

– Мне правда *очень* жаль, что так получилось. Наверное, мне все-таки стоило сказать ему, что я здесь. – Она заправляет мокрую прядь волос за ухо. – Просто... мне нравится, что мы храним все в тайне. Ты же знаешь, что будет, если все узнают, что мы с тобой спим. Они начнут совать нос в наши дела и превратят наш ни к чему не обязывающий романчик в нечто большее.

Элли права. Такова природа социальной машины, и я всегда пытался избегать того же. Но, елки-палки, Логан теперь никогда не позволит мне забыть об этом: Дин принимал пенную ванну с розовым дилдо! Элли обрекла меня быть объектом бесконечных шуток.

– Позволь мне загладить вину, – просит она. – Уверена, мы сможем найти *какой-нибудь* способ, чтобы ты забыл о Логане...

Ее мыльные пальцы обхватывают мой член, который тут же твердеет.

– Вот видишь, ты уже забываешь.

Я стону, когда она проводит рукой вверх-вниз.

– Нет, я все еще злюсь на тебя.

– И что заставит тебя перестать на меня злиться?

– Для начала – твой рот.

Она задумчиво смотрит на движения своей руки под водой.

– В любой другой ситуации я бы согласилась, но мне кажется, я не смогу так долго сдерживать дыхание. Я точно утону, если буду отсасывать тебе под водой.

Усмехнувшись, я встаю на ноги и упираюсь ладонью в стену. Пена скользит вниз по моей груди, цепляясь за мокрую кожу.

– Так лучше?

– Так *гораздо* лучше. – Элли придвигается ближе, и теперь ее лицо всего в какой-то паре сантиметров от моего члена. Она облизывает губы, и это самое сексуальное, что я когда-либо видел.

Нет, поправка: наблюдать за тем, как эти губы смыкаются вокруг меня – вот самое сексуальное, что я когда-либо видел.

Элли легонько посасывает мой член, ее язык скользит по его головке, как будто она пробует что-то очень вкусное. Ее тихий стон эхом отдается в моем теле, вызывая прилив наслаждения.

Я опускаю руку и провожу пальцем по идеальной «О» обхвативших меня губ.

– Ты даже не представляешь, насколько сейчас красива.

Ее голубые глаза смотрят прямо в мои. По мне пробегает волна дрожи, когда ее рот, такой горячий, влажный и жадный, вбирает меня в себя. Элли всасывает меня все глубже и глубже, я уже почти упираюсь в стенку ее горла. Мне так хочется увеличить темп, но тогда я могу сразу кончить.

– Ты... – ее дыхание щекочет набухшую головку, – просто... – Элли облизывает член снизу, и я дрожу от желания, – объедение.

Я смеюсь.

– И почему я «объедение»?

– Вот почему. – Элли сжимает мой пенис. – У тебя великолепный член. Большой, но не слишком большой. – Ее пальцы снова смыкаются вокруг меня. – Толстый, но не слишком толстый. Он идеальный.

– Когда мы говорим о членах, то можем ввести такое понятие, как «но не слишком»?

Хрипло рассмеявшись, она снова заглатывает меня, и я тут же забываю, о чем мы говорили, потому что Элли Хейз просто здорово делает минет.

Она обхватывает ладонью мою мошонку, не переставая работать ртом, лизать и ласкать меня языком, и это просто сводит меня с ума. Каждый миллиметр моей кожи начинает зудеть. От растущего наслаждения подгибаются колени.

Держась одной рукой за стену, второй я обхватываю мокрую голову Элли.

– Детка, можно я кончу тебе в рот?

Такого у нас еще не было. Последний минет закончился тем, что она в конце помогла мне рукой. Но я просто умираю, как хочу кончить в ее рот, ощутить, как она будет глотать каждую каплю.

Элли эротично смотрит на меня снизу вверх. Мои яйца сжимаются, потяжелев от желания. Когда она еле заметно кивает, я словно умираю и оказываюсь в раю. Оргазм прожигает мое тело насквозь и бьет струей из моего пениса. Я издаю хриплый стон, когда Элли высасывает меня до последней капли.

На то, чтобы прийти в себя, уходит почти минута. Когда дыхание успокаивается и ко мне возвращается зрение, я опускаюсь в воду и, отодвинув Элли назад, поднимаю ее. Она взвизгивает, оказавшись на маленьком фарфоровом бортике. Он шириной около полуметра, так что ей вполне хватит места, чтобы сесть.

– Моя очередь, – шепчу я.

Когда я раздвигаю бедра Элли и ласкаю нежную, гладкую, словно

шелк, кожу, ее глаза затуманиваются. Наклонившись к ней, в последний момент я кое-что вспоминаю.

Хищно улыбнувшись, я отклоняюсь назад и беру Уинстона.

У Элли перехватывает дыхание.

– Давай-ка посмотрим, так ли хорош Уинстон, как Дин-младший?

Я провожу кончиком игрушки по ее клитору и усмехаюсь, когда она еще шире разводит ноги. Мне нравится беззастенчивость Элли, то, что она без всякого стыда готова ко всему. Совсем как я.

Я чуть-чуть поддразниваю ее, водя дилдо вдоль ее щелочки, пока она не начинает двигать бедрами вверх. Лихорадочно. Возбужденно. Тогда я раскрываю ее своими пальцами и подвожу к ней розовый кончик.

Мы с Элли наблюдаем, как он скрывается внутри нее. Я старался не спешить, но она такая мокрая, что игрушка с легкостью проскальзывает в нее на всю длину. Я вытаскиваю его, оставив только головку, а потом ввожу снова.

Элли стонет.

Я – тоже, потому что в очередной раз был неправ. Наблюдать, как дилдо входит и выходит из нее, – *вот* самое сексуальное, что я когда-либо видел.

– Ну и как? – шепчу я.

– Чудесно, – шепчет Элли в ответ.

Оставив игрушку в ней, я наклоняюсь и прижимаю язык к ее клитору. Начинаю нежно лизать его и одновременно двигать рукой в едином неспешном ритме. Элли впивается в мои волосы и ерзает на бортике. Вода брызжет мне в лицо. Да и пусть. Я обхватываю ее клитор губами и всасываю, а Уинстон тем временем делает свою работу.

Элли дышит все тяжелее, все быстрее. Я сосу сильнее и двигаю игрушкой так, чтобы она проникала в нее под нужным углом, за что вознаграждением служит ее довольное «о боже!».

Я улыбаюсь в разгоряченную плоть Элли, пока ее саму сотрясают конвульсии. Мне нравится дарить ей оргазмы. Она всегда реагирует так, словно ей только что преподнесли неожиданный сюрприз. Как будто она совсем не ожидала такого огромного и блестящего подарка, но с большим удовольствием сорвет с него упаковку.

Счастливо вскрикнув, Элли расслабляется, и ее глаза открываются.

– Я обожаю Уинстона.

Я осторожно вытаскиваю из нее игрушку и бросаю на Элли сердитый взгляд.

– Но ты же понимаешь, что он не настоящий?

– Давай мы засунем его в тебя, и, готова поспорить, тогда ты запоешь по-другому.

Вылезая из ванны, мы заливаем водой и коврик, и выложенный плиткой пол. Я наклоняюсь вытереть его, и Элли хлопает меня по заднице.

– Перестань искушать Уинстона.

Я усмехаюсь и поворачиваюсь, чтобы взять ей полотенце.

Когда мы оказываемся в моей комнате, Элли кладет игрушку на мой комод и начинает вытираться.

– Кстати, мне правда жаль, что так получилось. – Она вздыхает. – Теперь Логан будет все время над тобой издеваться.

– Еще как! – Но когда на лице Элли появляется виноватое выражение, я тоже вздыхаю. – Ладно, не бери в голову, все нормально. Я скажу ему, что девушка спряталась за дверью, потому что очень стеснительная.

Элли настороженно смотрит на меня.

– Но я не буду говорить, что это была ты.

Но мои заверения имеют обратный эффект. В ее взгляде явно читается недовольство.

– Ты собираешься сказать ему, что там с тобой была какая-то девушка?

– А ты бы *предпочла*, чтобы я рассказал о тебе?

– Нет. Но... – Элли закусывает губу и больше ничего не говорит.

У меня было много женщин. Я *знаю* женщин. И когда они вот так замыкаются в себе, это не значит, что они зациклились на какой-то одной мысли, нет. Это значит, что они придумывают хитросплетенные варианты развития событий, один накручивается на другой, усложняясь и запутываясь, и вот они уже злятся на тебя по поводу, который никогда бы не пришел тебе в голову.

Я сдерживаюсь от очередного тяжелого вздоха.

– Давай, кошечка Элли, выкладывай.

– Ты спишь еще с кем-то?

Ее вопрос застает меня врасплох.

– Нет. Конечно, нет.

Но мои слова как будто пролетают мимо ее ушей. На ее лице отражается еще большая тревога.

– Нет, я ни с кем больше не сплю, – решительно заявляю я.

Элли изучает мое лицо, словно играет в «Где Уолли?»^[13], только пытается отыскать ложь, а не забавного чудака в шапке. Затем она вздыхает.

– Наверное, нам стоило поговорить об этом до секса. Я имею в виду о том, спим ли мы только друг с другом или с кем-то другим тоже.

Думаю, она права, хотя мне не часто приходилось беседовать на эту тему. Все девушки, с которыми я спал, уже знали, что мы в свободных отношениях с обеих сторон, потому что я тоже никогда не ждал и не требовал от них верности. Несколько месяцев назад у меня был секс с одной симпатичной второкурсницей, так она прямо заявила, что пришла со свидания с другим парнем.

Наши с Элли отношения я считал особенными с самого начала и даже не думал играть в игры с лучшей подругой Уэллси.

– Я сплю только с тобой, – говорю я ей.

– Ты правда ни с кем больше не спал?

Элли даже не пытается скрыть свое удивление, так что даже не знаю: может, мне следует обидеться?

– С нашего первого секса – нет.

Она кивает.

– И тебя это устраивает?

– А тебя?

Снова кивок.

– Я хочу, чтобы мы встречались только друг с другом. То есть я понимаю, что у нас просто мимолетный роман, но мне не понравится, если ты будешь спать с кем-то помимо меня. Я тоже не стану спать с другими парнями.

– Хорошо, – с легкостью отвечаю я.

Но Элли так просто не убедить.

– Ты как-то очень быстро согласился.

– А ты бы предпочла, чтобы я психанул и вытребовал себе право трахаться с другими девушками?

– Нет, но... – И вот Элли снова кусает губу. – Ты хочешь сказать, что тебя совершенно устраивает быть только со мной, сколько бы ни длилась наша связь? А что если у меня опять не будет времени, как в эту последнюю пару дней? Ты не станешь искать, с кем развлечься на стороне?

Наш разговор не вызывал у меня никаких негативных эмоций вплоть до настоящего момента, теперь же я начинаю раздражаться.

– Значит, ты думаешь, что я не смогу обойтись без секса какую-то пару дней?

– Дин, мы не виделись три дня, и ты постоянно жаловался на то, как тебе плохо без секса.

– То, что мне нравится заниматься сексом ежедневно, не означает, что я буду каждый день лезть на стенку, ища кого-то для этого.

– Хорошо, прости, – с сожалением говорит Элли. – Но мне нужно

было спросить.

Она мнет в руках краешек своего полотенца.

– Послушай... я могу попросить тебя об одном одолжении? Если к тебе начнет клеиться какая-нибудь девушка и ты очень захочешь с ней переспать или просто вдруг почувствуешь, что, э-э-э, тебе нужна еще одна любовница... напиши мне сообщение, что-нибудь типа «все кончено», ладно?

– Ладно, – обещаю я.

Но, если честно, даже представить себе не могу, что такое когда-нибудь случится. С той самой первой ночи, когда Элли оказалась в моей постели, я больше ни о ком не думал. И это сбивает меня с толку. Я решил, что если мы переспим определенное количество раз, то я забуду о ней. Но эта девчонка доводит меня до безумия. Даже сейчас, посреди этого странного разговора о «еще одной любовнице», мое тело уже в полной готовности ко второму раунду.

Я начинаю сомневаться, что мне вообще когда-либо удастся ее забыть.

* * *

Элли

На свой первый кастинг я пошла, когда мне было двенадцать. Меня переполняли восторженные эмоции, и хотя роль мне не дали, я все равно получила огромное удовольствие от самого процесса, к тому же ассистент режиссера по подбору актеров оказалась самой прелестной женщиной из всех, с кем мне доводилось общаться. Она дала мне ценные наставления, которые я помню и по сей день, и посоветовала прислушаться к ним, потому что увидела во мне «нечто особенное».

Но вскоре после этого я поняла, что прослушивания не всегда проходят как в сказке. Неважно, на какую роль ты претендуешь: в рекламном ролике, эпизодическую в массовке или более серьезную – рано или поздно тебе хотя бы раз придется столкнуться с этой трудностью: сложный партнер.

Да, такой найдется почти на каждом кастинге. Этот человек будет вредить тебе, даже если вы прослушиваетесь на разные роли. Или же постарается переиграть тебя, только чтобы самому предстать в выгодном свете. Или будет вести себя как непрофессиональная свинья и забывать

свои реплики, отчего ты тоже будешь казаться хуже, чем есть. А иногда это просто настоящая сволочь, и лучше пусть с тебя живьем сдерут шкуру, чем ты окажешься в одной комнате с этим человеком, что уж говорить про то, чтобы играть с ним на одной сцене.

За все эти годы мне приходилось сталкиваться с разными партнерами, и самый лучший совет по этому поводу я получила от Джека Эмери, учителя по актерскому мастерству в театральном кружке, где работала на общественных началах.

Он научил меня, как использовать отрицательную энергетику.

Ты не в состоянии повлиять на поведение другого актера. Ты не в силах заставить его выучить свои реплики, как не в силах заставить себя быть милым с тем, кто, если уж совсем честно, не стоит даже крупинки той энергии, которую ты потратишь на то, чтобы вымучить из себя улыбку. Джек рассказал мне, как можно взять эту негативную энергию и транслировать ее в свою собственную игру. Конечно, необязательно воспользоваться этим знанием, когда прослушиваешься на роль в рекламе овсяных хлопьев и тебе нужно быть радостной, счастливой и все время улыбаться, засовывая в рот ложку сахара.

Но зато это совершенно точно поможет, если между героями сложились напряженные отношения. Ты с легкостью можешь перенести в свою игру и злость, и раздражение, и ненависть.

Именно это я отчаянно пытаюсь сделать во время вечерней репетиции в четверг со студенткой последнего курса, которая играет мою сестру.

С Мэллори Ричардсон мне доводилось ходить на одни и те же предметы, но на одной сцене мы вместе впервые. На прошлой неделе, когда начались репетиции, мы могли заглядывать в текст пьесы.

На этой неделе наш режиссер, тоже студент, попросил нас играть без текста. Не всю пьесу целиком, а только несколько сцен, чтобы запустить процесс запоминания. Меня это вполне устраивает, потому что я запомнила уже половину пьесы.

Мэллори же едва удастся сказать по памяти хотя бы одно предложение.

– Джанет, посмотри правде в глаза! Ты слабая, – без всякого выражения произносит Мэллори. – Как думаешь, почему Бобби ушел? Потому что он не мог...

Она останавливается и кричит в первый ряд, где сидят наш режиссер и двое студентов-постановщиков:

– Слова!

Стивен расстроен: это видно невооруженным глазом. И я его хорошо понимаю. Только за последний час Мэллори так часто кричала «слова!»,

что эта просьба утратила всякий смысл.

– Он не мог больше выносить твоих причитаний, – подсказывает Стив, и его баритон эхом прокатывается по огромному помещению. – Ты жалкая. Ты...

Мэллори перебивает его.

– Спасибо, остальное я помню. Споткнулась только там, где «причитания».

Стивен дает нам знак начинать сначала.

– Джанет, посмотри правде в глаза! Ты слабая. Как думаешь, почему Бобби ушел? Потому что он не мог больше выносить твоих причитаний. Ты жалкая. Ты расклеиваешься... *Слова!*

Я борюсь с желанием метнуться через всю сцену и сбить ее с ног. А потом, может быть, во всю глотку прокричать ей на ухо ее слова, чтобы они наконец осели в ее ленивых мозгах!

Стивен быстро произносит следующую строчку.

Мы начинаем все сначала.

– Я устала все время держать тебя за руку и вытирать твои слезы, и...

– Бобби мертв! – кричу я и, пошатываясь, иду к ней. – И если мне хочется от этого плакать, то мне это, черт побери, позволено! Никто не просил тебя держать меня за руку. И я не просила тебя приходить сюда, Кэролайн.

– Я пришла, потому что...

Я уже жду этого.

«Слова!»

И так снова и снова.

«Слова!»

«Слова!»

«Слова!»

Аудитория в нашем распоряжении до десяти тридцати, то есть у нас есть еще целый час. Обычно Стивен использует каждую имеющуюся в запасе секунду. Но сегодня, похоже, чаша его терпения переполнена. Он поднимается со своего места и объявляет, что репетиция закончена.

Удивительно, что его хватило так надолго.

– Завтра собираемся с новыми силами, – говорит он. – У нас будет время с двенадцати до трех, так что сможем сделать больше, чем сегодня. Мэл, прочитай все сцены еще по несколько раз. Тебе нужно вызубрить свои реплики.

– Прости меня, Стив, – стонет Мэллори. По крайней мере, ей хватает порядочности, чтобы выглядеть виноватой. – Вчера у меня совсем не было

времени, чтобы выучить эту сцену. Я готовила монолог для Найджела. – Она громко вздыхает. – У меня заданий по горло.

«Добро пожаловать в университет» – хочется сказать мне. Она думает, что единственная, у кого большая нагрузка?

Я взяла курс по сценарному мастерству, где мне нужно писать по две сцены в неделю. Профессор по теории кино задает читать столько, что у меня глаза разбегаются. Каждую неделю мне приходится готовить монолог для наших групповых занятий по прослушиваниям. Семинары служат для того, чтобы помочь студентам-актерам раскрепоститься и почувствовать уверенность в себе во время процесса прослушивания на роль, но, видимо, все было бы чересчур «легко», если бы нам позволили выступать с уже отработанным материалом.

Стоит ли говорить, что у меня тоже заданий по горло. Но я же не ищу себе оправданий. Я нахожу время, чтобы заучить несколько несчастных страниц диалога.

Рада, что репетиция закончилась: так сильно мне хотелось придушить Мэллори, которая, кстати, уходит, даже не попрощавшись.

– Завтра мы будем лучше, – успокаиваю я Стивена. Мне плохо из-за того, что сегодня мы его подвели, потому что знаю, насколько серьезно он относится к режиссуре.

Когда мы только познакомились, я шутила, что ему следует стоять перед камерой, а не за ней. Seriously, парень просто улетный! Кожа цвета темного шоколада, совершенные черты лица, завораживающие глаза. Он напоминает мне Идриса Эльбу, только без сексуального британского акцента. Но Стивена не привлекает актерская карьера. Однажды он сказал мне, что цель его жизни – в сорок лет выиграть «Оскар» в номинации «Лучший режиссер».

– Ты и так стараешься лучше некуда, – отвечает Стивен. – Отличная работа!

Я скромно принимаю комплимент и ухожу со сцены через кулисы, по дороге роясь в сумке. Достāju телефон, и у меня екает сердце, когда вижу уведомление о пропущенном звонке от Айры. Вчера я звонила ему, чтобы узнать новости о пьесе Каваны, в которой мне умереть как хочется сыграть. Я попросила Айру узнать, что к чему, потому что было непонятно, то ли он действительно собрался ставить ее, то ли это просто слухи.

Я смотрю на часы. Сейчас половина десятого, значит, на западном побережье половина седьмого. Он точно еще в Лос-Анджелесе, потому что чуть раньше прислал мне СМС, сообщив, что «обедает» с продюсерами пилотного эпизода канала Fox. Даже не знаю, то ли радоваться, то ли

огорчаться, что они разрешили прислать мне кинопробу. Но, к счастью, в ближайшее время я о них не услышу: официально кастинг начнется только в феврале.

– Привет, Айра, – говорю я, когда он берет трубку. – Это Элли. Хотела спросить, узнал ли ты что-нибудь о пьесе Бретта Каваны?

– Кое-что узнал.

Тогда почему не перезвонил?

– Производственный процесс начался, это совершенно точно. Я знаком с одним из постановщиков, поэтому связался с ней. – Айра выдерживает паузу. – Новости не очень хорошие.

У меня замирает сердце.

– Ой. И что она сказала?

– Актерский состав будут формировать исключительно из мужчин. Смелый шаг, да?

Очень смелый. И очень печальный. Я вдруг ловлю себя на отчаянной мысли, что хочу себе пенис.

– К сожалению, это означает: для тебя там роли не будет... – Ну еще бы. У меня же нет пениса! – Но я сказал Нэнси, что ты очень хочешь снова поработать с Бреттом. Она обещала передать ему, так что кто знает? Может, он позвонит тебе, когда запланирует что-то новенькое.

Это уже утешает. Немного. Я все еще под впечатлением.

По пути из учебного корпуса я отправляю сообщение Дину.

Я: Паршивый день! Может, позже захочу выпустить пар с тобой. Как игра?

Он не отвечает. Пока прошло три секунды, но обычно мне не приходится долго ждать.

Дорога до Бристоль-Хауса занимает у меня пять минут, ответа так и нет. Матч уже должен был закончиться. Ханна сказала, что начало в шесть. Сейчас почти десять.

Проходит еще пять минут. Я уже почти в общежитии. Почему он не отвечает?

Эй, психованная, прошло всего лишь десять минут. Успокойся.

Но вместо того, чтобы успокоиться, я расстраиваюсь еще больше, потому что на меня снизошло одно тревожное озарение.

Я написала Дину не потому, что хочу заняться с ним сексом.

Я пожаловалась ему на свой день.

Да, Ханна абсолютно права: в моем словаре отсутствует такое

понятие, как «ни к чему не обязывающие отношения». У меня была отвратительная репетиция, и я первым делом обращаюсь к парню, с которым сплю, чтобы все ему рассказать. Чтобы он выслушал меня, утешил и сказал, что все будет хорошо.

Повторяй за собой, Эллисон Джейн: он... не... твой... парень.

– Он не мой парень, – твердым голосом говорю я.

– Что? – Высокий парень в парке сбавляет ход и смотрит на меня.

От неожиданности я подпрыгиваю.

– О, я не с вами разговаривала.

Его взгляд останавливается на моем ухе, и я понимаю, что он ищет наушник с *Bluetooth*. Не обнаружив такового, парень бросает на меня странный взгляд и уходит прочь.

– Если ты говоришь сам с собой, это еще не значит, что у тебя не все дома, – кричу я ему вслед.

Ну, если только, конечно, ты не бездомный, которого я постоянно встречала на улицах Бруклина и который что-то кричал о правительственных заговорах и о том, что инопланетяне крадут наши мозговые клетки через телефоны.

Но, однако, кто сказал, что Лу сумасшедший? Может, инопланетяне действительно это делают. Я же не могу доказать обратного.

Я устало тащусь в общежитие и вхожу в темную комнату. Ханны пока нет дома. Сегодня она была на матче, поэтому я решаю позвонить ей и узнать, что она делает сейчас.

– Привет! – Где бы она ни была, там громко. До меня доносится какофония голосов, а в ухо бьют басы. – Я в баре. Хочешь к нам?

Я стараюсь, чтобы мой голос звучал обычно.

– А кто там? Гаррет и остальные?

И Дин?

Я едва успеваю прикусить язык. Черт побери, снова веду себя как его девушка, невероятно дотошная девушка, хочется заметить, из тех, кто проверяет своего парня, когда он не с ней.

– Ага. Почти вся команда здесь. Сегодня мы выиграли, так что все празднуют. – Из трубки снова доносится громкая музыка. – Гаррет все пытается вызвать меня на состязание, кто больше выпьет стопок.

– А остальные что делают? – спрашиваю я с деланным безразличием. – Логан, Так, Дин?

Сейчас я себя ненавижу, очень-очень.

– Така нет. Логан играет в бильярд. А с Дина какая-то девица пытается слизать его лицо.

Во мне все холодеет.

Э-э-э... что, простите?

– Ладно, я все равно тебя плохо слышу, – говорит Ханна. – Напиши мне, если соберешься к нам.

Дрожащей рукой я опускаю телефон. Дин в баре целуется с какой-то девицей?

Через два дня после нашего разговора о том, что мы встречаемся только друг с другом?

Черта с два!

Моя мама была красивой женщиной. Я говорю так не потому, что я ее дочь и смотрела на нее сквозь розовые очки. Я говорю так, потому что это правда – Эва Хейз была сногшибательно красивой и изящной женщиной. В молодости, лет в двадцать, она работала моделью, и, хотя ростом была чуть ниже, чем требовалось для дефиле, ее высоко ценили на рынке печатной продукции. В моем книжном шкафу до сих пор стоит памятный альбом, хранящий вырезки из всех каталогов и журналов, для которых она снималась.

От нее я унаследовала свои светлые волосы и голубые глаза, но вот черты лица у меня не такие идеальные. Мамина красота была классической, и все – мужчины, женщины, дети – останавливались и смотрели на нее, когда она проходила мимо.

Меня же можно назвать скорее миловидной, нежели красивой.

Но я усвоила одну простую истину: правильно подобранные макияж и одежда могут из любой «милашки» сделать «секс-бомбу».

Пока что у меня нет никакого плана. Кроме того, мы с Дином даже не встречаемся. А раз я не хочу, чтобы кто-то узнал о нашем романе, то не могу вломиться в «Малоун» и вылить ему на голову кружку пива.

Но зато я могу показать ему, что именно он теряет.

Не буду врать, мне больно, оттого что он не предупредил меня, как обещал. И особенно обидно из-за того, что он проводит вечер в компании другой девушки, тогда как я бы хотела, чтобы наш роман пока не кончился. Но я же знала, с кем связываюсь. Дин Хейворд Ди Лаурентис – бабник. И этим все сказано.

Однако мое эго отказывается мириться с этим, и вот спустя полчаса я вылезаю из такси на тротуар перед «Малоун».

Я не спешу заходить, обдумывая план дальнейших действий, но в бушлате мне совсем не холодно. Из бара выходит парочка студентов, и мне льстит, когда они оба, остановившись, пялятся на меня во все глаза. Ха-ха! Под их оценивающими взглядами только мой макияж и прическа. Они бы истекли слюной, увидев, что на мне надето под пальто.

Я достаю телефон и отправляю сообщение Ханне.

*Я: На месте. Где вы?
Она: У бильярдного стола.*

Глубоко вздохнув, я захожу в бар и пробираюсь сквозь толпу. Пол под моими каблуками вибрирует от громкой музыки. Миновав ряд столиков слева, я прохожу под аркой, ведущей из главного зала в игровую.

В этой части бара расположены еще шесть столиков и несколько высоких столов. Я почти сразу же замечаю свою лучшую подругу. Она разговаривает с Логаном и Холлисом, а Гаррет кругом обходит обитый зеленым сукном стол с кием в руках. Фитци, держа бутылку с пивом, наблюдает, как Гаррет делает удар, его кий прислонен к стене у него за спиной.

Наконец я замечаю и Дина. Он стоит в углу, едва видимый, и разговаривает с фигуристкой брюнеткой в джинсах скинни и свитере с глубоким вырезом.

Классный свитер, милочка, но я утру тебе нос!

Я расстегиваю пальто, снимаю его и зажимаю под мышкой. А потом, расправив плечи, дефилирую к бильярдному столу.

Музыку пререзает восхищенный свист – это Логан.

– Бо-же мой, – он глядит на меня с изумлением. – Роскошно выглядишь. – Его голубые глаза весело поблескивают. – По какому поводу?

Я скромно улыбаюсь.

– Просто захотелось одеться красиво.

Ханна фыркает.

– Детка, ты не просто красива. По-моему, у каждого парня в этом баре сейчас стояк.

Я пожимаю плечами. Мне есть дело только до одного конкретного стояка – интересно, Дин-младший уже заметил меня?

– Значит, вы сегодня выиграли? – спрашиваю я у Логана.

– Еще как, черт возьми!

– Здорово. Значит, вы снова в форме. – Дин-старший был очень расстроен из-за череды их поражений.

– Да, но не торопись с выводами. Мы играли против команды из второго дивизиона. И даже у них нам еле-еле удалось вырвать победу.

– Эй, Логан! – кричит Гаррет. – Как думаешь, у меня получится этот удар?

– Простите, дамы, но моему лучшему другу нужно мое высочайшее умение играть в бильярд. – Логан покидает нас.

Ханна наклоняется ближе.

– И это значит, ты снова готова к свиданиям? – Ухмыляясь, она показывает рукой на мой наряд, который, как по мне, так говорит совсем не «я хочу пойти на свидание».

Он кричит: «Я хочу полового акта».

Подол моего темного-синего облегающего платья едва прикрывает бедра. Я надела лифчик с эффектом *push-up*, и ложбинка груди у всех на виду. Дымчатые тени делают мои глаза еще больше, а благодаря пятидюймовым каблукам ноги кажутся бесконечно длинными. Да, они подмерзли по дороге от такси до бара, но сексуальность порой требует жертв – «красота для чайников».

– Нет, просто проверяю себя.

Улыбка Ханны становится еще шире.

– Считаю, проверка пройдена. Я бы сама тебя поимела.

Внезапно я замираю в напряжении, почувствовав Дина еще до того, как он успевает подойти.

– Отлично выглядишь, куколка, – беззаботно говорит он.

Но в его голосе слышится резкость, он явно недоволен, что само по себе смешно: из-за чего ему злиться? Это же не я целовалась с кем-то другим.

– Спасибо! А кто твоя подружка? – спрашиваю я самым сладким голосом, на который способна.

Он растерянно смотрит на меня.

– Что?

Я киваю в сторону брюнетки, которая смотрит на нас с явным подозрением. Поверить не могу, что Дину хватает наглости делать вид, как будто он ее не знает. Я сама видела, как они *только что* разговаривали.

– А, эта, – отвечает он. – Полли, Пола – не запомнил ее имени.

Ну конечно, он не запомнил.

– Пенелопа, – подсказывает ему Ханна. – На матче я сидела рядом с ней. Она *большая* фанатка Дина. Прожужжала мне все уши о тебе. – Моя лучшая подруга усмехается. – Мне пришлось перебить ее и сказать, что ты не такой, как о тебе говорят.

Это точно.

– Чушь. Я лучше, чем обо мне говорят.

Но Дин говорит как-то рассеянно. Я чувствую, как он пялится на меня.

– Пойду закажу себе выпить. – Я отхожу от стола.

– Отличная идея, – чересчур весело говорит Дин. – Мне тоже не помешает выпить.

Я сжимаю зубы, когда он следует за мной. Ужасно сложно бегать на

таких высоких каблуках, так что мне приходится довольствоваться быстрой ходьбой и надеяться, что мне удастся затеряться в толпе.

Боже, как же глупо было приходить сюда! Не знаю, чего я ожидала, но точно не этого. Я взвинчена и раздражена еще сильнее, чем раньше.

Вдруг кто-то тянет меня назад, и от неожиданности я взвизгиваю.

Губы Дина касаются моего уха, когда он рычит:

– Если ты пришла сюда, чтобы подразнить меня, то поздравляю, это сработало.

Стиснув челюсти, я разворачиваюсь и сердито смотрю на него.

– Не знаю, что ты там о себе возомнил, но мир возвращается не только вокруг тебя.

Но вот только он прав. Я пришла именно *поэтому* и теперь чувствую себя круглой душой, потому что на самом деле мне не нравится играть в игры.

Лучше бы я осталась дома. Из-за репетиции у меня испортилось настроение, а потом эта новость о Дине и другой девушке – и вот я превратилась в героиню ромкома. Разоделась как проститутка, чтобы привлечь внимание парня, который меня совсем не заслуживает... Кто я?

Отвращение к самой себе заставляет меня идти дальше. Я подхожу к барной стойке, и стоящие перед ней мужчины расступаются передо мной, как Красное море перед Моисеем. Наверное, это одно из преимуществ быть ходячим сексом.

Я заказываю себе «Космо». Ну а почему бы и нет? Пожалуй, нужно следовать образу, который я создала. Я открываю свой маленький черный клатч, чтобы расплатиться, и тут же три руки машут в воздухе двадцатками.

– Я угощаю...

– Я заплачу...

– Позвольте угостить вас...

Дин раздраженно рыкает. И вот он уже протягивает бармену свою двадцатку и резко говорит:

– За мой счет.

Под его хмурым взглядом все остальные ухажеры отводят глаза.

– А теперь ты попишаешь на меня, чтобы пометить свою территорию? – Мой шепот похож на шипение.

Его глаза вспыхивают.

– Не знаю... а должен? Элли, что происходит?

– Ничего.

Я забираю у бармена свой коктейль и быстро отхожу от стойки.

Дин не отстает от меня, а я прибавляю шаг и, когда мы снова

оказываемся в компании наших друзей, облегченно выдыхая. Теперь он не сможет донимать меня расспросами.

Пенелопа уже тут как тут, и меня передергивает, когда ее когти впиваются в предплечье Дина. Черная футболка, в которую он одет, обтягивает его идеальную грудь и открывает божественные руки, те самые, что прошлой ночью сжимали меня в объятиях, когда он сам двигался внутри меня.

Отхлебнув глоток коктейля, я стараюсь сосредоточить свое внимание на Ханне. Она рассказывает о репетициях своей презентации и о том, как она счастлива, что деканат разрешил ей исполнять песню собственного сочинения.

– Я подумываю о том, чтобы разослать свои демозаписи по лейблам, – признается она.

– Правда?

Пару месяцев назад Ханна упоминала, что, возможно, хотела бы больше заниматься написанием песен, чем их исполнением, но я не представляла, что подруга всерьез раздумывает на эту тему.

– Ага. – Она играет прядью своих темных волос, собранных назад ярко-зеленой заколкой. Это единственная цветная деталь в ее полностью черном наряде. – Мне нравится сочинять. Конечно, выступать на сцене мне тоже нравится, но когда мы с Декстером вчера дурачились за фортепьяно и он спел песню, над которой я работала, это было...

Я перестаю ее слушать. Знаю, я ужасная подруга, но не могу ничего с собой поделать. Меня сильно отвлекает злобный коршун, вцепившийся в Дина, словно в сочную тушу. Вот она проводит своими длинными ногтями по его руке, поглаживает его бицепсы, наклоняется ближе, чтобы прошептать ему что-то на ухо.

Стоит отдать Дину должное: он словно не замечает приклеившейся к нему Пенелопы. Его взгляд прикован только ко мне, и с каждой секундой он становится все мрачнее и мрачнее.

В течение следующего часа я попиваю свой коктейль и пытаюсь быть общительной. Но только злюсь все больше – на *саму себя*.

Совершенно бессознательно я отвела Дину роль, которую он не должен играть. Он *не* мой парень. Мне не нужно было писать ему, что выдался плохой день. Не нужно было расстраиваться из-за того, что он не ответил или что разговаривает с другой девушкой.

Хотя, похоже, Пенелопа ему ни капли не интересна. Когда я украдкой смотрю в их сторону, он все время занят своим телефоном и совсем не обращает на нее внимания.

Мой клатч начинает вибрировать. Скорее всего, это сообщение от Дина. Но мой телефон остается в сумочке, потому что я чересчур занята только что пришедшим мне осознанием того, что без парня я абсолютно беспомощна.

Я... созависима? Это правильное слово? Поэтому я все время возвращалась к Шону? Потому что не могу быть в одиночестве? И во время учебы в старшей школе у меня тоже всегда был парень...

Ладно. Наверное, я сейчас делаю из мухи слона. То, что я всегда была в отношениях, еще не значит, что у меня проблемы, правда? Мне нравится, когда у меня есть парень. Я люблю держаться за руки, целоваться, прижиматься друг к другу и рассказывать о том, как прошел день. Но мне *не нужен* один-единственный на все времена.

Может, просто романы – не для меня. Уверена, найдется множество других женщин, испытывающих проблемы в разграничении эмоций и секса.

Но все это вызывает во мне уныние. Наверное, пора уходить. Я уже давно перестала обращать внимание на то, что и кто говорит, и сейчас просто хочу домой, загуглить слово «созависимый» и узнать, правильный ли диагноз я себе поставила.

Но сначала мне нужно в туалет, так что, извинившись, я направляюсь в сторону уборных. Я даже не думаю оборачиваться, чтобы посмотреть, следует ли Дин за мной, потому что уверена в этом. Боковым зрением я заметила, как он сразу же отошел от Пенелопы, стоило мне сдвинуться с места.

К моей огромной досаде, очередь в женский туалет растянулась на весь коридор. Ну уж нет, я не собираюсь полчаса стоять туда. Не *настолько* сильно мне хочется писать. Но если я развернусь, то наверняка столкнусь с Дином.

Поэтому я продолжаю идти прямо, к запасному выходу. Сигнализация, как я и ожидала, не срабатывает, и я оказываюсь на аллее за баром. Мои голые руки и ноги тут же обдает холодным воздухом. Я едва успеваю торопливо накинуть пальто, как дверь распахивается, и из бара выходит Дин.

– Уходи.

Его ноздри раздуваются.

– Нет.

– Ну и ладно, оставайся здесь. А я поеду домой.

Я неловко дергаю замок клатча – мне нужно вызвать такси и сказать Ханне, что я уезжаю. Но Дин выхватывает сумочку из моих рук, вызывая в

свой адрес несколько сердитых ругательств.

– Верни мне мою сумочку, пожалуйста.

– Нет. Сначала расскажи, почему злишься на меня.

Я ничего не отвечаю.

– Хватит вести себя как избалованный ребенок. Поговори со мной, черт побери!

– Почему бы тебе не вернуться к Пенелопе? – предлагаю я. – Уверена, она с радостью поговорит с тобой. А если повезет, то еще и засунет свой язык в твою глотку.

Он ошеломленно смотрит на меня, а потом начинает смеяться.

– Ты ревнуешь меня к Пенелопе?

– Я не ревную, – отвечаю я холодным тоном. – Мне просто не нравится, когда меня обманывают.

– И когда это я тебя обманывал? – искренне изумляется Дин.

Мое лицо вспыхивает. Будь все оно проклято. Будь проклят он. И я – за то, что дала ему власть вызывать во мне... Боже, я уже даже не знаю, что сейчас чувствую.

– Ты обещал, что сообщишь мне, если решишь переспать с кем-то другим, – обвиняющим тоном говорю я.

– Но я не спал с ней.

– Ханна сказала, что ты целовал ее.

– Нет, это *она* целовала *меня*. Или, по крайней мере, пыталась. Я сказал ей, что мне это не нужно.

– Ты так сказал?

Мой гнев немного утихает, и я борюсь с собой, чтобы не смягчиться. Неважно, что сделал или не сделал Дин. Наш роман все равно развивается в некомфортном для меня направлении, так что пришло время вернуть все на круги своя.

– Да, так и сказал, – отвечает он, – потому что вопреки тому, что ты думаешь, я человек слова. И я обещал тебе, что не буду спать с другими девушками.

– Хорошо, я тебе верю. – Я сглатываю ком в горле. – Теперь мне можно уйти?

Я пытаюсь забрать у него свой клатч, но Дин отводит руку.

– Ты все еще злишься, – ровным голосом говорит он.

– Нет, не злюсь.

– Обманщика не обманешь, куколка, – резко говорит он.

– То есть ты хочешь сказать, вся эта история про «это она меня поцеловала» – обман? – огрызаюсь я.

– Нет, я хочу сказать... – он сердито матерится, а затем медленно выдыхает, – что ты никуда не пойдешь, пока не объяснишь, что происходит. И знаешь, уж если кто-то и должен злиться, так это я.

Я с удивлением смотрю на него.

– С чего это?

– Из-за твоего фокуса в стиле Гудини меня стебут на протяжении двух дней, – мрачно говорит Дин. – Прошлым вечером под моей подушкой обнаружилась бутылочка со смазкой и запиской от Гаррета: «Для твоей попки». Логан купил упаковку розового лимонада и теперь каждый раз показывает мне большой палец, когда пьет его. Грейс не может смотреть на меня, не захихикав. А теперь и ты так странно ведешь себя, но не хочешь объяснить, почему.

– Я... я... р-р-р, с меня *хватит!* – Слова слетают с языка раньше, чем мне удастся остановить их. – Нашему роману пришел конец, ясно? Все кончено.

Плечи Дина напрягаются.

– Почему?

– Потому что я так сказала.

– А *меня* никто слушать не собирается?

– Нет!

– Чушь, – снова произносит Дин. – Нельзя вот так, без убедительной причины, все прекратить.

Во мне начинает расти ощущение беспомощности, ведь у меня и правда нет убедительной причины.

У меня был плохой день, и ты был первым, кому я позвонила.

Если сказать это вслух, прозвучит глупее не придумаешь. Но я себя знаю. Я вот-вот попаду в капкан этих отношений, и мне нужно поскорее вылезти из него, пока эта штукавина не захлопнулась и не оставила меня с разбитым сердцем.

– Ты хочешь сказать, что тебя больше ко мне не влечет? Это так?

– Нет, это не так. Ты прекрасно знаешь, что меня по-прежнему к тебе тянет, но...

– Никаких «но».

Дин встает совсем близко ко мне, и у меня перехватывает дыхание. Его глаза полыхают гневом, точеные черты лица стали жестче. Я еще никогда не видела Дина в ярости, и это обалдеть как сексуально.

– Давай-ка коротко пробежимся по событиям сегодняшнего вечера. Как тебе идея?

В мгновение ока я оказываюсь прижатой к кирпичной стене, его рот

нависает над моим. Мы стоим между грудой ящиков из-под молока и, к счастью, пустым мусорным контейнером, которые скрывают нас от случайных прохожих. Но даже если бы контейнер был завален отходами, я все равно бы чувствовала лишь пряный, мускусный запах Дина. С каждым вдохом его соблазнительный аромат опьяняет меня все больше и больше.

– Ты слышала, что я в баре, с другой девушкой, и в тебе проснулась ревность. Ну как, пока все правильно?

Я стискиваю челюсти.

– Потом ты разозлилась на себя из-за этой ревности, верно? Я не ошибаюсь? – Когда я не отвечаю, он обхватывает рукой мой подбородок. – Что происходит в твоей прелестной головке? Ты решила, что влюбляешься в меня? Хочешь, чтобы я принадлежал только тебе, и, по-твоему, это значит, что мы на пути к браку и детям?

Его издевательский тон жутко бесит.

– Не будь такой скотиной.

Он не обращает внимания на мои слова.

– Что ж, куколка, это совсем ничего не значит. Ладно, ты приревновала меня. Подумаешь! Ты хоть представляешь, как я сейчас тебя ревную? Думаешь, мне понравилось смотреть, как все парни в этом баре пускали слюни на твои сиськи и засовывали руки в карманы, чтобы поправить себя? Мне хочется вырвать им глаза уже только за то, что они просто смотрят на тебя!

Я поднимаю изумленные глаза.

– Честно. Но разве я злюсь из-за этого? Нет! Потому что это ничего не значит. А только то, что мы продолжаем волновать друг друга.

Дин разводит своим бедром мои ноги и трется о меня, чтобы я почувствовала его эрекцию.

– Я все еще завожу тебя, да?

Твердая выпуклость, упирающаяся в мой живот, отвлекает меня от того, чтобы ответить. Мои трусики намокли. Боже, я невероятно возбуждена. Мои соски вдруг стали невозможно чувствительными и ноют от томления, упираясь в кружево лифчика.

– Ладно, можешь не отвечать. Я знаю, что по-прежнему возбуждаю тебя. – Губы Дина касаются моего уха, вызывая легкую дрожь во всем теле. – Мы оба знаем, что будет, если я сейчас засуну руку под твоё платье. Твоя киска будет очень мокренькой.

Я не могу дышать. Мне не хватает воздуха, потому что Дин забирает его своими развратными словами. Его руки снимают пальто с моих плеч. Я замираю на месте, зачарованная неистовым блеском его глаз. Пальто падает

на грязный асфальт. Дин задирает подол моего платья и обхватывает рукой мое лоно. Вспышка наслаждения выводит меня из транса.

Проклятье, мы же в общественном месте! Но Дина, похоже, это ничуть не заботит. На улице холодно, но его на удивление теплые пальцы проскальзывают в мои трусики.

Усмехнувшись, он поглаживает утопающую во влаге плоть.

– Да, так я и думал.

Он снова поддразнивает меня, и ко мне снова возвращается злость.

– Ты слишком много о себе возомнил, – бурчу я. – Я была бы мокренькой от ласк любого другого парня.

– Чушь собачья. – Его большой палец касается моего клитора. У меня подгибаются колени. – Ты хочешь *меня*, и только *меня*.

Он просовывает в меня один палец, и мое тело предает меня, сжимаясь вокруг него.

– И пока твоя ненасытная киска будет влажной только для *меня*, между нами ничего не кончено.

Боже мой! Его палец двигается все быстрее. Мучительное наслаждение сосредоточилось между моих ног, пульсирует в моих венах. Все остальное уже неважно.

– Дин... – Каким-то чудом я вспомнила, как говорить. – Кто-нибудь может выйти в любую минуту.

– Ну и пусть. Пусть они увидят, какая ты плохая девочка.

В ответ я стону так громко, что даже стыдно. Дин засунул в меня второй палец, и когда они находят нужную точку, у меня перед глазами мелькают белые искры. Я двигаюсь в такт его руке, больше не возражая, а с жадностью принимая то, что он мне дает.

– Может, устроим им настоящее шоу? Что если мне взять тебя прямо здесь, у этой стены?

Я снова вижу четко. В его глазах горит неподдельная страсть. Свободной рукой Дин расстегивает ширинку и, наклонив голову, ждет моего ответа.

Наверное, он меня околдовал. Я должна отбросить его руку, сказать ему, чтобы он застегнул свои штаны и перестал вести себя как придурок. Мы в общественном месте. Нас действительно могут увидеть.

Тогда почему мое сердце стучит еще быстрее?

И почему я согласно киваю в ответ?

В его глазах, подернутых дымкой неприкрытого желания, вспыхивает одобрение. Его пальцы выскальзывают из меня. Дин одним движением разворачивает меня лицом к стене.

До нас доносятся приглушенные голоса со стороны улицы, на которую выходит аллея, и я замираю. Что если нас застукают? А если нас застукает коп? Людей сажают за это в тюрьму, разве нет?

Горячее дыхание Дина обдувает мою шею. Он поднимает мое платье до талии. Холодный воздух вызывает мурашки.

Я должна остановить нас. Наверное. Может быть. Нет.

Слышится звук разрываемой упаковки, шуршание ткани, и вот его член скользит между моих ягодич, все ниже и ниже, пока головка не упирается в мое лоно.

– Кончи побыстрее, – шепчет Дин мне на ухо. – Я так сильно хочу тебя, что не продержусь и пары минут.

Не знаю, продержусь ли я пару секунд. Клитор мучительно набух, как и мои груди. У меня никогда не было быстрого секса в аллее за баром. И это дарит новые ощущения, возбуждает и пугает одновременно. Доля опасности, риск того, что нас могут застукать, – все это превратило мое тело в провод под током, и достаточно одной искры, чтобы его запустить.

И этой искрой становится один-единственный толчок Дина.

Дин приглушает мой крик, зажав мне рот рукой. Для того, кто только что подначивал меня устроить шоу, он вдруг стал очень осторожным.

Я же не могу даже вспомнить, на каком континенте мы находимся. По мне прокатываются волны оргазма, заставляя меня хватать ртом воздух и дрожать всем телом. Дин едва слышно стонет, утыкается головой в ложбинку между моей головой и шеей и снова входит в меня.

Он не шутил. Дин кончает так быстро, что я даже не знаю, мне впечатлиться или поиздеваться над ним. Он скользит в меня последний раз и дрожит, сжимая руками мои бедра.

Я тоже дрожу, но то ли это отголоски оргазма, то ли причина в ледяном воздухе, обдувающим мою голую попу.

Тишину нарушают громкие голоса, и я тут же отпрыгиваю от Дина и опускаю подол платья. Выглянув из-за мусорного бака, я вижу несколько темных фигур, бредущих мимо нас по тротуару. Но никто из проходящих даже не смотрит в нашу сторону.

Подобрав пальто, я торопливо надеваю его, а Дин засовывает все еще твердый член обратно в штаны. Он выкидывает презерватив в мусорку и настороженно смотрит на меня.

– Что? – Мой голос не похож сам на себя. Он звучит низко, гортанно.

Дин окидывает меня взглядом с головы до ног, а потом смотрит прямо в глаза.

– Между нами ничего не кончено, – хрипло говорит он.

Закусив щеку, я отвечаю:
– Знаю.

По утверждению бездомного Лу из Бруклина, дежавю – это не что иное, как глюк, возникающий, когда инопланетяне пытаются получить доступ к нашим воспоминаниям. Наверное, именно это и удумали маленькие зеленые человечки, потому что дежавю следует одно за другим.

Пятничный вечер начинается точно так же, как две недели назад. Я выхожу из тренажерного зала со спортивной сумкой в одной руке и с телефоном в другой. Меня уже ждут три непрочитанных сообщения от Шона.

Я читаю их и издаю стон. Ему очень, *очень* нужно поговорить со мной. Вот засада.

На протяжении всех этих двух недель мне успешно удавалось избегать с ним встречи. Секс с Дином служил отличным отвлечением, но сегодня я не могу позволить себе эту роскошь. Дин еще на игре «Ураганов», а потом у него планы с Бо.

Мне нужно решить, что делать с Шоном. Хочу ли я поговорить с ним? Есть ли в этом смысл? Я начинаю думать, что все наши предыдущие разрывы заканчивались воссоединением потому, что мы старались оставаться друзьями. Это плохая идея, с какой стороны ни посмотри. Нельзя дружить с бывшими, по крайней мере, сразу после расставания. Меган настаивает на том, что не общаться важно как минимум полгода, и только после этого ты можешь для начала задуматься об этом.

Не то чтобы Меган эксперт по отношениям. На момент нашего с ней последнего разговора она продолжала встречаться с тем тридцатисемилетним доктором, но находила причины, чтобы не видеться с его дочкой. Раз она не может обсудить с ним свои страхи и сомнения, о каком рецепте здоровых отношений тут говорить?

Но сейчас я должна сфокусироваться на собственных отношениях. Вернее, на *бывших* отношениях, потому что я больше не люблю Шона Маккола. То, как быстро испарились мои чувства к нему, пугает даже меня саму.

Мама говорила, что время залечивает все раны. И это совершеннейшая правда. Даже через год после ее смерти я не могла представить себе ее

лица, не испытываю прилив мучительной боли. Когда я думаю о ней сейчас, мне по-прежнему больно, но уже не так сильно – такая тихая грусть. Я скучаю по ней, но мне больше не хочется свернуться калачиком и проплакать весь день.

Но то скорбь. Я думала, что любовь не проходит так быстро, что наводит меня на мысль: а вдруг все началось еще до того, как мы с Шоном расстались? Может, я разлюбила его, но просто не осознавала этого.

Так, может, выпить вместе кофе – не такая ужасная идея? Наверное, это подходящая возможность проверить, как будет реагировать мое сердце на его присутствие.

Я обдумываю это, уже поднимаясь по лестнице в общежитии. В Бристоль-Хаусе всего четыре этажа, так что лифта здесь нет, только четыре лестничных пролета, которые мне нужно преодолеть с сумкой в руках.

Зайдя с лестницы в коридор, я застываю на месте: перед моей дверью сидит Шон.

И снова он забрал право принимать решения себе.

Шон погружен в свой телефон, но тут же поднимает голову, услышав мои шаги, а потом встает на ноги и идет мне навстречу.

Мое сердце *реагирует*, но не совсем так, как я ожидала. Шон все такой же: темные волосы торчат из-под бейсболки с логотипом команды «Ред Сокс», темно-карие глаза, гладко выбритое лицо. Разве при виде парня, с которым я была на протяжении трех лет, у меня не должно кольнуть в сердце?

Но я чувствую лишь раздражение.

– Только не злись, – вместо приветствия быстро произносит Шон. Видимо, заметил мое недовольство. – Знаю, я не должен был приходить без предупреждения.

– Тогда зачем пришел?

– Потому что ты не отвечаешь на мои сообщения. – Он сердито трясет головой. – Элли, мы были вместе почти четыре года. А сейчас ты не можешь уделить мне и пяти минут и поговорить со мной?

– Мне нечего тебе сказать. – Я отпираю дверь и бросаю сумку в коридоре. Когда Шон пытается войти вслед за мной, нахмурившись, я придерживаю дверь, чтобы закрыть ему проход.

Он рассерженно смотрит на меня.

– Что, мне теперь и зайти к тебе нельзя?

– Тебе незачем заходить. Говори, что ты там хотел мне сказать, Шон.

– Я не буду делать этого, стоя в коридоре, где меня может слышать весь этаж.

Я делаю глубокий вдох. Сама не понимаю, почему веду себя с ним так грубо. Может, потому, что, увидев его, я вспомнила нашу ссору, которая потом привела к расставанию, все те несправедливые, резкие, жестокие слова, которые он бросал мне.

Я заставляю себя выдохнуть. Наверное, сказывается еще и сегодняшняя, в который раз провальная, репетиция. Не помогла даже сумасшедшая скорость, которую я выставила на беговой дорожке.

– Слушай, мне нужно в душ. Почему бы нам не встретиться через полчаса в «Кофе-Хат»? Там и поговорим.

Шон, все еще раздосадованный тем, что я не позволила ему войти, кивает.

– Хорошо. Думаю, доза кофеина мне не помешает.

Я киваю в ответ.

– Скоро буду.

Закрыв дверь, я прислоняюсь к ней на несколько секунд. Блин, как же я не хочу этого разговора, о чем бы он ни был.

Как бы мне хотелось, чтобы Ханна была дома. Тогда я могла бы попросить у нее совета, но она на репетиции. Ей предстоит выступить совсем скоро, так что я сомневаюсь, что буду часто с ней видеться, пока не закончится фестиваль.

Принимая душ, я напоминаю себе, что рассталась с Шоном не без причины. А если точно, причин было несколько: мы по-разному видели наше будущее, я была несчастлива, он все время злился.

Короче говоря, душевных страданий было много, а результатов – мало. Думаю, мама наверняка согласилась бы со мной. Конечно, она бы убедила меня поработать над отношениями, и, конечно, отношения стоят определенных усилий, но только если в них нет места злости и вражде, не так ли?

Что бы ни сказал Шон, вряд ли я буду подвергать сомнению собственное решение.

* * *

Шон занял нам столик в самом дальнем углу оживленной кофейни, наполовину скрытый огромным керамическим горшком с искусственным папоротником. Мне не совсем понятен смысл декора этого заведения. Настолько много здесь растений – они стремятся создать атмосферу джунглей? А, неважно. Зато мне нравится, как вкусно здесь пахнет

свежемолотым кофе, и наше уединенное место.

Шон придвигает ко мне высокий пластиковый стакан.

– Я взял тебе кофе. – Он криво улыбается. – Ванильный латте с двойной порцией эспresso.

На этот раз мое сердце сжимается. Конечно, он знает, какой кофе я люблю. Он знает все обо мне, как и я – о нем. Мне не надо заглядывать в его стакан, чтобы узнать, что там кофе средней обжарки, немного сливок, без сахара. А в бумажном пакетике на столе черничный маффин, потому что это единственные маффины, которые Шон ест. Когда мы были вместе, я заставила его попробовать все виды маффинов и выпечки, но он утверждал, что только черничный «приводит в восторг» его вкусовые сосочки.

О, да. Теперь мне уже просто грустно.

– Как поживаешь? – тихим голосом спрашивает Шон.

Э, нет, мы начинаем с того, что будем болтать о пустяках? Я обхватываю чашку обеими руками, чтобы было чем их занять.

– Нормально. А ты?

– Не так чтобы лучше всех, но... – Он пожимает плечами.

Я замечаю, что вид у него уставший. Он мало спит? Я проглатываю вопрос, не задав его вслух. Мы больше не вместе. То, сколько и как он спит, уже не мои проблемы.

– Я скучаю по тебе, – шепчет Шон.

Я торопливо делаю глоток кофе и ничего не говорю в ответ, потому что... потому что, если честно, я по нему совсем не скучаю. Конечно, первое время мне его не хватало. Но потом мою голову стали занимать совершенно другие вещи. Спектакль. Дин...

Я продолжаю молчать, и Шон с подавленным видом продолжает:

– С тех пор как ты ушла от меня, я много думал, копался в себе.

– Это хорошо, я рада. – Ко мне наконец вернулся мой голос.

– Я думал о тех последних шести месяцах и понял, как сильно облажался. Элли, я вел себя как последний козел. – Он говорит искренне. – Но сейчас я понимаю, почему.

Мое горло словно сжимают тисками.

– И почему же?

– Потому что мне было страшно.

Вот зараза. По его глазам видно, как он сейчас уязвим. Я борюсь с невыносимым желанием протянуть руку и сжать его ладонь.

Но я больше не обязана заботиться о нем.

– Твое будущее было распланировано с тех пор, как тебе стукнуло двенадцать. Ты точно знала, чем хочешь заниматься, – это такая редкость!

Немногие могут похвастаться такой уверенностью. – Его голос полон сожаления. – Я вот – точно. Я не мечтал с детства о том, что буду работать в страховой компании своего отца. Но это гарантированная работа, и немногим *так* везет, особенно после окончания колледжа, хотя не скажу, что жду не дождусь, когда вернусь в Вермонт.

– Но тогда ты говорил так, как будто очень этого хотел, – напоминаю я ему.

– Просто у меня нет другого выбора. – Шон кажется раздосадованным. – Я пытался заставить себя радоваться этой возможности. И... если честно, мысль о том, что ты поедешь со мной, делала возвращение домой более-менее сносным. Так мне было легче проглотить эту горькую пилюлю. Но зато это было нечестно по отношению к тебе. У меня не было никакого права заставлять тебя пожертвовать своим будущим, которое ты давно хотела для себя, ради того, чтобы мне было проще смириться с будущим, которое мне навязали.

Я в замешательстве. Шон ничем не давал мне понять, что не хочет возвращаться в Вермонт, но, думаю, это лишь еще одно доказательство нашего недопонимания друг друга.

– На нашем самом первом свидании ты сказала мне, что после окончания университета планируешь перебраться в Лос-Анджелес. И ты *продолжала* говорить об этом вплоть до нашего разрыва. – Он с пристыженным видом качает головой. – Но этим летом я решил больше не слушать тебя. Я убедил себя, что в твоей жизни нет ничего важнее меня и ты поедешь куда придется, только чтобы быть рядом со мной.

– Нечестно требовать такое от кого бы то ни было, – мягким голосом говорю я. – Мы не можем *приказывать* другим людям ставить свое благополучие выше их собственного.

– Знаю, выдвигать тебе тот ультиматум было большой ошибкой. Я уже говорил тебе, что много думал об этом. – Шон вздыхает. – И пришел к нескольким выводам.

Внутри у меня все сжимается, когда я наблюдаю, как он засовывает руку в карман своей куртки. Боже, *прошу тебя*, сделай так, чтобы это не была маленькая бархатная коробочка.

Я уже сошла с ума, если почти желаю, чтобы он достал пушку? Чтобы он удерживал всех в заложниках до тех пор, пока я не соглашусь вновь быть с ним? Это, конечно, несусветная дикость, но, по-моему, я лучше справлюсь с этой ситуацией, нежели с предложением руки и сердца.

Но Шон вытаскивает из кармана узкий конверт и кладет его на стол.

– Что это? – Я смотрю на конверт так, словно внутри находятся споры

сибирской язвы.

– Открой, – настойчиво требует Шон.

Он меня доконает!

– Пожалуйста.

Его искренность заставляет меня сдаться. Я беру в руки конверт. Он запечатан, но мне легко удастся подцепить краешек ногтем и открыть его. Я заглядываю внутрь и вижу лист бумаги. С растущей тревогой достаю его из конверта и разворачиваю.

Сначала я прихожу в шок. Потом меня одолевают сомнения. А затем я вообще не знаю, как быть дальше, потому что... что в самом деле я должна сказать на *это*?

Я неотрывно смотрю на подтверждение оплаты двух билетов на самолет до Лос-Анджелеса, штат Калифорния. Рейс на следующий день после выпускного.

Кусая губу, я поднимаю глаза на Шона.

– Ты и я, детка, – с жаром произносит он. – Вот что мне нужно было сделать прежде всего. Было глупостью пытаться заставить тебя переехать в Вермонт. Я должен был проглотить свою гордость и переехать в Лос-Анджелес. С тобой.

Боже мой, зачем я настояла встретиться в общественном месте? Это *плохо*. Это значит, что все увидят страдания и унижение Шона, когда я скажу...

– Нет.

Он растерянно смотрит на меня.

– Что?

– Ты не поедешь со мной в Лос-Анджелес.

Шон открывает рот. Закрывает. Снова открывает. Я даю ему немного времени переварить то, что я только что сказала. К сожалению, в это же самое время мой телефон начинает вибрировать. Порывшись в сумке, я достаю его и... чудесно, сообщение от Дина.

Он: Игра закончилась. «Ураганы» были настоящим ураганом. Бо пока не может со мной встретиться. Давай побыстрому?

Боже, я бы с удовольствием.

Я: Не могу. У меня тут настоящая жесть.

– Почему нет? – наконец спрашивает Шон.
– Потому что... – рассеянно отвечаю я, отвлеченная новым сообщением.

Он: Все в порядке?

Я: Да. Пью кофе с Шоном.

И тут время начинает тянуться бесконечно долго.
Шон все еще ждет ответа от меня. Я жду ответа от Дина. Наверное, не стоило ничего ему говорить, но я печатала на автопилоте.
Дин все-таки отвечает.

Он: Какого хрена?

*Я: Знаю. *Вздых*. Объясню все позже, ладно?*

После этого сообщения больше не приходят, а Шон, похоже, не на шутку разозлился.

– С кем ты переписываешься? – сердито спрашивает он.

– С Ханной, – вру я.

Самое худшее в том, когда долго встречаешься с кем-то, как мы с Шоном, – они всегда *знают*, когда ты врешь.

– Чушь. – В его темных глазах загорается гнев. – Это тот парень? Тот самый, с которым ты переспала?

– Нет, это не он. – Сейчас мне плевать, видит он, что я вру, или нет. – А если даже и он, это не твоё дело. Мы расстались. – Я делаю вдох. – И именно по этой причине ты не можешь поехать со мной в Лос-Анджелес.

Шон поджимает губы. Его лицо и шея стали пунцовыми. Даже кончики его ушей красные.

– Ты это несерьезно.

– Нет, серьезно. Прости. Я просто думаю... пришло время нам обоим двигаться дальше, друг от друга.

– Двигаться дальше и друг от друга или двигаться дальше, к другим? – Его презрительный тон начинает меня бесить. – Например, к тому парню, имя которого ты не хочешь мне назвать?

Я могла бы повести себя как настоящая дрянь и снова бросить ему, что это не его дело. Могла бы начать философствовать и выдать ему целую речь на тему «Если любишь кого-то, отпусти».

Но я не делаю ни того, ни другого. Я просто придвигаю билеты к нему и говорю:

– Прости. Надеюсь, ты сможешь вернуть деньги обратно. И еще больше я надеюсь, что ты разберешься, к чему лежит твое сердце, будь то работа в компании твоего отца или что-то еще. – Эх, слишком много слов. – Честное слово, Шон, я хочу для тебя только лучшего. Чтобы ты был счастлив.

Он сидит с каменным лицом и молчит.

Я отодвигаю стул от стола. Руки трясутся, когда я надеваю пальто. Я не буду говорить ему, что мы можем остаться друзьями, потому что сейчас ему это не нужно. К тому же зачем давать обещания, которые, возможно, я не смогу выполнить?

– Пока, Шон.

* * *

Через двадцать четыре часа после мучительной встречи с моим бывшим парнем становится совершенно ясно, что Дин объявил мне бойкот.

Я написала ему сразу после того, как вышла из кофейни, спросив, хочет ли он еще встретиться.

Никакого ответа.

Я написала ему еще раз, попозже, и спросила, с Бо ли он уже.

Никакого ответа.

Я пожелала ему спокойной ночи.

Никакого ответа.

Я пожелала ему доброго утра.

Никакого ответа.

И вот субботним вечером я сижу на своей кровати, одна дома, и понимаю, что мне очень сложно с пониманием отнестись к молчанию Дина. Вчера вечером я была готова взять всю ответственность на себя. Конечно, Дин предположил самое худшее, узнав, что я с Шоном, и я не виню его, если он разозлился на меня. Пообижаться несколько часов – вполне нормальная реакция, если Дин решил, что я снова вернулась к своему бывшему.

Но молчать целые сутки? Это полный бред. Если Дин злится на меня, ладно, пусть злится. Если он хочет завязать со мной, ладно, по-моему, он со мной завязал. Но наберись мужества и скажи мне об этом. Игнорировать человека, чтобы он сам понял «намеки», – это настоящий плевок в душу, и я не собираюсь такое терпеть.

Я забираю с тумбочки ноутбук, потому что сейчас мне отчаянно

необходимо на что-то отвлечься. А что может быть лучше, чем милые видео на *YouTube*. Будем надеяться, мне попадется маленький жираф, которому захотелось покашлять, или детеныш бегемота, с удовольствием плескающийся в пруду.

В итоге я листаю *Twitter*. О, вы только посмотрите. Дин все-таки жив. Теперь он не сможет воспользоваться отговоркой «я был мертв», чтобы объяснить, почему игнорировал меня. Какой-то студент из Брайара ведет прямую трансляцию домашнего матча и только что упомянул гол Ди Лаурентиса.

Я закрываю браузер и спрыгиваю с кровати. Может, это мазохизм, но, увидев имя Дина, я захотела увидеть самого *Дина*. Мне нужны ответы, и все тут. Я хочу, чтобы он, глядя мне в глаза, сказал, что наш роман закончен.

Прогулка до ледяного дворца, находящегося в противоположном конце огромной территории Брайара, занимает у меня почти полчаса. Подойдя к кассе, я показываю свое студенческое удостоверение, чтобы получить скидку. Кассир, тоже студентка, предупреждает, что остались только стоячие места, и просовывает билет под стеклом.

Спустя минуту я оказываюсь в зоне стоячих мест. Второй период только начался.

Я разглядываю каток, пытаюсь вспомнить командный номер Дина. В голову ничего не приходит, и тогда я пробегаю глазами по именам, напечатанным на спинах черно-серебристых свитеров. В фамилии Дина так много букв, что ее легко заметить, но нет, я не вижу его на льду. Может, сейчас играет не его звено? Но на скамейке его тоже нет.

Странно.

Подчинившись мимолетному порыву, я открываю на телефоне *Twitter* и ищу профиль, который читала в общежитии. Может, *@BriarBryan38* поделился свежими новостями, пока я шла сюда? Я пробегаю глазами самые последние посты, и один привлекает мое внимание.

Сердце чуть не останавливается.

Дина удалили до конца матча.

Я сижу в пустой раздевалке, ссутулившись и опустив голову, и мужественно сопротивляюсь желанию бросить первый попавшийся под руку предмет – например, свой шлем – в стену. Костяшки на моей правой руке разбиты и кровоточат, а все из-за стремительного апперкота, которым я сбил с ног нападающего команды Сент-Энтони. Я прижимаю ладони к бедрам, и кровь впитывается в штаны формы.

Я на дух не переношу этих ублюдков из Сент-Энтони. Противостояние наших команд длится уже довольно давно, так что, если наши команды играют друг против друга, напряжения и грубостей не избежать. Но за последние два года неприязненные отношения переросли в неприкрытую вражду. А пару недель назад несколько игроков Сент-Эй заманили к себе подругу Грейс, забрали у нее телефон и отказывались выпускать из своего захудалого номера в мотеле.

Но сегодня вся вина лежит только на мне. Обе стороны, как обычно, сыпали оскорблениями во время вбрасывания шайбы, вели агрессивную игру, применяли достаточно сильные силовые приемы. А я вышел на лед уже на взводе, так что, когда один придурок замахнулся на меня, мне не удалось сдержаться.

Меня удалили с матча за неспортивное поведение. Ну да, конечно. Если бы рефери слышали хотя бы половину тех мерзостей, которые Коннелли отпускал в адрес наших матерей, то удалили бы этого козла тоже.

А так я оказался единственным отстраненным игроком. Из-за одного удара уже в накаленной и без того игре меня вряд ли исключат из команды, но зато теперь я должен сидеть в раздевалке, потому что мне запретили уходить до тех пор, пока я не получу обязательную головнойку от тренера Дженсена.

Или, может, он снова делегирует свои полномочия О'Ши, который будет только рад возможности снова отчитать меня. Да уж, везет как утопленнику. За последние двадцать четыре часа это будет уже *вторая* нотация от ублюдка. Вчера он позвонил и пригласил меня в свой кабинет, когда я уже возвращался домой после игры «Ураганов». Плюс ко всему еще и Элли написала о свидании со своим бывшим, так что неудивительно, что

в итоге мы с Бо нажрались как черти.

Клянусь чем угодно, если Элли снова вернется к этому недостойному ее придурку, я... что? Снова выйду из себя? «Порву» с ней? Да кто бы говорил? До сих пор я только и делал, что избегал ее. Потому что, если честно, я боюсь того, что она может мне сказать.

Из-за двери доносится глухой звук шагов. Я инстинктивно напрягаюсь. Стоп, это же другая дверь. Не та, что ведет на каток, а та, которая выходит в главный коридор.

– Дин! – Услышав голос Элли, я тут же поднимаю голову.

Черт, как она сюда попала? Ледовая арена строго охраняется во время домашних матчей, чтобы избежать проникновения посторонних в раздевалки и порчи спортивного инвентаря. Просто такое случилось пару лет назад: какой-то безумный фанат команды, с которой мы играли, проскочил в раздевалку и краской написал на наших шкафчиках «ЛУЗЕРЫ». Оказывается, некоторые колледжи принимают к себе пятилеток.

Раздается тихий стук.

– Дин, ты здесь?

– Да, – сипло отвечаю я.

Светловолосая голова Элли заглядывает в помещение. Заметив меня, она идет ко мне. На ней джинсы и красный свитер, волосы небрежно собраны в пучок, и то ли мне кажется, то ли глаза у нее на самом деле красные. Она плакала?

– Как тебе удалось пройти через охрану? – угрюмо спрашиваю я.

– Сказала охраннику, что я твоя девушка и что мне срочно нужно проверить, как там мой парень. Без крокодиловых слез не обошлось. – Она криво ухмыляется. – Умение плакать по команде порой может пригодиться не только на сцене.

– И он купился на это?

– Да. Я была очень убедительной. Но мне пришлось показать ему свое удостоверение студентки Брайара, чтобы доказать, что я не какая-нибудь там диверсантка. – Элли садится рядом со мной. – Почему тебя вышвырнули из игры?

Я смотрю в точку прямо перед собой.

– Я повел себя как кретин и ударил другого игрока. Очень глупо с моей стороны. Так что я заслуженно сижу здесь.

– Наверное. Но все равно это отстой. – Она умолкает. Я ощущаю на своем лице пристальный взгляд ее голубых глаз. – Ты избегаешь меня.

Бегло глянув на нее, я отворачиваюсь.

– Есть немного.

– Немного? Это *не измеряется*, Дин. Ты либо избегаешь общения с кем-то, либо нет.

– Неправда. Иногда для этого есть уважительные причины. Или происходят неожиданные перемены.

– Например?

Я пожимаю плечами.

– Неважно.

– Еще как важно, – возражает Элли, – но мы можем вернуться к этому позже.

Она кладет ладонь на мою щеку, опускает ее к подбородку и поворачивает мою голову к себе, заставляя смотреть ей в глаза.

– Я знаю, ты сердишься на меня за то, что я встречалась с Шоном.

– Я не сержусь. Ты можешь встречаться с кем хочешь. – Мой голос звучит безразлично, но внутри меня бушует гнев. – Но только давай обойдемся без этого лицемерия. Разве мы не должны предупреждать друг друга, если хотим переспать с кем-то другим?

– Я не спала с ним.

– Нет?

– Нет, – твердо отвечает Элли. – А если ты игнорировал меня только потому, что думал, будто мы с Шоном снова сошлись, то могу уверить тебя: это не так. Он хотел, но я сказала «нет».

Я не могу объяснить, откуда взялась нахлынувшая на меня волна облегчения.

– Хорошо, – беззаботно отвечаю я, но, судя по ее взгляду, Элли понимает, как приятно мне было узнать об этом.

Она берет мою руку и переплетает наши пальцы.

– Между мной и Шоном все кончено. Я не хочу снова быть с ним, и именно это я и сказала ему вчера вечером.

– Готов поспорить, твой ответ ему совсем не понравился.

– Нет, конечно, но ему придется с этим смириться. – Она проводит большим пальцем по моим чувствительным костяшкам. Они больше не кровоточат, но Элли ахает так, словно мне ампутировали кисть, а потом строго говорит: – Не нужно было тебе драться.

– Хоккеисты – народ импульсивный. Бывает, мы деремся, но это же не конец света.

– За что ты ударил того придурка? Что он сказал тебе?

– Я даже уже не помню, – признаюсь я. – Все было как в тумане, к тому же у меня с самого начала матча было жуткое настроение.

На лице Элли появляется виноватое выражение.

– Из-за меня?

– Нет. – Я сжимаю ее пальцы. – О’Ши снова докопался до меня из-за очередной долбаной фотки в *Instagram*.

Я хрипло усмехаюсь.

– Похоже, теперь мне стоит быть поосторожнее в «Малоун».

– О’Ши – это помощник вашего тренера? Тот самый, который заставил тебя работать со школьной командой?

– Тренер по работе с защитниками, если совсем точно, и да, это был он.

– Понятно, а о какой фотографии идет речь? погоди, фотография из «Малоун»? Фотография нас? – Ее лицо становится мертвенно-бледным.

– Нет, – успокаиваю я ее. – Меня и Пенелопы, той фанатки, которая присосалась к моей шее. О’Ши был в ярости.

– Почему? Публичное выражение чувств запрещено? – и Элли тут же быстро добавляет: – Я знаю, что ты не проявлял к ней никаких чувств – она сама набросилась на тебя. Но чисто гипотетически, даже если бы ты *ответил* ей, это что, уголовно наказуемо?

– Он взбесился не поэтому. На фотографии у меня в руке бутылка пива, а у О’Ши есть пунктик по поводу распивания спиртного.

– Э-э-э, он же понимает, что тренирует студентов? Невозможно заставить вас не пить.

– Я знаю.

– И на этой фотографии ты просто держишь бутылку *пива*? Какого рожна? Ты же не нюхаешь кокаин с ее сисек!

На моих губах появляется легкая улыбка.

– Конечно, нет. А если бы я нюхал кокаин с чьих-то сисек, то это были бы твои.

– О, спасибо. Это так романтично. – Поглаживая мою ладонь своими пальцами, Элли наклоняется и целует меня в щеку. – О’Ши просто идиот, милый. Не позволяй ему трепать тебе нервы, ладно? Особенно когда ты зол настолько, что бьешь людей и тебя удаляют с матча.

Она права, мне нужно лучше справляться со своим темпераментом. Но Фрэнк О’Ши... блин. Я начинаю распалиться уже только от звука его резкого, высокомерного голоса.

Губы Элли быстрыми поцелуями касаются моей челюсти. Потом она с явной неохотой отпускает мою руку.

– Наверное, мне лучше уйти, пока никто меня не увидел. Третий период вот-вот закончится.

– Ты успела увидеть счет до того, как пришла сюда?

– По-моему, он был равный.

Вот елки-палки. Но надеюсь, мои мальчики смогут перевести ничью в нашу победу, потому что мне уже до смерти надоело, что мы почти все время проигрываем.

И если честно, мне уже до смерти надоело от всех прятаться.

Сначала это даже немного щекотало нервы – спать с Элли втайне от наших друзей. Но эти ощущения уже прошли. Когда она появилась тогда в «Малоун», вся такая разодетая, мне хотелось поцеловать ее прямо у всех на глазах. Было невероятно сложно притворяться равнодушным. Я устал украдкой писать ей сообщения, чтобы заняться сексом по-быстрому, и врать друзьям о том, куда ухожу.

Друзьям, которые, кстати, теперь думают, что мне нравится забавляться в одиночку с резиновыми членами. Сегодня утром Такер протянул мне тарелку яичницы с беконом и невинным голосом поинтересовался, будет ли с нами завтракать и мой «маленький розовый друг». Гаррет чуть ребра не сломал, так ржал. А бедняжка Грейс теперь не может смотреть на меня и не краснеть.

Я знаю, Элли не хочет, чтобы наши друзья узнали о том, что мы спим, но мне так хочется, чтобы в наших отношениях было больше свободы. Может, нам снять номер в гостинице на все выходные и два дня провести в постели, не беспокоясь о...

Тут меня осеняет.

– погоди. – Я беру ее за руку, пока она не встала со скамейки. – Ты уже купила билет на День благодарения?

Элли ругается.

– Нет, конечно. Р-р-р! И почему я все время обо всем забываю? Я же поставила себе напоминание!

– Не покупай.

– Почему?

– Потому что мне в голову пришла отличная идея. – Я в нерешительности медлю. – Почему бы тебе не поехать в Нью-Йорк вместе со мной? Возьмем мою машину.

Мое предложение, похоже, ошарашило Элли.

– О, ты... э-э-э... хочешь, чтобы мы провели День благодарения вместе? Хм. Даже не знаю. Я навещаю папу...

– Я не напрашиваюсь на ужин, ничего такого, – перебиваю я ее. – Я решил, что буду жить у себя на Манхэттене, и если ты будешь свободна в четверг или в пятницу, то можешь приехать вечером ко мне. – Я играю

бровями. – Весь дом будет в нашем распоряжении.

– Что ж, звучит заманчиво, – медленно произносит Элли. – Когда тебе нужно вернуться в Брайар?

– Мне придется уехать в субботу утром. А когда ты планировала возвращаться?

– В субботу утром. – На ее губах играет легкая улыбка. – По времени все сходится...

– Это значит, ты согласна? – с надеждой спрашиваю я.

– На бесплатную поездку в Нью-Йорк и дикий секс в выходные? Конечно.

– Хорошо. Но я хочу попросить тебя кое о чем.

Элли, наклонив голову, ждет, когда я продолжу.

Мое отвратительное настроение становится таким же радужным, как улыбка, которой я одариваю ее.

– Не забудь захватить Уинстона.

* * *

И вот я еду в Нью-Йорк вместе с Элли, сидящей рядом, на пассажирском сиденье.

Мы выехали, когда солнце уже село, потому что до шести часов у Элли была репетиция, а потом она собирала вещи еще целый гребаный час. Я взял с собой только рюкзак. Она – доверху забитый одеждой чемодан, который едва уместился в моем багажнике.

Я оставил там свою сумку с хоккейной амуницией, потому что мне и в голову не могло прийти, что на каких-то три дня Элли наберет с собой целую грудку вещей. К счастью, парковка позади Бристоль-Хауса совершенно пуста и никто не видит, как мы заталкиваем в мой багажник ее чемодан. На всей территории университета царит пугающая тишина, как будто наступил конец света. Очевидно, мы не единственные, кто решил уехать заблаговременно перед Днем благодарения.

Ханна с Гарретом улетели этим утром в Филадельфию, Грейс и Логан уехали через несколько часов после них. Они отправились навестить отца Логана, который проходит курс реабилитации, а потом поедут к его маме, в Бостон, где переночуют, а на праздник вернутся обратно, к отцу Грейс, в Гастингс. Когда я уезжал, Такер был еще дома, но и он завтра утром уезжает вместе с Холлисом в Нью-Гемпшир. Чему я несказанно рад, потому что, если бы Таку некуда было поехать, из-за чувства вины мне

пришлось бы пригласить его к себе.

Когда мы с Элли наконец устроились на передних сиденьях, неожиданно выяснилось, что у нас с ней совершенно разные музыкальные предпочтения. Но после пятиминутной пикировки мы приходим к компромиссу – каждый получает по полчаса на свою любимую музыку, во время которого второй слушает и не жалуется. Маленькая лиса даже ставит таймер, чтобы все было по правилам. И, конечно, заявляет, что она первая.

– Почему я не могу быть первым?

– Потому что у меня есть вагина.

Я ухмыляюсь.

– Ну и ладно. Зато у меня есть пенис.

– Это не так работает, – сердится Элли.

– И как тогда это *работает*? Насколько я знаю, половые органы не решают, кто чью музыку будет слушать первым.

– О, еще как решают. – Элли говорит со мной как с маленьким. – Смотри, если ты откажешь мне в своем пенисе, я смогу отлично продержаться несколько месяцев, даже несколько лет. А вот если я откажу тебе в своей киске – считай, ты пропащий. Как тонущий в море человек, отчаянно хватающийся за спасательный круг-вагину. – Она широко улыбается. – Так что вагина круче пениса.

Моя ухмылка исчезает, потому что Элли права.

В итоге первые полчаса мне приходится вести машину под слащавые баллады восьмидесятых, и в названии каждой из них есть слово «любовь» или его производные.

«Я хочу узнать, что такое любовь».

«Я позвонил, только чтобы сказать, как люблю тебя».

«Должно быть, это любовь».

Можно подумать, Элли совсем даже не прозрачно пытается намекнуть мне на что-то, но я совершенно точно уверен, что все песни тех лет так или иначе о любви.

Когда настает мой черед, я выбираю самые пошлые песни, которые могу найти. *Ol' Dirty Bastard*. Кое-какие треки Джей-Зи, запрещенные к ротации на радио. *Cypress Hill*. Даже включил песню *Insane Clown Posse*.

Элли в ответ включает хиты Мадонны.

Но вместо того, чтобы позлить ее, я решаю сделать приятное себе и вместо хип-хопа включаю кантри. Да, богатенькому мальчику нравится Тим Макгро, уж простите.

Мы еще не свернули с автомагистрали I-90, и ехать нам остается около пары часов, когда Элли достает телефон и начинает печатать.

Не спуская глаз с дороги, я спрашиваю:

– Кому пишешь?

– Диллон... подруге из старшей школы. Она учится во Флориде, но надеюсь, что на каникулы приедет домой. О, и нужно узнать, дома ли Флетч.

– Флетч?

– Кайл Флетчер, но я называю его Флетч, – рассеянно отвечает Элли. – Мой бывший.

Я резко поворачиваюсь к ней.

– Ты собираешься встречаться со своим бывшим парнем?

– Спрячь свои коготки, дорогуша. Флетч по-прежнему мой очень хороший друг.

Я не могу побороть свое любопытство.

– Как долго вы были вместе?

– Три года.

Я тихонько присвистываю.

– А потом еще почти три с половиной с Шоном... Смотрю, ты любишь вить гнездышки, а?

– Вовсе нет, – возражает Элли.

– Детка, почти семь лет своей жизни ты провела в серьезных отношениях. А тебе только двадцать два.

– Двадцать один. Я дитя Рождества.

– Серьезно? Ты родилась 25 декабря?

– 24-го. Так что, наверное, я все-таки дитя кануна Рождества. Прости.

– Извиняйся, извиняйся. Как ты можешь вот так обманывать меня?

Элли закатывает глаза.

– Ладно, проехали. И ты прав. Это *большой* срок. – Помолчав, она спрашивает: – А сколько длились твои самые долгие отношения?

– Чуть больше года, – отвечаю я, не отрывая глаз от темной дороги.

– Правда? – удивленно спрашивает Элли. – Дольше, чем я думала. В старшей школе?

Я киваю.

– Почему вы расстались?

Теперь моя очередь закатывать глаза.

– Потому что мы учились в старшей школе.

– Ну и что? А если это была бы твоя вторая половинка? – упрямо допрашивает меня Элли. – Ты не веришь, что любовь со школьной скамьи может протянуться на всю жизнь?

– Нет. По-моему, в том возрасте мы еще не способны понимать, чего

хотим и что нам нужно в отношениях. Когда ты учишься в старшей школе, у тебя еще не сложилась картина реального мира. Ты даже представить себе не можешь, сколько всего надо будет делать, когда вырастешь. Я сейчас и я в старшей школе – это два совершенно разных человека. Да я уже не тот, каким был в прошлом семестре!

– Ничего подобного. – Элли сладко улыбается мне. – Ты как любил секс в прошлом семестре, так любишь и в этом.

– И то правда, – усмехнувшись, отвечаю я.

Элли откладывает телефон и поворачивается ко мне.

– Ты еще общаешься со своей девушкой из старшей школы?

Я сразу же напрягаюсь.

– Нет.

– Вы просто прекратили общение?

– Думаю, можно и так сказать. – Я медленно выдыхаю, пытаюсь справиться с теснотой в груди. – Вообще-то, это из-за нее меня так ненавидит тренер О’Ши. Миранда – его дочь.

– Ого! Ты встречался с дочерью тренера? – Элли принимается корить меня. – Ох, милый, ты разве не знал правило номер один из справочника по свиданиям? Никогда не встречайся с ребенком своего наставника.

– Я похож на того, кто следует правилам? – Я улыбаюсь, но улыбка почти тут же угасает. – Честно говоря, я ничего не мог с собой поделать. Тогда Миранда была просто потрясающей. Перед ней невозможно было устоять. Она училась в нашей частной школе бесплатно, ведь Фрэнк работал там тренером. Миранда была из небогатой семьи и поэтому сильно отличалась от девочек, с которыми я всегда учился. Ей было плевать на популярность, она не стремилась стать королевой школы и не издевалась над другими, чтобы выпендриться. Она была приземленной, веселой, сексуальной.

– Ну еще бы. Дин Хейворд Ди Лаурентис спит только с сексуальными девочками.

– Я не спал с ней. То есть это случилось не сразу. Пришлось подождать, но, по правде говоря, я никуда не торопился. – Я подмигиваю. – Мы развлекались по-другому.

– И когда же ты совершил сей подвиг?

– За пару месяцев до того, как мы расстались. – В плечах снова появляется напряжение. Я ненавижу вспоминать о той ночи.

Элли чувствует мое состояние, потому что в ее голосе появляется настороженность.

– Что произошло?

Блин, ну зачем я вообще начал говорить на эту тему?

– Спустя девять месяцев наши отношения... обострились.

И зачем я вообще отвечаю на этот вопрос?

– Миранда начала говорить о том, что мы останемся вместе, даже когда поступим в университет, хотя изначально об этом речи не заходило.

– погоди... а О'Ши тогда уже знал? Ну, что ты встречаешься с его дочерью?

– Да, знал. Конечно, он не прыгал от радости, но сказал, что, пока счастлива Миранда, счастлив и он. Правда, это не останавливало его от того, чтобы портить мне жизнь. Когда я забирал ее, чтобы поехать на свидание, он допрашивал меня о том, куда мы поедem, кто еще там будет, когда мы вернемся. А однажды он пригрозил отстрелить мне яйца, если я не буду относиться к ней с уважением.

– Когда мы с Флетчем начали встречаться, папа говорил ему то же самое. Поверь, это делают все отцы. – Элли смеется, но ее смех быстро утихает. – Значит, Миранда говорила про университет?

– Все время, и это страшно беспокоило меня, потому что в самом начале мы считали совершенно одинаково. Я не хотел, чтобы в университете у меня были отношения на расстоянии. Я видел, как это переживали мой старший брат и его уже бывшая девушка, то же самое было и у моих приятелей, которые уже окончили школу. Весь первый курс они цеплялись за то, что должны были сразу же отпустить. Телефонные звонки становились все более редкими, поездки в гости прекращались, зато появлялись ревность и неуверенность. Каждый переживал, что там делает его вторая половина, может, спит с кем-то другим. Я этого не хотел, как и Миранда. Она планировала поступать в Дьюкский университет. Я выбирал между Брайаром и Гарвардом. Мы договорились, что если к моменту окончания школы будем вместе, то расстанемся.

– Но она передумала?

– Угу. Сначала это было почти незаметно. Когда Миранда говорила о том, что мы будем делать в будущем, я напоминал ей, что этого наверняка никогда не произойдет, и она просто смеялась в ответ, типа забыла о нашем уговоре. Но потом она стала... навязчивой. Звонила мне по десять раз на дню, ни с того ни с сего стала вести себя как параноик, вбив себе в голову, что я ей изменяю. Чего я, кстати, не делал: я никогда никому не изменял.

– Так ты расстался с ней? Нет, погоди, но сначала у вас был секс, да?

Я слышу в голосе Элли обвиняющие нотки, и они бьют в самое сердце.

– Да, был. – Во рту пересохло. Я сглатываю вставший в горле ком. –

До того, как начать встречаться со мной, у Миранды был другой парень, года два. Когда мы стали парой, он сказала мне, что у нее уже был секс.

– О нет, – бормочет Элли. – Начало мне уже не нравится.

– Мы были на вечеринке, и она опять была свержназойливой, не разрешала мне ни с кем говорить, ни на секунду не отпускала мою руку. Она даже пошла за мной в туалет. Я чувствовал себя беспомощным, злился, а потом начал заливаться пивом, чтобы хоть как-то скоротать время. Она не хотела уходить, но и отходить от меня тоже не хотела. Я даже начал раздумывать, не порвать ли с ней прямо там, и она, должно быть, это почувствовала, потому что вдруг потащила меня наверх. – Сердце сжимают тиски раскаяния. – Я был пьян, к тому же помешан на сексе, как и любой семнадцатилетний пацан, так что не стану врать, что сильно сопротивлялся. Мы переспали. А потом Миранда призналась мне, что была девственницей.

– Вот ужас.

– Если бы я только знал, то постарался бы быть более... не знаю, осторожным, нежным. Но я напился в стельку, и ей пришлось заниматься сексом с пьянящим парнем. В свой *первый* раз, Элли! На следующий день я чувствовал себя полным ничтожеством, но Миранда совсем не злилась на меня. Она сказала, что теперь чувствует еще большую связь со мной, чем прежде, и после этого ее навязчивость перешла все границы. Она начала планировать поездки в университеты и говорить о помолвке, о том, что более серьезные обязательства помогут нам сохранить верность друг другу. – Меня передергивает даже от одной мысли об этом. Тогда мне не было и восемнадцати.

– И ты, как любой парень твоего возраста, струхнул и бросил ее.

Я киваю.

Элли вздыхает.

– Я не виню тебя. Уверена, любой бы растерялся, окажись на твоём месте.

– Может, и так. Но... Миранда достаточно тяжело восприняла наш разрыв, – признаюсь я, борясь с подступающей к горлу тошнотой. – Как выяснилось, в прошлом она уже боролась с депрессией, вот только почему-то мне ничего об этом не сказала. А я даже представить себе не мог, потому что Миранда всегда была такой счастливой, легкой на подъем. Но правда всплыла. Из-за таблеток, которые она принимала. Вернее, которые она *перестала* принимать после того, как я бросил ее.

– Вот кошмар, – снова произносит Элли.

– Миранда изменилась до неузнаваемости. Все время плакала, кричала

на меня в коридорах, звонила мне посреди ночи и угрожала самоубийством. У меня не было другого выхода, как рассказать все ее отцу. Я боялся, что она действительно покончит с собой. После этого Фрэнк забрал Миранду из школы, и с тех пор я ее больше не видел.

У Элли отвисает челюсть.

– Ты серьезно?

– Фрэнк все равно бы не позволил. – Ощущение беспомощности, которое я испытывал тогда, возвращается ко мне и сейчас. – Он сказал мне, что Миранда снова начала пить лекарства и получает профессиональную помощь. Да, и что если я когда-нибудь попытаюсь связаться с ней, он вырвет мне глотку. Но я все равно не перестал беспокоиться за нее. Миранда по-прежнему была небезразлична мне, хоть мы и расстались, так что спустя месяц после того, как она покинула школу, я подкараулил тренера на стоянке и потребовал встречи с ней. – В челюсти дергается мускул. – И он ударил меня в лицо.

– Боже мой! Кто-нибудь видел это?

– Нет. Было уже поздно, он возвращался с работы. На стоянке не было ни души. Но вырубил он меня знатно. Именно тогда и выяснилось, что Миранда рассказала ему про секс и что тогда я был в стельку пьян.

– Да уж, как подло! – со злостью говорит Элли.

– Вся история некрасива. Я не должен был поддаваться ей той ночью, это точно. – Горло сжимается от сожаления. – Но она позволила своему отцу считать меня пьяным козлом, который воспользовался его дочерью. И это несправедливо. – Я заставляю себя немного разжать пальцы, с силой вцепившиеся в руль. – Короче говоря, поэтому О’Ши меня на дух не переносит. Он думает, что я просто поигрался с Мирандой: год пытался залезть к ней в трусики, а потом, когда получил то, что хотел, бросил ее.

– И ты до сих пор не знаешь, что с Мирандой? Неужели ни разу не пытался связаться с ней?

– Не так давно я отправил ей запрос в друзья в *Facebook*, – признаюсь я. – Но она пока не добавила меня. На ее страничке написано, что она учится в университете Дьюка.

– Знаешь, наверное, неудивительно, что О’Ши так опекал ее, – задумчиво произносит Элли. – Ему, должно быть, было тяжело смотреть, как собственная дочь страдает от депрессии. А потом, когда ей вроде бы стало лучше, она срывается снова.

Может быть. Но я не собираюсь сочувствовать этому ублюдку, особенно когда он изо всех сил старается испортить мой последний год обучения в Брайаре.

– И теперь я стала лучше тебя понимать, – добавляет Элли.

– С чего это? – Мне не нравится ее внимательный, проникающий в самое сердце взгляд.

– Поэтому ты всегда такой откровенный в сексе, да? Хочешь убедиться, что ты и твоя пассива на одной волне?

– Я не собираюсь снова вводить кого бы то ни было в заблуждение, это точно. Или принимать их согласие за чистую монету. Мне плевать, что кому-то покажусь засранцем, но я никогда никому не вру о своих намерениях. И не встречаюсь с девственницами, – подумав, добавляю я. – Или с первокурсницами, потому что они тоже имеют склонность быть чересчур навязчивыми.

– Оказывается, в жизни Дина все-таки есть правила.

– Без этих правил не было бы жизни Дина.

– Ну, наверное. – Элли умолкает, но тут же произносит: – А с девственницами все не так уж просто. Любая может солгать об этом. Известно, что только из-за езды верхом рвется пятьдесят процентов девственных плев.

Я хохочу.

– Поверь мне, мой радар на девственниц работает без ошибок.

– Ах вот как? И как ты узнал, что я не девственница?

– Гаррет ночует у вас почти каждые выходные, и он не раз слышал вас с Шоном. Сказал мне, что ты любишь покричать.

Элли ахает.

– Он этого *не* говорил.

– Еще как говорил. Смирись, детка, ты и правда очень громко выражаешь свои эмоции. – Я смеюсь над ее изумленным выражением лица. – Это не так уж плохо. Мне нравится.

Я вспоминаю ее гортанные стоны, возгласы «о боже» с придыханием, и у меня сразу же встает.

– Мне *очень* нравится.

– Господи, мне так стыдно, – бормочет она, сильно покраснев.

– Эй, как по мне, так пусть уж лучше женщина будет громкой, а не тихой. Нет ничего хуже тихих оргазмов. Я как-то переспал с одной девушкой, так она во время всего процесса не издала ни звука. Серьезно, я не имел ни малейшего понятия, хорошо ей или нет, а потом, когда все закончилось, она повернулась ко мне и поблагодарила за несколько оргазмов.

Элли присвистывает.

– Врешь.

– Я никогда не вру.

– Ты... слушай, и правда. Я начинаю думать, что еще никогда не встречала настолько честных людей.

– Еще одно требование, чтобы жить жизнью Дина: говори, что думаешь, и думай, что говоришь.

– И делай, что хочешь?

– И делай, что хочешь, – эхом повторяю я.

– По-моему, мне очень нравится жить жизнью Дина.

«По-моему, мне очень нравишься ты», – чуть не брякаю я.

К счастью, мне удастся промолчать, потому что... что за фигня? Мне нравится *трахаться* с ней. С Элли приятно общаться и классно трахаться – вот и все. Она и сама твердо убеждена, что у нас ни к чему не обязывающий роман, так что согласится со мной на все сто процентов.

Но через несколько часов, когда я останавливаю машину перед трехэтажным краснокирпичным особняком в Бруклин-Хайтс, Элли ошеломляет меня:

– Может, придешь завтра к нам на ужин?

Приглашение оказывается настораживающим и совершенно неожиданным.

И настораживающим.

Или я уже говорил это?

Паника, видимо, отражается и на моем лице, потому что Элли торопливо добавляет:

– Я не обижусь, если откажешься. Честно, говори «нет», если хочешь. Просто я представила, как ты будешь праздновать День благодарения в одиночестве, пока вся твоя семья уминает тропическую индейку на Сен-Бартелеми, и это была такая унылая, мрачная картина, что я решила предложить тебе поужинать с нами.

– Что... – я прочищаю горло, – что ты скажешь своему отцу?

Она пожимает плечами.

– Скажу, что ты мой приятель из университета и тебе больше некуда пойти. Не будет ничего такого, обещаю. Вы будете говорить о хоккее, я приготовлю ужин, посмотрим футбол, а потом с вероятностью в сорок процентов заработаем пищевое отравление. Старый добрый День благодарения в семье Хейзов.

Я усмехаюсь.

– Звучит здорово. – Я взвешиваю все «за» и «против». – Хорошо, я согласен. К которому часу мне быть?

– Можешь приехать к четверем, но, скорее всего, мы не сядем за стол

до пяти.

Я киваю.

– Ладно, отлично. – Она печально улыбается. – А теперь помоги мне вытащить чемодан из багажника, а то я сломаю себе спину, если попробую поднять эту громадину сама.

Отец Элли невзлюбил меня с первого взгляда.

Я уверен, что, если бы сказал это Элли, она бы отмахнулась и ответила что-то типа «он просто очень придирчивый» или «ой, он такой со всеми». Но она бы ошиблась.

Джо Хейз проникается ненавистью ко мне с той самой минуты, как открывает дверь и видит на пороге меня. И – уф – я ощущаю себя разряженным болваном. Элли сказала мне одеться «прилично», так что я выбрал белую классическую рубашку от Тома Форда и серые брюки от Армани. Пиджак я надевать не стал, но моя черная куртка от Ральфа Лорена заставляет отца Элли, который одет в спортивные штаны и фланелевую рубашку, нахмуриться.

– Ты и есть тот самый приятель Эй-Джей? – рявкает он.

Я морщу лоб.

– Эй-Джей?

– Моей дочери, Эллисон Джейн? – Мистер Хейз, кажется, сердит из-за того, что ему приходится объяснять мне все это.

– О, э-э-э, да, сэр. Только я знаю ее как Элли.

– Но не знаешь ее прозвища? – Он насмешливо фыркает. – Не такой уж ты и друг, а?

Буркнув мне «входи», он неуклюже разворачивается. Ходьба дается ему с трудом, и он тяжелой походкой идет вперед, опираясь на тонкую трость.

Элли предупредила меня, что у ее отца рассеянный склероз. Еще она посоветовала мне не поднимать эту тему в разговоре, потому что ему не нравится говорить о своей болезни и он оторвет мне голову, если я даже вскользь упомяну о ней. Так что я молчу, но даже мне, человеку, далекому от медицины, видно, что сейчас он страдает от боли.

Я следую за мистером Хейзом через неожиданно просторный первый этаж, где на полу сияет паркет, а деревянные детали и двери, видимо, сохранились с тех времен, когда этот особняк был построен. Элли с отцом занимают два нижних этажа, где, как мне коротко поведали, располагаются четыре спальни и три ванные. Либо их семья купила этот дом до того, как

Бруклин-Хайтс стал элитным, либо профессиональные хоккейные скауты зарабатывают *намного* больше, чем я думал.

Мы заходим в большую гостиную с эркером, который выходит на аккуратный сад и патио.

– Вы увлекаетесь садоводством? – вежливо спрашиваю я.

– За садом ухаживает соседка сверху. – Папа Элли сердито смотрит на меня.

Ну ладно.

– Дин, привет.

Слава богу, в комнате появляется Элли, и я с облегчением смотрю на ее синее платье длиной до колен. Не такое уж нарядное, но вполне милое, чтобы я перестал чувствовать себя так, будто заявился на чаепитие в смокинге.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – спрашивает Элли, быстро обняв меня.

Я смотрю на диван из коричневой кожи, куда медленно опускается мистер Хейз. Он прислоняет трость к подлокотнику, берет бутылку пива с кофейного столика и поднимает ее ко рту. Его рука сильно дрожит. Заметив, что я пялюсь на него, папа Элли снова сердито хмурится.

– Э-э-э... – я поспешно сглатываю. – Пиво подойдет.

– «Корс» или «Бад»?

– «Бад».

Элли кивает.

– Сейчас принесу.

И я снова оказываюсь наедине с мрачным мистером Хейзом, чьи голубые глаза сейчас прикованы к плоскому экрану телевизора, по которому транслируют игру «Лайонс»^[14]. Он ниже меня сантиметров на двенадцать, легче килограммов на четырнадцать и все равно пугает меня до чертиков. Наверное, он был силовым игроком: коренастый, с широкой грудью. И угрюмый.

– Чего ты ждешь, красавчик? Сядь уже.

Красавчик?

Проклятье. И зачем я так выпендрился? Отец Элли лишь взглянул на мои дорогие шмотки и, наверное, сразу же решил, что я богатенький засранец.

С большой неохотой я усаживаюсь на противоположный край дивана.

Мистер Хейз бросает на меня быстрый взгляд.

– Эй-Джей сказала, что ты играешь в хоккей.

– Да, сэр.

- Нападающий?
- Защитник.
- И какая у тебя статистика в текущем сезоне?

Я молчу, не зная, что ответить. Стоп, он ждет, что я назову ему точные цифры? Сколько на моем счету голов, голевых передач и штрафных минут? Я могу сказать только приблизительно, а знать свою собственную статистику наизусть кажется мне чересчур пафосным.

– Вполне неплохая, – туманно отвечаю я. – Начало сезона у нас задалось. Хотя в прошлом году мы выиграли в «Морозной четверке».

Он кивает.

- Тоже выигрывал его на третьем курсе. В Бостонском университете.
- Здорово. В смысле поздравляю.

Лицо мистера Хейза совершенно ничего не выражает, и я не уверен, что сейчас происходит: мы меряемся достижениями? Если так, то, может, мне стоит упомянуть, что я выигрывал там и в позапрошлом году? Но я сижу молча. К счастью, в гостиную возвращается Элли с моим пивом, к которому я тянусь как к спасательному кругу.

– Спасибо, детка.

Мы застываем в ту же секунду, как это выражение слетает с моего языка. Вот незадача. Надеюсь, мистер Хейз ничего не слышал.

Он сидит совсем рядом. Естественно, он все слышал.

Я откручиваю крышку и делаю давно желанный глоток.

– Ну, что я пропустила? – спрашивает Элли чересчур веселым голосом.

– Вон тот красавчик только что рассказывал мне, как выиграл кубок «Морозной четверки», – насмешливо произносит ее отец.

Черт побери.

Это будет длинный День благодарения.

* * *

Ужин просто ужасен. Нет, я говорю не про еду: для человека, который заявляет, что не умеет готовить, Элли справилась великолепно. А вот сам процесс поглощения пищи кажется мне невыносимо мучительным. Разговор не клеится. Мистер Хейз, кажется, изо всех сил старается задеть меня. Его коронная фраза этого вечера – «ну конечно». Только он произносит ее безразлично-снисходительным тоном, отчего мне хочется отпраздновать День благодарения в нашем пустом доме в Гастингсе.

Когда Элли говорит отцу, что в следующем году я буду учиться в

юридической школе, он произносит: «Ну конечно».

Когда она рассказывает, что у моей семьи дом на Манхэттене, он произносит: «Ну конечно».

Когда я благодарю его за приглашение на ужин, он произносит: «Ну конечно».

Это просто ужасно.

Честно, я изо всех сил стараюсь быть вежливым. Я спрашиваю его, что значит быть профессиональным скаутом, и получаю лишь невнятный ответ длиной в одно предложение. Я хвалю его дом, на что он бухтит только «спасибо».

В конце концов я сдаюсь, зато Элли с большим удовольствием заполняет неловкую тишину. Мистер Хейз, кажется, возвращается к жизни, только когда она начинает рассказывать ему про свою пьесу, занятия, предстоящие прослушивания и прочие новости. Заметно, что он безумно любит свою дочь, потому что с таким вниманием слушает каждое ее слово, как будто Элли делится с ним секретами вечной жизни. Но один раз он бросает сердитый взгляд и на нее: когда мистер Хейз спрашивает, поддерживает ли она контакты с Шоном, и Элли признается, что они вместе пили кофе.

– Этот мальчишка никогда мне не нравился, – бурчит мистер Хейз.

Ну хоть в чем-то мы с ним единоклубны.

Элли доедает свою порцию картофельного пюре с соусом и, прожевав, возражает.

– Неправда! Вы всегда отлично общались, когда мы приезжали навестить тебя.

Ее отец усмехается. Вы только посмотрите, у него есть чувство юмора. Никогда бы не подумал.

– Он был твоим парнем. У меня не оставалось другого выбора, как только найти с ним общий язык. Теперь, когда вы расстались, мне больше не нужно притворяться, что он мне нравился.

Я прикрываю рот салфеткой, пряча улыбку.

– Мальчишка был целиком зависим от тебя, – продолжает мистер Хейз. – И мне не нравилось, как он смотрел на тебя.

– И как он смотрел на меня? – осторожно спрашивает Элли.

– Как будто ты для него целый мир.

Она хмурится.

– Разве это плохо?

– Невозможно плохо. Нельзя боготворить кого-то до такой степени. Это нездорово, Эй-Джей. Если вся твоя жизнь вращается вокруг чего-то –

кого-то – одного, то с чем ты останешься, когда этот кто-то уйдет из твоей жизни? Абсолютно ни с чем. – И он снова угрюмо повторяет: – Это нездорово.

Джо Хейз очень приземленно смотрит на вещи. Как это ни странно, но я впечатлен.

– Знаешь, ты только что заставил меня сочувствовать Шону. Давайте поменяем тему. Дин, расскажи папе о своей последней игре.

Я уныло вздыхаю.

– Ты серьезно? О той, где меня удалили до конца матча?

Ее отец выдает свое фирменное «Ну конечно».

Разговор опять получается нескладным. Я испытываю настоящее облегчение, когда приходит время убирать со стола, и рьяно принимаюсь помогать Элли собирать посуду. У нас осталась половина индейки, и мистер Хейз, пошатываясь, поднимается и тянется за блюдом.

– Нет, папа, – строгим голосом говорит Элли. – Иди досматривай матч. Мы с Дином сами все уберем.

– Я не инвалид, Эй-Джей, – ворчит он. – И прекрасно могу донести одно блюдо до кухни.

Но стоит ему произнести эти слова, как тарелка начинает вихлять в его руке, или, скорее, его рука дергается, а за ней и блюдо, которое в мгновение ока выскальзывает из его пальцев и падает на паркет.

Фарфор разбивается на части, а жирная индейка скользит по полу. Я тут же ставлю собранные тарелки и торопливо оббегаю стол. Элли делает то же самое, и мы сталкиваемся лбами, когда наклоняемся за одним и тем же осколком.

– Проклятье! – ругается мистер Хейз. – Я все уберу.

– Нет. – В голосе Элли сейчас уже нет строгости, он звучит по-командирски. Она выхватывает у меня осколок и говорит: – Дин, ты не мог бы отвести папу в гостиную и проследить, чтобы он там и оставался?

Ее отец смотрит на меня убийственным взглядом, от которого сжимаются яички, но что-то мне не хочется перечить сейчас разъяренной Элли. Сдержав вздох, я осторожно сжимаю руку Джо и вывожу его из маленькой столовой.

Мрачное выражение не исчезает с его лица, даже когда он усаживается на диван.

– Я бы мог и сам все убрать, – сообщает он мне.

– Знаю. – Я пожимаю плечами. – Но, по-моему, мы правильно сделали, что ушли оттуда. Для такой малышки невероятно, но ваша дочь вселяет страх, когда пытается добиться своего.

Уголки его губ едва заметно приподнимаются. Силы небесные, я что, почти заставил его улыбнуться?

Но его лицо в мгновение ока опять становится непроницаемым. Понизив голос до тихого шепота, мистер Хейз спрашивает:

– Чего ты хочешь от Эй-Джей?

Я неловко ерзаю на месте.

– Не понял вопроса.

– Я вижу, как *ты* смотришь на нее. – В его челюсти начинает дергаться мускул, но я не пойму, то ли от гнева, то ли из-за болезни. – Она тебе нравится.

– Конечно, нравится, – смущенно отвечаю я. – Мы же друзья.

– Не вешай мне лапшу на уши. Я пожил на свете побольше тебя, красавчик. Думаешь, не вижу, когда парень охвачен страстью?

А я-то думал, что наш разговор за ужином был неприятным.

– Я все понимаю. Она умная, красивая, как и ее мама. И заботливая – порой даже чересчур, – признается он. – Если она любит тебя, то будет ставить твои интересы превыше собственных.

И я понимаю, что сейчас он говорит о своих нынешних отношениях с Элли. Это же очевидно, что из-за его болезни она ставит его на первое место и нянчится с ним больше, чем ему хотелось бы.

– Эй-Джей нужен мужчина, который позаботится о *ней самой*. – На секунду тон его голоса смягчается, но потом опять становится резким. – И ты не такой мужчина, парень. Ты на это неспособен.

От такого оскорбления кожу начинает покалывать. Да кто он такой, чтобы судить обо мне?

Заметив, как я хмурюсь, мистер Хейз усмехается.

– Я проработал хоккейным скаутом больше двадцати лет и за это время посмотрелся на самоуверенных сукиных сынов вроде тебя. А ты еще и поборзее их будешь, потому что вырос в деньгах. В тебе уже есть это дерзкое ощущение собственной важности, которое появляется у игрока, подписавшего свой первый контракт с семьей цифрами.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не сжать ладони в кулаки.

– То, что у меня богатая семья, еще не значит, что я плохой человек, сэр.

– Я этого и не говорил. – Он пожимает плечами. – Но такие, как ты, ничегошеньки не знают о реальном мире. Если что-то идет не так, вы отстегиваете немного денег – и пуф, проблема решена.

Его голубые глаза, чуть темнее, чем глаза Элли, осматривают меня с головы до ног.

– Ты не тот, кто ей нужен, Дин. Случись что, ты не сможешь быть ей опорой. – После короткой паузы мистер Хейз продолжает. – Я не верю, что ты в силах позаботиться о моей дочери.

На этой нелюбезной ноте он отворачивается и продолжает смотреть футбол.

Элли звонит мне на следующий день около полудня.

– Привет, я в такси. Буду минут через пятнадцать-двадцать, все зависит от количества машин на дорогах.

Я только что вышел из душа и в одном полотенце подхожу к панорамным окнам моей спальни, прижимая телефон плечом.

– А почему на подземке не поехала? Было бы быстрее.

– Мне захотелось поехать на удобном заднем сиденье такси, а не на твердом пластике в метро.

– Справедливо.

Я рассеянно захожу в гардеробную и достаю с полки спортивные штаны.

– Просто назови консьержу свое имя, и кто-нибудь проводит тебя наверх. Чтобы подняться в пентхаус, нужен специальный ключ.

Элли вздыхает.

– Ты живешь в пентхаусе отеля «Хейворд-Плаза»?

– Угу. – Я бросаю полотенце на отполированный паркет. – Как думаешь, твой отец станет ненавидеть меня меньше или, наоборот, еще больше?

Ее смех щекочет мое ухо.

– Ой, заткнись! Он не ненавидит тебя.

Ну да, конечно. Она бы заговорила по-другому, если бы слышала, сколько паршивых слов он наговорил мне вчерашним вечером.

«Я не верю, что ты в силах позаботиться о моей дочери».

Проклятье. Хотя мистер Хейз и болеет рассеянным склерозом, но умеет уколоть так, что будет саднить еще несколько дней.

Я выбрасываю из головы тот раздражающий разговор и прощаюсь с Элли:

– Скоро увидимся.

Затем я хожу по своей комнате, подбирая разные предметы одежды.

Сегодня утром уборщики уже навели здесь порядок – они приходят дважды в неделю, ровно по часам, и неважно, остановился кто-нибудь в пентхаусе или нет. Но у меня есть загадочное свойство превращать все в

хаос, даже если пробыл в этом месте всего какую-то пару часов. Наша экономка Вера называет меня стихийным бедствием.

Спустя двадцать минут мне звонят со стойки регистрации, чтобы сообщить, что прибыла моя гостья. Я иду к лифту, который открывается прямо в гостиную.

Сюда ко мне приходили только друзья из частной школы, но они жили в таких же... богатых домах, так что никто из них ничему не удивлялся.

Элли же в полном шоке.

Стоит ей выйти из лифта, как ее челюсть оказывается на мраморном полу, а брови взлетают выше чем наш четырехметровый потолок.

– Святые угодники, – выдыхает она. Ее взгляд скользит по холлу, гостиной и выходящей на север террасе, а потом останавливается на мне. – Так, ладно. Я *требую* экскурсию.

Скромно улыбнувшись, я предупреждаю ее:

– Экскурсия будет долгой.

– Плевать, даже если она займет пять часов. Я хочу увидеть каждый сантиметр этого дворца, ваше величество.

Показывая Элли пентхаус, я вдруг осознаю, что смотрю на него ее глазами. Куда бы мы ни заходили, она охает, ахает и восхищенно ругается: библиотека, отделанная панелями из ореха, современная гигантская кухня, спортзал, винное хранилище... Ладно, признаю, это место *немного* навороченное.

– А где спальни? – Элли выглядит растерянной, когда мы возвращаемся обратно в гостиную и останавливаемся у сделанной вручную полки огромного камина.

– О, это был только первый этаж, – робко отвечаю я.

– Здесь два этажа?

– Три, – бормочу я.

– *Три* этажа? – Элли смотрит на меня так, словно я только что спустился с инопланетного корабля. – Мне кажется, я хочу тебя побить.

– Я бы и сам себя побил.

Мне совсем не нравится это неожиданно охватившее меня ощущение неловкости. Вернее, мне не нравится чувствовать себя самым избалованным придурком в мире.

В голове вдруг начинает звенеть голос отца Элли. Пренебрежительный и холодный, он язвительно произносит вчерашние слова о том, что я ничего не знаю «о реальном мире».

Проклятье. Почему я позволяю этому человеку залезать мне в душу? Ну и что, что я родился в богатой семье? Я все равно знаю, что такое

борьба и жизненные невзгоды... Блин, да кого я обманываю? Жизнь Дина – это легкая, беззаботная жизнь. Так было всегда. Но я все равно в состоянии сопереживать тем, кому в жизни повезло меньше, чем мне. И я могу «быть опорой» тем, кто, черт подери, нуждается во мне.

Мы с Элли поднимаемся по широкой мраморной лестнице на второй этаж, и по дороге она останавливается полюбоваться одной из маминых любимых абстрактных картин. Несмотря на роскошную обстановку, мои родители не переборщили с декором. Дизайн пентхауса современный, сдержанный, а большинство картин, висящих на стене, почти ничего не стоят. Маме нравится поддерживать местные таланты.

– А где твоя комната? На втором этаже? – спрашивает Элли.

Я качаю головой.

– Вот здесь главная спальня. – Я показываю налево. – Там гостевые комнаты. – Я показываю направо. – Хочешь посмотреть или мы можем пропустить этот этаж?

– Давай пропустим. – Элли снова устремляется вверх по лестнице.

Я веду ее в свою спальню. Она приходит в восторг от каждой детали этой огромной комнаты, от сделанной на заказ дубовой кровати до встроенных книжных полок и стены из блестящих окон.

– У тебя нет штор? – Элли, похоже, озадачена.

– Они автоматические. Управляются при помощи пульта.

– Ух ты.

Она ходит по комнате, исследуя разные мелочи, и солнечный свет, заполнивший комнату, играет в ее светлых волосах, распущенных по плечам. Элли читает названия на корешках книг, а потом разворачивается ко мне.

– Давай признавайся.

– В чем?

Она с упрёком тычет в меня пальцем.

– В том, что ты умный.

Я громко фыркаю.

– Конечно, я умный.

– Но ты ведешь себя совершенно иначе. – Элли скрещивает руки поверх свободного полосатого свитера. – А если честно, у меня такое ощущение, что ты специально заставляешь всех думать, что глупый: все эти твои «куколки», ругательства, то, как ты иногда проглатываешь звуки.

Я широко улыбаюсь ей.

– Не, просто я, блин, так говорю, куколка. Не вижу в этом ничего плохого.

Глаза Элли весело поблескивают.

– Ясно. А почему никогда не говоришь про юридическую школу?

– Какой смысл? Я же еще не учусь там.

Я сажусь на край кровати, которую успел заправить как раз перед ее приходом.

– Но разве ты не рад, что будешь там учиться? – продолжает допытываться Элли.

– Эх, если честно, не особо. – Она хмурится, и я тихо усмехаюсь. – Но уверен, что буду очень рад, когда окажусь там. Я живу настоящим, не забыла?

Я хлопаю по покрывалу, а потом маню Элли пальцем.

– Давай иди уже скорее сюда.

– Назови мне хотя бы одну стоящую причину, зачем.

Я обхватываю рукой свою промежность.

– Дин-младший страдает, оттого что на него не обращают внимания.

Рассмеявшись, Элли садится верхом мне на колени и обхватывает меня за шею. Ее рот почти рядом с моим.

– Бедняжка. Он хочет, чтобы его порадовали?

– Очень-очень хочет, – шепчу я.

Наши губы встречаются в поцелуе, и в это же мгновение я засовываю руки под ее кофту. Ее голые груди наполняют мои ладони, вызывая хриплый стон. Как же мне нравится, когда она не надевает лифчик. Так я могу всего лишь поднять ее свитер и взять в рот один из сосков.

– О-о-о, – стонет Элли. – Вот так хорошо.

– И будет еще лучше, детка.

Моя рука проскальзывает между наших тел, и я обхватываю ее ладонью поверх легинсов.

– Нам надо срочно избавиться от одежды.

Элли бросает взгляд в сторону окон.

– Может, нам лучше закрыть шторы? Где пульт?

Но я занят ее сладким соском, лаская языком затвердевший бутон.

– Дин, – настаивает Элли. – Мы как в стеклянной коробке! А что если кто-то из соседних зданий наблюдает за нами через телескоп?

– Тогда они увидят обалденно классное шоу.

Я щипаю ее за соски, и наградой мне служит гортанный стон.

У Элли исчезают все сомнения, как только я опускаю ее на матрас и начинаю снимать с нее одежду. Она стягивает с меня штаны, и я откидываю их в сторону. И вот мы, полностью голые, целуемся и катаемся по моей огромной кровати, пока в легких не заканчивается кислород.

– Давай оставим прелюдии на потом? – шепчу я ей в шею, а потом принимаюсь снова ласкать языком ее грудь.

– М-м-м-хм. Войди уже в меня, – шепчет Элли в ответ.

Я надеваю презерватив и пристраиваюсь к ее мокренькой киске, благодаря Бога и святых, которые могут услышать мои слова признательности, за то, что Элли возбуждена не меньше, чем я. Нашей сексуальной совместимости можно только позавидовать. Мы оба шипим от удовольствия, когда я проскальзываю домой. *Домой?* Я замираю.

– Не останавливайся.

От хриплого командного голоса Элли у меня сжимаются яйца. У меня выработался рефлекс Павлова на все звуки, что она издает. От ее протяжных вздохов и хриплых стонов у меня встает если не на полную, то наполовину точно. Я сразу же улыбаюсь, услышав ее счастливый смех. Все... по-другому.

Элли нетерпеливо хлопает меня по плечу.

– Нужны инструкции? Дин-младший застрял где-то на полпути.

Усмехнувшись в ее роскошную грудь, я проталкиваюсь домой. Ну вот. Я это сказал. *Домой.* Господи, да это всего лишь секс. Не нужно накручивать себя. Особенно с Элли. Она хочет, чтобы я вошел в нее по самые яйца и отымел до потери сознания. Я хочу того же самого.

– Он уже весь в тебе, детка. Такой твердый и так глубоко в тебе, что ты еще долго будешь ощущать его внутри себя.

Я с силой двигаю бедрами, и Элли скользит вверх по кровати. Закинув руки на мягкое изголовье, она призывно смотрит на меня из-под полуопущенных век.

Да, эта девчонка сводит меня с ума. И я в долгу не останусь.

Ее киска сжимается вокруг меня. Я изо всех сил стараюсь не кончить от этих возбуждающих ощущений, пока еще рано. Мне хочется увидеть, как закатятся изумительные глаза Элли, как приоткроется ее рот, а на лице появится самозабвенное выражение, потому что в ее сознании в этот момент есть только я и то, чем мы занимаемся.

Я убираю ее волосы назад, запутываясь пальцами в густых прядях, и притягиваю ее к себе для жадного поцелуя. Элли всасывает мой язык в свой рот, и он повторяет движения моего члена.

Мы вспотели, наши скользкие тела двигаются в едином ритме, от которого у меня кружится голова.

– Я на седьмом небе. Это как сказочный сон, – стиснув зубы, говорю я ей. Сил держаться почти не осталось.

– Да. Вот так. Ходи во мне вот так, – кричит Элли, впиваясь ногтями в

мои плечи.

Упираясь локтями рядом с ее головой и вдавливая колени в матрас, я даю ей все, что могу отдать. Мои размеренные, мощные движения погружают ее в состояние упоительного наслаждения, и вот она уже дрожит и блаженно кричит в пустоту комнат пентхауса.

Элли еще бьет дрожь, когда я переворачиваю ее на живот и беру сзади. Мои яйца шлепаются о ее бедра, и от того, как в этой позе становится тесно в ее киске, у меня чуть не выступают слезы счастья. Комнату наполняют ее эротичные звуки, вскрики «Дин!», «боже мой!» и «да», превращаясь в странное подобие песни. Ее стоны – это мелодия, нашидвигающиеся тела – сексуальный бит, а биение наших сердец – микс из всего этого. Мое сознание затуманивается. Все мои ощущения вызваны лишь Элли: ее звуками, ее ароматом, ее прикосновениями. *Ею.*

И мне плевать, видят ли мою голую задницу в телескоп. Пусть смотрят, как мне нравится быть внутри этой девчонки.

* * *

Весь день мы проводим в постели. И не только в постели. Мы занимаемся сексом в моем просторном душе, под струями четырех леек и многочисленных форсунок.

Я довожу ее до оргазма языком на кухне, где она распласталась на мраморной столешнице.

Она делает мне минет в игровой.

Мы пробуем позу «шестьдесят девять» в сауне.

Я уже говорил, что это лучший день в моей жизни?

К девяти часам мои силы исчерпаны. Я как выжатый лимон. В моем теле не осталось ни капли спермы. Элли Хейз осушила меня.

– Ты сексуальная маньячка, – ворчу я, когда чувствую ее руку на своем бедре.

Мы только что доели наш ужин: бургеры и картошку фри, доставленный нам в номер, а потом – прямиком в кровать и лежим на моих огромных простынях, восстанавливая силы после напряженного секс-марафона. У меня такого давно не было. Вернее, никогда.

– Ничего не могу с собой поделать, – отвечает Элли и садится.

У меня перехватывает дыхание от того, как она прекрасна: покрасневшие щеки, взлохмаченные волосы, затуманенный взгляд.

– Жизнь Дина меня безумно заводит.

Звонит мой телефон, и я издаю стон облегчения.

– О, слава богу! Кто бы там ни был, надеюсь, он спасет меня от тебя и сломанного члена.

Моим спасителем оказывается Бо, я поднимаю трубку и отвечаю на звонок, как обычно отвечаю только ему.

– Максвелл, как жизнь?

– Отлично, – жизнерадостно отвечает Бо. – Как насчет продолжить в том же духе на танцполе?

– Хм, ты предлагаешь мне пойти с тобой на танцы? – Помолчав, я спрашиваю: – Разве ты сейчас не должен быть в Висконсине, у своей бабушки?

– Бабуля забила на нас – укатила в какой-то круиз для пенсионеров вместо того, чтобы провести праздники со своей семьей. Ну вот как она могла так поступить с нами? Старая *карга*. – Бо фыркает от смеха, давая понять, что последняя фраза была шуткой. Ну а если нет, то сочувствую его бабушке. – Мы с Джоанной и родителями в городе. Давай встретимся.

– А откуда ты знаешь, что я тоже в городе? – с подозрением спрашиваю я.

У меня бостонский номер мобильного, к тому же я никому не говорил, что собираюсь на Манхэттен, так что с чего он подумал, будто я здесь?

– У меня есть приложение поиска друзей. Показывает, где находятся все твои друзья.

Круто, ничего не скажешь. Один из моих лучших приятелей следит за мной.

– Мы собираемся в клуб в Сохо. Ты с нами?

– Повиси секунду.

Я закрываю трубку рукой и смотрю на Элли.

– Как насчет того, чтобы немного развеяться? Бо и его сестра сейчас в городе и собираются пойти в ночной клуб.

Она в нерешительности хмурит лоб.

– Бо – это тот самый квотербек Брайара?

Я точно знаю, о чем она сейчас думает, и спешу развеять ее опасения.

– Он ничего не скажет, если увидит нас вместе. Честно. Максвелл знает, когда нужно держать рот на замке.

После нескольких секунд раздумий Элли наконец с легкой улыбкой кивает.

– Сто лет не была в клубе.

Я убираю руку от телефона.

– Мы с вами.

– Мы?

– Я буду не один.

– Хорошо. Встречаемся там через час?

– Договорились.

Повесив трубку, я вижу несчастное лицо Элли.

– Что случилось?

– Я не взяла никакой подходящей для клуба одежды. – Она кусает нижнюю губу. – Мы сможем заехать ко мне в Бруклин, чтобы я переделалась, или с этим возникнет много хлопот?

– Не нужно куда заезжать, – поднимая ее с кровати, говорю я. – Ты можешь взять что-нибудь из шмоток моей сестры. У вас с Саммер должен быть одинаковый размер.

– Ты уверен, что она не будет против? – с тревогой спрашивает Элли, когда я веду ее по коридору в комнату сестры. – Некоторые девушки очень ревностно относятся к своим вещам.

– Поверь мне, ей все равно.

Когда мы заходим в гардеробную Саммер, на лице Элли появляется выражение шока, потому что это огромная комната, по размеру почти не уступающая площади особняка Хейзов.

– И это ее *шкаф*? – восклицает Элли.

Сделав шаг вперед, она взвизгивает.

– О боже! У нее целая *стена* заставлена обувью! Теперь мне хочется побить твою сестру.

Я усмехаюсь.

– Лучше не надо. Саммер живет по дворовым правилам. Она выцарапает тебе глаза и вырвет волосы.

Элли рассматривает очередной стеллаж, переполненный одеждой.

– Если я посмотрю на бирки, то увижу слова типа «Прада», «Корс» и «Лагерфельд»?

– Ага.

– Тогда, пожалуйста, покажи мне, где твоя сестра хранит вещи подешевле, чтобы она не убила меня, если я случайно пролью что-нибудь на ее любимое платье от Версаче.

– Детка, еще раз прошу поверить мне – ей действительно все равно. Она даже не заметит, что ты что-то взяла. Саммер уехала в Браун и думать забыла про все эти шмотки, – напоминаю я Элли. – Плюс ко всему у нее есть еще полный шкаф в Коннектикуте. Просто выбери, что нравится, и все.

– Ну ладно. Наверное, у меня больше не будет шанса надеть платье от

Валентино. По крайней мере, до тех пор, пока они не сошьют мне эксклюзивный наряд для «Оскара»... – на этих словах я начинаю смеяться. – Выберу это.

Элли достает маленькое черное платье из кружева с глубоким вырезом, а потом смотрит на полки с обувью.

– И возьму пару... о-о-о, это Джимми Чу?

– Так, мне пора, – объявляю я. – Возвращайся, когда будешь готова.

Я оставляю Элли дальше восторгаться шкафом Саммер и ухожу в свою комнату, чтобы одеться самому, что занимает у меня пять минут. Натянув серый свитер и те брюки, что надевал вчера на ужин к Хейзам, я устраиваюсь на кровати и смотрю видео с *YouTube* на своем телефоне, коротая время в ожидании Элли. Минут через двадцать она появляется в моей комнате расплывчатым черным пятном от кутюр и, достав из своей сумочки маленькую косметичку, скрывается в ванной.

– Эй! – кричит она через несколько минут, высунув голову из двери. – Мне только что написала моя подруга Диллон. Она приехала вчера вечером и хочет встретиться. Ее парень тоже здесь. Я могу позвать их с нами?

– Конечно, давай.

Мой телефон начинает жужжать, и я закрываю *YouTube*, чтобы открыть новое сообщение.

Логан: Только что нашел для тебя в Бостоне идеальный подарок на Рождество.

Тут же выскакивает фотография, вызывая у меня громкий стон. Придурик прислал мне фотку подарочного дилдо в стиле «Мой маленький пони» – ярко-розовой хреновины с разноцветными блестками на ручке.

Логан: И он работает от зарядки! Тебе больше не нужно будет покупать батарейки. ТАКОЙ удобный!

Я: Ха-ха-ха, как смешно. Ты = клоун.

Потом я пишу Грейс.

Я: Скажи своему парню, чтобы он перестал издеваться надо мной.

В ответ она присылает улыбающийся смайлик. Предательница.

– Я готова.

Я поднимаю голову и... клянусь, забываю, как дышать. Элли следует задуматься, может, ей стоит бросить актерскую карьеру и стать художником-гримером – она способна полностью преобразить свое лицо. Когда я только привык к ее образу соседской девчонки, с минимумом косметики и блеском для губ, она вдруг появилась в «Малоун» с густо подведенными глазами и кроваво-красными пухлыми губами, ожившей эротической мечтой любого мужчины.

Сегодня она соединила эти два образа и создала новый – естественность с легкой примесью гламура. Помада натурального цвета, блестящие золотые тени и тушь, из-за которой ее ресницы кажутся невообразимо длинными.

– Как я выгляжу? – Элли упирается рукой в бедро и встает в соблазнительную позу.

– Невероятно сексуально.

Я соскакиваю с кровати, приближаюсь к ней и, притянув к себе, наклоняюсь, чтобы быстро поцеловать ее. В нос ударяет аромат ее духов. Я делаю глубокий вдох, пытаюсь разгадать этот запах. Клубника? Манго? Розы? Не знаю, что в нем, но он действует на меня как магнит.

– Что такое?

Я с удивлением вижу, как она хмурится, глядя на меня.

– В смысле?

Она хмурится еще сильнее.

– Ты как-то странно на меня смотрел.

Да? А я даже не понял этого.

– Прости, наверное, просто задумался.

Я улыбаюсь беззаботной улыбкой, изо всех сил стараясь не обращать внимания на охвативший меня непонятный трепет.

И на забавные мурашки, пробежавшие вдоль позвоночника.

И на то, как в груди стало одновременно и тесно, и легко, что озадачивает меня не меньше, чем таинственный запах Элли.

Сглотнув, я заставляю себя забыть об этом парадоксе и выхожу из комнаты вслед за ее сексуальной попой.

Я очень нервничаю из-за того, как отреагирует Бо Максвелл на то, что мы с Дином появимся вместе, но, как оказалось, напрасно. Бо даже бровью не ведет, когда Дин представляет меня как лучшую подругу девушки Джи. Может, его смутила такая длинная фраза? Как бы то ни было, он, кажется, просто рад уже тому, что мы смогли выбраться в клуб.

Сестра Бо Джоанна тоже очень рада нашему появлению и тут же принимается обнимать Дина.

– Ди Лаурентис! Слава богу, вы пришли! Ты даже представить себе не можешь, как близко я была к убийству своего идиота братца!

– Не, ты не стала бы меня убивать, – широко улыбается Бо. – Ты любишь своего младшего брата и знаешь это.

Джоанна показывает ему средний палец, но тоже улыбается. Она такая же красивая, как и Бо: высокая, статная, с сияющими голубыми глазами и темными волосами, уложенными в короткий боб. Дин рассказал мне, что сейчас она играет небольшую роль в одном из бродвейских мюзиклов, и это первое, о чем я спрашиваю ее, когда мы входим в клуб, миновав очередь. В прямом смысле слова, потому что Дину достаточно было сказать что-то на ухо вышибале, и бархатный канат волшебным образом поднимается перед нами.

Внутри нас слепит свет стробоскопов и оглушает музыка. Нам с Джоанной приходится орать, чтобы продолжить разговор. Бо и Дина, шедших перед нами, тут же проглатывает оголтелая толпа.

– Мы потеряли мальчиков, – кричу я на ухо Джоанне.

Она качает головой и показывает на спиральную лестницу слева от нас. Парни поднимаются по ступенькам. Дин оглядывается через плечо, находит нас в толпе и жестом показывает следовать за ними.

Оказывается, что эта лестница ведет в ВИП-зону. Мы поднимаемся как раз в тот момент, когда Дин обращается к здоровенному вышибале у ограждения.

– Дин Хейворд, – кричит он. – Тони меня знает.

Вышибала касается крошечного блютус-устройства в своем ухе. Его губы шевелятся, но я не могу разобрать слов. Секунду спустя наша

компания проходит через очередной бархатный канат.

К счастью, здесь музыка играет тише, и мне больше не нужно кричать как банши.

– Дин Хейворд? – насмешливо спрашиваю я. – Вторая часть фамилии нам больше не нужна?

Дин обнимает меня одной рукой, и пряный запах его лосьона после бритья опьяняет и вызывает мурашки.

– Ди Лаурентис лучше срабатывает в загородных клубах и на благотворительных мероприятиях. Фамилия Хейворд открывает двери по большей части на Манхэттене.

И я могу лично в этом убедиться. Нас не только пустили в VIP-ложу, но и дали большой столик у кованых перил, откуда открывается вид на танцпол. Я вытаскиваю телефон, чтобы проверить, писала ли мне Диллон. Так и есть, они с ее парнем скоро приедут. Я отвечаю ей, чтобы они сразу же поднимались наверх, а потом вслушиваюсь в разговор возле меня.

Джоанна дразнит своего брата из-за девушки по имени Сабрина, но он настаивает на том, что они расстались, и это, похоже, немного огорчает его сестру.

– Какой же ты дурачок. Seriously, Бо-Бо, тебе нужен кто-то типа нее, чтобы держать тебя в узде.

Дин по-прежнему обнимает меня рукой, поэтому я не могу не чувствовать, как он напрягается. Я смотрю на его неподвижное лицо и легонько сжимаю его бедро.

– Ты в порядке?

– О, не обращай на него внимания, милая, – усмехнувшись, говорит Бо. – Когда речь заходит о Сабрине, он всегда такой. По-моему, он все еще не может прийти в себя из-за того, что она отшила его сразу же, как они перепихнулись.

Меня не удивляет, что Дин переспал с этой девушкой, кем бы она ни была. Удивительно другое – я не испытываю ни капли ревности.

То же самое было и во время дороги. Разговоры Дина о «тихих оргазмах», о его бывших любовницах ничуть не расстраивали меня, не было ничего похожего на то, что я испытала, когда увидела их с Пенелопой в «Малоун». Но в этот раз я не чувствовала никакой угрозы. Наверное, потому что все они были для него воспоминаниями, а не теньями настоящего, которые в любой момент могли вмешаться в наши отношения. Не уверена насчет причины, но мне нравится это странное и неожиданное доверие, которое я к нему испытываю.

Дин закатывает глаза в ответ на поддевку Бо.

– Поверь мне, я только счастлив, что меня отшили.

Я жду, когда он расскажет подробности. Но Дин молчит, что сильнее распаляет мое любопытство, и, пихнув его локтем в бок, я говорю:

– Выкладывай, милый. Хочу знать все об этой кровавой вражде.

Ханна не даст соврать, я очень люблю везде совать свой нос.

– Я тоже, – оставив шутки, поддерживает меня Бо.

Дин отмахивается от нас.

– Просто одна глупость, которую я совершил на втором курсе. Ничего особенного.

– Ну да, и именно поэтому даже спустя два года это по-прежнему тебя напрягает.

Он морщится и неохотно рассказывает.

– Если совсем кратко, то у меня были проблемы по одному предмету, но каждый раз, когда я думал, что завалю тест или напишу паршивую работу, мне все равно ставили А. Будучи круглым идиотом, я никак не связывал сей факт с тем, что сношаюсь с ассистенткой кафедры.

Бо фыркает от смеха.

– Какая милота.

Я вздыхаю.

– Ну ты даешь!

– Знаю, я вел себя по-дурацки, – с сожалением говорит Дин. – Короче, нас с Сабриной объединили в пару для последнего проекта. Каждый из нас делал половину, и оценки нам выставлялись по отдельности. Моя часть тянула максимум на С, и мы оба это знали, но только когда нам объявили оценки, то у меня была А, а Сабрина получила В-. – Он стискивает челюсти. – Она пришла в ярость. Пошла к профессору и пожаловалась. В итоге он перечитал каждую мою работу и проверил каждый мой тест – оценки везде были поставлены той самой ассистенткой, с которой я спал. То есть фактически я должен был завалить предмет, но числился отличником.

В голосе Дина столько отвращения к самому себе, что я испуганно отшатываюсь. До нашей близости я считала, что ему все дается легко благодаря его внешности и деньгам. И эта история только подтвердила мое предположение. Но злость в его голосе открыла мне кое-что другое: он *не хочет* никаких поблажек.

– Я не мог смириться с этим, – признается он, подкрепляя мои подозрения. – Я попросил профессора поставить мне F и был даже готов пересдать этот предмет летом. Но сукин сын не стал валить меня.

– Почему? – спрашивает Джоанна, одновременно возмущенно и

растерянно.

– Он знал моего отца, – бурчит Дин. – Они вместе учились в юридической школе, и он сказал, что найдет другой способ, как сделать одолжение моему отцу. Я отказался. Мы немного поспорили, и в конце концов профессор согласился снизить мне итоговую оценку до В-. Видите ли, это «все, что он мог сделать».

Дин сидит мрачнее тучи.

– Я должен был завалить этот гребаный предмет, но имя Ди Лаурентис позволило мне успешно его сдать, и Сабрина никак не дает забыть об этом. Она думает, что я богатенький придурок, который получает все, что захочет. – В его голосе снова звучит презрение. – А, плевать. Пусть думает что хочет. Важно только то, что думаю я, верно?

Я вижу его насквозь, хоть он и улыбается нам беззаботной улыбкой. Ему неприятно, что люди считают его лишь богатым плейбоем, которому жизнь преподносит все на блюдечке с голубой каемочкой. Эта сторона мне уже давно знакома – жить жизнью Дина просто офигенно! – но за последний месяц я узнала и другие его грани.

Он упрямый. Серьезно, этот парень ни за что не сдастся, пока не получит то, что хочет.

Ему безразличны его друзья и товарищи по команде. Точно, на этой неделе я не смогла увидеться с ним ни в понедельник, ни во вторник, потому что он попросил дополнительное время на льду, чтобы помочь отточить навыки какому-то парню по имени Хантер.

У него книг больше, чем в общественной библиотеке в Бруклине, и, судя по их внешнему виду, он действительно все их читал.

Он...

– Твоя сумочка.

Я поднимаю голову.

– Что с ней?

Дин показывает на черный клатч, лежащий на сиденье между нами.

– Она вибрирует.

Я отвлекаюсь от этого странного списка под названием «Почему Дин такой классный», открыв клатч, достаю звонящий телефон и ставлю на стол свой ром с колой.

– Мои друзья уже здесь. Пойдем встретим их вместе. Мне может понадобиться твоя помощь с вышибалой.

Дин театрально вздыхает.

– Я так и знал. Ты просто используешь меня благодаря моим связям.

– Именно так, – весело отвечаю я.

Мы возвращаемся к выходу на лестницу, и я взвизгиваю, когда замечаю за канатом знакомое лицо.

– Они с нами, – говорит Дин вышибале.

Через секунду ко мне подбегает миниатюрная и такая же восторженная брюнетка, и мы обнимаемся.

– Боже мой! Как здорово снова с тобой увидеться! – кричит моя лучшая подруга со времен старшей школы. – Блин, ты так редко мне звонишь!

– Для танго нужны двое, – ухмыляясь, говорю я.

Мы снова радостно обнимаемся, пока над нами не нависает огромная тень.

Диллон освобождается из моих объятий и представляет нам своего парня.

– Это Рой.

Когда мы говорили по телефону в последний раз, она что-то говорила о том, что встречается с футболистом. Но я бы догадалась об этом, даже если бы Диллон промолчала, потому что Рой – это не человек, а монстр. Он чуть выше двух метров, с руками как стволы деревьев и с ногами в объёме шире, чем мое туловище. И то ли мне кажется, то ли он действительно похож на...

– Чувак, тебе кто-нибудь говорил, что ты похож на молодого Сэмюэля Л. Джексона^[15]? – спрашивает Дин то, что уже было у меня на языке.

Рой распрямляет свои широченные плечи.

– А-а-а, я понял, что к чему. Ты намекаешь, что типа все мы для тебя на одно лицо, да?

Я с тревогой смотрю на Диллон, потому что убийственный взгляд Роя делает его лицо жутко свирепым, а его голос звучит ниже, чем басы, грохочущие по всему клубу.

– А дальше что? – рычит Рой. – Скажешь, типа что я тут делаю с этой красивой белой девчонкой? Это хочешь сказать?

Дин сохраняет невозмутимость.

– Ты меня раскусил, приятель. Я жуткий расист. – Он продолжает пялиться на Роя и качает головой, словно не верит своим глазам. – Это просто поразительно! Ты выглядишь *в точности* как он.

Я уже готова закрыть ладонью рот Дина, чтобы эта громадина не сломала его как щепку, но, к моему изумлению, лицо Роя преображается.

– Я просто прикалывался над тобой, бро. Мне это все говорят. – Рой широко нам улыбается. – Прошлым летом я даже выиграл десять тысяч в конкурсе двойников знаменитостей – мой Сэм Джексон занял первое место.

Я читал его слова из «Глубокого синего моря», из той сцены, где появляется акула.

– Здорово. – Дин насмешливо улыбается. – Позволю себе еще одно расистское высказывание в твой адрес: голос у тебя один в один как у Джеймса Эрла Джонса^[16].

Рой раскатисто смеется, откинув голову. Потом он хлопает Дина по плечу и говорит:

– А ты отличный парень для белого.

И вот они уже лучшие друзья, которые уходят вперед, оживленно беседуя.

Диллон вздыхает и берет меня под руку.

– Рою нравится пугать людей, – извиняется она.

Я фыркаю.

– Не волнуйся, Дина не так просто напугать.

– Значит, Дин, да? – У нее загораются глаза. – Почему ты не сказала мне, что у тебя новый парень?

– Потому что он мне не парень. Мы просто развлекаемся. Ничего серьезного.

– Ха! Ну да, Эй-Джей. У тебя *всегда* все серьезно.

«Но не в этот раз», – хочется сказать мне, но мы уже подошли к нашему столику, и громкие голоса парней заглушают наш разговор. Бо и Рой уже вовсю треплются про футбол, а так как последний невероятно огромен, то он занимает на лавочке столько места, сколько хватило бы на троих. Диллон усаживается рядом с ним, а значит, мне сесть уже некуда.

Широко улыбаясь, Дин притягивает меня к себе на колени и обнимает своей сильной рукой за талию.

– Можешь сидеть здесь, куколка.

– О, спасибо, пирожочек.

Мы шестеро все такие разные, что мне сразу вспоминаются сцены из фильма «Клуб „Завтрак“». Бо – квотербек с восточного побережья. Дин – хоккеист. Рой – лайнбекер из Луизианы. Джоанна – актриса с Бродвея. Диллон – будущий финансист. А я – будущая звезда романтических комедий.

Но, несмотря на это, разговоры не прекращаются ни на секунду. Мы с Диллоном рассказываем друг другу новости за последние несколько месяцев. Поступив в университет, я потеряла связь со многими школьными друзьями, но дружбой с Диллоном дорожю.

Болтая с подругой, я замечаю, что Дин постоянно прикасается ко мне: гладит мое плечо, касается бедра, утыкается в шею, один раз даже

прильнул губами к моей щеке, чем вызывает громкое улюлюканье Бо.

– Господи, Белла, – с восхищением говорит он, когда его изумленный взгляд встречается с моим, – что за заклинание ты наложила на моего Дина? Я еще ни разу не видел его таким.

– Меня зовут Элли, – поправляю я его.

Он начинает смеяться еще сильнее.

Дин вздыхает, а потом наклоняется ближе и шепчет:

– Хочешь потанцевать?

– Все зависит от того, хорошо ли ты танцуешь.

– Все мужчины хорошо танцуют.

Я фыркаю.

– Мой сломанный в старшей школе палец говорит об обратном.

– Прости, я должен был сказать по-другому. Все мужчины *способны* хорошо танцевать. – Его руки обвиваются вокруг моей талии, когда он ставит меня на ноги. – Мужчине достаточно знать только одно движение, чтобы сотрясти танцпол.

– Да? И какое же? – с любопытством спрашиваю я.

Дин переплетает наши пальцы, и мы направляемся к лестнице.

– СНМИТБ.

Ему приходится выкрикивать ответ, потому что внизу становится громче.

Я встаю на цыпочки, чтобы дотянуться до его уха.

– А что такое СНМИТБ?

– Единственное сумасшедшее сокращение Логана, которому я следую, – СНМИТБ. – Дин широко улыбается. – Стой на месте и трясись бедрами.

Я начинаю смеяться, но мой смех превращается в испуганный вскрик, когда Дин поднимает меня. Я обхватываю ногами его талию и крепко держусь за него, пока он несет меня на танцпол. Там Дин опускает меня на ноги, прижимается ко мне своим восхитительным телом и доказывает на деле, что достаточно знать только СНМИТБ.

Знойный пульсирующий ритм проникает в мою кровь, и я поднимаю волосы вверх, трясусь бедрами и провожу руками по мускулистой груди Дина. В темноте клуба то там, то тут загораются яркие огни стробоскопа, дразнящими вспышками освещая точеные черты Дина, его гипнотические зеленые глаза, чувственный изгиб его губ.

Мы танцуем несколько часов подряд. По крайней мере, мне так кажется. Вскоре к нам присоединяются остальные, и не вспомню даже, когда мне было так весело. Я танцую с Бо, который не упускает ни одной

возможности полапать мою задницу. Я танцую с Роем, который классно двигается для человека его размеров. Я танцую между Диллон и Джоанной. Я танцую с Дином, чьи эротические движения бедрами распаляют меня и поднимают к небесам.

Мы с Диллон выпили в баре по две стопки, но я не пьяна, просто чуточку навеселе. Дин тоже почти трезв, зато все остальные определенно на пути к тому, чтобы напиться в стельку. Особенно Бо, чьи щеки покраснелись, глаза горят, а сам он танцует свехоткровенный танец с какой-то рыжеволосой красоткой.

Джоанна уезжает около половины двенадцатого, сославшись на раннюю репетицию завтра утром. Диллон и Рой уходят почти сразу после нее: как только у Диллон начинает заплетаться язык, Рой показывает себя не только ответственным и зрелым человеком, но и сознательным бойфрендом, вовремя забирая ее домой. Около полуночи к нам, пошатываясь, подходит пьянящий Бо, и Дин решает, что нам уже тоже пора.

– Где твоя подружка? – спрашиваю я Бо, заглядывая через его плечо в поисках рыжей.

– Поехала домой, к мужу.

Мне едва удастся сдержать смех, а вот Дин – единственное, что удерживает Бо в вертикальном положении, – громко усмехается.

Мы выходим из клуба на морозный воздух. Бо опирается на меня, потому что Дин стоит на краю тротуара, чтобы остановить такси. Джоанна уже ушла, и я, переживая о том, как Бо доберется до дома, настаиваю, чтобы он поехал в одной машине с нами.

– И тебе лучше подняться вместе с ним, – говорю я Дину. – Убедишься, что он дошел до двери.

Такси появляется как по волшебству. Я залезаю первая, за мной – Бо, который, протонав, закрывает глаза, кладет голову мне на плечо и снова отключается.

Дин усаживается последним и называет шоферу адрес Бо. Он смотрит на спящего друга, и наши взгляды встречаются поверх его головы.

– Его родители дома? – осторожно спрашиваю я. – Они разозлятся, если увидят его в таком состоянии?

– Скорее всего. – Дин вздыхает. – Бо говорит, что они у него строгие. Он всю жизнь учился в католических школах для мальчиков.

Я закусываю губу.

– Тогда, может, нам лучше не везти его домой?

– Наверное. – Дин наклоняется и обращается к шоферу. – Забудьте

первый адрес. Отвезите нас к «Хейворд-Плаза», пожалуйста.

Он переводит взгляд обратно на меня.

– Пусть отоспится в пентхаусе.

Через пятнадцать минут мы поднимаемся на лифте. Так странно, но нескольких часов в клубе хватило, чтобы я позабыла, в каком дворце живет Дин. Я снова восхищаюсь окружающей меня роскошью, как и Бо, чьи голубые глаза широко раскрываются, когда он, запинаясь, выходит из лифта.

Он изумленно таращится на стену из огромных окон, через которые открывается вид на светящийся разноцветными огнями город.

– Черт побери, чувствую себя принцем.

– Как я тебя понимаю! – говорю я ему.

Продолжая качать головой, Бо, пошатываясь, подходит к огромному креслу, стоящему рядом с полукруглым кожаным диваном, и падает в него. Через секунду до нас доносится его храп.

Дин обнимает меня сзади и целует в шею.

– Ну что, спать?

Я разворачиваюсь к нему лицом.

– Я не устала. Может быть, посмотрим кино?

– Вообще-то, у меня для нас есть кое-что получше. – Он игриво шевелит бровями. – Переоденься во что-нибудь удобное, а я пока все приготовлю.

Что он приготовит? Надеюсь, «удобное» действительно означает удобную одежду, а не кружевное белье с поясом для чулок.

Я оставила свою сумку с вещами в комнате Дина и поэтому быстро поднимаюсь по лестнице на третий этаж – да уж, мне до сих пор трудно поверить, что здесь целых три этажа, – и переодеваюсь в хлопковые шортики и майку. Когда возвращаюсь в гостиную, Дин уже лежит на диване с пультом в руках. С голой грудью. Ну еще бы. Его брюки с низкой посадкой открывают сексуальные бороздки мышц, и у меня покалывает язык от желания попробовать на вкус это аппетитное тело.

Я облизываю вдруг пересохшие губы и подхожу к нему.

– Что будем смотреть?

– Сейчас сама увидишь.

Дин щелкает пультом, и я ахаю, когда на огромном экране (больше только в кинотеатрах) появляются заглавные титры «Соланж».

– Как это возможно? – восклицаю я. – Ты выкрал DVD из моей комнаты?

– Нет. Позвонил консьержу перед тем, как мы выехали из Брайара, и

попросил скачать для нас второй сезон.

Я в шоке. После того, как я случайно наткнулась на этот сериал в *YouTube*, мне пришлось заплатить девчонке из нашего общежития, чтобы она скачала для меня все серии и записала на диски. «Соланж» очень популярен во Франции, но здесь никто о нем даже не слышал, так что его очень трудно найти в онлайн-трансляции, а заказывать на *Amazon* бессмысленно, потому что диски будут воспроизводиться на европейских плеерах.

– Ты сделал один звонок и заполучил эту никому неизвестную французскую мыльную оперу? – Я смотрю на него, широко распахнув глаза. – Блин, жизнь Дина – это действительно что-то фантастическое.

– Говорил же тебе. – Дин вытягивается на спине и манит меня рукой.

Я тут же устраиваюсь рядом с ним, положив голову ему на плечо. Его грудь теплая и крепкая, и от него божественно пахнет. Я даже не буду спрашивать, каким парфюмом он пользуется, потому что наверняка это что-то мне незнакомое и стоит тысячу баксов за каплю.

В сериале появилось множество новых персонажей, которые портят жизнь Соланж.

– Знаешь, – произносит Дин, – если бы у Марка была хоть крупица мозга, он бы бросил Кристин и стал встречаться с Моник.

– А мне нравится Кристин, – возражаю я. – Она милая.

– Она дурит ему голову, детка. Никто не может быть милым все время.

– Я могу.

Дин усмехается, и его плечо вибрирует под моей щекой.

– Ну да, конечно. Ты милая процентов на двадцать. Максимум.

Я притворяюсь, что обиделась на его слова.

– Ты правда так думаешь? – тихим голосом спрашиваю я.

Он нежно проводит рукой по моей спине и хриплым голосом отвечает:

– Нет. Не волнуйся, ты милая на все сто процентов.

– Ха. Я совсем и не волновалась. Просто хотела услышать, как ты это скажешь.

Дин снова усмехается и прижимает меня крепче. С каждой минутой мы увлекаемся сериалом все больше и лежим в тишине. Дин бессознательно гладит меня, при каждом прикосновении его длинные пальцы касаются моей груди. Он не осознает, что делает, но я... да, я возбуждаюсь.

– Говорю тебе, она что-то затевает. – Глаза Дина смотрят на экран, но его рука не перестает дотрагиваться до меня.

Между тем Кристин сидит за столиком уличного бистро и что-то

шепчет в свой телефон. Разговор кажется довольно милым. Но, опять же, это французский, так что кто ее знает.

– Готов поспорить, она нанимает киллера. – Большой палец Дина задевает мой сосок.

Мне уже не до сериала.

Но Дин все болтает и болтает.

– Нам нужно найти версию с английскими субтитрами.

Его палец отодвигается от моего соска и тут же поддевает его снова.

– Я знаю, ты хочешь выучить язык, но, детка, меня сводит с ума то, что я ничего не понимаю...

– Дин.

– М-м-м?

– Перестань.

– Что перестать?

– Перестань трогать мою грудь.

– О, правда? Я это делал?

Я приподнимаюсь на локте, чтобы видеть его лицо. Озорной огонек в его глазах говорит мне, что он не так уж безгрешен, как я думала.

– Ты специально это делал! – упрекаю я Дина. – Но теперь перестань, пожалуйста.

Он облизывает губы.

– Почему? Ты перевозбудилась?

– Да.

Дин усмехается, а потом перекачивается на бок, и мы лежим лицом друг к другу. Он обхватывает ладонью мою левую грудь и нежно сжимает. Теперь его пальцы совершенно осознанно находят мой сосок и потирают тут же разбухший комочек. Потом Дин опускает руку в мои шорты.

Я обеспокоенно смотрю на Бо. Он больше не храпит, но его глаза по-прежнему закрыты.

– Здесь же Бо, – шипящим шепотом говорю я Дину.

– Он спит.

Пальцы Дина играют с резинкой моих трусиков, а потом залезают под нее. Когда его большой палец нажимает на мой клитор, мне приходится закусить губу, чтобы не застонать.

– Дин, – тревожно шепчу я.

– Элли, – шепчет он в ответ.

Подушечка его пальца нежно массирует мой клитор, посылая по телу горячие волны. Он дразнит меня до тех пор, пока я не начинаю изнемогать от желания и инстинктивно поднимаю бедра, ища более тесного контакта.

Дин снова усмехается.

– Дин... – Это предостережение.

– Элли. – Это насмешка.

Его рука опускается ниже, мозолистая ладонь царапает мою нежную кожу. Один палец проскальзывает внутрь. Я издаю что-то среднее между выдохом и стоном, но Дин заглушает этот звук, прижимаясь своими губами к моим.

Я с жадностью целую его в ответ, не в силах устоять перед его ласками. Теперь Дин Ди Лаурентис у меня в крови. Я не ожидала, что огонь между нами вспыхнет так ярко, но теперь это сродни какой-то зависимости, и не знаю, смогу ли я когда-нибудь избавиться от нее. Дин прижимает ладонью мой клитор, и от этого восхитительного прикосновения мои бедра сжимаются вместе. От растущего между ног сладостного напряжения все мое тело начинает дрожать.

Я четко слышу все издаваемые нами звуки: тяжелое дыхание, чваканье скользящего внутри меня пальца. Я молюсь, чтобы у Бо был крепкий сон.

– Я всегда знаю, когда ты близко, – шепчет Дин.

– Откуда?

Размеренные движения его пальца отвлекают. Я начинаю ерзать, мои внутренние мышцы сжимаются вокруг него, когда ощущение блаженства усиливается и щекочет мою разгоряченную плоть.

– Твои щеки становятся розовыми, а глаза... стекленеют. – Его теплое дыхание скользит по моей челюсти и ниже, по шее.

– Твой пульс колотится... вот здесь. – Он касается языком точки у меня на горле. – А твоя киска сжимается так сильно, как будто хочет поймать мой палец в свою ловушку.

Мое дыхание становится неровным. Сознание затуманивается. Его глубокий голос и волшебная рука – единственное, что сейчас для меня существует. Но когда палец внутри меня начинает двигаться быстрее, я полностью отключаюсь.

– Вот так, – хриплым голосом шепчет Дин. – Кончи для меня, детка.

Я закрываю глаза и позволяю ощущениям взять надо мной верх, а потом, когда напряжение покидает мое тело, беззвучно хватаю ртом воздух и парю на облаке блаженства. Вздохнув, я прижимаюсь щекой к груди Дина, пока волны наслаждения продолжают прокатываться по моему телу.

– Вы знаете, что я уже проснулся, да?

Насмешливый голос Бо вызывает у меня прилив ужаса и неловкости. Я утыкаюсь лицом в грудь Дина, сгорая от стыда и боясь смотреть в сторону кресла.

– И теперь я твердый, как скала, – весело добавляет Бо. – Так что не буду тянуть кота за хвост и спрошу прямо: как насчет секса втроем?

Я возмущенно поднимаю голову, но не могу удержаться от смеха, когда вижу интерес в глазах Дина.

– Не смей и думать об этом, – приказываю я, упираясь пальцем ему в грудь, а потом сажусь и так же сердито смотрю на Бо. – Выкинь эту идею из своей хорошенькой головы, Максвелл. Этого не будет.

Тот нахально улыбается.

– Сегодня или вообще?

– Вообще.

– Назови мне хотя бы одну причину, почему, – с вызовом спрашивает Бо.

– Потому что, во-первых, я не хочу, а во-вторых, представь, что будет через десять лет. Я известная голливудская актриса, обладательница трех «Оскаров», самая востребованная за всю историю кинематографа. Но вот на полках появляется последний выпуск журнала *People*. И знаешь, с каким заголовком? – ядвигаю рукой в воздухе, зачитывая: – «Распутство среди знаменитостей. Элли Хейз, королева секса втроем».

Бо произносит собственный заголовок:

– «Цитата чемпиона Суперкубка Бо Максвелла: „Лучшая ночь в моей жизни“».

Я вздыхаю и поворачиваюсь к Дину, который явно старается не засмеяться.

– А теперь пора баиньки, милый. Пожелай своему другу Бо спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Бо, – послушно говорит Дин.

На следующий день, ближе к обеду, мы с Дином возвращаемся в университет. Автобус с командой уезжает на их матч в Берлингтоне ровно в час, и ему уже пора ехать, если он хочет заехать домой и переодеться. Но Дин словно приклеился к своему месту.

– Что такое? – Я не могу разгадать выражение его лица.

– Мы сможем увидеться вечером? – Его голос звучит хрипло, с непонятной мне ноткой... чего-то.

– У меня репетиция, так что все зависит от того, во сколько нас отпустит Стивен. Позвони мне, когда вернешься из Вермонта, и посмотрим.

Дин кивает, но по-прежнему сидит не шевелясь.

– Ты поможешь мне с моим чемоданом?

Снова кивок.

Когда мы вылезаем из машины, я стараюсь отогнать охватившие меня тревожные предчувствия. На парковке никого нет, так что никто не увидит, как мы достаем мой чемодан, но меня беспокоит не это, а напряжение, которое исходит от Дина. Как будто он хочет сказать мне что-то, но не знает, как это лучше сделать.

– Все в порядке? – легким тоном спрашиваю я.

Его зеленые глаза смотрят на меня так пристально, что приводят в смущение. Знаю, мои волосы растрепались, а на подбородке вот-вот выскочит маленький прыщик. Надеюсь, причина не в нем.

– Все хорошо, куколка, – наконец отвечает Дин, словно очнувшись от своих глубоких размышлений. – Иди-ка сюда и поцелуй меня на удачу. Нам позарез нужно выиграть сегодня.

Я оглядываю парковку. Дин слегка поджимает губы, и это рождает во мне чувство вины. Мы провели вместе три дня. Больше того, ласкались на глазах у Бо! А теперь я боюсь поцеловать его на безлюдной парковке?

Я подхожу ближе, встаю на цыпочки и касаюсь губами его губ.

– Удачи.

Потом провожу по его губам языком и улыбаюсь, когда у него перехватывает дыхание.

Дин тихо стонет.

– Не мучай меня.

Улыбаясь еще шире, я отхожу от него.

– Спасибо за поездку. И за клуб.

– И за грязный-грязный секс, – напоминает мне Дин.

– Одного «грязного» достаточно.

Но только на самом деле это не так. То, чем мы занимались в выходные, насчитывает как минимум два «грязных». А четыре, возможно, будет еще более точным числом.

– Ты уверена, что дальше сама справишься? – спрашивает Дин, когда я ставлю набитый вещами чемодан на асфальт, чтобы покатить его по дорожке.

– Да, у него есть колесики.

– А на лестнице?

– Я справлюсь. Иди, Дин, а то опоздаешь на автобус.

Я легонько подталкиваю этого красавчика, и в ту же секунду позади нас раздается знакомый голос.

– Привет, Элли.

Моя рука застывает на груди Дина. Я быстро опускаю ее и поворачиваюсь к парню, который подходит к нам. Это Джим Полсон, один из членов братства, в котором состоит Шон. Желудок стягивает в тугой узел, когда я представляю, что он успел услышать и увидеть...

М-да, интересно, он видел, как я целовала Дина?

– Привет, – натянув улыбку, говорю я. – Как прошел День благодарения?

– Хорошо. – Взгляд Джима останавливается на Дине. – Привет, мужик.

– Привет, – натянуто отвечает Дин.

– Куда ездили? – Полсон с явным подозрением рассматривает мой чемодан.

– В Нью-Йорк, – как ни в чем не бывало отвечаю я. – Дин живет на Манхэттене, а я – в Бруклине, так что мы решили съездить вместе на машине. Да здравствуют земляки! – Я машу рукой, как будто у меня в ней флажок, но Джим даже не выжимает из себя улыбки.

– Круто. – Он продолжает разглядывать меня. – Э-э-э, ну... был рад тебя видеть.

Наконец Джим все-таки улыбается, и даже вполне дружелюбно, но тем не менее я наблюдаю за тем, как он уходит, с охватившим меня паническим ужасом. Вот черт. Эта случайная встреча вызывает у меня очень-очень плохое предчувствие. Я нисколько не сомневаюсь, что Джим расскажет

обо всем Шону. Хотя отчасти мне плевать, ведь Шон больше не мой парень.

Но даже несмотря на это, смутная тревога, поселившаяся в животе, не уходит, и теперь я буду переживать об этом весь гребаный день и ждать, когда грянет гром.

* * *

Гром грянул в час ночи. Со всей силой. *Оглушительно*. А именно: мой крепкий сон внезапно нарушает громкий стук в дверь.

Я сажусь в кровати и лихорадочно оглядываю комнату: моему еще не проснувшемуся сознанию требуется несколько секунд, чтобы понять, что происходит. Когда становится ясно, что стучат во входную дверь, я вылетаю из комнаты, а потом неуверенной походкой захожу в общую гостиную. Две темные фигуры вываливаются из комнаты Ханны в это же самое время. Моя сонная соседка и ее парень, увидев меня, тут же замирают на месте.

Бум.

Бум-бум-бум.

– Какого черта? – поворачиваясь на звук, хриплым со сна голосом спрашивает Гаррет.

Сердце пускается в галоп, когда из-за двери раздается голос Шона.

– Элли! – кричит он. – Я знаю, ты там! Впусти меня, черт подери!

Гаррет, моментально проснувшись, тяжелыми шагами подходит к двери. Я отчаянно взвизгиваю, но он не открывает ее, а просто пару раз стучит кулаком.

– Заткнись, козел. Ты разбудишь весь этаж.

– Да мне насрать! – яростно отвечает Шон. – Я должен поговорить с Элли.

– Тогда позвони ей по телефону, как нормальный, здравомыслящий человек, – рявкает Гаррет. – И лучше сделай это утром. Элли спит.

Ханна встает рядом со мной и кладет ладонь на мою руку. Я похолодела от ужаса, и она, должно быть, это чувствует, потому что, мягко и утешительно погладив меня, шепчет:

– Гаррет избавится от него.

Но они недооценили Шона в его упрямстве.

– Она не спит, – продолжает кричать он. – Я знаю свою девушку...

«Бывшую девушку!» – чуть не поправляю его я.

– И она сейчас стоит прямо за этой гребаной дверью, как пить дать

стоит. – Стук возобновляется. *Бам. Бам-бам-бам.* – Элли! Открой дверь! Нам нужно поговорить!

Я вздрагиваю. Ханна обнимает меня рукой за плечи.

– Постучись так еще раз – и я вызову полицию, – шипит Гаррет.

Бам-бам-бам.

Горло словно сжимают тисками. *Проклятье.* Он не уйдет, я точно знаю, и в голове моментально рисуется картинка: университетская охрана и полицейский наряд лазают по зданию Бристоль-Хауса, словно группа захвата при поимке грабителя. Это будет не только унижительно, но и губительно для моей репутации. Все в общезнании начнут думать обо мне как о «той девчонке, у которой бывший – псих».

– Впусти его, – слабым голосом прошу я.

Гаррет разворачивается, его серые глаза гневно блестят.

– На фига, Элли? Он же пьян.

– Я знаю, но он успокоится, только если мы его впустим, – говорю я, понуро опустив плечи. – Иначе он простоит там всю ночь, Гаррет. Впусти его, и я попробую успокоить его. Все будет хорошо, обещаю.

Парень Ханна по-прежнему сомневается. И это неудивительно. Сейчас Шон действительно ведет себя как безумный. Но мы провели вместе почти четыре года, я знаю, что на самом деле он безобидный и никогда не причинит мне вреда, физически – точно.

Гаррет показывает на меня пальцем.

– Если он что-нибудь выкинет, я врежу ему.

Я киваю.

Ругаясь себе под нос, Гаррет отпирает замок и распахивает дверь. Я жду, что Шон, словно какой-нибудь коммандос, ворвется внутрь, сделав кувырок, но он входит медленной, неуверенной походкой, под стать его прерывистому дыханию. Его глаза тут же находят меня в комнате.

– Нам нужно поговорить, – бурчит он.

Гаррет стоит рядом с Шоном как приклеенный. Ханна точно так же стоит рядом со мной.

Я нервно сглатываю и осторожно сбрасываю с себя руку лучшей подруги.

– Ребят, дайте нам пару минут.

– Исключено. – На лице Гаррета читается недоверие.

– Пожалуйста. Все хорошо, мы просто поговорим. – Я выразительно смотрю на Шона. – Правда?

Стиснув челюсти, тот кивает.

– Правда. Просто поговорим.

Несколько секунд тянутся в тишине. Потом Гаррет, снова выругавшись, бросает на Шона недовольный взгляд.

– Не делай глупостей. Только посмотри на нее не так – и будешь разговаривать с моим кулаком.

Шон вновь кивает. Парень Ханны выше и тяжелее его, так что угрозу стоит принимать всерьез.

Ханна сжимает мою руку.

– Мы будем в моей комнате. Если что, только крикни.

Надеюсь, до этого не дойдет. Шон, похоже, уgomонился, его дыхание выровнялось, во взгляде больше нет прежней злобы. Как только дверь в спальню Ханны закрывается, он опускается на диван и издает протяжный, полный муки стон.

– Дин Ди Лаурентис? – с болью в голосе спрашивает Шон, обида и горечь, вспыхнувшие в его глазах, вонзаются в меня, как двойные лезвия. – Элли, ты издеваешься?

С бешено колотящимся сердцем я подхожу ближе, но рядом не сажусь. Стою перед ним, сжав колени вместе и скрестив руки на груди, потому что боюсь покачнуться – так сильно меня трясет. Я не знаю, что сказать, поэтому ничего не говорю.

– Вы вместе? – В его голосе вдруг появляются ледяные нотки отращения.

Я сглатываю, не в силах вымолвить ни слова. Почему он до сих пор имеет надо мной такую власть? Он всегда знал, какие кнопки нажимать, сколько омерзения и осуждения добавить в свой тон, чтобы вызвать во мне чувство вины и стыда, чтобы я ощутила себя полным ничтожеством.

– Ну? – требовательно продолжает допрос Шон.

Наконец голос возвращается ко мне.

– Да и нет. Мы не пара. Мы...

– Спите вместе, – отрывисто заканчивает за меня Шон.

Я киваю, и его глаза снова вспыхивают.

– Значит, он просто твой приятель, с которым ты трахаешься, да? – шипит он. – Но у тебя никогда не было таких приятелей! Ты не такая.

Эти слова звучат как оскорбление.

– Какая не такая?

– Ты не из тех девушек, которые спят направо и налево. Мы ждали *четыре месяца* до нашего первого секса. Так с каких пор ты стала прыгать в кровать к парню спустя несколько дней? Или, может, несколько часов? Как быстро ты прыгнула на член Ди Лаурентиса?

Я вздрагиваю, словно он ударил меня. Судя по раскрасневшимся

щекам и затуманенному взгляду, Шон пьян, но язык у него не заплетается, и каждое слово вылетает как пуля, попадая прямо в цель и разжигая те неприятные ощущения, которые вызывает у меня секс без обязательств.

– И почему из всех парней ты выбрала *его*? Ты хоть представляешь, сколько шалав он перетрахал? Да ему надо жить в медицинском центре, столько тестов на венерические заболевания ему по ходу приходится сдавать!

Я сжимаюсь под его обвинениями.

– Хватит. Сейчас ты ведешь себя как последний подонок.

Но Шон, похоже, только начал.

– Ты спала с ним, когда мы были вместе?

У меня даже челюсть отвисает от такого вопроса.

– *Нет*. Конечно, нет!

– И я должен тебе поверить?

Шон вскакивает с дивана, и я инстинктивно делаю шаг назад. Но он не подходит ко мне, а начинает расхаживать по комнате и яростно проводит руками по волосам, как будто пытаюсь вырвать их с корнями.

– Так что, блин, теперь мне тоже нужно сдать тест? Мне нужно сделать тест на венерические заболевания, потому что моя девушка изменила мне с кобелем Ди Лаурентисом?

В горле поднимается гнев.

– Я тебе не изменяла, – огрызаюсь я. – И сейчас ты ведешь себя просто смешно! Тебе не нужно сдавать никаких тестов...

– Но ты могла... – перебивает он меня, а потом начинает резко смеяться. – Ты спишь с бабником. Значит, *сама* шлюха.

Я отшатываюсь от такого жестокого упрека, но мне каким-то образом удается дышать ровно и удержаться от того, чтобы не ринуться к нему и не вклепить пощечину.

– Я не шлюха, – холодным тоном отвечаю я. – И я тебе не изменяла. А теперь уходи.

– Знаешь что? Я даже *рад*, что ты бросила меня. Не хочу иметь с тобой ничего общего. – Его голос начинает звучать громче, и я морщусь, зная, что Ханна и Гаррет слышат его даже через закрытую дверь. – Я был гребаным *идиотом*, пытаюсь вернуть тебя! *На хрена* мне сходить со шлюхой, у которой целый букет венерических болячек?...

– *Ну все, хватит!*

Зычный голос Гаррета звучит поздно. Последняя реплика Шона уже достигла намеченной цели. Я пыхчу назад, как если бы он ударил меня. Результат был бы такой же. Щеки покраснели. Нижняя губа так сильно

дрожит, что мне приходится закусить ее, изо всех сил сдержаться от всхлипа, который отчаянно рвется из горла.

Я едва замечаю, как Гаррет хватается моего бывшего за воротник, тащит его к двери, шипя угрозы. Мое лицо горит, зрение затуманилось, и совершенно невозможно уследить за тем, что сейчас происходит.

Я вздрагиваю, когда две руки с нежностью обвиваются вокруг моего тела. Это Ханна крепко обнимает меня. Уронив голову на ее плечо, я моргаю, чтобы не дать волю слезам.

– Ты в порядке? – с тревогой спрашивает подруга.

– Нет. – Мой голос звучит приглушенно.

– Гаррет пошел с ним вниз. Вызовет такси и подождет, чтобы убедиться, что этот козел уехал. – Ханна потирает ладонями мои лопатки. – Элли, поговори со мной. Я должна знать, в порядке ли ты, милая.

Сочувствие в ее голосе вдребезги разносит последние крупички моего самоконтроля. По щекам текут слезы. Всхлипывая, я дрожу в ее объятиях. Как он мог говорить мне такие ужасные, обидные вещи? Мы были вместе несколько лет. Он *любил* меня. Он *знает* меня. Он знает, что я не... – Я давлюсь очередным всхлипом... – не «шлюха, у которой целый букет венерических болячек».

Ощувив новый прилив стыда, я отталкиваю Ханну и бегу в свою спальню. Она идет за мной и останавливается у двери в тот момент, когда я падаю на кровать. Свернувшись калачиком, я вытираю рукавом слезы, но они катятся и катятся по щекам, жала веки и затекая в рот.

– Элли, – мягко окликает меня Ханна.

Я не отзываюсь, всхлипывая и хватая ртом воздух, и начинаю шарить рукой по прикроватной тумбочке. Мне нужен... боже мой, мне нужен *Дин*. Мне нужно, чтобы его сильные руки обвили меня, чтобы он снова прочитал мне лекцию о том, что следует стереть слово «шлюха» из своего словаря и не позволять недалеким людям убеждать меня в том, что я сделала что-то неправильно.

Мои пальцы наталкиваются на телефон, и я издаю стон, когда вижу, что батарея разряжена.

– Элли. – Ханна, похоже, уже серьезно взволнована. – Поговори со мной.

Я судорожно выдыхаю.

– Ты можешь кое-что для меня сделать?

– Все что угодно, – тут же отвечает она. – Только скажи.

– Ты можешь... – В горле встал огромный ком. – Ты можешь позвонить Дину и попросить его приехать?

Не нужно даже смотреть на ее лицо, чтобы узнать реакцию. Достаточно слышать явное и громкое удивление в ее голосе.

– Дину? – Ханна умолкает, а потом переспрашивает: – Дину Ди Лаурентису?

– Да. – Я снова сворачиваюсь калачиком и утыкаюсь в подушку.

– Ты хочешь, чтобы я позвонила Дину?

– Да.

– Дину Ди Лаурентису?

– Да.

Я облизываю пересохшие губы, которые стали солеными от слез. А гадкие слезы продолжают капать.

– Пожалуйста... просто позвони ему. Я... – Я чувствую, как сейчас снова разрыдаюсь. – Он мне нужен.

– Где она?

Я протискиваюсь мимо Гаррета раньше, чем он распахивает дверь, затем окидываю взглядом общую комнату. Элли здесь нет, но есть Уэллси, которая, увидев меня, тут же вскакивает на ноги.

– Она в своей спальне...

Я устремляюсь вперед, но крошечная брюнетка преграждает мне путь.

– Подожди-ка секундочку, – приказывает Ханна, упираясь рукой мне в грудь. – Ты ее не увидишь до тех пор, пока не объяснишь мне, что, *черт побери*, тут происходит.

– Нет, ты мне объясни, – тут же отвечаю я. – Это же ты позвонила мне в час ночи и попросила приехать, потому что я нужен Элли. Что случилось?

– Шон приходил, – мрачным голосом сообщает мне Гаррет. – Пьяный, молотил в дверь, требовал поговорить с ней. Я впустил его...

– Ты впустил его? – рычу я.

– Элли попросила, – бормочет он. – Сказала, что сама справится.

Тут в разговор вступает разгневанная Ханна:

– Ты бы только слышал, как он кричал на нее! Обозвал шлюхой и сказал, что у нее венерические заболевания...

Какого хрена?

Я сгораю от ярости, которая выплескивается из меня грозным рыком.

– Уйди с дороги, – говорю я Ханне.

– Дин, – принимается возражать она, а я бросаюсь в короткий коридор. – Что ты вообще здесь делаешь...

Топот моих шагов заглушает конец предложения. Я врываюсь в комнату Элли и резко останавливаюсь, увидев ее свернувшейся в клубочек на кровати. Она поднимает голову, и опустошенный взгляд ее огромных голубых глаз разрывает мое сердце на части.

– Детка, – с нежностью произношу я.

За спиной раздается изумленный вскрик. Стиснув зубы, я разворачиваюсь на пятках и захлопываю дверь прямо перед ошалелыми лицами Ханны и Гаррета. Сейчас их для меня не существует. Только Элли имеет значение, и в мгновение ока я оказываюсь на кровати, притягиваю ее

к себе и крепко обнимаю. Она прячет лицо у меня на груди и дрожит.

– Что случилось?

– Шон приходил. – Ее голос заглушает ткань моей толстовки.

– Знаю, Джи сказал. Но *почему* он приходил? – С губ срывается ругательство, когда я вспоминаю нашу случайную встречу с Полсоном этим утром. – Тот парень из его братства... Полсон рассказал ему, что видел нас вместе?

Она кивает, задевая мою ключицу.

– Козел, – бурчу я, потом делаю вдох и провожу рукой по шелковистым волосам Элли. – Я так понимаю, Шону это не понравилось?

– Он... – Голос Элли обрывается. – Он назвал меня шлюхой с букетом венерических заболеваний.

В грудь, как удар клюшкой, бьет раскаленная ярость. Мне требуются все силы, чтобы отогнать ее от себя. За эти слова я хочу убить ублюдка.

– Ты... не... – Я делаю еще один вдох, – шлюха. Слышишь меня, детка? Ты не такая. И никогда такой не была. Как этот сукин сын вообще мог...

– Из-за тебя, – шепчет она.

Ладони, лежащие на ее плечах, сжимаются в кулаки.

– Что?

– Он считает, что у тебя полно венерических заболеваний, потому что ты... потому что у тебя активная личная жизнь...

– Я здоров, – перебиваю я Элли.

Мой голос звучит низко и тревожно. Надеюсь, она верит мне.

– Элли, я ни разу в жизни не занимался незащищенным сексом. Перед началом сезона я уже сдал все анализы, но могу сдать их еще раз, ради тебя... – Я останавливаюсь.

Да пошло оно все! Я сделаю это, даже если она не попросит. Лишь бы только развеять все сомнения, которые вбил ей в голову этот говнюк по имени Шон.

– Я доверяю тебе, Дин, и знаю, что ты здоров. Меня не это расстроило. Дело в другом. То, как он смотрел на меня... – Ее маленькое тело начинает дрожать. – В этом взгляде было столько отвращения. Как будто в тот самый момент он действительно видел во мне шлюху и ненавидел меня за это.

Мое сердце разрывается на части, и зазубренные осколки впиваются в самую душу. Шон должен благодарить судьбу, что сейчас его здесь нет. Мне хочется придушить его.

– Детка... – Я подавляю очередной прилив гнева. – Детка, посмотри на меня.

Элли медленно поднимает глаза.

– Мне плевать на то, что говорит или думает Шон, – ты не сделала ничего, чтобы заслужить его оскорбления. Ты не шлюха. Ты... – «Само совершенство», – так мне хочется закончить фразу, но Элли снова бьет дрожь.

– Тогда почему я себя так чувствую? – Она часто моргает, будто старается не заплакать. – Господи, ненавижу все это. Я же говорила тебе, что просто секс – это не для меня.

У меня потеют ладони. Мне не хочется, чтобы Элли продолжала. Я страшно боюсь того, что она собирается сказать.

– Я больше не могу.

Дерьмо.

– Это так запутано... Мы спим друг с другом, но не вместе...

– Мы вместе, – отзываюсь я.

Это ошарашивает Элли.

– Что?

У меня такое ощущение, словно мне в горло насыпали гравий. Я сглатываю его и повторяю:

– Мы вместе.

Элли растерянно смотрит на меня.

– Мы... почему?

– Потому что.

Глупый ответ, но на ум больше ничего не приходит. Я не хочу, чтобы между нами все было кончено. Не могу объяснить это, просто знаю: наши отношения не должны заканчиваться, и все.

– Ты хочешь... – Она все сильнее морщит лоб. – Ты хочешь быть со мной?

Мое сердце пропускает удар. Я уже давно не вел подобных разговоров. С того случая с Мирандой. Но Элли не Миранда. Элли, она... она... Я не в состоянии четко соображать. В голове засело лишь одно – абсолютная уверенность в том, что я *не могу* позволить всему этому закончиться.

– Дин.

Я крепче прижимаю Элли к себе и утыкаюсь лицом в изгиб ее шеи.

– Я хочу быть с тобой. Так что мы будем вместе, ясно?

Ее дрожащий смех щекочет мою щеку.

– Ты меня пугаешь.

– Я сам себя пугаю. – Простонав, я поднимаю голову и обеими ладонями обхватываю ее изящный подбородок. – Почему ты попросила Уэллси позвонить мне?

Элли колеблется с ответом.

– Потому что... – Она закусывает губу, – Потому что я хотела, чтобы ты сказал мне, как неправ Шон. Потому что мне нужно...

Элли снова запинаясь в словах, похоже, ситуация, в которой мы сейчас оказались, пугает ее не меньше, чем меня. Но ее неуверенность лишь усиливает мою убежденность.

Я провожу большим пальцем по ее губам, разглаживая вмятины, которые она оставила своими зубами.

– Ты тоже этого хочешь? Быть со мной?

Элли так долго молчит, что у меня начинают сдавать нервы. Потом она кивает.

– Скажи мне, почему, – хриплым голосом прошу я. – Мне нужно знать, что это не из-за твоего отношения к сексу без обязательств и что дело не в неуверенности, которую ты испытываешь после слов Шона.

Элли медленно проводит рукой по моей щеке.

– Нет, не из-за этого. – Подушечки ее пальцев задевают щетину на моем подбородке. – Я хочу быть с тобой, потому что это кажется правильным.

Тяжесть в груди исчезает, ее сменяет странный прилив тепла, который я не в силах объяснить. После этого мы больше ничего не говорим, что тоже странно, но это затянувшееся необъяснимое молчание не требует, чтобы его нарушали. Я выпускаю Элли из объятий, только чтобы снять свитер и джинсы. Потом, протянув руку, щелкаю выключателем ночника на тумбочке.

Комнату заполняет мрак. Элли забирается под одеяло и молча двигается в сторону, освобождая место для меня.

Я ложусь рядом с ней, обнимаю одной рукой и притягиваю к себе. Издав довольный звук, Элли прижимается своей попкой к моей промежности, спиной к моей груди. Ее волосы щекочут мой подбородок. Я засыпаю под звук ее тихого дыхания и ровное биение сердца под моей ладонью.

* * *

Когда на следующее утро я выхожу из комнаты Элли, Ханна и Гаррет уже сидят в маленькой кухоньке. У обоих в руках нелепейшие розовые кружки: на той, что у Ханны, фиолетовыми буквами выведено: «ЛУЧШАЯ ПОДРУГА ЭЛЛИ!», а на той, что у Гаррета, – «ЛУЧШАЯ ПОДРУГА ХАН-

ХАН!».

Я приглушенно усмехаюсь. И почему у меня появляется догадка, что эти сделанные на заказ кружки – дело рук Элли?

Я ожидал допроса с пристрастием, так что не удивляюсь, когда они набрасываются на меня.

– Какую игру ты затеял с моей лучшей подругой?

– Мужик, я же *прямым текстом* сказал тебе, чтобы ты держал свой член от нее подальше.

Аромат свежего кофе приводит меня к узкой столешнице. Еще нет и девяти. Я недостаточно проснулся, чтобы говорить на эту тему.

Но мое подчеркнутое безразличие ничуть на них не действует. Я наливаю себе кофе, а они продолжают забрасывать меня вопросами.

– И как долго это длится?

– Почему ты мне ни хрена не сказал?

– Почему она мне ничего не сказала?

– Это разрушит динамику взаимоотношений в нашей компании, знаешь ли.

– Ты так считаешь? – Теперь внимание Ханны привлечено к Гаррету. – Но это просто коротенький роман, он вряд ли что-то изменит.

– Твоя подружка не крутит романы, детка. Для нее существуют только длинные, серьезные отношения.

Во время нашей поездки в Нью-Йорк я сказал Элли почти то же самое, но когда о личной жизни девушки, с которой я встречаюсь, рассуждает Гаррет, это почему-то выводит меня из себя.

Девушка, с которой я встречаюсь. Господи, никогда бы не подумал, что *это* произойдет со мной. Но так случилось, и я решил плыть по течению.

– Эй, у меня есть идея. – Я опираюсь на столешницу и смотрю на Ханну с Гарретом поверх кружки. – Как насчет того, чтобы вы, ребята, занимались своими делами?

У Уэллси отвисает челюсть.

У Гаррета от удивления поднимаются брови.

Из коридора доносится приглушенный смешок, и в следующую секунду в общую комнату входит Элли.

– Доброе утро, – буднично объявляет она.

Все молчат.

– Доброе утро, – наконец отвечает Ханна.

Элли подходит к столешнице и берет кофейник. Когда она поднимается на цыпочки, чтобы достать себе кружку из верхнего шкафчика, я не могу удержаться, чтобы легонько не шлепнуть ее по попе.

Ханна сердито смотрит на меня.

Гаррет качает головой.

– Что? – с невинным видом спрашиваю я.

Элли наливает себе кофе, обхватывает кружку ладонями и обращается к нашим друзьям.

– Так, ладно. Давайте начистоту, ребята. – Она пристально смотрит на Ханну. – Мы с Дином вместе. Вот. Теперь вы знаете. Можете задавать свои вопросы.

Ханна молчит. Если учесть, что всего несколько минут назад она устроила допрос мне, это молчание удивляет, даже беспокоит. Тревога, отражающаяся в ее зеленых глазах, подсказывает мне, что новость не очень ее порадовала.

– Что, нет? Вы ничего не хотите мне сказать? – Элли поднимает кружку к губам. – Ну ладно.

Я прячу улыбку и поворачиваюсь к Гаррету.

– У нас с Хантером сегодня есть дополнительный час на льду. Тренер в курсе. Хочешь с нами?

Он потирает темную щетину на подбородке.

– Ты все так же наставляешь Давенпорта? Работает один на один?

Я киваю.

– Он стремится к самосовершенствованию, выкладывается по полной. Но, думаю, пара советов от другого нападающего ему не помешает.

Гаррет кивает в ответ.

– Хорошо, позанимаюсь с вами. Поработаю с ним над тем, как играть в меньшинстве. Вчера, когда у Берлингтона было большинство, он допустил очень много ошибок.

– Но мы хотя бы выиграли этот матч.

– Что есть, то есть. Хотя наша статистика пока оставляет желать лучшего.

– Это полный отстой, чувак. Мои «Ураганы» играют лучше нас, а они всего лишь школьники!

– Твои «Ураганы»? – Гаррет ухмыляется. – Чувак, признайся, ты по уши влюбился в этих детишек.

– Отвали. Мне просто нравится тренировать...

– Вам обоим уже пора уходить! – раздраженным тоном объявляет Уэллси.

Гаррета ее слова, похоже, сильно задела.

– Ты выставяешь меня вон?

– Прости, малыш. Я люблю тебя всем сердцем, но пришло время

разговора между нами, девочками, а насколько мне известно, у тебя пока не выросла вагина. Так что уходи. – Она переводит сердитый взгляд на меня. – Ты тоже, Дин.

Когда Ханне Уэллс что-то взбрело в голову, с ней лучше не спорить. Если она хочет, чтобы мы ушли, нужно скорее уносить ноги.

Я залпом допиваю кофе, ставлю пустую чашку в раковину, а затем поворачиваюсь к Элли.

– Позвоню тебе попозже.

– Ладно.

Она подходит и целомудренно целует меня в щеку. Нет уж, я не уйду отсюда, пока не получу что-нибудь посущественнее. Обхватив ее подбородок, я наклоняю голову Элли назад и прижимаюсь губами к ее губам. Это глубокий жадный поцелуй, с языком, и он затягивается так надолго, что Ханна издает нетерпеливый стон.

– Все, хватит! – приказывает она.

Мы с Элли отстраняемся друг от друга, и я дерзко ухмыляюсь Уэллси.

– Эй, куколка, поспокойнее. Это просто маленький французский поцелуй между мной и моей девушкой. Никто же не умер.

Ханна стоит с открытым ртом, потом показывает на дверь и рычит:

– *Вон отсюда.*

* * *

Элли

– Его девушкой? – переспрашивает Ханна, как только Дин и Гаррет выходят за дверь. – Объяснись, Эллисон. Я серьезно. Объяснись.

Я делаю большой глоток кофе. Мне нужно заставить мозги работать, если уж мы будем говорить на эту тему. Хотя, если честно, не представляю, как смогу что-то объяснить Ханне. Я сама еще не разобралась во всей этой ситуации с Дином.

Наверное, да, я его девушка.

А это значит, что он мой парень?

И мы сейчас пара?

Короче говоря, я никак не ожидала, что все закончится именно так. После того как Шон как с цепи сорвался и начал вести себя со мной так, словно я кусок собачьего дерьма, мне впору было раз и навсегда отказаться

от любых отношений с противоположным полом, но каким-то волшебным образом в итоге у меня появился парень. Да уж, порой жизнь преподносит нам невероятные сюрпризы.

– Как давно это началось? – Голос Ханны смягчается, когда она видит выражение моего лица. – И почему ты ничего мне не сказала?

Я смущенно пожимаю плечами.

– Мне было стыдно.

– Почему тебе было стыдно?

Вздыхнув, с кружкой кофе в руках, я подхожу к дивану, сажусь, засунув под себя ноги, и жду, когда Ханна устроится рядом.

– Потому что... потому что это Дин. Дин Ди Лаурентис, всем известный бабник. – Плохо так говорить, но я всегда честна с Ханной. – Он вредный, вздорный и совершенно не мой тип.

По крайней мере, я так считала, но лишь до тех пор, пока не узнала его ближе. Конечно, он действительно вредный и вздорный, но Дин оказался куда глубже, чем я могла себе представить.

Ханна надувает губы.

– Ладно. Начинай с самого начала. Когда все это у вас началось?

– А ты как думаешь? – язвительно спрашиваю я. – В ту пятницу, когда я ночевала в их доме.

Ее лицо бледнеет.

– О, так это я виновата? Все из-за меня?

Я фыркаю от смеха.

– Нет, если уж кого-то и винить, то только меня. Я выпила лишнего и решила зализать раны в его постели.

– А теперь вы, значит, вместе? – У нее ошарашенный вид. – Как такое вообще возможно? Ты сама сказала: он известный всем бабник. Зачем же ты согласилась встречаться с ним?

– Потому что он мне нравится, – просто отвечаю я.

– Ты уверена, что это не попытка забыть Шона?

Я пожимаю плечами.

– Наверное, с этого все началось. Скажу честно, внимание Дина мне было очень приятно. Он... так отличался от Шона. Я никогда не могла полностью удовлетворить ожиданий Шона, хотя была нужна ему. Но что бы я ни делала, этого всегда было недостаточно. Он был вечно недоволен мной, разочарован, и часть меня понимала, что мы не созданы друг для друга, но... я приверженка серьезных отношений.

Последние слова повисают между нами словно гигантская наковальня. Мне даже не нужно смотреть на Ханну, чтобы угадать ее следующий

вопрос.

– Ты уверена, что не поторопилась именно поэтому: что тебе *нужны* отношения?

Ее скептицизм ставит под сомнение все, что только недавно казалось мне таким правильным.

Я растерянно смотрю на подругу.

– Не знаю. Я пыталась говорить Дину «нет». После той первой ночи, когда у нас был секс... – Умопомрачительный, незабываемый секс, который никак не идет у меня из головы. – ... он названивал мне и закидывал сообщениями, умоляя о втором раунде, но я продолжала отказывать до тех пор, пока это не стало казаться глупым. Я хотела его, он хотел меня – так почему бы и нет?

– Почему ты не смогла остановиться только на сексе?

Я издаю стон.

– Я пыталась, честно, но, Хан-Хан, я устроена по-другому. Сама не знаю, как это получилось, но я стала получать удовольствие не только от его волшебного члена. – Ханна усмехается, а я продолжаю: – Он хорошо ко мне относится. Отлично умеет слушать. С ним весело. Ну а секс просто фантастический.

Стоп, я только что поставила секс на *четвертое* место? Так и есть. Но это потому, что... да, потому что секс уже перестал быть первым, что приходит на ум, когда я думаю о Дине. Мы проделали долгий путь от просто двух потных тел, стремившихся достичь оргазма. Мы смотрели французскую мыльную оперу, понимая лишь каждое третье слово на двоих. Мы танцевали. Мы вместе проводили время. Он познакомился с моими школьными друзьями, с моим *папой*...

– И он первый, с кем ты хочешь поговорить, когда чем-то расстроена, – понимающе добавляет Ханна.

Я поджимаю губы. Даже если бы захотела, я все равно не смогла бы солгать о том, что случилось прошлой ночью. Моим первым инстинктом было ощутить вокруг себя руки Дина, как будто только он один мог бы сделать все лучше. Но так и есть. Он утешил мою уязвленную гордость, успокоил задетые чувства, обнимал всю ночь напролет. Если бы он не пришел, я не смогла бы уснуть.

– Ты боишься, что он обидит меня? – со вздохом спрашиваю я.

Ханна несколько раз проводит пальцами по ободку кружки.

– Нет. По-моему, мне нужно больше переживать о Дине. Он ни к кому раньше вот так не бросался. Я не хочу сказать, что Дин эгоист. Он хороший друг, но я точно знаю, что Гаррет первым делом позвонил бы Логану и

только потом – Дину.

– Интересно, почему? – желчно говорю я. – Дин всегда готов прийти на помощь, без лишних вопросов.

– На Логана можно положиться.

– А на Дина нет? Только то, что он немного одержим сексом, не значит, что на него нельзя рассчитывать в трудную минуту! – Капли теплого кофе брызгают из кружки, когда я с силой ставлю ее на столик.

Ханна взрывается смехом, который преследует меня всю дорогу до кухни, куда я ухожу, чтобы взять бумажные полотенца и вытереть лужу.

– И что такого смешного? – спрашиваю я, выбрасывая мокрые полотенца в мусорное ведро.

– То, как ты рьяно кинулась на защиту Дина. – Ханна встает с дивана и, войдя на кухню, легонько пожимает мое плечо. – Послушай, если ты хочешь быть с Дином, то будь с ним. Я просто забеспокоилась, потому что ты не спишь с парнями просто так. И я не хочу сказать, что, переспав с Дином после разрыва с Шоном, ты поступила как-то неправильно или бесчестно. Просто это так на *тебя* непохоже.

Я устало прислоняюсь к столешнице.

– Знаю. И продолжаю твердить себе то же самое, но... Мне очень нравится быть с ним, вот что!

– Ты влюблена в него?

– Нет. К нему я не испытываю никаких сентиментальных чувств. Ничего такого, что я испытывала к... – Я умолкаю. Я собиралась сказать «к Шону», но не могу даже вспомнить, когда в последний раз испытывала к нему нежность и теплоту. Зато помню сдержанность, раздражение, нетерпение и, как вчера, обиду.

Ханна всовывает мне в руку новую чашку с кофе.

– Хватит переживать, давай просто посмотрим, к чему это приведет.

На протяжении всей следующей недели я следую совету Ханны и пытаюсь не заморачиваться. Мы с Дином появляемся вместе как пара. Не так, что трубим об этом на весь свет, и не носим маленькие бейджики, но по нашему поведению все понятно.

Дин постоянно касается меня, но не так, будто старается пометить свою территорию или выпендриться. Ему просто очень нравится проявлять свое внимание физически. Если я нахожусь рядом с ним, его рука все время где-нибудь на моем теле. Обычно его ладонь приклеена к моей пояснице, но иногда он откидывает с моего лица волосы или проводит пальцами по моему плечу. Целует меня в висок или в щеку. И у меня ни разу не было ощущения, словно Дин пытается меня удержать.

Из всех наших друзей Гаррет тревожится больше всех. Ханна хочет, чтобы я была счастлива, и пока я улыбаюсь, улыбается и она. Гаррет же, наоборот, где-то между беспокойством и настороженным приятием нашего с Дином нового статуса. Он уверен, что Дин разобьет мне сердце и это внесет раскол в отношения между его девушкой и одного из его лучших друзей.

Я пыталась убедить его в том, что уже взрослая и смогу справиться с любым разочарованием на своем пути, но разговор сразу же возвращается к Шону, которого я хочу забыть раз и навсегда. Дин же очень помогает мне в этом.

Если он не на занятиях или катке, то всегда со мной. Иногда Дин читает книгу, когда я учу свои реплики, а порой помогает мне. Он имитирует пронзительный женский голос, от которого я умираю со смеху, так что с целой сценой мы справляемся только после нескольких попыток, а к тому времени, когда заканчиваем, ему хочется секса. Из-за моего смеха, как он говорит. Хотя, по-моему, что бы я ни делала, он всегда готов.

Но самое главное – мы счастливы. Я уже давно не чувствовала себя такой счастливой. И это просто немыслимо. Если бы шесть недель назад кто-нибудь сказал мне, что я и Дин Ди Лаурентис будем встречаться и к тому же испытывать *счастье*, я бы рассмеялась этому человеку в лицо.

– Что собираешься делать после репетиции? – спрашивает меня Дин.

Он лежит на подушках на кровати, и взъерошенные волосы делают его похожим на бога секса. Я перевожу взгляд обратно на зеркало, чтобы случайно не попасть себе в глаз щеточкой от туши.

– Ничего. Наверное, перехвачу что-нибудь на ужин в одной из столовок. А что? У тебя есть планы?

– Мне нужно будет заехать кое-куда по делам, а потом я проведу немного времени на льду с «Ураганами».

Внутри меня что-то сжимается. Значит, вечером мы не увидимся? Я стараюсь не выдать своего разочарования. Ведь то, что мы встречаемся, не означает быть вместе каждую секунду.

– Хочешь потом вместе поужинать? – спрашивает Дин.

Мое сердце делает сальто.

– Конечно.

– Вот и отлично. Сможешь приехать на каток? Рядом есть ресторан, думаю, он тебе понравится. Итальянский, а оформлен в стиле ретрофильмов.

Его рука ныряет под одеяло, натянутое до пояса.

Я попадаю щеточкой в глаз.

– Может, ты перестанешь трогать себя?

Я бросаю тюбик туши на стол и беру салфетку, чтобы вытереть черное пятно, которое только что поставила себе во внутренний уголок века, потому что, елки-палки, никак не могу оторвать взгляд от Дина.

– А что такое, детка? Ты ревнуешь? А я как раз думал о том, какая ты у меня сексуальная. – Он перекачивается на бок. – Ты так округляешь ротик, когда красишь глаза, что мне сразу хочется сунуть туда свой член.

Нет, в наших отношениях с этим парнем нет ни сантиментов, ни романтики. Я изумленно смотрю на него.

– Мы только что занимались сексом.

Я быстро крашу ресницы, пока рука Дина не стала проявлять еще большей активности.

– Это было полчаса назад. А потом ты отправилась в душ и, пока одевалась, сверкала передо мной сиськами и задницей, а теперь эти эротичные движения губами. Так что да, я снова хочу тебя. Вот так.

Я накидываю пальто и, встав коленом на матрас, целую Дина на прощание.

– Тогда тебе придется справляться самому, потому что мне нужно на занятия и я не хочу опоздать.

Дин приподнимается и целует меня сначала в шею, потом в губы.

– Хорошо, сделаю все сам, чтобы вечером продержаться подольше.

М-да, а теперь я хочу секса.

* * *

Когда я приезжаю к маленькому катку, расположенному напротив начальной школы Гастингса, Дин находится на льду. Мне всегда казалось, что тренеры сидят на скамейках запасных и выкрикивают команды, но он стоит в центре хоккейной площадки, и все его внимание обращено на одинокую фигурку в розовых коньках. *Розовые?* Я думала, что «Ураганы» – команда мальчиков.

– Ты очень высоко приподнимаешься. Оставайся как можно ниже ко льду, так твой вес будет правильно распределен.

Дин приседает так низко, что его голова находится почти на одном уровне с головой миниатюрной фигурки рядом с ним, а его зад едва не касается льда.

Я с изумлением наблюдаю, как он прокатывается несколько метров, а потом вытягивает ногу и крутится. Его умение держаться на коньках просто ошеломляет.

– Давай же, попробуй еще раз.

Маленькая фигурка нерешительно двигается вперед.

– Запомни: если ты полностью выпрямишься, то получится, будешь стоять на внутреннем и внешнем ребрах лезвия. А по центру лезвия идет желобок. – Дин очерчивает пальцем полукруг. – Тебе нужно правильно использовать ребра, чтобы ноги не разъезжались в разные стороны. Сначала это будет казаться странным, но потом ты привыкнешь.

Розовые коньки осторожно толкаются вперед, одна нога за другой, потом еще раз и еще, пока фигурка не оказывается рядом с присевшим Дином.

– Ну как? – спрашивает детский девчачий голос. – У меня получается?

– Еще как! – Дин внимательно наблюдает, как девочка скользит по льду. – У тебя талант, Коти.

– Кто это – Коти? – спрашивает она.

– Ты Коти. Или погоди... Да-коти? Всем нужно прозвище.

– А у тебя какое? – Дакота упирается кулачками в бедра.

– Классный. Я Классный.

Дин подмигивает ей, берет ее руки в свои, и вот они уже катятся вместе. Вернее, Дин катится спиной вперед, а Дакота держится за него. Ее глаза с обожанием смотрят на его лицо, жадно ловят каждое его движение.

Несмотря на холод вокруг катка, мне тепло. То, с каким терпением Дин относится к этой малышке, согревает меня изнутри. Я еще не видела его за подобным занятием и никогда бы не подумала, что это может настолько тронуть меня.

Внутри расцветает нежность, заполняя трещинки и бреши, о существовании которых я даже не подозревала, и это застаёт меня врасплох.

– Ты влюблена в него?

– Нет. К нему я не испытываю никаких сентиментальных чувств...

Я вспоминаю наш с Ханной разговор и... Нет, что тогда я чувствую сейчас? Почему все, что он делает, вызывает у меня улыбку? Почему именно к нему я хочу бежать, когда доведена до отчаяния? Почему...

Оглушительный свисток отрывает меня от моих глупых мыслей, чему я очень рада. По катку разносится громкий стук, словно по льду бьют сотнями колотушек. В противоположной от меня стороне коробки появляются маленькие хоккеисты.

Дин жестом показывает им выкатиться вперед, они спешат выполнить его команду и останавливаются в центре, поднимая стену из осколков льда.

– Пока Дакота будет дальше учиться кататься на коньках, вы разделитесь на две группы. Первая группа катает шайбу от синей линии и обратно. Вторая остается стоять в центре катка, не касаясь игроков первой и не пытаясь отобрать шайбу. Просто стойте и все. Когда первая группа возвращается к синей линии, вы меняетесь. Задача этого упражнения в том, чтобы вы всегда были начеку.

Дин расставляет мальчишек, которые служат своего рода препятствиями, в разных точках, а сам остается в центре. Команда разделяется на две части, и ребята катаются туда-сюда, ловко уклоняясь от столкновения со своими товарищами.

– Он отлично ладит с ними, – произносит глубокий мужской голос.

Я поворачиваюсь к усевшемуся рядом со мной мужчине средних лет.

– Дин? – спрашиваю я.

Мужчина кивает.

– Согласна, похоже, он получает от этого удовольствие.

– Так и есть. Я Даг Эллис.

Мы жмем друг другу руки.

– Элли Хейз, подруга Дина. Он хвастался, что «Ураганы» отлично начали этот сезон, лучше, чем его собственная команда.

Эллис усмехается.

– Судя по всему, «Морозная четверка» в этом году Брайару не светит, и

это очень печально. Как Дин к этому относится?

– Нормально, по-моему. Он хочет выиграть, но... Не думаю, что хоккей – это вся его жизнь. В следующем году он планирует учиться в юридической школе.

Дин ни разу не говорил о карьере профессионального хоккеиста, в отличие от того же Гаррета. Насколько я могу судить, ему нравится играть в хоккей, но спорт не определяет его жизнь. И я очень ценю это. Потому что иногда Гаррет так много говорит об игре, что это начинает действовать на нервы. Не знаю, как с этим справляется Ханна, но, видимо, когда ты влюблен, то на многое закрываешь глаза.

Эллис вздыхает.

– Очень жаль. Я сейчас об этой юридической школе. Ему просто суждено преподавать.

Мы наблюдаем, как хоккеисты продолжают выполнять упражнение, в то время как Дин находит время, чтобы поговорить с несколькими мальчишками, которые оказались не такими быстрыми и ловкими, как их товарищи по команде. Он не повышает голоса, но и без этого дети внимательно слушают его. И еще он хлопает каждого по шлему или по спине, прежде чем отпустить.

– Ваш ребенок тоже в команде? – киваю я в сторону катка.

– Уже нет. Когда-то мой сын играл за «Ураганов», но сейчас уже учится в старшей школе. Один учитель физкультуры, мой коллега, предложил заменить меня, когда Уайетт перешел в старшие классы, но я ни за что не откажусь от этого места. Дети в этом возрасте особенные. Они жаждут учиться, пока еще ждут помощи от старших и не считают, что те тянут их назад, а угроза наказания работает эффективнее самого наказания.

– А потом все начинает идти по наклонной?

– Вы даже не представляете. – Даг качает головой. – Чем старше они становятся, тем больше у них уверенности в том, что они все знают. Хотя у Дина есть к ним подход. Я посылаю к ним пацанов постарше, чтобы они послушали, что он говорит «Ураганам». И дело даже не в том, что мальчишки тянутся к нему.

Эллис показывает на Дакоту.

– Эта маленькая девочка смотрит на Дина так, словно он Господь Бог, и она смотрела на него так еще до того, как он подарил ей эти розовые коньки. У него на всех хватает терпения, и он разговаривает с детьми с уважением. Такое редко можно встретить среди студентов. Эх, да даже большинство взрослых так себя не ведут. – Эллис пожимает плечами. – Если бы Дин хотел стать тренером, у него бы прекрасно это получилось,

но, думаю, работать со школьниками не так престижно, как быть юристом.

– Дин выбрал работу юриста не потому, что она престижная, – возражаю я, вновь ощущая желание встать на его защиту.

– Тогда уговорите его выбрать профессию преподавателя или тренера – да любую, если она связана с детьми. Он создан для этого.

Эллис начинает вставать со скамейки, а я останавливаю его.

– Зачем вы говорите мне все это?

– Потому что вы тоже смотрите на него как на святого. И у меня ощущение, что он чувствует к вам то же самое.

Эллис кланяется мне, и вот он уже катится к Дину и мальчишкам.

* * *

Дин

– О чем это вы с Дагом шушукались? – поддразниваю я Элли, переплетая наши пальцы, когда мы идем через парковку к моей машине. – Только не говори, что он подкатывал к тебе.

Я нажимаю кнопку на брелоке.

Элли краснеет.

– Ну конечно, нет. Да еще и на глазах у детей? Это было бы совсем возмутительно.

Я не могу удержаться от смеха. В постели она такая раскованная, что ее одержимость правилами приличия кажется нелепой.

– Тогда чего он хотел?

Мы садимся в машину. Элли пока не ответила на мой вопрос, и я поджимаю губы. Ну вот, теперь мне кажется, что она солгала мне и тренер Эллис все-таки *подкатывал* к ней.

– Он считает, что ты должен стать преподавателем.

Ее неожиданный ответ ошарашивает меня. Я поднимаю брови.

– Он так сказал?

Она кивает.

– Преподавателем, тренером, кем угодно, главное – чтобы профессия была связана с детьми. Это его слова. Я лично тоже считаю, что тебе стоит подумать о профессии учителя физкультуры. Тогда ты будешь свистеть в свисток и носить эти маленькие спортивные шортики, в которых твоя попа будет смотреться просто супер. – На ее губах играет легкая улыбка. –

Короче говоря, думаю, Эллис увидел в тебе нечто особенное.

– Нечто особенное?

– Когда мне было двенадцать, – объясняет Элли, – я пошла на свой первый кастинг, и ассистент режиссера по подбору актеров сказала, что увидела во мне нечто особенное. Именно это и убедило меня продолжать ходить на прослушивания и выбрать для себя актерскую карьеру.

Я усмехаюсь.

– Да, детка, но только у тебя этот талант с рождения. Сегодня я только научил малышку кататься и провел несколько упражнений для мальчишек.

И это было весело, не стану спорить. Но мысль о том, чтобы бегать по спортзалу с детишками и дуть в свисток, кажется мне... сумасшедшей. Это же полный бред, нет?

– Даже не знаю... – подначивает меня Элли. – Может, игра в вышибалы – это твоя судьба. Ну, или профессия тренера. У тебя бы отлично получилось. Тебе нравится работать с этими мальчишками.

Правда. Но... ох, ну ради бога, зачем мы вообще говорим об этом? Следующей осенью у меня начинаются занятия в Гарварде.

Я завожу машину и выезжаю с парковки, меняя тему разговора, пока Элли снова не начала меня дразнить.

– Как прошла репетиция?

– Знаешь, а неплохо. Мэллори выучила заключительную сцену, так что Стивен счастлив. Но я все равно немного беспокоюсь.

– Почему?

– Мы взяли трехнедельный перерыв на праздники. А что если она впадет в кому от выпитого эгг-нога^[17] и забудет все свои реплики?

Я усмехаюсь.

– Уверен, все будет хорошо. Когда ваша премьера?

– В первую неделю февраля. – Элли умолкает, а потом продолжает: – И к этому же времени я узнаю, берут ли меня в пилотный эпизод для канала *Fox*.

Я не слышу особого энтузиазма в ее голосе и бросаю на нее хмурый взгляд. Элли говорила мне, что отправила видео продюсерам в Лос-Анджелес, но больше ни разу не упоминала об этой роли, я даже сомневаюсь, что она звонила своему агенту, чтобы узнать новости.

Но разве она не должна кричать об этом? Я не силен в шоу-бизнесе, но мне кажется, что пилотная серия для *Fox* – это очень круто.

– А ты сама хочешь получить эту роль? – растягивая фразу, спрашиваю я.

Ее нерешительное молчание говорит громче всяких слов.

Я нажимаю на тормоз, когда мы подъезжаем к светофору, загоревшемуся красным.

– Поговори со мной, детка. Что тебя гложет?

Элли пожимает плечами.

– Я просто не влюбилась в эту роль. И... короче, в последнее время я чаще задумываюсь о том, что, возможно, мне следует отказываться от комедий и искать более сложные, драматические, роли или работать на сцене, лучше всего в Нью-Йорке.

Ее признание застает меня врасплох, но если подумать, то все вполне очевидно.

– Хочешь быть поближе к отцу?

Она поворачивается ко мне и смотрит на меня своими печальными голубыми глазами.

– Да, это многое определяет. Ему становится хуже, и мне совсем не хочется жить на другом конце страны. А вдруг что-то случится, и я ему понадоблюсь? Мне же придется подписать контракт, и я не смогу как ни в чем не бывало подойти к продюсерам и сказать: «Простите, я на несколько недель уезжаю в Нью-Йорк. Снимайте как-нибудь без меня».

– А если нанять сиделку? – предлагаю я.

– О, нет. Ему эта идея ни за что не понравится. Вообще-то, в прошлом году я уже поднимала эту тему. Тогда папа еще не нуждался в постоянном уходе, мы просто обсуждали будущее, но как же он взбесился! Сказал: «Спасибо, я сам в состоянии о себе позаботиться».

Я борюсь с улыбкой, потому что так и слышу, как Джо Хейз раздраженно произносит эти слова.

Элли закусывает губу.

– Да, конечно, сейчас он и правда может сам о себе позаботиться. Но онемение в ногах стало мучить его чаще, чем в прошлом году. То же самое и с его зрением. Пока он ходит с тросточкой, но вдруг ему понадобится кресло? Что если у него случится паралич или он ослепнет? Если это вдруг произойдет, ему нужна будет помощь. Может, и не постоянная, но мне совсем не нравится мысль о том, что он останется в Бруклине один-одинешенек.

Я протягиваю руку и сжимаю ее ладонь. Она холодная. Дрожит. Элли напугана. Она боится потерять отца, ведь ей уже пришлось пережить смерть матери. Я даже не знаю, что сказать, чтобы утешить ее, потому что, по правде говоря, она вправе бояться.

Мои родители – активные, здоровые люди, так что я не переживаю о том, что они могут умереть. Когда мы вместе, мне нет смысла представлять

нависающий над их головами рок.

Но мистер Хейз страдает от болезни, которая медленно уничтожает его нервную систему. Он борется с ней уже на протяжении нескольких лет, а его дочери приходится стоять в стороне и беспомощно наблюдать за этой борьбой.

Господи, вдруг меня поражает ее внутренняя сила. До этого момента я даже не осознавал, как же все это тяжело для самой Элли.

– Давай больше не будем говорить об этом. Это меня угнетает. – Ее голос немного дрожит, но потом она успокаивается. – Лучше расскажи мне про ресторан, в который меня везешь.

* * *

После ужина мы едем ко мне домой. Вчера я остался у Элли, сегодня ее очередь ночевать у меня. У нас всегда все по-честному, за исключением случаев, когда Элли начинает говорить, что она девочка, а девочкам нужно уступать, и тогда все скатывается к тому, что «делай так, как хочет твоя девушка».

Моя девушка. Офигеть. Это до сих пор не укладывается у меня в голове. А вообще-то, я не жалею. Мне с Элли классно. И у нас регулярный дикий секс. Так что я стараюсь думать только об этом и не забивать себе голову остальным.

Жаль, что мои друзья не могут сделать то же самое. Гаррет убежден, что я рано или поздно облажаюсь и все закончится катастрофой для всех нас. Иногда мне хочется, чтобы он больше в меня верил.

Говорит парень, из-за которого кое-кто чуть не покончил с собой.

Сердце сжимается от боли, которая приходит вместе с этими воспоминаниями: образ Миранды, ее слезы, тревожные звонки среди ночи, когда она угрожала убить себя и обвиняла меня в том, что я разрушил ее жизнь.

Боже мой, каждый раз, как я позволяю себе снова окунуться в те события, мне становится тошно и плохо, и я отталкиваю от себя эти неприятные мысли. Думаю, она никогда не ответит на мой запрос в друзья. И в этом нет ничего странного.

Мы с Элли входим в тесную прихожую нашего таунхауса, и нас тут же окружает аромат, ничуть не уступающий тому, что царил в ресторане, откуда мы только что уехали. Значит, Такер дома.

– Так, где ты?

– На кухне, – доносится до нас его голос.

Я снимаю пальто и вешаю его на свободный крючок на стене. Элли тоже раздевается и наклоняется, чтобы расстегнуть сапоги. Я шлепаю ее по попе и ухмыляюсь, когда она бросает на меня сердитый взгляд.

– Что готовишь? – кричу я Такеру.

– Суп, – кричит он в ответ. – И пеку хлеб.

– Иногда я начинаю волноваться за него, – со вздохом говорю я Элли. – Чем домовитее он становится, тем больше риск, что у него отпадет член.

Элли неодобрительно цыкает.

– Сексистский ублюдок.

– По-моему, ты хотела сказать «сексуальный ублюдок».

– Нет, я сразу сказала правильно.

Мы успеваем сделать всего несколько шагов в сторону гостиной, как передняя дверь за нашими спинами распахивается. Я разворачиваюсь, и в ту же секунду на меня налетает торнадо.

– *Сюрприз!* – кричит это самое торнадо, забрасывая руки мне на шею. – Угадай, кто приехал к тебе на выходные?

Я в таком шоке, что обнимаю в ответ, повинуюсь инстинкту, и краем глаза замечаю недовольное выражение лица Элли. Да уж, я знаю, о чем именно она сейчас подумала, и мне нужно как можно скорее ее разубедить.

Элли специально покашливает, и гостя поворачивается к ней.

– Ой, привет. Ты кто?

– Девушка Дина, – натянутым голосом сообщает Элли. – А кто *ты*?

Но вместо того, чтобы ответить, Саммер смотрит на меня.

– У тебя есть *девушка*? Какого черта, Дики! Почему я все всегда узнаю самая последняя?

Элли издает какой-то звук. Мне он напоминает рычание.

– Ты только что назвала моего парня *Дики*?

– Да, и что с того? – с вызовом спрашивает Саммер.

Я спешу вмешаться, пока они не набросились друг на друга. Нет, конечно, драки между девчонками – это очень эротично, но только если ты не связан родственными узами с одной из кошечек.

– Саммер, это Элли. Элли, это Саммер. – Я вздыхаю. – Моя младшая сестра.

Как же я сразу этого не поняла? Конечно же, эта энергичная девушка ослепительной красоты – сестра Дина! Теперь, когда туман ревности испарился, я четко вижу их сходство...

Волосы Саммер того же светлого оттенка, что и у Дина, такие же живые зеленые глаза. Она немного ниже его ростом, но гораздо выше меня. Наверное, где-то метр восемьдесят.

– Что ты здесь делаешь? – обращается Дин к своей сестре, которая не медлит с ответом.

– Я же говорила тебе, что приеду в гости, помнишь?

– Нет, ты говорила мне, что *хотела бы* приехать в гости. – Он издает раздраженный стон. – Саммер, нельзя вот так запросто, без предупреждения заявляться в гости. А если бы меня не было дома?

– Но ты же здесь. – На губах Саммер сияет ослепительная улыбка. – И теперь я тоже здесь. Видишь, вселенная всегда расставляет все по своим местам.

Дин выгибает бровь.

– А вселенная не упоминала о том, что завтра у меня игра в другом городе? И что автобус отправляется в восемь утра? И что я, скорее всего, не вернусь до полуночи?

В глазах Саммер появляется разочарование.

– Вот блин! А я уезжаю в воскресенье рано утром. – Она умолкает, но ее лицо тут же озаряется: – Ничего страшного. Значит, у нас есть вся сегодняшняя ночь. Где мне оставить сумку?

Я прижимаю кулак к губам, чтобы спрятать смешок. У меня такое ощущение, что ничто на свете не может испортить настроение Саммер Ди Лаурентис. Похоже, она даже засыпает с улыбкой на губах.

Дин отвечает ей натянуто, как будто приезд его сестры причинит большие неудобства.

– Вообще-то, у меня были планы, козьявка.

Козьявка?

– Планы изменились, – как ни в чем не бывало заявляет его сестра. – Теперь я – твои планы.

Ее зеленые глаза сейчас смотрят на меня.

– Ты же не против, если я сегодня потусуюсь с тобой и Дики, подружка?

Смешок, который я пыталась сдержать, вырывается наружу. Вернее, взрыв хохота, потому что... Ну почему она называет его Дики?

– Я совсем не против, – успокаиваю я Саммер и, увидев раздраженный взгляд Дина, добавляю: – Ты объяснишь мне это прозвище или мне можно самой придумать историю?

Саммер ухмыляется мне.

– Если честно, это один из самых скучных курьезов. Когда я была маленькой, то не выговаривала его имя. Нашего старшего брата Ника я называла Ники, ну и тут заменила только первую букву, и вуаля! Дики. – Она с заговорщицким видом подмигивает мне. – Он ненавидит это имя.

И едва ли Дина можно за это винить. Хулиганка Саммер наверняка довольно часто развлекалась, дразня среднего брата таким обидным именем.

– Ну, что будем делать? – радостно спрашивает Саммер, перебрасывая волосы за плечо и крутясь на месте. Боже мой, сколько же в ней энергии! – Тут поблизости есть клуб или бар? Я захватила свое поддельное удостоверение, так что...

– Тебе лучше отдать его мне, – перебивает ее Дин. – Потому что я ни за что не стану потакать несовершеннолетней в нарушении закона.

Его сестра фыркает.

– Ну вот не надо мне тут рассказывать. Ты стал выпивать в тринадцать.

– Я был очень зрелым для своего возраста.

– Ты и *сейчас* не очень-то зрелый!

– По крайней мере, меня не выкинули из Брауна за то, что я поджигал тоги.

– Меня не выкидывали из Брауна, и я *не* поджигала тоги.

– Откуда мне знать? Я понятия не имею, за что тебя выкинули, потому что никто из членов нашей семьи, блин, ничего мне не сказал.

– Меня не выкидывали!

У меня уже начинает кружиться голова: так часто мне приходится крутить ею от Дина к Саммер и обратно. Так ведут себя все братья и сестры? Если да, то мне повезло, что я единственный ребенок в семье. Эти бесконечные перепалки кажутся очень утомительными.

– Если ты перестанешь кричать на меня, – ворчит Саммер, – и мы сядем и спокойно поговорим, как взрослые люди, тогда я расскажу тебе, почему у меня испытательный срок.

Она машет рукой с маникюром.

– А давай оставим это на потом. Мне хочется пойти на вечеринку. Как думаешь, какое-нибудь из братств устраивает сегодня вечеринку? Погодите, что я говорю?! Конечно же, в «Греческом ряду» обязательно будет вечеринка! Только так эти придурки могут получить шанс с кем-то перепихнуться...

Я опять давлюсь от смеха.

Мне еще никогда не доводилось видеть Дина таким рассерженным. Его кулаки прижаты к телу, как будто он изо всех сил пытается не придушить свою сестру.

– Сегодня мы не пойдем ни на какую вечеринку. Я же сказал тебе, у меня завтра автобус рано утром. А значит, мы остаемся дома. Проведем тихий, спокойный вечер, – решительно объявляет Дин.

И стоит ему произнести эти слова, как входная дверь снова открывается, и в дом вваливаются четыре хоккеиста. Или три хоккеиста и обычный студент, потому что я узнаю только Логана, Фитци и Холлиса, четвертый парень мне незнаком. Его темные волосы торчат в разные стороны, к тому же он довольно щуплый, чтобы быть хоккеистом.

– Привет.

Логан кивает нам и снимает куртку. Прихожая просто очень маленькая, чтобы вместить столько народа, и я вдруг понимаю, что вжимаюсь в стену.

– Это моя сестра, – говорит Дин, и его спокойный голос заставляет меня спрятать улыбку.

Парни кивают, говорят «привет», но торопятся пройти в гостиную. Логан оборачивается к нам.

– У Морриса демоверсия последнего *Mob Boss*. Игра пока не вышла. Мы, наверное, засидимся допоздна.

Саммер, стоящая рядом со мной, расплывается в улыбке.

– Давайте, но только не допоздна. Автобус отправляется в восемь, – напоминает соседу Дин.

Логан пожимает плечами.

– Выплюсь в автобусе.

И он исчезает в гостиной.

Саммер уже чуть ли не дрожит от восторга. Она придвигается ближе и спрашивает:

– Кто *это*?

Я морщу лоб.

– Ты имеешь в виду Логана? Он здесь живет. Но смотри не выкинь чего: у него есть девушка.

– Нет, я не про него. – Она пренебрежительно машет рукой. – А про того здоровяка с татухами. Не расслышала, как его зовут.

– А, это Фитци. Колин Фитцджеральд, – объясняю я. – Товарищ твоего брата по команде.

Зеленые глаза Саммер загораются. Она снова перебрасывает волосы и объявляет:

– Я хочу его.

– Саммер! – сердито восклицает Дин, а я отчаянно пытаюсь не засмеяться.

– Что? Я говорю как есть. – Его сестра невинно хлопает глазами. – Будь честной или будь дрянью – разве не этому ты научил меня, когда мне было двенадцать? Помнишь, после того, как я украла твою любимую рубашку и случайно уронила ее в канализацию?

– Как ты умудрилась *случайно* уронить рубашку в канализацию? – спрашиваю я.

– Она была не *на мне*, а выпала из рюкзака. – Саммер ухмыляется Дину. – Потом я соврала про то, что случилось, и ты прочитал мне лекцию о том, как важно быть честным, помнишь? Так что мои поздравления, Дики! Теперь я суперчестный человек.

Она показывает пальцем в сторону гостиной.

– Я *в жизни* не видела такого горячего парня. И я хочу его.

– Когда-нибудь я убью тебя, пока ты спишь, – говорит Дин своей сестре. – Клянусь чем угодно.

Саммер елеинно улыбается.

– О, Дики, ты никогда и ни за что этого не сделаешь. А знаешь, почему?

– Почему? – рявкает Дин.

– Потому что ты любишь меня.

И, честное слово, по-моему, я уже тоже ее люблю.

* * *

Дин

Мне страшно от того, что я могу обнаружить, вернувшись домой. Меня не будет шестнадцать часов, но Саммер Хейворд Ди Лаурентис способна устроить катастрофу за шестнадцать *минут*.

Как-то раз, когда ей было тринадцать, я и Ник остались дома с ней. Мы вышли из гостиной максимум минут на двадцать, а когда вернулись, то шкафчик с алкоголем был перевернут, повсюду валялось разбитое стекло, а Саммер лишь улыбнулась нам и сказала: «Упс».

Она пояснила, что хотела попробовать спиртное, чтобы понять, из-за чего весь сыр-бор. И в процессе разбила бутылок на несколько тысяч долларов.

Слава богу, сейчас ей двадцать. Но доверяю ли я ей? Абсолютно нет. Просто надеюсь, что Элли найдет способ справиться с ней. Да, мне пришлось уговорить свою девушку побыть сегодня нянькой моей младшей сестры, потому что ни за что не позволю Саммер разгуливать по кампусу без сопровождения.

Во время пятичасовой поездки в Скрантон мне то и дело приходят сообщения от Элли, где она пишет, чем они занимаются, не забывая упомянуть о том, какая классная у меня сестра, и, боже мой, о каком-нибудь унижительном случае из моего детства, которым с ней только что поделилась Саммер.

Завтракаем в столовой.

О, твоим первым словом было «титя»? И почему я не удивлена?

Едем с С. в салон. Она хочет сделать маникюр.

Ты боишься тату-игл? С. только что рассказала мне, как ты был почти готов набить себе татуху в 18, но испугался и ушел. Буга-га.

Блин, ненавижу свою сестру!

На время игры мой телефон остается в раздевалке, но даже холодные взгляды и ворчливая критика О'Ши не испортят сегодня моего настроения, потому что после третьего периода мы уходим со льда с победой.

Я продолжаю пребывать в хорошем расположении духа, когда мы покидаем арену и садимся в автобус, и, опустившись в кресло, я с облегчением читаю ожидающие меня сообщения.

Едем в Бостон пообедать. С. захотелось пройтись по магазинам.

Отлично пообедали. Теперь едем домой.

О, снег! Мы с С. вышли на прогулку.

Дома. Отогреваемся и болтаем о девичьем. Передай Таку, что его томатный суп – просто бомба.

Киномарафон. Поставила телефон на беззвучный. Увидимся, когда вернешься.

Последнее сообщение пришло около восьми часов. Хорошо. Надеюсь, это означает, что Элли и Саммер завернулись в плед и смотрят кино в гостиной, а не создают мне проблемы.

Ха, а Элли была права. Идет *снег*. Как только наш автобус пересекает границу штата и въезжает в Массачусетс, за окном вдруг начинают кружить белые снежинки. Я люблю зиму, так что с удовольствием люблюсь снегопадом.

Мы подъезжаем к нашей ледовой арене незадолго до полуночи. Я и Так едем домой на моей машине, а Гаррет с Логаном отправились в общежития, чтобы переночевать у своих девушек.

Спустя десять минут я останавливаюсь на подъездной дорожке у нашего дома. Свет нигде не горит, но в окнах гостиной виднеются всполохи телевизора.

Мы с Таким входим в непроглядную темноту прихожей. Я иду впереди и, скидывая на ходу ботинки, шарю по стене в поисках выключателя.

Но включить свет мне не удастся. Тишину дома вдруг пререзает леденящий кровь вопль.

Я и глазом не успеваю моргнуть, как меня обливают какой-то теплой жидкостью. Мои перепонки чуть не лопаются от следующего крика, и я пытаюсь понять, какого хрена тут творится, когда на мой висок с силой опускается какой-то твердый предмет.

Бам!

Голова чуть не раскалывается от боли, и я падаю на пол как мешок картошки.

Факт № 1: В полицейском департаменте Гастингса примерно восемь офицеров.

Факт № 2: По-моему, все они, мать их, сейчас находятся у меня дома.

– Вы будете подавать в суд?

Дежурный офицер нависает над Элли, словно медведица над своими медвежатами. На его лице появляется ехидная улыбка, когда он осуждающе смотрит на меня.

Я сижу на нижней ступеньке лестницы и смотрю на него в ответ. Фельдшер скорой помощи, осматривающий мой висок, делает мне выговор, когда я отворачиваю голову, но мне плевать на него. Потому что то, что происходит сейчас, – просто какой-то бред.

– Если уж кому и подавать в суд, так это мне, – недоверчиво говорю я.

Коп поднимает руку, призывая меня молчать.

– Мы беседуем с мисс Хейз, сэр.

О да, мисс Хейз. Чокнутая маньячка, которой оказалась моя девушка. Мастер кунг-фу, вырубившая меня статуэткой Уэйна Грецки.

Но, по крайней мере, свет включен. И теперь все могут стать свидетелями моего позора.

– Вы беседуете не с тем человеком, – бормочу я сквозь сжатые зубы. – Это на меня напали.

Одна из женщин-полицейских, прищурившись, смотрит на меня.

– Насколько мы можем видеть, сэр, потерпевшие здесь – вот эти молодые леди.

Она показывает рукой на пол.

– Мы вошли и увидели вас лежащим в луже крови...

– Это был суп! Томатный суп!

– ... и выкрикивающим оскорбления в адрес мисс Хейз и мисс Ди Лаурентис.

– Потому что они *вырубили* меня.

– Совершенно очевидно, что они увидели в вас угрозу, раз решили обезвредить, – холодно добавляет другой офицер.

Он надувает губы, отчего его усы, как у сексуального маньяка,

топорщатся в стороны.

О господи, я их придушу. В ту же самую секунду, как уйдут копы. Придушу, мать их.

– Сэр, мы допрашиваем свидетеля, – обращается ко мне старший офицер. – Пожалуйста, воздержитесь от разговоров до тех пор, пока к вам не обратятся.

Такер, который стоит, прислонившись к стене, в нескольких шагах от меня, кажется, вот-вот обоссется в штаны от смеха. Сдавленного смеха, который вибрацией отдается в его широких плечах и от которого его щеки пошли красными пятнами.

Ну хотя бы у Элли хватает совести выглядеть виноватой. Судя по выражению лица Саммер, ей скучно.

– Я сильно перенервничала, – признается Элли.

– Расскажите нам, что произошло, – осторожно просит ее женщина-коп.

Я стискиваю зубы, а Элли глубоко вздыхает. В это время осматривающий меня парамедик с такой нежностью ощупывает мою голову, словно пытается заставить меня кончить.

– Я как раз подогрела суп на кухне. Он был не очень горячий, так как я предпочитаю теплый суп, иначе он обжигает мне язык, а я ненавижу, когда так происходит. – Элли вздыхает. – Простите, это к делу не относится. Короче говоря, я шла в гостиную. Свет был выключен, потому что мы смотрели кино. Я услышала шаги за входной дверью, и вдруг кто-то вошел в дом так, будто он тут живет...

– Потому что я здесь и живу, – рычу я.

Элли избегает моего разъяренного взгляда.

– Я думала, это был преступник.

– Преступник с ключом от дома? – с сарказмом спрашиваю я.

Копы снова сердито смотрят на меня. Я закрываю рот.

– Я бросила чашку с супом в его голову и схватила первое, что попало под руку.

Элли показывает на пресс-папье Грецки, которое мы обычно ставим на почту, чтобы она не разлеталась в стороны, когда кто-нибудь открывает входную дверь. Сейчас фигурка валяется на паркете рядом с лужицей томатного супа. Удивительно, как это копы не поставили рядом флажок, указывающий на важную улику.

– Дин ни в чем не виноват, – настойчиво говорит Элли. – Честное слово, это все я. Испугалась без всякой причины.

Наконец она переводит взгляд на меня.

– Видишь? Вот почему мне не нравятся фильмы ужасов! Посмотришь в детстве *один-единственный* ужастик, и потом каждый, кто подойдет к твоей двери, кажется серийным убийцей.

– Ты сейчас что, издеваешься надо мной? Ты будешь смотреть фильм ужасов с моей *сестрой*, но не со мной, так? А *мы* с тобой будем смотреть фильм про *рак*?

– Дики, – нараспев произносит Саммер, – хватит ворчать.

Я так сердито смотрю на сестру, что она морщится.

– Чтобы я больше не слышал от тебя ни единого слова, – рявкаю я. – И не думай, что перед тем, как отрубиться, я не почувствовал, что ты пнула меня. Кто так делает, Саммер? Кто пинает лежащего?

Краем глаза я вижу, как Такер съезжает по стене на пол. Закрыв лицо ладонями, он трясется от смеха.

Фельдшер закрывает мне весь обзор, сев на корточки прямо передо мной.

– Мне нужно проверить, нет ли у вас сотрясения.

Ох, вашу мать!

Он достает тонкий фонарик и светит мне в глаза. Элли встает рядом с ним, тревожно хмурясь.

– О нет, у него сотрясение?

Она приседает и дотрагивается до моей руки.

– Может, нам нужно позвонить твоему тренеру?

Ее вопрос привлекает внимание старшего офицера.

– Твоему тренеру? Черт! Ты один из мальчишек Дженсена?

Я раздраженно киваю. Мне по-прежнему хочется наброситься на этих придурков из-за того, что они обращаются со мной как с подозреваемым, а не как с пострадавшим.

– Ну-ка повтори: как твое имя?

– Дин Ди Лаурентис.

– Точно! Теперь я тебя узнаю, – радостно говорит коп. – В прошлом году ваша победа в «Морозной четверке» – это было что-то! Ты отлично играл.

К нам подходит усатый коп.

– В последнее время команда играет не очень. Что с вами стряслось?

– Но тот парнишка, Давенпорт, очень *быстрый*, – встречается еще один коп. – Есть шансы, что Дженсен поставит его в звено Грэхема?

В течение следующих десяти минут полицейские забрасывают меня вопросами о команде и наших шансах завоевать национальное первенство, в то время как фельдшер вынуждает меня терпеть всю процедуру осмотра

на сотрясение и в итоге решает, что в больницу мне не нужно. Он собирает свои инструменты и вместе с копами покидает дом. Как только они уходят, я вскакиваю на ноги.

С каждым шагом мои промокшие носки неприятно чавкают. Весь в красных пятнах, со стекающим с волос томатным супом, я двигаюсь на девчонок. Точнее, на Элли – ведь это она атаковала и вырубил меня.

– Я собираюсь принять душ, – объявляю я. – А когда выйду, мы с тобой немного побеседуем о том, насколько ты чокнутая.

Щеки Элли краснеют.

– Прости, ладно? Я уже призналась, что остро среагировала.

– Ты думаешь? – Я скачу на одной ноге, потом на другой, стягивая омерзительные носки. – Seriously, я пока еще зол на тебя, так что, когда выйду, тебе лучше ждать меня в моей спальне.

– И что ты сделаешь? Отшлепаешь меня?

Я рычу.

– Черт, не искушай меня, детка.

– Фу, – встревает Саммер. – Прощу тебя, не обсуждай свои БДСМ-игры в присутствии сестры.

Я показываю на нее пальцем.

– Больше... ни... единого... слова.

Потом я поворачиваюсь к Такеру, предателю, которого так развеселили мои мучения.

– Пожалуйста, отведи Саммер в комнату Гаррета и найди способ запереть ее внутри.

Такер усмехается, но протягивает ей свою руку.

– Пойдем, сестренка, оставим беднягу. Он и без того уже настрадался сегодня.

* * *

Элли

Чувство гордости никогда не мешало мне признать свою неправоту.

Но сегодня я облажалась как никогда. Я не только напала на своего парня с пресс-папье, но и вызвала полицию, потому что в тот момент была просто уверена в том, что убила его.

Мне жутко стыдно, настолько, что я позволю Дину кричать на меня

столько, сколько ему потребуется. Поэтому сейчас я сижу на краешке его кровати, как он велел.

– Вы только посмотрите, какие мы послушные, – язвит Дин, входя в спальню.

Уронив полотенце на пол, он идет к комоду и натягивает черные боксеры. Я же покорно жду, когда он начнет выговаривать мне.

– Я думала, ты будешь кричать на меня.

Он потирает висок, тихо постанывая.

– Я передумал. У меня адски болит голова.

Меня наполняет тревога.

– Это плохо. Может, нам стоит поехать в пункт первой помощи?

– Нет. Я в порядке, кошечка Элли.

Я испытываю угрызения совести, когда наблюдаю, как он трет свой висок.

– Меня уже давно так никто не бил, а я играю в хоккей, – сердито говорит Дин. – Ты чертовски сильная, вообще-то.

– Знаю. – Я робко смотрю на Дина. – Я же говорила тебе, что ходила на курсы самообороны.

– Что ж, стоит поблагодарить твоего отца за то, что ты вполне способна постоять за тебя, и послать его куда подальше за то, что ты превратилась в смертельное оружие. – Дин снова стонет. – Господи, поверить не могу, что ты так запросто разделалась со мной. Тебе повезло, детка, что я люблю тебя. Если бы это сделала какая-нибудь другая девчонка...

– Ты любишь меня? – перебивая его, спрашиваю я.

Дин останавливается на середине фразы. На мгновение он кажется искренне озадаченным, словно не понимает, о чем я говорю, и не осознает, что сам только что сказал.

Но я слышала это. Четко и ясно. У меня замирает сердце. Он только что признался, что любит меня.

– Ты только что так сказал, – говорю я Дину, борясь с широченной улыбкой, которая грозит вот-вот появиться на губах.

– Я... – Дин прочищает горло. – Ладно уж, черт с ним. Думаю, так и есть.

– Ты серьезно?

Когда он кивает, мои губы начинают растягиваться против моей воли. Боже, как же сильно мне хочется сейчас улыбнуться!

– Я хочу услышать это снова, – умоляю я его.

Он потирает кулаком подбородок, и меня умиляет его смущенный вид.

– Ой, детка, не заставляй меня произносить это снова. Плохо уже то, что я признался *первым*. Со мной такого никогда не бывало.

Моя улыбка сияет в полную силу, от уха до уха. Я слетаю с кровати и бросаюсь в его объятия, но голова кружится от счастья и мне не удается поцеловать его по-настоящему. Мои поцелуи слюнявые и жадные, и Дин хохочет как сумасшедший, пока я хаотично тычусь в него ртом.

Внезапно я отстраняюсь.

– Уверен, что с твоей головой все в порядке?

– С ней все нормально, – уверяет он меня, и я чувствую вибрацию его радостного смеха, когда снова принимаюсь чмокать его лицо.

– Это хорошо, потому что, по-моему, мы должны заняться сексом.

Я толкаю его к кровати, положив руки ему на талию.

Дин изображает изумление.

– Мы должны? И почему это?

– Потому что ты сказал, что любишь меня, и я тоже тебя люблю, а ты *знаешь*, как сильно меня возбуждает вся эта романтическая фигня. – Я практически сдираю с себя рубашку. – Милый, ты даже не представляешь, какая я сейчас мокренькая.

Веселье в его глазах тут же сменяется томным желанием.

– Покажи мне, – просит он.

Я стягиваю с бедер легинсы, трусики – тоже. Пинаю их в сторону и подхожу ближе к Дину. Потом беру его руку и кладу между своих ног. Она тут же сжимается в кулак, тогда я кладу свою ладонь поверх его костяшек и двигаю наши руки по своей мокрой промежности.

Дин стонет, и в этот раз не от боли. Или это другая разновидность боли. Его эрекция натягивает трусы – твердая длинная выпуклость, которую я жажду ощутить внутри себя.

– Элли... – Его голос звучит хрипло.

– М-м-м? – Я двигаю бедрами.

– Я люблю тебя.

Эти три слова вызывают внутри целый пожар. Я издаю стон. Дин – тоже. Я знаю, он чувствует, как сжимаются мои бедра, как влага покрывает его ладонь.

– Боже мой, – сдавленно произносит Дин, – вся эта штука с любовью реально возбуждает тебя.

– Говорила же.

Я толкаю его, он падает на матрас и приподнимается на локтях.

– Я собираюсь кончить на тебя. Множественные оргазмы и все такое.

Дин тянется к ящику за презервативом, а я уже сижу верхом на нем.

– Люблю тебя, – шепчет он и прижимается ртом к моему рту.

Поцелуй выходит сладким и нежным, и от него по телу пробегают мурашки удовольствия. Рука Дина дрожит, пока он надевает презерватив. Мы продолжаем целоваться, когда он переворачивает нас и втискивает в меня головку.

Я кладу руки ему на плечи и поднимаю бедра, чтобы пенис Дина проник глубже. Это срабатывает. С тихим стоном Дин входит еще на дюйм, потом еще и еще, и вот он уже полностью внутри, растягивая и наполняя меня.

Наши затуманенные взгляды встречаются, когда Дин начинает двигаться. Черт, я ощущаю себя такой полной! Дин убирает прядь волос с моего лба и проводит пальцами по моей щеке, занимаясь со мной любовью в ленивом, блаженном ритме, от которого у меня поджимаются пальцы на ногах.

– Люблю тебя, – повторяет Дин, и будь это не я, если все мое тело не поет от радости.

Я прижимаю его к себе, принимая каждый его медленный толчок. Дин подкладывает руку под мою попу, поднимая меня так, что его лобковая кость упирается в мой клитор каждый раз, когда он входит глубже. У меня перед глазами вспыхивают звезды. Я ловлю ртом воздух, издаю стоны и извиваюсь под Дином, и он становится центром моей вселенной. Меня накрывает волной оргазма, с моих губ слетает: «Я люблю тебя».

Зеленые глаза Дина вспыхивают. Хрипло простонав, он опускается на меня, глубоко проскальзывая в меня в последний раз.

– Я тоже тебя люблю, – говорит он, дрожа от наслаждения.

Декабрь пролетает почти незаметно, я и опомниться не успеваю, как наступают праздники. Как же приятно будет провести три недели, отдыхая с семьей и обедаясь рождественскими вкусняшками!

Почти все каникулы я проведу с папой, за исключением первых двух дней, когда буду с Дином в Коннектикуте. Его семья отправляется на Сен-Барт на пару недель, так что это мой единственный шанс увидеться с ним до его отъезда, а потом, когда Дин вернется, он приедет ко мне в Нью-Йорк, чтобы насладиться последними тремя деньками свободы.

Дин просил меня поехать на остров вместе с ним, но я предпочла остаться в Бруклине, хотя на душе кошки скребли из-за того, что пришлось отказаться от бесплатного путешествия в рай. Кто знает, что меня ждет после окончания университета? Мне нужно пользоваться каждой секундой, которую я могу провести с папой.

И все же мне было грустно покидать Коннектикут.

Дин говорил мне, что его родители – легкие в общении и непринужденные люди, но я все равно не могла в это поверить. Ведь они богатые юристы, у которых *три* дома, может, даже больше. Дин никогда не хвастается, но я знаю, что у его семьи есть по дому в каждой стране.

Глядя на них, ни за что об этом не догадаешься. Все время, пока я была в Гринвиче, мама Дина носила джинсы и фланелевую рубашку и призналась мне, что в выходных она больше всего любит возможность забыть про деловую одежду. Ее зовут Лори, она сохранила свою девичью фамилию и ведет практику под именем Лори Хейворд.

Папа Дина, Питер, такой же добродушно-веселый. Каждое утро он занимался какой-то бумажной работой в своем кабинете, но большую часть времени старался проводить с детьми: катался на лыжах с Саммер, играл в хоккей со своими сыновьями на открытом катке позади их особняка. Да-да, у них есть собственный каток.

Ник, брат Дина, оказался необыкновенно приятным мужчиной. Он привез с собой свою новую девушку, которая тоже работает юристом, но в другой фирме. Поначалу она показалась мне чересчур чопорной, но потом, когда я узнала ее поближе, оказалось, что она очень даже милая.

А Саммер... ну, Саммер есть Саммер. Никаких фильтров, яркая, с заразительным смехом. Иногда мне кажется, что я люблю сестру Дина больше, чем его самого.

Но, как бы печально мне ни было прощаться с Хейвордами Ди Лаурентисами, я с радостью жду встречи с папой. Решаю немного побаловать себя, заказываю такси из Гринвича в Бруклин и уже поздно вечером качу свой чемодан через парадную и зову отца.

Папа сидит в гостиной в спортивных штанах и читает книгу под названием «Физика хоккея». Он приветствует меня снисходительной улыбкой и брюзжит, когда я целую его в щеку и принимаюсь расспрашивать о самочувствии. Наконец ему удастся перебить меня и спросить о том, как прошла моя поездка в Коннектикут. Когда я рассказываю ему, как здорово провела там время, он выглядит немного разочарованным, что заставляет меня нахмуриться.

Мы созваниваемся пару раз в неделю, так что папа уже в курсе, что я встречаюсь с Дином. Но, к моему удивлению, старается не говорить на эту тему. Когда я рассказала ему, он лишь немного поворчал и с тех пор в разговорах больше ни разу не упоминал о наших отношениях.

Но сейчас отец решил высказаться.

– Он не создан для длительных отношений, Эй-Джей, – устало вздохнув, говорит папа. – Надеюсь, ты это понимаешь.

Эти откровенные слова вонзаются в самое сердце. Конечно, мы с Дином не планируем на следующей неделе рассылать всем приглашения на свадьбу, но и расставаться в ближайшее время вроде тоже не собираемся. Нам по двадцать два года. Мы влюблены. Дальше будет тяжело, особенно когда я получу работу в Лос-Анджелесе или Нью-Йорке, а Дин следующие два года будет учиться в Кембридже, но уверена, если мы постараемся, у нас все получится. А когда Дин закончит юридическую школу, сможет работать в любой точке страны, где захочет. Где буду я. Мы еще не обсуждали это, но Дин даже не намекал на то, что хочет расстаться после окончания университета.

– Он может, – тихо говорю я, – быть в длительных отношениях.

Папа упрямо качает головой.

– Нет. – Его голос вдруг теряет свою резкость. – Хочешь узнать самое важное, что я уяснил для себя после восемнадцати лет жизни с твоей мамой?

Я опускаюсь на диван рядом с ним и жду, когда он продолжит.

– Иногда отношения могут быть настоящей занозой в заднице.

Я не могу не засмеяться.

– Мама говорила мне то же самое.

Воспоминания о нашем последнем с мамой разговоре отзываются болью в сердце.

– Она рассказала мне, что однажды у вас были серьезные проблемы, – признаюсь я.

Мы с папой никогда не затрагивали эту тему. Хотя мама всегда была откровенна со мной об их с отцом трудностях. Без подробностей, но она хотела, чтобы я знала, как сильно им порой приходилось бороться за свой брак.

– Да, было такое, – с болью в голосе подтверждает папа. – Все из-за моих разъездов. После твоего рождения Ева оставила модельную карьеру и все время была дома. А я все время был в дороге. – Тут он бросает на меня грозный взгляд. – Я ни разу не притронулся к другой женщине, Эй-Джей. Проблемы у нас были не из-за этого.

– Я знаю.

– Это было чертовски трудно: долгие разлуки, короткие телефонные разговоры. Я приезжал домой, и мы чувствовали себя двумя незнакомцами, которым заново приходилось узнавать друг друга. Нам потребовалось приложить немало усилий, чтобы справиться с этим. – В его глазах отражаются все пережитые муки. – А потом она заболела, и все стало еще сложнее.

В моем горле встает ком. Мне было двенадцать, когда маме диагностировали рак легких. Я помню, как упрашивала их взять меня с собой каждый раз, когда папа отвозил ее на химиотерапию. Они никогда не разрешали мне, а в те дни, когда побочные эффекты проявлялись очень сильно, когда мамина кожа была пепельного оттенка, когда ее тошнило так сильно, что трескались ребра, они отправляли меня к тете, в Куинс. Они не хотели, чтобы я видела ее такой. Но я насмотрелась достаточно.

– Дин... – папа прочищает горло, снова меняя тему разговора, – я знаю таких, как он. Они не в состоянии справиться с чем-то по-настоящему серьезным: с ударами судьбы, с коренными переломами. А что если ты, упаси господь, заболеешь или пострадаешь в какой-нибудь аварии? Или в стране наступит кризис и империя твоего мужчины рухнет? – В голосе папы появляются презрительные нотки. – Он развалится на части, как дешевая палатка.

– Это неправда, – возражаю я. – Дин – прекрасный человек. Он хорошо относится ко мне. Я счастлива с ним.

– Ты обманываешь саму себя, Эй-Джей. Да, он хорошо к тебе относится – *сейчас*. У него идеальная жизнь. Он платит другим, чтобы те

решали его проблемы. Пока все идет так, как ему нужно, лучше него в твоей жизни ничего не будет. Но если случится что-то непредвиденное? Он исчезнет, не останется с тобой, потому что иначе ему придется покинуть пузырь идеального мира, в котором он живет, и столкнуться лицом к лицу со всякими неприятными вещами. А этот парень избегает неприятных ему вещей.

– Ты ошибаешься, – шепчу я.

Папа ругается.

– Боже, если бы ты знала, милая, как тяжело мне говорить тебе все это! Думаешь, мне нравится видеть это обиженное лицо? Оно разрывает меня на части, Эй-Джей. Но я хочу, чтобы ты была готова, если это когда-нибудь произойдет. – Он смиренно вздыхает. – Запомни мои слова. На него нельзя рассчитывать. Лучше пойми это сейчас, нежели когда будет слишком поздно.

* * *

Я не позволяю папиным предостережениям – и его совершенно несправедливому отношению к Дину – испортить нам праздники. Он переживает и не хочет, чтобы я снова осталась с разбитым сердцем. И я даже не могу рассердиться на то, как бесцеремонно папа выкладывает все, что у него на уме, потому что прямолинейность – его второе имя.

Но он ошибается. Дин *будет* рядом, если я буду нуждаться в нем. Он уже доказал это, примчавшись в общежитие в ту ночь, когда безжалостные обвинения Шона разрывали мое сердце на части. Так что я не собираюсь сомневаться в отношениях, которые приносят мне столько радости, и вместо этого наслаждаюсь оставшимися каникулами.

Канун Рождества и по совместительству свой день рождения я провожу дома с папой. Мы, как всегда, смотрим «Эту замечательную жизнь», и я, как обычно, реву навзрыд на протяжении всего фильма. Потом мы пьем горячий шоколад, папа вручает мне свой обычный подарок: триста баксов с запиской, написанной небрежным почерком, в которой велит мне купить что-нибудь приятное сердцу. Папа не умеет дарить подарки. Но для меня это неважно, потому что я уже получила единственный желанный подарок: здесь, рядом со мной, мой отец, живой и здоровый, насколько это пока возможно.

Спустя несколько дней из Сен-Барта возвращается Дин, загорелый и отдохнувший, и забирает меня у нашего особняка. Почему-то он захотел

приехать на машине, хотя было бы гораздо удобнее, если бы я поехала поездом и встретила с ним в городе. Когда я спрашиваю его об этом, Дин лишь широко улыбается и говорит:

– Мы едем не на Манхэттен. У меня для тебя сюрприз ко дню рождения.

– Ты уже сделал мне сюрприз ко дню рождения, – напоминаю я ему.

Да еще какой! Его звонок из Сен-Барта закончился самым горячим сексом по телефону в моей жизни. Я так громко кончала, что нужно было благодарить судьбу за то, что папа всегда крепко спит.

– Этот еще лучше, – обещает Дин, быстро целует меня в губы и отъезжает от тротуара. – Я скучал по тебе.

Я не могу удержаться от глупой улыбки.

– А я скучала по тебе.

Подмигнув мне, Дин берет мою руку и кладет ее прямо себе между ног, на весьма заметную выпуклость.

– Дин-младший тоже по тебе скучал.

– Я вижу.

Я потираю рукой растущий бугор под его брюками, и Дин стонет.

– Будешь продолжать – я кончу себе в штаны.

Моя улыбка становится шире.

– Это вызов?

Я расстегиваю его ширинку и залезаю рукой внутрь, где сжимаю пальцы вокруг его твердого пульсирующего члена. Боже, он не шутил. Несколько движений рукой вверх-вниз, и Дин снова стонет, мертвой хваткой вцепляясь в руль и выдавливая сквозь сжатые зубы:

– Кончаю.

Пусть лучше его штаны останутся в целости и сохранности, потому что наверняка они стоят больше, чем мое обучение в колледже. Поэтому я наклоняю голову, беру в рот пенис и, постанывая, глотаю солоноватую сперму.

– Господи Иисусе, – шепчет Дин и, протянув руку, нежно проводит пальцами по моей щеке. – Я так сильно люблю тебя, детка.

– Нет, ты просто любишь минет за рулем.

– Тебя. – Он упрямо качает головой. – Я люблю тебя.

От его слов моя душа хочет взлететь. Я усаживаюсь обратно и смотрю в окно, как мы проезжаем через мост в Нью-Джерси. Понятия не имею, куда он везет меня, но мне нравится пребывать в этой счастливой неизвестности. Я бы последовала за Дином Ди Лаурентисом хоть на край света. К кратеру вулкана, если бы он попросил меня быть Мег Райан, а сам

стал Томом Хэнксом^[18]. В дурацкий Мордор, если бы он попросил меня быть Сэмом, а сам стал Фродо. В...

– Приехали, – объявляет Дин.

Его голос заставляет меня очнуться от этого круговорота нелепых мыслей. Дин паркует свой *BMW* перед небольшим зданием. Судя по окрестностям, мы находимся в индустриальной части города Ньюарка. Я выглядываю через лобовое стекло, смотрю на вывеску и ахаю.

Развернувшись к Дину, вижу, как он широко улыбается.

– Ты серьезно?!

– Ага.

Он вылезает из машины, обходит ее спереди и открывает мне дверцу. Я беру его протянутую руку и чуть ли не прыжками преодолеваю расстояние до двойных стеклянных дверей, настолько меня переполняет восторг. В груди как будто разлили теплый мед, и от сжимающих горло эмоций невозможно произнести ни слова.

Я оглядываю вестибюль танцевальной студии, а потом встречаюсь взглядом с поблескивающими глазами Дина.

– По-моему, ты говорил, что не хочешь учиться танцевать сальсу. А Дин Ди Лаурентис делает только то, что хочет, помнишь?

Он пожимает плечами.

– Я и делаю то, что хочу.

Я, сморщив лоб, жду, пока Дин пояснит мне свою фразу.

– Делаю тебя счастливой.

Чвак! Так делает мое сердце, потому что оно так переполнено любовью, что больше не в силах удержать это все в себе.

* * *

Дин

Реальная жизнь зовет обратно. Мне хочется отогнать ее, сказать, чтобы пришла позже, но так не бывает. Как бы мне ни нравилось валяться на пляже, проводить время с братом и сестрой или заставлять свою девушку улыбаться, сделав ей сюрприз в виде танцевальных занятий, пришло время переключиться с праздников на будни.

Первая неделя в университете оказывается плотно заполненной, почти все время уходит на тренировки, учебу и занятия с «Ураганами». К

счастью, Элли тоже снова пропадает на репетициях и не жалуется, что всю неделю нам приходится смириться с сексом по-быстрому.

В субботу мы проигрываем очередную игру. Никто больше даже не произносит вслух слово «плей-офф», потому что все знают, что нам это не светит. Но, несмотря на это, я продолжаю работать с Хантером один на один. Неважно, что случится в этом сезоне (внимание, спойлер, ничего не случится), Хантер продолжит играть за Брайар в следующем году и, надеюсь, станет лидером для остальных членов команды.

Тренер О'Ши, который в последнее время на удивление дружелюбен, выписал для нас с Хантером лишний час на льду, и мы проводим его с пользой. Наша индивидуальная работа проходит отлично, и я еду домой в хорошем настроении. Завтра утром у нас нет тренировки, так что Элли заночует у меня, и я жду не дождусь, когда же смогу как следует насладиться близостью со своей девушкой. *По-настоящему* погрузиться в секс. Я имею в виду три часа блаженства, а не спешные перепихоны, которыми нам пришлось довольствоваться всю неделю.

Я захожу на кухню, опустив голову, и так сосредоточенно копаюсь в телефоне, проверяя, нет ли новых сообщений от Элли, что не сразу замечаю, что все мои соседи по дому сидят вокруг стола. Даже Такер, которого почти постоянно нет дома с начала нового семестра. Я уже устал подкалывать его. Совершенно ясно, что у него появилась девушка. А может быть, парень. Черт, он стал таким скрытным, что я ничему не удивлюсь.

– Что случилось? – рассеянно спрашиваю я.

Все молчат.

Я убираю телефон в карман и окидываю взглядом своих друзей. Их ошеломленные лица заставляют мое сердце биться быстрее.

Но когда я замечаю слезы, застывшие в глазах Логана, оно совсем перестает биться.

– Что стряслось?

Но зловещая тишина так и висит между нами. Логан трет кулаком глаза.

Вашу мать! Теперь я начинаю волноваться. Нет, я *напуган*.

– Серьезно, если кто-нибудь прямо в эту гребаную секунду не скажет мне, что тут происходит...

– Тренер звонил, – перебивает меня Гаррет.

Его тихий голос звучит угрюмо.

Я жду, когда он продолжит. Мои руки превратились в два куска льда. И вдруг они начинают трястись.

– Он только что говорил по телефону с Патриком Делукой, и э-э-э...

Так, вот этого я совершенно не ожидал. Патрик Делука тренирует команду по американскому футболу. Черт, что он мог такого сказать тренеру Дженсену?

Гаррет видит мое недоумение и продолжает:

– Наверное, Делука позвонил ему, потому что знает, что мы дружим с Бо...

Бо?

– Дело в Максвелле? – обрываю я Гаррета. – Что с ним?

Логан избегает встречаться со мной взглядом.

Такер – тоже.

Единственный, у кого хватает духу посмотреть мне прямо в глаза, – это Гаррет. Он делает медленный судорожный вздох и на одном дыхании выдает:

– Он... умер.

Летом, после того как я окончил старшую школу, мы с братом отправились в путешествие по Европе: Франция, Италия, Испания, и закончили мы его в Германии и Австрии. Именно в Австрии находится огромная ледяная пещера, которую Нику не терпелось увидеть. Признаюсь, там и правда было офигенно. Экскурсия позволяла пройти только отрезок длиной в милю, и все там было покрыто льдом. Но дальше идут соединяющиеся между собой залы и бесконечные проходы из известняка. И мы с Ником, две сорви-головы, совершенно не впечатлившись какой-то одной милей, решили нарушить правила и ускользнули от группы.

В итоге мы заблудились. Безнадежно, черт побери, потерялись. Я как сейчас помню то удушающее чувство, охватившее меня. Эхо наших голосов отскакивало от невообразимо высоких стен. По пещере гуляли холодные сквозняки. А шаги нашего гида, который пришел вызволить нас... мы слышали его шаги, ясно и четко, но было невозможно определить, с какой стороны он подходит. Эхо играло с нашим слухом.

И точно так же я чувствую себя сейчас. Я слышу голос Гаррета, но не вижу его и не уверен, что понимаю хоть слово. Его голос – это всего лишь эхо. Оно отскакивает от стен, влетает мне в уши, вылетает и... бесцельно ходит по кругу.

Мой разум никак не может осмыслить первые слова Гаррета.

Бо умер.

То есть он мертв?

Бо мертв?

Бо Максвелл?

Мой друг Бо Максвелл?

– ...на месте.

Я поднимаю голову. Слова Гаррета похожи на шарики из жеваной бумаги, которые он бросает в стену, но два из них наконец прилипли.

– Что? – с глупым видом спрашиваю я.

В серых глазах друга застыла печаль.

– Я сказал, что он умер на месте. Он не мучился.

Я моргаю несколько раз.

– Ты можешь мне еще раз повторить? В смысле что именно случилось. Гаррет ругается.

– Проклятье, зачем?

«Потому что я не слышал ни слова из того, что ты говорил!» – хочется прорычать мне. Я делаю глубокий вздох и говорю:

– Потому что мне нужно снова это услышать.

Гаррет кивает, но без особой охоты.

– Хорошо.

На непослушных ногах я подхожу к кухонным шкафчикам и открываю верхний. Отлично, бутылка «Джек Дэниелс» на месте. Я откручиваю крышку, делаю большой глоток, затем присоединяюсь к своим друзьям за столом. Я сажусь рядом с Таким, и бутылка идет по кругу, пока Гаррет снова рассказывает мне о случившемся.

Это короткая история.

Но от нее сердце разрывается на части.

В эти выходные Бо улетел в Висконсин на день рождения своей бабушки. Я уже знал об этом: он звонил мне перед отъездом. Мы договорились попить пивка во вторник вечером.

Прошлым вечером Максвеллы праздновали бабушкино девяностолетие в ресторане маленького городка, где она живет. Дороги были скользкими. Они поехали на двух машинах, Бо – вместе со своим отцом, который и вел автомобиль.

Джоанна рассказала тренеру Делуке, что ужин прошел отлично.

На обратной дороге отец Бо резко свернул в сторону, чтобы не сбить оленя, который выскочил прямо перед их машиной.

Автомобиль вынесло на прозрачную наледь. Он слетел с дороги, дважды перевернувшись. Затем врезался в дерево.

Бо сломал шею при ударе.

На отце Бо не осталось ни царапины.

Я делаю большой глоток виски. Оно обжигает мне горло и внутренности. Мои глаза тоже горят. В них жжет и колет, и когда Гаррет умолкает, я отодвигаю стул и поднимаю с собой бутылку.

– Пойду наверх, – бормочу я.

– Дин... – Это Такер, чей голос дрожит от скорби.

Так едва знал Бо. Как и Гаррет, если не считать нескольких вечеринок, где они вместе расслаблялись. Думаю, Логан был с ним близок. Насколько я знаю, он часто захаживал к Бо потусоваться. Но я... я был одним из лучших друзей Максвелла. А он – *моим*.

Каким-то образом мне удается подняться на второй этаж и не упасть.

Мои руки так сильно трясутся, что я раз десять чуть не роняю бутылку виски по дороге до своей спальни. Я падаю на кровать, открываю бутылку и заливаю янтарную жидкость прямо себе в рот. Она проливается мне на шею и впитывается в ворот рубашки. Плевать. Я просто пью дальше.

Значит, Бо умер.

Ему было двадцать три.

Я пью еще. И еще. И еще немного, и вот все, что я вижу перед собой, – это размытое серое пятно.

Теперь я пьян в стельку. Нет, даже больше. Моя голова больше не соображает. Руки действуют? Забудьте об этом. Я пытаюсь поставить бутылку на прикроватную тумбочку, но она падает на пол. Почему-то от этого мне становится смешно.

Думаю, проходит какое-то время. А может, и нет. Может, оно, мать его, встало, потому что шея Бо Максвелла сломалась, как палочка, и теперь он мертв. Мертв. Ему конец. Ко-нец.

– Дин!

Где-то далеко-далеко кто-то шепчет мое имя. Господи Иисусе. Может, я снова в той пещере? Может, я никогда и не уходил оттуда – но это было бы совсем дико, правда? А что если я умер в какой-то пещере в Австрии, но не понял этого? Что если моя жизнь после возвращения из Европы – это всего лишь плод моей фантазии, а мое мертвое тело на самом деле сейчас разлагается в ледяной пещере?

– Пипец как странно, – заплетающимся языком говорю я.

– Дин. – Теплые руки обхватывают мое лицо. Раздается тихое ругательство. – Господи. Ты напился до беспамятства.

Я подпрыгиваю. Нет, это все матрас. Он пружинит, потому что кто-то залезает на кровать. Желудок начинает сводить. По горлу поднимается тошнота. Я сглатываю. Начинаю глубоко дышать. Я чувствую запах виски, но и еще какой-то аромат. Таинственный запах Элли.

– Детка.

Я чувствую, как двигается моя голова. Она притягивает ее на свои колени, проводит пальцами по моим мокрым волосам. Я обливаюсь потом. Почему тут так жарко?

– Логан только что рассказал мне, что случилось. Я... – Ее рука, лежащая на моих волосах, дрожит. – Мне так жаль, милый.

– Сломал... шею.

Мой голос тоже звучит откуда-то издалека. Вообще-то, он даже не похож на мой. Господи, как же я напился! Отвратительно, жалко, до потери сознания пьян.

– Я знаю, – шепчет Элли. – И мне очень, очень жаль. Я знаю, как больно тебе сейчас. Я... – Она касается моего горячего лба. – Я здесь, слышишь? Я здесь и никуда не уйду.

Я делаю судорожный вдох и бормочу:

– Детка.

– Что такое?

– Я сейчас...

Я поднимаю голову, и одно это движение вызывает то, о чем я старался ее предупредить.

Тошнота стремительно поднимается, и меня рвет на колени моей девушки.

* * *

Элли

Церемония прощания с Бо проходит на футбольном стадионе. Здесь вся его команда, весь тренерский состав, его друзья, члены его семьи, сотни выпускников и тысячи людей, которые, наверное, даже не знали его.

За одним исключением.

Нет Дина.

До того, как я ушла из дома, он был наверху, в своей спальне, в черном костюме и с мрачным выражением лица. Дин велел мне ехать с Ханной и Гарретом и сказал, что найдет меня на церемонии.

Когда я возвращаюсь домой, он по-прежнему в своей спальне, в том же черном костюме и с тем же мрачным выражением лица. Только сейчас в его руке бутылка водки, а щеки горят.

Дин пьян.

Он пьян каждый день недели. Либо пьян, либо под кайфом. Два дня назад я наблюдала, как Дин выкурил четыре косяка подряд, а потом отрубился на диване в гостиной. Логану пришлось взвалить его на плечо и нести наверх, а потом мы вдвоем стояли в дверном проеме и смотрели на бессознательного Дина, распластавшегося на кровати.

– Все по-разному справляются с горем, – пробубнил Логан.

Я понимаю. Поверьте мне, я все понимаю. Когда я потеряла маму, то прошла через несколько стадий скорби. Самыми затяжными были отрицание и депрессия, но в конце концов мне пришлось смириться с ее

уходом. Потребовалось время, чтобы прийти к этому, но я справилась. Дин тоже справится. Я знаю, он сумеет. Но это так больно – нет, даже *невыносимо* – смотреть, как он ищет помощи в алкоголе и травке, когда мог бы найти ее у меня.

– Не смог, – шепчет Дин, увидев меня в дверном проеме.

Он снял пиджак и галстук, воротник его белой рубашки съехал набок. Его светлые волосы торчат в беспорядке, словно он то и дело ерошил их.

Я робко вхожу в комнату, на мне то же простое, закрытое черное платье, которое я выбрала для прощальной церемонии с Бо.

– Так и не смог заставить себя, детка. – Дин шепчет, но в его шепоте звенит боль. – Я все представлял и представлял себе его родителей... Джоанну... их лица...

Он ставит бутылку водки на комод и медленно опускается на краешек кровати.

Вздохнув, я сажусь рядом с ним и кладу голову на его плечо.

– Она пела.

– Что?

– Джоанна, – тихо говорю я. – Там была установлена сцена с фортепиано. Она пела Let It Be. Это было прекрасно. И так печально.

Я моргаю, чтобы прогнать навернувшиеся на глазах слезы.

– Это было печально и прекрасно.

Дин издает какой-то сдавленный звук.

Я касаюсь его щеки подушечками пальцев. Его кожа горит, но он не кажется таким пьяным, как вчера вечером. Дин льнет к моей руке, его неровное дыхание щекает мою ладонь.

– Я не смог, – опять повторяет он.

– Я понимаю. Все хорошо, милый.

Но хорошо ли? Проклятье, он должен был быть там. *Семья Бо* была там. Если они смогли заставить себя прийти, то Дину уж тем более следовало приехать.

Это резкое обвинение тут же вызывает у меня чувство вины. Кто я такая, чтобы решать, кому что следовало сделать, а кому – нет? Люди все время пропускают похороны и прощальные церемонии по совершенно разным причинам. Может, им хочется погоревать о тех, кого они любили, в одиночестве. Может, это невыносимо для них. Может, они не верят в похороны. У меня нет никакого права осуждать кого бы то ни было, и я заставляю себя помнить об этом, когда ласково провожу рукой по щеке Дина.

– Я не могу поверить, что Бо мертв, – отрешенно произносит Дин.

Я тут же вздрагиваю, потому что он в первый раз за все время произносит имя Бо. И я пугаюсь еще больше, когда наклоняю голову и вижу поблескивающие слезы в глазах Дина. Он моргает, и соленые капли стекают по его лицу туда, где мои пальцы гладят его подбородок.

Слезы Дина вызывают слезы и у меня. Вдруг мы оба плачем. Дин прячет лицо у меня на груди, и все его тело сотрясается от сдавленных рыданий. Я не знаю, кто кого поцеловал первый. Или начал раздевать. Или как мы оказались сплетенными на кровати, голыми, задыхающимися, лихорадочно целующимися и касающимися друг друга. Меган как-то рассказывала мне про какие-то бредовые статистические данные, согласно которым, около восьмидесяти процентов опрошенных признались, что занимались сексом перед, во время или сразу же после похорон.

Наверное, если как следует задуматься, это имеет смысл. Радоваться жизни перед лицом смерти. Держаться за другого, живого, дышащего, человека.

Мы одновременно стонем, когда Дин проскальзывает в меня. Без презерватива, но мы перестали использовать их с начала нового семестра. После каникул мы сдали анализы, а таблетки я принимаю уже давно.

Я принимаю его массивный пульсирующий член в себя, поднимая бедра навстречу его отчаянным толчкам. Оргазм накатывает на меня со всей силой. Я даже представить себе не могла, что такое возможно: чувствовать всепоглощающее, чистейшее наслаждение и в то же время быть охваченным горем.

Дин издает гортанный, полный муки звук и кончает, дрожа и изливаясь в меня. Тяжело дыша, он опускается на меня, а потом переворачивает нас так, что моя взмокшая спина прижимается к его такой же мокрой груди. Я чувствую капли влаги сзади на шее. Но это не пот, а слезы. Все те слезы, которые он пытался бы сдержать, если бы пошел на церемонию прощания с Бо.

Я переворачиваюсь на другой бок, к нему лицом, обнимаю его за широкие плечи, а он плачет по другу, которого потерял. Не знаю, как долго мы так пролежали, но Дин затихает и засыпает, прижимаясь своей щекой к моей. Впервые за последние семь дней во мне вспыхивает маленькая искорка надежды. Надежды на то, что эта эмоциональная разрядка хотя бы немного облегчит его горе, приблизит его к пути принятия.

Но что худшее в надежде?

Что чаще всего она ведет к разочарованию.

На протяжении следующих двух недель все, что я могу, – это безучастно стоять и наблюдать, как Дин скатывается все ниже. У него появился новый распорядок дня: проснуться утром, сходить на занятия, сходить на тренировку, а потом вернуться домой и напиться или обкуриться до бессознательного состояния.

И, что невероятно, ему по-прежнему удается справляться с заданиями по учебе. Когда я мельком взглянула на один из его докладов, то оказалось, что он написан *хорошо*. Словно он доверился своему блестящему интеллекту, который обычно предпочитает скрывать от других, и теперь он действует на автопилоте. То же самое происходит и на льду. Благодаря годам тренировок его сильное спортивное тело делает всю работу за него. Его сердце – эх, я начинаю думать, его *сознание* – не играет никакой роли.

Как и его сексуальное влечение. Оно тоже пропало. Правда, не совсем. Оно просыпается в определенной точке его неадекватности, где-то между легким опьянением и бессознательным состоянием. Но я каждый раз отказываю ему. Где тот парень, который смотрел на меня с дерзкой улыбкой, который шептал мне на ухо всякие непристойности и чьи умелые руки стремились забраться мне под кофту или в трусики? Этот человек – не он.

Мой парень не сношался со мной только по пьяни, а его беззаботные улыбки появлялись не под воздействием алкоголя или наркотиков.

Дин Ди Лаурентис занимается сексом, потому что любит секс, а улыбается, потому что ему нравится улыбаться.

А этот пьяный, загашенный Дин – чужак. Ему даже плевать, когда я говорю, что у меня нет настроения, потому что на самом деле у него тоже нет настроения, за него говорят вещества, бегущие в крови.

Он скорбит. Я повторяю себе это по сто раз на дню. Я напоминаю себе, что Бо Максвелл умер и что Дин отчаянно скучает по нему. Я ругаю себя за то, что злюсь на него из-за способа, который он выбрал, чтобы смириться с потерей Бо.

Но... я просто не знаю, как мне быть дальше с тем, как справляется Дин. Что мне делать: отдать его в реабилитационный центр? Но он не

алкоголик. Не наркоман. И, что самое непонятное, ни алкоголь, ни наркотики никак не влияют ни на его учебу, ни на игру в хоккей. Дину стоит просто встать утром с кровати, и он катается как чемпион и получает высший балл по всем контрольным.

Но есть кое-что, что исчезло из его жизни, – «Ураганы». Когда на нас обрушилась новость о гибели Бо, на неделю время как будто остановилось. Дина и Логана освободили от тренировок, потому что они были близки с Бо, и Дин забил на тренировки школьников тоже. Я думала, это будет временный перерыв, своего рода отпуск для того, чтобы погоревать. Но прошло уже три недели, а Дин по-прежнему отказывается возвращаться. Я пытаюсь заставить его передумать, но в ответ продолжает звучать настойчивое «нет». Он прямо сказал, что больше не хочет работать с детишками.

Я подозреваю, это потому, что работа с ними приносила ему радость. А сейчас он пока не хочет чувствовать себя радостным. Он вообще ничего не хочет чувствовать.

Что касается меня, то я чувствую много чего: скорбь, бессилие, злость, которая, в свою очередь, ведет к вине, потому что он все-таки потерял лучшего друга. Мне нельзя злиться на него.

Но сегодня я чувствую себя полной решимости. Я решила, что Дин не может горевать вечно. Рано или поздно он найдет выход из угла, в который загнал себя, а когда это произойдет, я не хочу, чтобы он оглянулся и понял, что потерял важную часть своей жизни.

А «Ураганы» – важная часть его жизни.

Я паркую машину Дина напротив катка и глушу двигатель. Он пил уже четвертую бутылку пива, когда я уходила из дома, где живу с тех пор, как умер Бо. Мне пришлось сказать ему, что его машина нужна мне для того, чтобы съездить за тампонами. Лайфхак: если не хочешь, чтобы тебе задавали лишние вопросы, произнеси слово «тампон», и на этом разговор закончится.

Я вхожу в небольшое здание и иду по коридору, мимо торговых автоматов, к двойным дверям, ведущим к площадке. Стоит мне пройти через них, как в лицо бьет холод. Мальчики занимаются на льду, выполняя какое-то упражнение, где им сначала нужно быстро разогнаться, а потом сильно затормозить. Не совсем понимаю суть, ну да ладно.

Повернувшись, я вижу на трибуне одинокую фигурку. Дакота. Как только она замечает меня, ее лицо озаряется. Я машу ей рукой, а потом поднимаю вверх палец, показывая, что подойду к ней через минуту.

Я подхожу к низкому бортику рядом со скамейкой запасных в тот

момент, когда к нему подъезжает Даг Эллис.

– Элли, привет. – Он смотрит на двери. – Дин с тобой?

Я качаю головой, и мой ответ его явно расстраивает. Как и мальчишек, которые узнали меня: я несколько раз ждала здесь Дина, чтобы потом мы могли вместе поужинать. По-моему, они начали ассоциировать мое лицо с помощником тренера, которого боготворят.

Эллис отправляет мальчишек просто покататься, а сам поворачивается ко мне и слушает, не перебивая, как я извиняюсь за отсутствие Дина и заверяю, что он скоро вернется.

– Сейчас он переживает тяжелые дни, – тихо говорю я.

Эллис кивает.

– Он рассказал мне о своем приятеле. В местных газетах тоже об этом писали. Квотербек, да?

Я киваю в ответ.

– Бо Максвелл. Он... – Я вспоминаю сияющие голубые глаза Бо, его озорную улыбку, и мое сердце сжимается. – Он был отличным парнем.

Сглотнув ком печали, я продолжаю:

– Они с Дином были очень близки, так что... да... это было тяжело. Но Дин попросил меня передать вам, что он скоро вернется к работе.

– Он тебя не просил, – говорит Эллис.

Я избегаю его пронизательного взгляда.

– Он не посылал тебя сюда, милая, и не говорил, что скоро вернется. – Эллис пожимает плечами. – Но ты бы хотела, чтобы он вернулся.

В моем горле опять встает ком.

– Да, я бы очень этого хотела. – Я снова сглатываю. – Я просто хотела убедиться, что вы еще не против принять его обратно, если... *когда* придет время.

– Конечно, я не против. – Он кивает в сторону льда. – Вопрос, примут ли они? Детям не нравится, когда их бросают.

– Но они быстро забывают обиды, – напоминаю я.

Хотя, наверное, не все. Когда несколько минут спустя я сажусь на место рядом с Дакотой, становится ясно, что прощение – это последнее, о чем она думает.

– Я больше не нравлюсь Дину, – невыразительным голосом говорит она мне. – И мне он тоже больше не нравится.

Я сдерживаю стон.

– Это неправда, солнышко. Вы оба по-прежнему друг другу нравитесь.

– Нет, *не* нравимся. Если я ему нравлюсь, тогда почему он больше не учит меня кататься на коньках? И почему он больше не помогает Робби?

Он так долго был здесь!

Три недели. Но для десятилетней девочки это, наверное, кажется вечностью.

– Он злится, потому что я не захотела надевать коньки для мальчишек? – Ее нижняя губа дрожит. – Мама сказала, что это было невежливо – заставлять его покупать мне девчачьи коньки. Он поэтому ненавидит меня? Потому что заплатил деньги за коньки для девочек?

И тут она начинает плакать.

О боже. Понятия не имею, что делать в таких ситуациях. Я ей не родственница, я не ее учительница – но мне можно обнять ее? Не навлеку ли я на себя неприятностей, если обниму малышку?

Да пошло оно все! Плевать, если нельзя. Дакота уже захлебывается от рыданий, и ее нужно утешить.

Я обнимаю ее одной рукой и крепко прижимаю к себе. Мое сердце колотится как бешеное, когда следующие двадцать минут я уверяю опечаленную малышку, что мой парень не ненавидит ее.

* * *

Всю дорогу до дома Дина в голове снова и снова звучит грубый папин голос.

Я знаю таких, как он. Они не в состоянии справиться с чем-то по-настоящему серьезным: с ударами судьбы, с коренными переломами.

Он развалится на части, как дешевая палатка.

Я начинаю бояться, что папа прав. Но этого не может быть. Просто Дину сейчас очень больно. Он оплакивает друга.

У него идеальная жизнь.

Он платит другим, чтобы те решали его проблемы.

По спине ползет холодок, когда на меня нисходит озарение. Блин, а не этим ли я сейчас занимаюсь? Решаю проблемы за Дина, стараясь позаботиться о том, чтобы за ним сохранили его в место в средней школе, умоляя десятилетнюю девочку простить его за то, что он ее бросил?

Боже, как же я устала! Последние три недели все мое внимание направлено исключительно на Дина. Я пыталась сделать так, чтобы ему стало лучше, переживала вместе с ним. Я забила на учебу. На репетициях появляюсь с воспаленными глазами и измотанная, потому что только и делаю, что ухаживаю за своим пьяным парнем. Проклятье, генеральные репетиции начинаются уже завтра! До премьеры осталось пять дней. Я

должна целиком сосредоточиться на спектакле, но едва могу вспомнить, о чем вообще эта пьеса.

Чувство безысходности усиливается, когда я вхожу в дом пятнадцать минут спустя и меня приветствуют оглушительные звуки музыки: стены сотрясаются от *Drain You Nirvana*. Чудесно.

Дин сидит на диване в гостиной, в одной руке сжимая бутылку пива, второй барабана пальцами. На нем одни штаны, но даже впечатляющий вид его обнаженной груди сейчас не в силах успокоить мои разбушевавшиеся нервы.

– Дин! – кричу я сквозь музыку.

Он не обращает на меня никакого внимания.

Я хватаю пульт с кофейного столика и выключаю музыку. В комнате повисает тишина, и светловолосая голова Дина поворачивается в мою сторону, на его лице недоумение.

– Привет, детка. Не заметил, что ты пришла.

– Привет.

Я сажусь на краешек дивана и осторожно вытаскиваю бутылку из его руки. К моему удивлению, Дин даже не сопротивляется. Похоже, он не пьян в стельку, потому что его язык не заплетается.

– У тебя сегодня репетиция?

Я качаю головой.

– Нет, но генеральные репетиции начинаются завтра.

– Вот как? Уже?

– Премьера в пятницу, – напоминаю я ему.

– О, точно.

Дин ведет себя так, будто все это знает, но я уверена, что он и думать забыл про мою пьесу. Он вообще не проявлял никакого интереса к тому, чем я занимаюсь. Чем *все мы* занимаемся. Дин как будто застыл на месте, застрял в том ужасном моменте, когда узнал, что Бо погиб.

Все остальные продолжают жить своей жизнью, в том числе и семья Бо. Джоанна по-прежнему выступает на Бродвее. Мы стали переписываться после прощальной церемонии, и она написала мне, что на прошлой неделе ее родители вернулись к работе.

Дин – единственный, кто отказывается двигаться дальше.

– Милый... – Тревога и страх сжимают горло, переплетаясь в клубок, комом вставший в гортани. – Ты же придешь на мою премьеру, правда?

Зеленые глаза Дина загораются.

– Зачем ты вообще спрашиваешь?

Затем, что тебя не было на церемонии прощания с Бо.

Я проглатываю это обвинение и делаю глубокий вдох.
– Я просто хотела убедиться, вот и все.
– Конечно, я приду. – Впервые за несколько недель я замечаю в его глазах подлинные эмоции. Настоящее тепло. – Где же еще мне быть?

* * *

Его здесь нет.

«Вдова» начинается при полном зале и заканчивается стоячими овациями. В глазах стоят слезы, когда мы с Мэллори кланяемся зрителям, но они не имеют ничего общего с восхищенной реакцией публики.

Из-за софитов трудно разглядеть лица за пределами первых трех рядов, но мне достаточно увидеть второй, потому что именно там сидят мои друзья. Вернее, стоят, как и все остальные, и аплодируют.

Ханна. Гаррет. Меган. Стелла. Джастин. Грейс. Логан.

Я вот-вот начну истерически хохотать, потому что, вглядываясь в знакомые лица, вспоминаю момент из фильма «Волшебник страны Оз»: «*И ты, и ты, и вы там были*»... А знаете, кого, черт побери, здесь *нет*? Мужчины, которого я люблю и который обещал, что придет.

За кулисами я покорно принимаю объятия и похвалы от всех, кто был задействован в постановке: Стивена, постановщиков, нашего научного руководителя, студентов с художественного отделения, которые занимались оформлением, команды по свету. Студент, играющий моего мертвого мужа, отрывает меня от пола и кружит. Мэллори обнимает меня так, что становится нечем дышать, а потом минут пять рассыпается в извинениях за то, что была такой ненадежной в самом начале нашего проекта.

Я едва слушаю, что она говорит. По моим щекам текут слезы, но, наверное, все думают, что это от счастья.

Как же все ошибаются.

Стивен устраивает у себя дома вечеринку для актеров, команды и друзей, и я уверяю своего режиссера, что обязательно приеду. Что вряд ли. По крайней мере, не прямо сейчас точно. Сначала мне нужно съездить в другое место, и когда Ханна присылает мне сообщение, чтобы узнать, где мы будем встречаться – у входа в зал или на парковке, я уже сижу за рулем машины Дина и трясущейся ногой вжимаю в пол педаль газа.

Подъехав к дому, я в ступоре смотрю на многочисленные автомобили, припаркованные вдоль улицы. На подъездной дорожке стоят четыре чужих машины, и мне приходится встать у обочины.

Музыка доносится до меня еще до того, как я подхожу к входной двери, которая оказывается незапертой. Внутри закипает гнев, и, когда я вхожу в гостиную, во мне уже клокочет ярость.

Там полно монстров – здоровенных мужиков попеременно с миниатюрными девушками. Судя по огромным размерам парней, устроившихся на диване и в креслах, опирающихся на стены, все они футболисты. Ну а девушки – кто их знает. Но слава богу, что они виснут на здоровяках, а не на моем парне. Дин в одиночестве сидит в кресле с закрытыми глазами.

Словно почувствовав мое присутствие, он открывает глаза, и его лицо озаряется, когда он замечает меня в дверном проеме. Но его радость длится недолго. На мне по-прежнему клетчатое домашнее платье моей героини. На лице грим. Волосы собраны в растрепанный пучок на затылке. Сейчас я не Элли. Я Джанет. И глаза Дина панически округляются, когда он понимает, что это означает.

– Элли, – его голос тонет в музыке.

Напоследок окинув взглядом вечеринку в гостиной, я разворачиваюсь на каблуках и мчусь к лестнице.

На глазах снова наворачиваются слезы, а горло сжимается так сильно, что мне страшно дышать. *Поэтому* он не удосужился появиться на премьере? Потому что у него тут вечеринка с футболистами!

Я влетаю в спальню Дина, подбегаю к комоду и с силой выдвигаю верхний ящик, где лежат мои вещи, привезенные из общежития. Я заняла и половину его шкафа, где останавливаюсь сразу после комода и начинаю срывать одежду с вешалок и бросать в чемодан.

– Ох, детка, не делай этого.

В дверном проеме появляется Дин.

Я не обращаю на него внимания и продолжаю собирать свои вещи.

– Элли, пожалуйста.

Дин встает у меня за спиной, и я проглатываю всхлип, когда меня обнимают его сильные руки. Я позволяю себе на одно быстрое мгновение прижаться к нему, прильнуть к его теплой крепкой груди, почувствовать, как его щетина царапает мою кожу, когда он трется своей щекой о мою.

– Прости, детка. Я облажался. Совсем забыл, что твой спектакль сегодня.

«Я напоминала тебе десять раз!» – хочется прокричать мне.

– Обещаю, я приду на завтрашнее представление. – Руки Дина двигаются по моей талии, гладят живот, касаются попы. – Ты же говорила, что вы будете выступать три вечера, правильно?

Мой голос звучит резко.

– Да. Но можешь не утруждать себя завтра. Я не хочу, чтобы ты приходил.

Дин утыкается подбородком мне в плечо.

– Не говори так. Я понимаю, что ты сердишься, но хочу загладить свою вину. Я *приду* завтра.

– Я хотела, чтобы ты пришел *сегодня*, Дин.

Я по-прежнему не могу заставить себя повернуться и посмотреть на него. И зачем я позволяю ему вот так ласкать меня? И, кстати, почему он *трет*ся о меня? Я чувствую его эрекцию, она тверже камня и упирается в мою попу. Но как он может испытывать возбуждение сейчас?

Именно странная реакция его тела вынуждает меня развернуться. Нахмурившись, я внимательно разглядываю его лицо, запоминая каждую деталь. Он не пьян. Его щеки горят, но глаза очень яркие. Значит, и не обкурился, потому что после травки взгляд у него становится затуманенным. Но сейчас его глаза сияют. Светятся от удовольствия и счастья, но он *не* должен все это чувствовать, когда я стою перед ним вся в слезах.

Я делаю медленный вдох.

– Что с тобой?

Дин, похоже, сбит с толку моим вопросом.

– Что с тобой, Дин? – рявкаю я. – Что ты принял?

Он моргает, а потом говорит:

– О, всего лишь немного молли^[19].

Какого *хрена*?!

Не говоря ни слова, я отталкиваю его в сторону и застегиваю чемодан.

– Куда ты собираешься? – Голос Дина звучит обиженно.

– В Бристоль, – сквозь сжатые зубы отвечаю я. – Здесь я больше не останусь.

– Почему?

– *Почему*? Ты не пришел на мою премьеру, потому что закатил вечеринку и наглотался наркоты! Ты под экстази, трешься о меня своим членом, когда я плачу! И ты серьезно сейчас спрашиваешь, почему я ухожу?

Его взгляд мрачнеет.

– Я не закатывал вечеринку. Олли и Родригез позвонили и спросили, не хочу ли я немного расслабиться, вспомнить Бо. И что, мне надо было отказаться?

У меня отвисает челюсть.

– Не смей использовать Бо как оправдание наркотикам!

Дин вздрагивает, но в его голосе начинают звучать оборонительные нотки.

– Подумаешь, детка. Ну принял я чуток молли. Я же не сижу на экстази. Последний раз я употреблял его больше года назад.

– Не в этом дело! – Я пытаюсь выровнять дыхание. Сейчас нет смысла спорить с ним, он не услышит меня, потому что под кайфом. Выдох получается слабым. – Папа был прав. Я совсем не могу рассчитывать на тебя.

– Ты, блин, издеваешься? Я всегда поддерживал тебя, с самого начала! – Дин рычит. – Черт подери, мой лучший друг умер, Элли! Ой, прости, что был немного рассеян в последнее время. Мне было очень тяжело.

Я не оцениваю его сарказм.

– Рассеян? Ты был все время пьян! А теперь ты, черт бы тебя побрал, под кайфом! – От обиды сжимается горло и начинает покалывать в глазах. – Знаешь что, Дин? Люди умирают! Я тоже подавлена гибелью Бо. Мне тоже тяжело смириться, мать твою! Но нельзя же только и делать, что запивать свое горе!

Лицо Дина краснеет.

– Все ясно, жизнь Дина – это сплошь бабочки-цветочки... – Теперь моя очередь источать сарказм, – Но реальная жизнь не такая. В ней случаются плохие вещи, и тебе нужно справляться с ними.

Я поднимаю чемодан и марширую к двери. Но внезапно останавливаюсь и снова разворачиваюсь к нему. Во мне столько злости и обиды, что я не соображаю, что делаю.

– Жизнь неидеальна, Дин. Тебе нужно, черт побери, повзрослеть и принять этот факт. Я пыталась помочь тебе, но ты не позволяешь мне. Я почти месяц наблюдала, как ты наливаешься до бессознательного состояния, как отталкиваешь всех от себя, как разочаровываешь окружающих.

Он по-прежнему не говорит ни слова, и от этого я распаляюсь еще больше.

– Я ездила к тренеру Эллису! – кричу я. – Убедила его дать тебе еще один шанс, когда ты наконец решишь вернуться тренировать команду.

Слезы уже ручьями текут по моим щекам.

– Я сидела рядом с Дакотой, пока она рыдала! Девочка думает, ты ненавидишь ее, потому что она не захотела надевать мальчишеские коньки! – Я хватаю ртом воздух. – Все, я больше не буду держать тебя за руку и

решать твои проблемы. С меня хватит, Дин.

Он втягивает в себя воздух. Наконец-то мои слова задели его.

– Ты не можешь так говорить.

– Еще как могу. – У меня так сильно дрожит рука, что я чуть не роняю чемодан себе на ногу. – Думаешь, ты единственный, кто потерял близкого человека? Я смотрела, как моя мама умирала от *рака*. В буквальном смысле наблюдала, как она чахнет и умирает.

– Элли...

– Тебе пора найти способ справиться со своим горем. Но я больше не стану помогать тебе. Не буду стоять рядом и наблюдать, как ты тянешься к бутылке, потому что настолько боишься встретиться с ним. С меня *хватит*.

Я вылетаю из комнаты, оставляя Дина изумленно смотреть мне вслед.

Я просыпаюсь от громкого, мучительного стога. Господи, похоже, кто-то умирает, и мне требуется целая минута, чтобы понять, что стон исходил из меня. Я стону, потому что голова раскалывается. Нет, болит глаз. Почему у меня болит глаз?

Я сажусь в кровати и осторожно касаюсь лица. Левый глаз опух и не открывается. А во рту сухо, как в пустыне Сахаре. Черт, как же мне хочется пить! И еще я чувствую себя изможденным – я поднял руку к лицу, и уже одно это высосало из меня всю энергию.

Наверное, все дело в молли. Когда я принимал его в последний раз, то на следующее утро у меня тоже все болело и я чувствовал себя как выжатый лимон.

Я слезаю с кровати, и тут выясняется, что я уснул полностью одетый. Пошатываясь, бреду к шкафу, открываю дверцу и изучаю свое отражение в висящем на ней зеркале. Господи Иисусе, глаз фиолетово-черный. Пока я разглядываю себя, в голове вспыхивают воспоминания о вчерашнем вечере.

Я пропустил премьеру Элли.

Элли бросила меня.

Гаррет вернулся домой и наорал на меня. Только почему он орал на меня? Я пытаюсь вспомнить. Точно, потому что я не пришел на премьеру Элли. О, и потому что пригласил к нам домой половину футбольной команды, и они... м-да, несколько полузащитников нюхали кокс в нашей кухне. Дерьмо. Именно в этот момент Гаррет оттащил меня в сторону и принялся орать на меня. Наверное, я сказал что-то, что ему не понравилось, потому что... теперь у меня фингал под глазом.

Отвернувшись от зеркала, я опускаюсь на край кровати и прикидываю в уме, с чем сейчас имею дело.

Фингал.

Злой сосед, который поставил мне этот фингал.

Девушка, которая меня бросила.

И девочка, которая плакала из-за меня.

Я сидела рядом с Дакотой, пока она рыдала! Девочка думает, ты ненавидишь ее, потому что она не захотела надевать мальчишеские коньки!

Наполненные гневом слова Элли гремят в моей голове как тромбон, вызывая пульсацию в висках и тошноту. Я едва успеваю добежать до ванной, давясь желчью, бурлящей в горле. Я наклоняюсь над фарфоровой чашей унитаза, и меня выворачивает наизнанку, кажется, в течение нескольких часов. Вечером я ничего не ел, так что блевать нечем, но желудок продолжает сводить и крутить, а меня продолжает выворачивать.

Когда тошнота отпускает, я чищу зубы, опускаюсь на выложенный плиткой пол и какое-то время просто сижу и думаю о том, что наделал. О том, что потерял.

Элли.

Бо.

Бо, будь он проклят! Ну зачем ему понадобилось умирать?

Эта абсурдная мысль вызывает прилив смеха. Я громко ржу как ненормальный, пока не начинаю икать, а на глазах не выступают слезы.

Раздается стук в дверь.

– Дин... ты там?

Я морщусь, услышав голос Гаррета. Но в его голосе больше не слышно злости. Только усталость.

Я открываю двери, и меня пронзает взгляд пары серьезных серых глаз.

– Ты в порядке? – хрипло спрашивает друг.

Я опять начинаю смеяться.

– Нисколечко.

На его лице появляется виноватое выражение.

– Прости за глаз. – Он ругается. – Но, черт, мужик, этого следовало ожидать! Ты бы видел, что оставили после себя те парни. Разнесли весь дом.

Я провожу дрожащей рукой по волосам.

– Я все уберу. И не переживай из-за фингала. Я заслужил. Удивлен, что Элли не поставила мне такой же под правым глазом.

Мне невыносимо даже произносить ее имя. Ощущения такие, будто мне вскрыли грудь коньком, вонзили лезвие прямо в сердце и кромсают его на части.

Не могу вообразить, что она когда-нибудь сможет простить меня. Я не пришел на ее премьеру. Ужас, я совсем забыл про нее. Три недели ходил как в тумане, делая все возможное, чтобы забыть о гибели Бо. Стоило мне подумать о нем, как я открывал очередную бутылку пива или выкуривал косяк, потому что это был самый быстрый, самый простой способ отключить сознание.

Отец Элли не верил, что я смогу позаботиться о его дочери. И он

оказался прав. Судя по всему, я и о себе позаботиться не в состоянии.

– Уэллси злится на тебя, – говорит Гаррет.

– Я сам на себя злюсь! – Я тяжело вздыхаю, думая о масштабах того, что натворил. Горло пощипывает. – Я... Мне не хватает Максвелла.

– Я понимаю, – шепчет Гаррет.

– Меня убивает то, что я никогда больше его не увижу.

– Я понимаю.

Спустя секунду Гаррет удивляет меня, крепко обняв. Не вскользя, не быстро, а по-настоящему обняв меня обеими руками и крепко стиснув.

Я обнимаю его в ответ.

– Прости, мужик. И за дом. И за то, что постоянно пил. За все.

– Я понимаю, – говорит он в третий раз.

Дверь приоткрывается.

– Можно нарушить ваш интимный гомоэротический момент?

Я слабо смеюсь, когда входит Логан. Гаррет отходит в сторону, и теперь меня обнимает Логан. Его объятия не такие долгие, но такие же умиротворяющие.

Логан хлопает меня по спине и говорит:

– Поедешь сегодня на тренировку?

При этом он внимательно изучает мой левый глаз.

– Похоже, у меня нет выбора, – со вздохом отвечаю я. – Поеду, конечно, а там пусть тренер решает, выпускать меня на лед или нет. Хотя, увидев этот фингал, он, наверное, отправит меня в тренажерку.

Честно говоря, мне совершенно не хочется ехать на тренировку. Мое единственное желание – отправиться в Бристоль-Хаус и увидеться с Элли. Упасть перед ней на колени и умолять ее вернуться ко мне.

– Скажем ему, что репетировали сцену из «Бойцовского клуба», – смеется Гаррет, но его лицо тут же становится серьезным. – Ему необязательно знать, что произошло на самом деле. Я про вечеринку... наркотики.

Я с благодарностью киваю.

– Спасибо.

Но, вообще-то, кроме моего подбитого глаза, больше нет никаких свидетельств того, что случилось вчера вечером. Самое лучшее в моих загулах – хотя сейчас в моей жизни совсем нет ничего *хорошего* – это то, что у меня есть страшная особенность быстро приходить в себя, как будто ничего и не было. Я пью не просыхая? Никакого похмелья. Я курю травку? На следующий день голова яснее, чем безоблачное небо. Сегодня я двигаюсь чуть медленнее, чем обычно, но это лишь потому, что на душе

лежит тяжкий груз.

Вчера вечером я оттолкнул от себя самого главного в моей жизни человека. Вот кем стала Элли Хейз для меня всего за каких-то три коротких месяца. Это удивительно. В ней вся моя жизнь.

Такер приготовил для нас завтрак. Поев, мы отправляемся на арену, где Гаррет, приложив свой пропуск к дверному замку, ведет нас в раздевалку.

Наша компания из четырех человек останавливается на месте в ту же секунду, как входит внутрь. Тренер Дженсен и О'Ши стоят в углу комнаты и беседуют с долговязым мужчиной в очках, спортивной куртке и с чемоданчиком. Несколько наших товарищей по команде болтаются рядом с ними, но никто не говорит ни слова. Холлис кивает нам. Фитци удивленно смотрит на меня, когда замечает мой синяк.

– Доброе утро, тренер, – осторожно здоровается Гаррет. – Что происходит?

– Допинг-контроль, – звучит лаконичный ответ.

У меня замирает сердце. *Шлеп*. Оно только что упало на пол. Тошнота снова вернулась, поднимается по горлу и встает там комом.

Мой взгляд останавливается на О'Ши. Тот тоже смотрит на меня, без всякого выражения, но у меня возникает дурное предчувствие, что происходящее – его рук дело. Внеплановый допинг-контроль совсем не редкость в спортивной жизни колледжей. Но сезон почти закончился. Да что и говорить, мы уже просрали его! В плей-офф нам уже не попасть. Так что в допинг-контроле сейчас нет совершенно никакого смысла.

Чем больше хоккеистов входит в комнату, тем хуже мне становится. Я чувствую на себе пронзительный взгляд темных глаз О'Ши, но продолжаю упорно разглядывать свои ботинки. Я в панике и переживаю собственную версию рассказа «Сердце-обличитель»^[20], только мне не слышен стук сердца мертвого старика из-под половиц, просто мне прекрасно известно, что у меня в крови. По венам струится, пульсирует, передается по всему телу молли, который я принял вчера вечером.

Пульс стучит в ушах, и я делаю судорожный вдох, затем медленно выдыхаю и подхожу к тренеру Дженсену.

– Тренер... можно поговорить с вами наедине? – бормочу я, и на его лице сразу же появляется то самое *выражение*.

Он как будто точно знает, что я собираюсь ему сказать, и скорее вскроет себе вены, чем услышит это.

– Конечно, – отвечает Дженсен после долгой напряженной паузы.

Он отводит меня в свой кабинет. Мы стоим. Я молчу.

Тренер ждет, но мне никак не удастся найти в себе силы признаться.

Господи, сейчас я сам себе омерзителен. Мне ужасно стыдно за себя.

Дженсен вздыхает.

– Ты хочешь, чтобы я спросил тебя сам, да? Ну ладно, я спрошу. – Помолчав немного, он задает свой вопрос: – Что случится, если ты попишаешь в стаканчик, Дин?

Я задыхаюсь от чувства вины, практически чувствуя его у себя на языке, когда сглатываю.

– Что обнаружат в твоей крови? – продолжает тренер, уже смирившись с ответом, и это невыносимо. – Марихуану? Кокаин?

– Экстази, – бормочу я.

Он ненадолго закрывает глаза, а когда открывает, говорит:

– Все ясно. Спасибо, что предупредил.

Я ухожу из его кабинета с ощущением, как будто иду на смертную казнь.

Через два дня меня выкидывают из команды.

Спустя три дня после того, как я выскочила из дома Дина, прокричав ему, что с меня хватит, мы с ним встречаемся в кофейне на территории университета. Когда он входит, все девушки поворачиваются в его сторону, чтобы полюбоваться им. Я – тоже, потому что... боже, это снова тот Дин, в которого я влюбилась. Его зеленые глаза озорно поблескивают, пока он заказывает кофе у прилавка, светлые волосы зачесаны назад и открывают его точеное лицо, брюки карго облепляют его идеальную попу.

Мне достаточно посмотреть на его лицо, чтобы понять, что сегодня он не пил. А может, не только сегодня, а уже несколько дней. Вчера вечером Ханна рассказала мне, что Дин провалил допинг-контроль и его выкинули из команды. У меня сердце разрывалось, пока я слушала ее, потому что я знаю, как важен для него хоккей, но не скажу, что эти новости удивили меня. Нельзя напиваться в хлам, принимать наркотики и при этом избежать последствий. С такими темпами, как он начал, рано или поздно ему пришлось бы расплачиваться за свои загулы.

Дин усаживается напротив меня и, к моему удивлению, совсем не обижается, когда я сразу же поднимаю эту тему. Он просто пожимает плечами.

– Этого следовало ожидать. – На лице Дина появляется страдальческое выражение. – Но я пришел не для того, чтобы говорить о моей команде. Хочу извиниться перед тобой.

Я киваю. Это мне было и так понятно по его сообщению. Какое-то дежавю, потому что за последние три месяца это случается со мной уже дважды. Сначала с Шоном. Мы сидели в этой же самой кофейне, говорили о том же самом. Но в этот раз боль в сердце в миллион раз сильнее, потому что я все так же люблю Дина. Отчаянно, безнадежно люблю его.

– Мне так жаль, детка. Я облажался по полной. – Его длинные изящные пальцы обхватывают стакан с кофе. – Я очень тяжело воспринял смерть Бо. Если честно, я до сих пор еще не смирился с ней, но, по крайней мере, я трезв.

Я снова киваю.

– Прости, что не пришел на твою премьеру. И мне очень жаль, что тебе

пришлось извиняться за меня перед тренером Эллисом и... – его голос срывается, – Дакотой. Я хочу попросить прощения у них тоже, умолять их простить меня. Но мне хотелось сначала увидеться с тобой.

Я понимаю, почему. Он звонил и писал мне на протяжении трех дней, но я не соглашалась встретиться с ним. Эмоции пока пересиливали.

Дин делает глоток кофе.

– Ты сможешь когда-нибудь найти в своем сердце силы простить меня? – Его голос полон сожаления.

В моем сердце? Боже, сейчас в моем сердце пусто. Внутри словно пронесся ураган. Ураган по имени Дин. Я никак не могу стереть из воспоминаний тот пятничный вечер. Как я стояла на сцене, вглядывалась в толпу и никак не могла его отыскать. А вернувшись домой, застала его под кайфом.

Но смогу ли я простить его?

О, конечно! Я не из тех, кто подолгу держит зло. Жизнь очень коротка для этого.

– Конечно, я смогу простить тебя.

В его глазах вспыхивает искра надежды, и я ненавижу себя за то, что придется ее погасить.

– Но дело не в прощении.

– А в чем же тогда?

– Это ты мне скажи. Ты попросил меня прийти сюда, чтобы уговорить вернуться к тебе?

Дин медленно кивает. Выражение его лица смягчается.

– Я люблю тебя, – хрипло говорит он. – И не представляю свою жизнь без тебя.

Меня пронзает боль. Я тоже не могу жить без него. Но... мне нужно научиться.

– Я... не могу вернуться к тебе, – шепчу я.

Дин издает страдальческий звук.

– Во всяком случае, прямо сейчас. – Я сжимаю пластиковый стакан обеими руками, отчаянно нуждаясь в его тепле. – Я никогда не была одна, Дин. Никогда. Одни отношения заканчивались и тут же начинались другие. По-моему, я даже не знаю, что значит быть одной, так что, наверное, сейчас самое время это выяснить. Ты сам сказал, что до сих пор не смирился со своей потерей. Также тебе нужно извиниться перед другими людьми. Так что, пока будешь разбираться со своими делами, я смогу разобраться со своими.

Дин стискивает челюсти. Я жду, что он начнет спорить со мной,

потому что это Дин Хейворд Ди Лаурентис, человек, всегда получающий то, чего хочет, мужчина, который будет добиваться своего. Но он снова удивляет меня.

– Сколько времени тебе нужно? – угрюмо спрашивает он.

Я закусываю губу.

– Не знаю. Несколько недель, месяц... Я не хочу загадывать. Просто знаю, что сейчас мне нужно пожить самой. Никаких парней. Только я.

Дин кажется печальным.

– Ладно.

Я прямо-таки вижу, как в его глазах вспыхивают вопросы. *Это временно или между нами все кончено раз и навсегда? Неужели это я все разрушил? Ты еще любишь меня?* Но он не произносит их вслух.

– У тебя столько времени, сколько тебе нужно, детка, – кивнув, бормочет Дин.

* * *

Дин

Я ждал, что Элли скажет либо «Между нами все кончено, Дин», либо «Я прощаю тебя, Дин». Я ожидал окончательного разрыва или сентиментального воссоединения, но никак не этого мучительного состояния неопределенности.

Но ничего страшного. Это просто маленький шагок назад. Если ей хочется побыть сейчас одной, я оставлю ее в покое. И меня обнадеживает, что она позволила себя поцеловать на прощание. А когда я заправлял ей за ухо прядь волос, она прижалась щекой к моей ладони и потерлась о нее.

Элли все еще любит меня. Я храню этот утешительный факт в глубине своего сердца все следующие дни. Мне нужно напоминание о том, что кто-то продолжает любить меня, когда я буду просить прощения у всех остальных, потому что иначе от меня ничего не останется. У меня есть список в духе «Убить Билла» – но только это перечень людей, которых мне нужно умолять о прощении, а не убивать. Серьезно, я написал все имена на листе бумаги, потому что их так много, что не запомнить.

Поставить галочку у первых нескольких имен оказывается достаточно легко.

Ханна пока злится на меня за то, что я ранил чувства ее лучшей

подруги, но я получаю прощение, потратив целый час на перечисление того, что я люблю в Элли, и того, что я собираюсь сделать, если – ой, нет, когда – когда она будет готова снова встречаться со мной. Ханна задобрена.

УЭЛЛИСИ ✓

Потом я извиняюсь перед своими товарищами по команде за то, что подвел их. Фактически из команды меня не выгнали, а отчислили до следующего сезона. Но о каком следующем сезоне может идти речь, если весной я оканчиваю университет?

К моему удивлению, парни совершенно нормально отнеслись к тому, что я накосячил и выбыл из игры. Честно говоря, по-моему, все уже сдались. Гаррет уверяет меня, что на играх все по-прежнему выкладываются в полную силу, но лично я думаю, что всей команде уже не терпится поскорее покончить с этим катастрофическим сезоном и начать все с чистого листа следующей осенью. Особенно Хантеру, перед которым я извиняюсь больше остальных и обещаю загладить свою вину, вернувшись к нашим индивидуальным тренировкам.

КОМАНДА ✓

На команде мой список не кончается, и я, сильно переживая, еду на арену в Гастингс. Там меня удивляет тренер Эллис, загладить вину перед которым оказывается очень даже легко. Я не успеваю и рта открыть, чтобы начать свою заготовленную длинную речь, как он уже сжимает мое плечо и говорит:

– Оставь это для мальчиков. Хорошо, что ты вернулся.

ТРЕНЕР ЭЛЛИС ✓

А мальчики? Они тоже с легкостью принимают меня обратно. Но только тут я дошел до середины своей речи, которая включала обещание накормить всех пиццей. Когда я продолжаю дальше, меня перебивают крики Робби:

– Чувак, ты уже купил нас пиццей!

«УРАГАНЫ» ✓

Я остаюсь, чтобы помочь на тренировке. У меня как будто камень с души упал. И она парит, потому что Элли была права – я люблю все это: кататься с ребятами, давать им подсказки, как лучше держать тело, когда делать броски. После финального свистка я помогаю Эллису убрать амуницию, и потом мы минут десять обсуждаем варианты развития

дальнейших событий, о существовании которых я даже не подозревал.

Но когда я взбираюсь вверх по ступенькам на трибуне, волнение опять возвращается.

На коленях у Дакоты розовая тетрадка, над пустой страницей завис карандаш. Она замирает, когда я усаживаюсь рядом с ней, не говорит «привет», и я отчетливо вижу обиду в ее огромных голубых глазах.

– И что нам на сегодня задала злодейка миссис Клейн? – сипло спрашиваю я.

Дакота молчит.

– Если тебе нужно написать несколько предложений о своем герое, то я точно не подойду. Но если о человеке, которого ты больше всех ненавидишь, готов поспорить, ты сможешь с легкостью написать про меня десять страниц.

Она хихикает и тут же в ужасе прикрывает рот ладонью, словно пытаясь загнать этот пронзительный звук обратно.

– Дакота, – со вздохом окликаю я ее.

Она наконец поднимает на меня глаза, в которых бушует гнев.

– Я злюсь на тебя.

– Я знаю, малышка.

Я проглатываю ком в горле. Какой же я козел! Я забил на наши с ней занятия, не приехал, чтобы объясниться. Просто взял и исчез из ее жизни.

Дакоту и Робби растит мать-одиночка. Дакота часто рассказывает про нее и как-то раз призналась, что их отец одним прекрасным днем вышел из дома и больше не возвращался. У меня сосет под ложечкой от мысли, что я могу снова пробудить в ней те мучительные воспоминания.

– У меня умер друг...

Но я вдруг умолкаю, потому что не могу думать о Бо без пронзительной боли в сердце. Видит бог, как же я скучаю по этому дуралею! Мне не хватает наших разговоров, даже обычной болтовни ни о чем. С кем еще можно было без зазрения совести обсуждать «Сумерки»?

– Мне было тяжело с этим справиться, – говорю я Дакоте. – Я никогда раньше не терял близких. Ну, только если дедушку Кендрика, но он умер, когда мне было пять. Может, ребенком я был более стойкий?

Дакота настороженно смотрит на меня.

– Прости меня, Коти. Мне черт... честное слово, очень жаль, что я вот так взял и исчез, не сказав ни слова. Я разрешаю тебе ударить меня по лицу со всей силы. Ну быстрее, давай, прямо сейчас, пока не видит тренер Эллис.

Дакота снова хихикает. А потом доказывает, что дети и правда быстро

оправляются от всего плохого: она хлопает меня по руке и говорит:

– Хватит вести себя как девчонка, Дин. Ты опять мне нравишься.

Я еле сдерживаю смех.

– Точно?

– Ага. – Она надувает пузырь из жвачки, а потом показывает на свою тетрадь. – Мне нужно написать одну страницу про свой любимый фильм и почему я люблю его.

– Ясно. И какой фильм твой любимый?

– «Дневники принцессы».

Еще бы!

– Ну что? – Я щелкаю костяшками пальцев, как будто готов. – Давай начнем.

ДАКОТА ✓

Приехав домой, я звоню Джоанне Максвелл, и мне везет застать ее во время перерыва на ужин. Я извиняюсь за то, что не пришел на прощальную церемонию. Она принимает мои извинения. Мы почти час говорим о Бо, но потом Джоанна с неохотой сообщает, что ей пора на репетицию. Мы обещаем друг другу не терять связь, и, когда я вешаю трубку, в сердце стоит тупая боль. Но я не собираюсь нарушать обещание. Бо был важной частью моей жизни. Джоанна – его старшая сестра. Я буду продолжать общаться с ней, несмотря ни на что!

ДЖОАННА ✓

Мне нужно сделать еще один телефонный звонок, но не скажу, что жду этого с нетерпением. Несколько дней назад я попросил Фитци отследить для меня Миранду О’Ши. Фитци всегда удается обойти закон, чтобы достать новую видеоигру, не покупая ее, так что я решил, что ему хватит мастерства достать номер телефона Миранды. И оказался прав. Понятия не имею, как он это сделал, но спрашивать тоже не собираюсь, потому что не хочу сесть в тюрьму.

Я набираю номер и жду. Мы с Мирандой уже сто лет как не виделись и не разговаривали. У меня не осталось к ней никаких романтических чувств, но нам ох как нужно кое-что между собой разрешить. К тому же я до сих пор не сказал ей одну вещь. Надеюсь сегодня это изменить.

Если она возьмет дурацкую трубку. Гудки все идут и идут, и я уже собираюсь разъединиться, когда в динамике звучит торопливый голос:

– Алло!

Я делаю глубокий вдох.

– Миранда?

– Да. Кто это?

– Это... э-э-э, Дин. – Пауза. – Дин Ди Лаурентис.

В трубке звенит тишина.

– Я понимаю, что мой звонок оказался полной неожиданностью...

– Откуда у тебя мой номер? – перебивает она меня, но в ее голосе нет злости, он звучит мягко. – От папы?

– Нет, мой друг сумел найти.

Между нами повисает неловкое молчание.

– Я быстро. Мне просто нужно кое-что сказать тебе. То, что я не смог сказать раньше, потому что твой папа забрал тебя из школы. – Я торопливо выдыхаю. – Прости меня.

Она тоже выдыхает, только судорожно.

– Прости меня за все, что произошло между нами, – продолжаю я. – За то, какую роль сыграл в твоём... э-э-э...

– Нервном срыве? – с оттенком сухой иронии заканчивает за меня Миранда. – Тут нет твоей вины, Дин. Я столкнулась с депрессией еще задолго до того, как мы начали встречаться.

– Я знаю. Но... у нас был секс... а потом...

Боже, как это все неприятно. И весь этот разговор кажется таким... бездушным. Как будто мы двое незнакомцев и обсуждаем личную жизнь других людей, а не нашу собственную.

– У нас был секс только потому, что я соблазнила тебя, когда ты напился. – Похоже, ей тоже жутко стыдно. – А потом свалила всю вину на тебя и этим пыталась удержать, когда узнала, что ты несчастлив со мной. Ты понятия не имеешь, как плохо мне потом было. Я хотела позвонить тебе, но ужасно стеснялась. А потом папа сказал, что отправит меня в Сибирь, если я снова заговорю с тобой. Поэтому я так с тобой и не поговорила. Решила, что рано или поздно ты забудешь обо мне. – Повисает короткая пауза. – Но ты не забыл.

– Нет, не забыл.

Опять пауза.

– Ладно, – я откашливаюсь. – Это все, что я хотел сказать. Прости, если сделал или сказал что-то, что послужило толчком к твоему срыву или усилило его. Я никогда бы не обидел тебя специально.

– Я тоже никогда не желала тебе зла.

Я сглатываю.

– Ну и... как ты сейчас, в порядке? Весной выпускаешься из Дьюка?

– Да! – Ее восторг эхом прокатывается по телефонной линии. – А

потом поступаю в медицинский институт!

Эта новость удивляет меня, потому что она всегда говорила, что хочет стать социальным работником, но не доктором. Наверное, все-таки люди и правда меняются. Бог знает, как изменился я сам. Мы несколько минут обмениваемся новостями, а потом я с облегчением вешаю трубку. Миранда была значимой частью моей жизни, но, несмотря на это, хорошо, что она осталась в прошлом.

МИРАНДА О'ШИ ✓

Отца Миранды я в свой список добавлять не стал. Никакое количество извинений не заставит этого ублюдка относиться ко мне лучше, да и, по правде говоря, я не должен перед ним извиняться. Единственный мой проступок в том, что я бросил его дочь. Но я не заслужил за это удар в лицо и подобное отношение к себе.

Фрэнк сам может справиться со своими проблемами.

Я же буду работать над своими.

* * *

Проходит еще неделя. Элли так же сама по себе. Я сам по себе. Мы обменялись несколькими сообщениями, узнав друг у друга, как дела, но не более того. А мне до смерти хочется увидеть ее, обнять, поцеловать, заняться с ней любовью. Но я обещал быть терпеливым и держу дистанцию.

Однако это не мешает мне при каждом удобном случае узнавать обо всех новостях от Ханны. Я знаю, что Элли на отлично сдала курс по сценарному мастерству, что она сделала маникюр в салоне в городе, ярко-зеленый, как добавила Уэллси, и это вызвало у меня улыбку.

Когда я очередной раз выпытываю информацию у Ханны, она объявляет, что Элли улетела в Лос-Анджелес. Внутри у меня все опускается, потому что я думаю, что она улетела навсегда, но Ханна разубеждает меня. Как выясняется, ребята из *Fox* попросили Элли приехать и прочитать текст лично. Им понравилась ее запись, но они захотели посмотреть, как она сыграется с двумя другими актрисами.

Мое сердце чуть не разрывается от гордости, и я отправляю Элли сообщение с поздравлениями. Она отвечает только спустя несколько часов. Пишет, что уже садится на обратный рейс и мы скоро поговорим.

В субботу утром я сам вылетаю из аэропорта Логан. Мне нужно

быстро смотаться в Нью-Йорк, иначе я не смогу вычеркнуть последний пункт своего списка.

– Ты не можешь отказаться от роли. – Ханна возмущена уже тем, что я просто предложила такое кощунственное развитие событий.

– Почему нет?

– Потому что это главная роль в ситкоме! А что если сериал станет мегапопулярным? Ты, возможно, выиграешь «Эмми»!

Я пожимаю плечами и отпиваю кофе. Да, наверное, сейчас мои слова похожи на бред сумасшедшей. Айра уже вдоволь поизумлялся моему решению и умолял согласиться на это предложение. Но когда дело касается моей карьеры, я всегда следую своему внутреннему чутью, и сейчас оно говорило мне, что эта роль не для меня.

– Я еще не приняла окончательного решения, – говорю я Ханне. – Они дали мне время до среды.

Сейчас вечер субботы. Это значит, у меня есть целых четыре дня, чтобы подумать.

Но мой внутренний голос настаивает на том, что здесь и думать не о чем.

Меня так и подмывает позвонить Дину и спросить его совета, но я подавляю в себе это желание. Я и без того привыкла полагаться во всем на парней, с которыми встречалась. Так было и с Флетчем, и с Шоном, и с Дином. Однако никто не вправе принимать решения за меня. Я должна делать это сама.

Если честно, я даже наслаждалась своим одиночеством. Это здорово: в кои-то веки думать только о самой себе. Но я скучаю по Дину. Очень-очень скучаю. Я знаю, что у него все хорошо, но мучаю Ханну ежедневными докладами. Она рассказала, что он снова начал работать с «Ураганами», несколько раз ходил с парнями в «Малоун», но выпивал только несколько кружек пива, насколько известно Ханне.

Ни в *Instagram*, ни в *Facebook* не появляются фото, на которых он целуется с другими девушками, но часть меня все равно переживает по этому поводу. Я в жизни не встречала таких сексуальных парней, как Дин. И молюсь, чтобы он часто мастурбировал, потому что не знаю, что со мной будет, если вдруг выясню, что он переспал с другой. Я не стала говорить об

этом во время нашей встречи в кофейне, потому что просто понадеялась на него, на его верность мне, пока будет длиться этот тайм-аут, чтобы в голове немного прояснилось.

Может, это было эгоистично с моей стороны. Но я люблю его, и если услышу, что какая-нибудь девица попытается прикоснуться к нему хоть пальцем, то ей не жить. Он *мой*. И я наконец готова объявить об этом всему миру. Наша разлука помогла мне сориентироваться, и теперь пришло время вернуть себе своего мужчину.

Только есть одна проблема. Дин в Нью-Йорке. Полетел на одну ночь к родителям. Ханна сказала мне об этом, что меня сразу встревожило: странно, что он полетел на Манхэттен всего на одну ночь.

Звонит мой телефон и прерывает наш разговор за кофе. Тревога внутри растет, потому что на экране высвечивается папин номер.

Через секунду из динамика грохочет его голос.

– Только, пожалуйста, не волнуйся, – начинает он.

О господи, ну кто *так говорит*? Я сразу же начинаю волноваться!

Я ставлю кружку на кухонный стол и поднимаюсь со стула. Ханна с беспокойством смотрит на меня.

– Что такое? – строго спрашиваю я. – Что случилось? С тобой все в порядке?

– Я же только что попросил тебя не волноваться, разве нет? – Порой мне просто хочется убить своего отца! – Я чуть-чуть оступился, вот и все. Но, может, у меня сломана рука, поэтому я позвонил в скорую.

Внутри начинает колотиться страх.

– Боже мой! Ты в порядке?

– Я *в порядке*, – твердым голосом заявляет папа. – Обычное растяжение в запястье. Ничего не сломано, честное слово. – В его голос просачиваются саркастические нотки. – Если хочешь, я могу попросить, чтобы тебе прислали копии моих рентгеновских снимков.

Я стискиваю зубы.

– Папа, хватит поясничать!

Он тяжело вздыхает.

– Прости. Просто я знал, что ты так бурно отреагируешь. Милая, клянусь, со мной все хорошо. Запястье немного побаливает, но у меня есть обезболивающие.

– Как ты добрался из больницы?

– На такси. А сейчас лежу на диване и смотрю баскетбольный матч.

Я медленно вздыхаю, чтобы успокоиться.

– Ладно. Не ходи никуда без особой надобности. Не поднимай ничего

тяжелого. Пожалуйста, пап, ну хоть пару дней не перегружай себя.

– Хорошо. Люблю тебя, Эй-Джей.

– И я тебя люблю.

Я вешаю трубку и поворачиваюсь к Ханне.

– Как твой папа, с ним все хорошо? – тут же спрашивает она.

Я киваю.

– Говорит, что да.

Но папа – хоккеист. У хоккеистов *всегда* все хорошо, даже когда у них из ушей течет кровь и они выплевывают себе под ноги сломанные зубы.

Я снова глубоко вздыхаю, а потом набираю номер Дина.

* * *

Дин

Джо Хейз открывает дверь с таким мрачным и хмурым выражением лица, какого мне в жизни не доводилось видеть.

– Да ты, должно быть, шутишь! Это она прислала тебя сюда?

Я осторожно отодвигаю его за плечо, чтобы пройти. Видит бог, сам мистер Хейз меня приглашать не собирается.

– Угу, – отвечаю я, вхожу в дом и осматриваюсь.

К счастью, похоже, что все в порядке. Я разглядываю лестницу: Элли сказала мне по телефону, что ее отец «оступился». На паркете не видно крови, все половицы на месте. Это хорошо. На мистере Хейзе нет синяков и видимых повреждений. Он опирается на трость, но, кажется, сейчас стоит на ногах тверже, чем когда мы виделись в последний раз.

– Только прошу, не говори мне, что ты прыгнул с самолет и прилетел сюда только для того, чтобы проверить, как я, – ворчит папа Элли.

– Нет, я уже был в городе. Навещал родителей и брата.

Мистер Хейз усаживается на диван и ведет себя так, будто меня здесь нет.

Я снимаю куртку и вешаю ее на спинку кресла, потом сажусь.

– Что это ты делаешь? – сразу же возмущается он.

– Устраиваюсь поудобнее. – Я поднимаю бровь. – Ой, разве я вам не сказал? Сегодня мы ночуем вместе.

– Черта с два!

Его вспышка гнева лишь вызывает мою усмешку.

– Да ладно вам, сэр. Мне казалось, мы уже выяснили, что с вашей дочерью бесполезно спорить. Она попросила меня остаться на ночь и присмотреть за вами, именно так я и сделаю.

Потому что я готов на все, о чем эта женщина меня ни попросит. Я продам душу самому дьяволу, если так скажет Элли.

– Мне это не нравится, – ворчит мистер Хейз.

– А мне все равно, – радостно сообщаю ему я.

Потом мы с Джо Хейзом смотрим футбольный матч между командами университетов. Сейчас уже почти девять, в животе у меня начинает урчать: я еще не ужинал. Мистер Хейз не возражает, когда я решаю заказать пиццу.

– Сосиски и бекон подойдут? – спрашиваю я у него, делая заказ.

Он что-то бурчит. Наверное, это «да».

Проходит еще час. Мы все так же не разговариваем, доедаем пиццу, пьем пиво и переключаемся с футбола на хоккей. Сегодня играют «Брюинз». Выругавшись на экран или закричав во время гола, мы настороженно смотрим друг на друга, как бы вспомнив, что каждый из нас не один в комнате.

В перерыве между вторым и третьим периодами я ставлю свое пиво и говорю:

– Я люблю вашу дочь, сэр.

На что он отвечает:

– Я в курсе, красавчик.

Не могу понять, то ли это согласие, то ли что-то типа «ага, люби ее, сколько тебе вздумается, но я все равно ненавижу тебя». Я решаю, что пусть будет первый вариант.

Около одиннадцати я помогаю мистеру Хейзу подняться по лестнице и жду за дверью его спальни, слушая, как он ходит по комнате и переодевается ко сну. Потом стучусь.

– Ну как вы там? Все хорошо?

– Да все у меня отлично, мать твою! Иди спать.

Усмехнувшись себе под нос, я отправляюсь в комнату Элли: Джо сказал, что мне можно переночевать там. И первое, что я замечаю, войдя туда, – это запах. Точно, тот самый *запах*! Таинственный аромат, который всегда окружает Элли и который я никак не могу определить.

Я подхожу к ее комоду и беру маленький флакон духов. Кажется, это духи. На бледно-голубой этикетке красиво выведено: «Элли». Что за фигня?

– Ева сделала их для нее.

От неожиданности я подпрыгиваю и, развернувшись, вижу мистера

Хейза, стоящего в дверях в одних клетчатых трусах-шортах. Ничего не могу с собой поделать: я плююсь на его грудь. Мужiku почти пятьдесят, он страдает от рассеянного склероза, и при этом у него *шесть кубиков*! Я впечатлен. Наверное, это объясняет то, как ему удалось захомутать красавицу модель и маму Элли. Черт, внезапно меня осеняет, что если папа Элли выглядит так в свои годы, то у нее имеются определенные ожидания. Мне придется не вылезать из тренажерного зала до конца своих дней.

Видя мой непонимающий взгляд, мистер Хейз показывает на флакон в моей руке.

– Моя жена... мама Эй-Джей... у нее был друг во Франции, какой-то футы-нуты-дизайнер, с которым она как-то работала. Он знал парфюмера... Их ведь так называют? Парфюмерами?

– Понятия не имею, сэр.

– Да и ладно. Короче говоря, однажды тот дизайнер подарил Еве духи, сделанные специально для нее. Эй-Джей чуть не позеленела от зависти, так что на ее двенадцатый день рождения Ева сказала ей, что закажет специальные духи и для нее тоже. Тогда моя жена уже была больна, по-настоящему больна, и она делала все, только бы Эй-Джей была счастлива. Она спросила у Эй-Джей, какой аромат ей хочется, и Эй-Джей ответила... – он фыркает от смеха, – «клубника и розы».

Я тоже смеюсь, потому что теперь становится понятно, почему я никак не мог разгадать этот запах. Розы и клубника. Совершенно разные ароматы, которые каким-то образом заиграли, когда их соединили вместе. Стали *Элли*.

– Ева заказала шесть флаконов. По-моему, Эй-Джей уже использовала три. Но точно не уверен. Она очень экономно их расходует. Наверное, не хочет, чтобы духи заканчивались.

– Значит, у Элли есть французские духи, созданные специально для нее? Круто, ничего не скажешь.

Мистер Хейз пожимает плечами.

– Ева проводила во Франции много времени. Бегло говорила по-французски. Она всегда хотела, чтобы Эй-Джей выучила его, но Эй-Джей было неинтересно.

У меня сжимается сердце.

– Зато ей интересно это сейчас.

Мистер Хейз кажется удивленным.

– Правда?

Я киваю.

– Она пытается выучить его самостоятельно и смотрит одну

французскую мыльную оперу.

Мистер Хейз ухмыляется.

– Я посмотрел с ней два сезона. – Я печально вздыхаю. – Этот сериал не так уж плох.

Отец Элли начинает хохотать раскатистым, глубоким смехом, от которого его голубые глаза тоже начинают светиться.

– Ты тоже не так уж плох, красавчик, – говорит он и выходит из комнаты.

* * *

Элли

Когда в воскресенье вечером Дин входит в свою комнату, я уже жду его там. Мы могли бы встретиться в аэропорту, но он оставил свою машину на парковке и вернулся из Бостона сам.

Когда он замечает меня, взгляд его зеленых глаз тут же смягчается.

– Привет.

– Привет.

Я быстро встаю, но ни один из нас не двигается навстречу друг другу. Нас разделяют пять шагов.

Это расстояние невыносимо.

Сдавленно простираясь, я бросаюсь к нему, и Дин с легкостью ловит меня в свои объятия, его большие руки ложатся на мою талию и притягивают меня ближе. Я утыкаюсь лицом в его грудь и шепчу:

– Спасибо, что проверил, как он.

– Пожалуйста.

Я чувствую, как его пальцы играют с моими волосами. Потом он запрокидывает мою голову, заставляя посмотреть ему в глаза.

– С ним все хорошо, детка. Клянусь. По-моему, он позвонил в скорую из предосторожности. У него немного побаливает запястье, но только и всего. С твоим папой все отлично.

Я уже слышала все это по телефону и от Дина, и от папы. Но уверенность в голосе Дина – то самое подтверждение, которого мне не хватало. От облегчения я прижимаюсь к нему еще сильнее.

Его губы касаются моего виска. Потом он делает глубокий вдох, как будто вдыхает запах моих волос.

– Я скучал по тебе, – шепчет Дин.

– Я тоже по тебе скучала. – Проглотив ком в горле, я отстраняюсь от него и встречаюсь с ним взглядом. – Мне больше не нужно быть одной.

На его губах появляется легкая улыбка.

– Слава яйцам! – Дин плюхается на край кровати и притягивает меня к себе на колени. – Эти недели я с ума сходил без тебя.

– Я знаю. Но эта разлука пошла мне на пользу. Мне нужно было посмотреть со стороны на свою жизнь, на себя. На саму себя, а не на себя в отношениях. Мне нужно было узнать, могу ли я быть одна.

– И ты можешь?

– Да. – Я провожу пальцами по темной щетине на его бесподобном подбородке. – Но я не хочу быть одна. Я хочу быть с тобой.

Он целует меня. Нежно и сладко, без языка. Его губы ласкают мои снова и снова, до тех пор, пока я не начинаю стонать, требуя большего. Но как только я приоткрываю рот, чтобы впустить его язык, Дин отстраняется.

– Уэллси сказала, что ты хочешь отклонить предложение *Fox*. – В его голосе слышится упрек.

– Р-р-р. Ну что всем за дело до этого? – Я вздыхаю. – Я еще не приняла окончательного решения.

– Но ты подумываешь о том, чтобы отклонить его.

Помедлив, я киваю.

Теперь его очередь вздыхать.

– Я знаю, почему ты хочешь так сделать, детка, и мне очень жаль, но я тебе не позволю.

В мгновение ока Дин пересаживает меня со своих колен на матрас. Затем подходит к своей куртке, залезает в один из карманов и достает конверт.

О нет! Дурацкие инопланетяне снова устраивают мне дежавю.

Дин вкладывает конверт в мою руку и говорит:

– Открой.

Я молча открываю – и да, опять та же фигня, которую пытался впарить мне Шон. Два билета на самолет до Лос-Анджелеса. Сколько можно? Все парни думают одинаково или что? А может, это коллективное сознание заставляет их делать одни и те же глупости?

– Ты со мной не полетишь, – сообщаю я Дину.

Похоже, он удивлен.

– Я отказываюсь от роли не потому, что не хочу быть вдалеке от тебя. Я...

– Второй билет не для меня.

– ...отказываюсь, потому что... Погоди, что?

– Второй билет не для меня, – объясняет Дин. – А для твоего отца. Я знаю, что ты не хочешь быть вдалеке от него. Вот я и решил: вместо того, чтобы предавать свою мечту и остаться на восточном побережье, ты исполнишь ее, а он отправится с тобой на западное побережье.

Дин пожимает плечами.

– Я уже поделился с ним этой идеей, и он только «за». Сказал, что начнет искать жилье, как только ты скомандуешь.

Я... в шоке. Невозможно не вспомнить наш с Шоном разговор в кофейне, когда он настойчиво требовал улететь со мной. И вот теперь Дин предлагает мне лететь без него.

Папа ошибался. И был прав. Он был прав *и* ошибся. Да, Дин совсем потерял голову от горя. Но, может, ему нужно было потерять голову, чтобы узнать, что жизнь совсем не идеальна, что в ней *случаются* плохие вещи и что, когда они случаются, ты не можешь просто взять и перестать жить.

Улыбаясь, я протягиваю ему конверт обратно.

– Я откажусь от проекта.

Дин начинает злиться.

– Кошечка Элли...

– Но не из-за папы, – перебиваю я его. – Хотя я рада узнать, что он не против переехать, если мне выпадет возможность поработать в Лос-Анджелесе. Я отказываюсь, потому что эта роль не для меня. Я не чувствую связи со своей героиней. К тому же по договору мне придется согласиться на семь сезонов, если сериал пойдет на ура. Я не собираюсь отказываться от семи лет своей жизни, чтобы играть роль, которая мне совсем не нравится.

– О, ну что, ладно. Наверное, мне нужно было сначала посоветоваться с тобой и только потом покупать эти невозвратные билеты.

– Думаешь?

Усмехаясь, Дин снова притягивает меня к себе на колени, и я обхватываю его ногами за талию и руками за шею. Я пытаюсь поцеловать его, но он опять начинает говорить:

– Я тоже принял несколько важных решений.

Я поднимаю брови.

– Ах так? И какие же?

Его щеки краснеют, и я не упускаю возможности подколоть его.

– Матерь Божья, ты покраснел! Так, теперь я *сгораю* от любопытства. Рассказывай!

– Я, э-э-э... собираюсь стать учителем физкультуры.

Я открываю рот.

– Ты шутишь?

Дин выглядит смущенным.

– Мы с тренером Эллисом обсудили все мои варианты. Оказывается, частные школы любят, чтобы все было быстро, и снижают требования к соискателям. Ученая степень мне не нужна, но она не будет лишней. А когда я был в Нью-Йорке, то позвонил в приемные комиссии Нью-Йоркского университета и Университета Колумбии. И там, и там мне сказали одно и то же: я могу повысить свою квалификацию. Всего один дополнительный год учебы: кинезиология, валеология и все такое. Но я смогу одновременно учиться и преподавать, хотя это будет зависеть от школы, которая возьмет меня. – Он неловко ерзает на месте. – Я сделал кое-что ужасное.

– Ого! И что же?

– Воспользовался фамилией Ди Лаурентис, когда созванивался с членами приемной комиссии.

Я еле сдерживаю смех.

– Ох, милый, все хорошо. Это же во благо, правда?

Эх, это же так здорово, если Дин будет работать с детишками! Он сможет изменить их к лучшему, поможет им обрести уверенность в себе, стать настоящими спортсменами, хорошими людьми.

– Еще я поговорил с новым тренером по хоккею в моей старшей школе и попросил его дать мне знать, если появятся вакансии в частных школах, неважно, на место учителя физкультуры или тренера. – В его голосе появляется воодушевление. – Так вот, открыты обе вакансии в одной школе на Манхэттене, с первого по восьмой класс. Занятия начинаются осенью. Физкультура для всех классов и тренировка женской хоккейной команды.

– Девчонки, значит? – Я ухмыляюсь. – Думаю, будет весело.

– По-моему, мне стоит пойти на собеседование.

– Еще как стоит! Если хочешь заниматься этим всю жизнь, тебе нужно обязательно сходить. – И тут до меня кое-что доходит. – погоди, это означает, что ты не будешь учиться в Гарварде? Ты уже сказал своим родителям?

– Да и да. Именно поэтому я летал в Нью-Йорк. Мы с папой проговорили несколько часов, а потом с Ником. А затем позвонила ты и попросила меня съездить к твоему отцу. Короче говоря, папа и Ник меня полностью поддержали.

Я не удивлена. У Дина чудесная семья.

– Я горжусь тобой, – объявляю я.

– Я тоже собой горжусь.

Дин утыкается носом мне в шею и начинает целовать подбородок. Когда он посасывает кожу на моей шее, между ног вспыхивает наслаждение.

Святые угодники, как же долго у нас не было секса! Почти месяц. А может, даже больше. Я даже не могу вспомнить. Его теплые влажные губы, путешествующие по моей шее, возбуждают меня, заставляя забыть обо всем.

– Дин, – мурлычу я.

– М-м-м?

– Я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю. – Он облизывает мою ушную раковину.

– Но сейчас я тебя не хочу.

Резко отпрянув, Дин смотрит на меня с негодованием.

– Повтори, пожалуйста.

– Я не хочу тебя. – Я сверкаю озорной улыбкой. – Я хочу Дина-младшего.

Мой парень смеется, закинув голову, потом расстегивает молнию и дает мне именно то, чего я так жажду.

Апрель

Приближается выпускной. Если честно, мне почти все равно, но ладно уж, надену я эту мантию и буду бросать шапочку в воздух, только чтобы порадовать своих родителей. А сам просто радуюсь жизни, потому что влюблен в самую лучшую девушку на свете и потому что самая лучшая девушка на свете влюблена в *меня*.

Пусть наша команда и не добралась до плей-офф, но это не значит, что на хоккейном фронте больше нет новостей. Мой дружище Логан подписал контракт с «Провиденс Брюинз», фармкомандой «Бостон Брюинз», а это значит, что через год-другой он будет играть уже в основном составе в Бостоне. А что касается Гаррета, то, видимо, его агент отлично поработал в кулуарах. Им заинтересовалось сразу несколько команд, так что я скрещиваю пальцы за то, чтобы Джи попал в самую лучшую из них.

Я уже знаю, где буду сам, – на Манхэттене. На прошлой неделе я проходил собеседование на должность учителя в академии Парклеин. Вчера утром мне позвонил директор и сказал, что они берут меня на два года. На второй год – при условии, что я повышу свою квалификацию.

И, похоже, теория моей сестры о вселенной подтверждается, потому что сразу после звонка директора академии Парклеин Элли позвонил ее агент, и она закричала так громко, что ее услышал принимавший душ Гаррет, который влетел в мою комнату с голым задом и хоккейной клюшкой в руках.

Мы заверили его, что все в порядке, не забыв отвесить несколько комплиментов его члену. А потом Элли сообщила, что ей предложили роль в сериале на кабельном канале, который будет снимать крутой режиссер Бретт Кавана, в чьей пьесе она играла прошлым летом. Прослушивания не будет. Каване так понравилось работать с ней, что он сразу же предложил ей роль. А самое классное – что сериал будет сниматься в Нью-Йорке!

Элли говорит, что не оставляет надежды поработать и в театре, если сериал приостановят или если он провалится в прокате (в чем я лично сильно сомневаюсь). Но самое главное для нее – что ей не дали очередную

роль девчушки-хохотушки. Новая роль серьезная и «содержательная», как любит говорить Элли, и я знаю, что она с нетерпением ждет, когда начнутся съемки.

– А если мне придется показать всем свою грудь?

Насмешливый голос Элли вырывает меня из моих размышлений. Мы идем, держась за руки, по дорожке, ведущей прочь от театрального факультета, где только что закончилось ее занятие по монологу. На улице еще прохладно, но все вокруг снова начинает зеленеть, а снег растаял, обнажив брусчатку.

– Тебе это Айра сказал?

– Нет, но это *НВО*^[21]. Есть шансы, что они попросят меня обнажиться. Как минимум грудь.

– Тебе самой будет комфортно? – осторожно спрашиваю я.

Она пожимает плечами.

– Только если это обоснованно. Тогда почему бы и нет, я подумаю.

После паузы Элли спрашивает:

– А как *ты* к этому отнесешься?

Я озорно улыбаюсь ей.

– Детка, у тебя офигенная грудь. Я не стану лишать весь мир возможности увидеть ее.

– Я серьезно! Ты не будешь против?

Подумав, я качаю головой.

– Не буду. Это же часть твоей работы, и если ты посчитаешь нужным показать немного голой кожи, пусть так и будет.

Элли наклоняется и чмокает меня в щеку.

– Ты невероятный! Ты знаешь об этом?

– Конечно, знаю! Мне говорят об этом как минимум десять раз на дню.

Ее смех резко обрывается, когда перед нами появляется знакомая фигура. Бывший парень Элли медленно подходит к нам, и мои плечи тут же напрягаются.

Шон пялится на наши соединенные руки. Мне не нужно смотреть в лицо Элли, чтобы понять, что она сейчас чувствует. Судя по тому, как крепко сжались ее пальцы вокруг моих, она не особо рада видеть своего бывшего. Она до сих пор не забыла все, что он наговорил ей после Дня благодарения.

– Привет, Элли. – Шон выглядит несчастным, но я не испытываю к нему ни капли сочувствия. – Я все думал позвонить тебе.

– Лучше не надо, – предупреждаю я его. – Забудь ее номер.

Элли сжимает мои пальцы, чтобы успокоить.

– Мы уже сказали друг другу все, что должны были сказать, – тихо, но решительно говорит она ему.

Шон прочищает горло.

– Я должен извиниться перед тобой.

– Ладно, будем считать, ты извинился и извинения приняты. Но мы не друзья и никогда ими не будем.

Элли шагает вперед. Я неохотно следую за ней. Мне так и хочется вмазать придурку по роже, но Элли тащит меня за собой.

– Он ничего не значит, – шепчет она мне.

Элли права. Он ничто.

Мы едва проходим пять шагов, как я замечаю еще одно знакомое лицо. Оно принадлежит горячей блондинке, которая улыбается и машет нам, проходя мимо.

– Отлично выглядишь, Ди Лаурентис.

Я не возвращаю комплимент, потому что мне нравятся мои яйца, а Элли отрежет их, если я позволю себе даже легкий флирт с Мишель. Но, самое главное, я не хочу флиртовать с ней. Элли убила это желание. Она единственная, с кем я хочу флиртовать. И мне нравится, что мои яйца прикреплены к моему телу.

– Рад встрече, – говорю я и продолжаю идти дальше.

– Сегодня что, день встречи с бывшими? – сухо спрашивает Элли.

Я закатываю глаза.

– Мишель не моя бывшая.

– Ну да. Она просто девушка, с которой у тебя был секс втроем.

– *Почти* был секс втроем. Ты все испортила, помнишь?

– Ага. – Она выглядит весьма довольной собой, и я притворяюсь, что надулся. – Ха. Вот не надо тут обижаться, как будто я испортила тебе единственный секс втроем. Уверена, это было не впервые.

Я чуть пожимаю плечами.

– Офигеть! И как много секса втроем у тебя *было*?

Я подмигиваю.

– Пару раз. А у тебя?

– Не сосчитать.

Я застываю.

– Имена и даты, – рычу я. – Мне нужно составить новый список.

Элли начинает хохотать.

– Успокойся. Ты все время был с нами.

Я сердито морщусь. Хм, по-моему, мне вспоминается секс втроем, где были...

– Ты, я и Уинстон, – довольным голосом говорит Элли.
Я издаю раздраженный стон.
– Это не считается!
– Еще как считается. Двойное проникновение, помнишь?
Черт, еще как!

* * *

Через час мы уже у меня дома. Сегодня очередь Элли выбирать фильм, а это значит, что у меня есть время принять душ, потому что она всегда ужасно долго решает, что же все-таки хочет посмотреть. Когда спустя десять минут я захожу в гостиную, она уже устроилась под пледом и копается в своем телефоне.

Увидев меня, она открывает рот.

– Боже мой, Дин! Почему ты голый?

– Мне не нравятся рубашки.

– А штаны? – пищит она. – Против них ты тоже что-то имеешь?

Я прохожу через комнату и опускаю свой голый зад на диван, потом хватаю плед и накрываю им нижнюю часть своего тела. Элли в шоке наблюдает за мной.

– Что? – с вызовом спрашиваю я.

– Я никогда не встречала человека, который был бы настолько против одежды. Это очень странно.

Я беру ее руку и кладу под одеяло. Прямо на свой уже наполовину вставший член.

– Странно или круто?

Она потирает большим пальцем его головку и вздыхает.

– Круто.

– Ну так что ты выбрала? – Я показываю на телевизор, одновременно наслаждаясь медленными, ленивыми ласками под пледом.

– О, тебе понравится! – Ее рука останавливается, когда она поворачивается ко мне и широко улыбается. – Этот фильм выиграл «Оскар».

Я издаю стон.

– Нет, куколка. *Нет*. Я отказываюсь смотреть еще один фильм из номинантов на «Оскар».

Элли щелкает пультом свободной рукой, и мои глаза удивленно расширяются.

– «Изгоняющий дьявола»? – вырывается у меня. – Правда «Изгоняющий дьявола»?

Я уже даже не обращаю внимания на ласки Элли, настолько меня впечатлил ее выбор в пользу фильма ужасов. Дину-младшему придется заплатить за эту никак не связанную с сексом радость.

– Видишь, какая я классная девушка? Всегда готова пойти на компромисс. – Элли улыбается. – Наши с тобой отношения – это круто!

– Еще как!

Я целую ее в щеку, а потом всасываю воздух, когда ко мне приходит осознание.

– Что случилось? – с тревогой спрашивает Элли.

Я поворачиваюсь к ней с большими глазами.

– Детка... нам стало скучно?

Элли ахает.

– Ты правда только что это спросил?

– Да, блин, я только что это спросил. – Я обвожу рукой комнату. – Посмотри на нас. Вечер пятницы, а мы сидим на диване и рассуждаем о том, какие классные у нас отношения. Что еще может быть скучнее этого?

Я громко вздыхаю.

– Теперь наша жизнь будет вот такой? Мы будем обречены каждый вечер оставаться дома и обниматься на диване? Веселье кончилось?

– Веселье не кончилось, – заверяет меня Элли.

– Ты уверена? Потому что, как по мне, так...

– Привет.

Меня перебивает голос стоящего в дверях Такера, и мы с Элли разом поднимаем на него глаза.

– Привет. – Я морщу лоб. – Я думал, ты сегодня будешь у Холлиса.

– Планы поменялись. – Так входит в комнату и смотрит на нас, наполовину скрытых пледом. – Джи и Логан тут?

Я качаю головой.

– В общагах.

– Блин.

Такер опускает руку. Напряжение на его лице вызывает у меня тревогу. Как и то, что он постоянно переступает с ноги на ногу, словно никак не может встать, чтобы было удобно.

– Все в порядке? – непринужденно спрашивает Элли.

Такер нерешительно мнетя.

– Я... блин, я надеялся, что остальные тоже будут дома, чтобы сказать вам всем сразу.

– Сказать нам что? – Моя тревога растет с каждой секундой.

– Я... э-э-э...

Такер умолкает и закрывает рот. Открывает, закрывает снова. Потом выдыхает так, будто этот выдох высосали прямо из его души.

– У меня будет ребенок.

В комнате повисает тишина.

Краем глаза я вижу, как Элли удивленно открыла рот. Ее шок, как и мой, можно ощутить физически.

Я, словно идиот, несколько секунд таращусь на живот Такера, пока не вспоминаю, что в нашем мире Арнольд Шварценеггер не смог бы выносить ребенка.

– У тебя будет *ребенок*? – Мысли в голове крутятся, словно карусель, и мне сложно изъясняться связно. – С... с кем?

Такер ловит мой озадаченный взгляд и отвечает:

– С Сабриной Джеймс.

Элли начинает хохотать.

Я резко поворачиваюсь к ней, но она продолжает смеяться, лоя ртом воздух, пока наконец ей не удастся выровнять дыхание.

– Веселье кончилось, а? – говорит Элли, криво усмехнувшись.

Да уж, просто охренеть.

От автора

Я сгорала от нетерпения приступить к работе над книгой о Дине еще с тех пор, как представила его в книге о Гаррете «Сделка». Я не могла дождаться, когда же, потому что ЗНАЛА, какая классная получится история, – и Дин меня не подвел. Я получила огромное удовольствие от работы над этой книгой и очень рада тому, что у вас найдется время прочитать ее!

Обратите внимание: я чуть-чуть подогнала сроки каникул хоккейной команды. Большинство хоккейных команд Первого дивизиона играют весь декабрь и январь, но мне захотелось, чтобы у Дина было побольше времени на отдых, так что я сжульничала. Но мне понравилась каждая секунда, проведенная Дином и Элли в Нью-Йорке. Так что... я ни о чем не жалею! Ни о чем!

Как обычно, я хочу поблагодарить моих самых первых читателей, моих болельщиц, моих лучших подруг, которые помогли мне с этой книгой: Вив, Джен, Сарину, Кэти, Монику, Николь и Софи. Я люблю вас, девчонки.

Что касается деловых хлопот, то я не выжила бы без Ник и Наташи (несравненные подруги и помощницы!), Гвен (даже не думай оставить меня!), Шэрон (нам еще нужно распланировать свадьбу) и человека, который помогал мне не сойти с ума, – Нины Бокки.

Особые благодарности Саре Хансен (*Okay Creations*) за великолепную обложку.

Спасибо всем блогерам и рецензентам, которые помогли с рекламой обложки, публиковали отзывы, да и вообще разговаривали об этой серии со всеми, кто готов был слушать, – вы потрясающие! Настоящие рок-звезды.

И спасибо всем моим читателям – вы даже не представляете, какая для меня честь, что вы продолжаете поддерживать/любить/восторгаться книгами этой серии. Вы самые потрясающие и невероятные!

Об авторе

Автор бестселлеров по версии *New York Times*, *USA Today* и *Wall Street Journal*, Эль Кеннеди выросла в пригороде Торонто, провинция Онтарио. Имеет ученую степень бакалавра английского языка, полученную в Йоркском университете. Еще в детстве она поняла, что хочет стать писателем, и начала активно стремиться к этой мечте, уже будучи тинейджером. Ей нравятся сильные героини и сексуальные, доминантные герои, а также жаркие страсти и опасные сюжетные повороты, чтобы стало еще интереснее!

Эль обожает общаться со своими читателями. Посетите ее сайт www.ellekennedy.com или подпишитесь на рассылку, чтобы не пропустить выход новых книг и эксклюзивные отрывки из произведений. Кроме того, с ней можно связаться через *Facebook* и следить за ее новостями в *Twitter* (@ElleKennedy).

notes

Примечания

Питер Гэбриэл (*англ.* Peter Gabriel) – британский музыкант, бывший участник группы Genesis, впоследствии занявшийся сольной карьерой. Его песня In Your Eyes – один из саундтреков к фильму «Скажи что-нибудь».

Американская развлекательная компания, поставщик фильмов и сериалов на основе потоковых мультимедиа. С 2016 года сервис доступен и в России.

Спасибо..

Имеется в виду поговорка *Snug as a bug in a rug*. Дословный перевод: «Уютно, как клопу в ковре». Русские эквиваленты: «Тепло, светло и мухи не кусают», «Очень уютно».

Доктор Сьюз (Теодор Зойс Гайзель, 1904–1991) – американский детский писатель и мультипликатор, на сегодняшний день является самым продаваемым детским писателем на английском языке (для маленьких детей). Среди его известных работ: «Как Гринч украл Рождество», «Кот в шляпе», «Лоракс» и др.

Эстер Прин – героиня романа Натаниеля Готрона «Алая буква». В отсутствие мужа зачала и родила девочку, за что была подвергнута показательному наказанию за возможную супружескую измену.

«Мир Уэйна» (*англ.* Wayne's World) – эксцентрическая комедия режиссера Пенелопы Сфирис с Майком Майерсом в главной роли.

Pixar, Pixar Animation Studios – американская киностудия, работающая в жанре компьютерной анимации. Известна благодаря своим мультипликационным фильмам, таким как «Тачки», «История игрушек», «Валл-И», «Рататуй» и пр.

Thunder – *англ.* гром.

Американская рок-группа, созданная в 1973 году, название их песни *I Want You to Want Me* переводится как «Я хочу, чтобы ты хотела меня».

Имеется в виду сингл Gettin' Jiggy Wit' It 1997 года из альбома Big Willie Style.

«Лос-Анджелес Кингз» (*англ.* Los Angeles Kings) – профессиональный хоккейный клуб, играющий в Национальной хоккейной лиге.

«Где Уолли?» (англ. Where's Waldo) – серия детских книг, созданная британским художником Мартином Хендфордом. В них нужно найти определенного человека – Уолли – на картинке, где изображено множество людей.

«Детройт Лайонс» (*англ.* Detroit Lions) – профессиональный клуб по американскому футболу, выступает в Национальной футбольной лиге.

Американский актер кино и телевидения, продюсер.

Американский актер, наиболее известен по озвучиванию Дарта Вейдера в саге «Звездные войны».

Традиционный рождественский сладкий напиток, популярный в США, Канаде, странах Центральной и Южной Америки, Европе. Обычно готовится из сырых яиц, сливок или молока, сахара, алкоголя и специй.

Отсылка к фильму «Джо против вулкана» (1990 г.), где главные роли исполнили Мег Райан и Том Хэнкс.

Сленговое название наркотика 3,4-метилendioксиметамфетамина, экстази.

Рассказ Эдгара Аллана По, впервые опубликованный в 1843 году.

Home Box Office, одна из первых американских компаний кабельного телевидения.